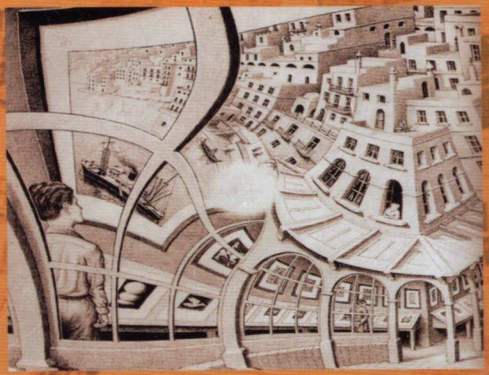
МИР ТЕСЕН



ДЭВИД ЛОДЖ

Издательство Независимая Газета

Мир тесен

Дэвид Лодж

Аннотация
Дэвид Лодж. МИР ТЕСЕН
От автора
Пролог
Часть I
  1
  2
Часть II
  1
  2
Часть III
  1
Часть IV
  1
Часть V
  1

Аннотация

Пути ученого неисповедимы, и даже для него самого. В этом суждено убедиться главному герою романа Д. Лоджа «Мир тесен» Персу МакГарриглу, который гоняется по всему миру (верней, по всем научным конференциям мира) за романтическим призраком своей любви, очаровательной Анжелики. Как ни удивительно, но в какую бы даль Перса не занесло, ему встречаются примерно одни и те же лица, вроде наших старых знакомых («Академический обмен», Издательство Независимая Газета, 2000) Ф. Лоу, М. Цаппа и других ученых мужей и дам, которые все так же любят заводить любовные интрижки и попадать в смешные ситуации — и с неизменным академическим достоинством выбираться из них.

Дэвид Лодж
МИР ТЕСЕН

Марии, с любовью

От автора

Академический роман «Мир тесен», являющийся в некотором роде продолжением книги «Академический обмен», тоже напоминает порой так называемый реальный мир, хотя и не вполне соответствует ему и населен людьми, которые есть не что иное, как плод моего воображения (имя одного из второстепенных персонажей в позднейших изданиях было изменено, дабы избежать недоразумений на этот счет). Раммидж не Бирмингем, хотя в чем-то он отвечает известным представлениям об этом городе. Между тем в аэропорту Хитроу действительно есть подземная часовня, а в Цюрихе — паб «Джеймс Джойс», однако ни в Лимерике, ни в Дарлингтоне университетов нет, и, насколько мне известно, в Генуе нет представителя Британского Совета. Конференция Ассоциации по изучению современного языка 1979 года имела место не в Нью-Йорке, хотя кое-что я позаимствовал из программы нью-йоркской конференции 1978 года, и так далее.

Я хотел бы выразить особую благодарность за полученную информацию (не говоря уже о

других одолжениях) Дональду и Марго Фенгер, а также Сусуму Такаги. Большая часть книг, из которых я черпал вдохновение, цитаты и подсказки, упоминается в тексте романа, однако есть еще два издания, которым я не менее обязан: «Неизбежность любовного романа: Поэтика модуса», принадлежащее перу Патриции А. Паркер (Издательство Принстонского университета, 1979), и «Международный аэропорт», автором которого является Брайан Мойнахан («Пэн букс», 1978).

Только ведь небо меняет, не душу — кто за море едет.

Гораций. Послания. Книга первая. К Буллатию. Пер. Н. Гинцбурга

Когда писатель именует свое творение романтическим романом, он тем самым дает понять, что сохраняет за собой право на известную свободу в подборе материала и описании событий, на которую не решился бы притязать, если бы задумал сочинить реалистический роман.

Натаниел Готорн. Дом о семи фронтонах. Пер. Г. Шмакова

Хорош! Чу! Исслушайся!

***Джеймс Джойс. Поминки по Финнегану*[1]**

---

[1] Примечания: 1

Начальные буквы трех цитируемых слов Hush! Caution! Echoland! в переводе К. Беляева — знаковые для романа, так как являются инициалами его главного героя Хамфри Чимпдена Ирвикера и многажды обыгрываются в тексте. (Здесь и далее примеч. переводчика. Пользуясь случаем, переводчик благодарит Н. Серикова и Н. Зилову за ценную и разнообразную помощь в работе.)

Пролог

Когда Апрель обильными дождями разрыхлил землю, взрытую ростками, и мартовскую жажду утоляя, от корня до зеленого стебля набухли жилки той весенней силой, что в каждой роще почки распустила, а солнце юное в своем пути весь Овна знак успело обойти, и ни на миг в ночи не засыпая, без умолку звенели птичьи стаи, так сердце им встревожил зов весны[2], — тогда, как заметил поэт Джеффри Чосер много-много лет тому назад, люди отправляются в странствия. Только в наши дни у людей интеллигентной профессии эти странствия называются конференциями.

Современная конференция напоминает паломничество средневековых христиан в том смысле, что позволяет ее участникам сполна вкусить удовольствия и при этом сохранить видимость, будто они твердо намерены изменить себя к лучшему. Разумеется, предусматриваются искупительные меры: вероятно, чтение собственного доклада и наверняка слушание чужих. Но зато у вас есть предлог посетить новые и интересные

---

[2] Примечания: 2
Кентерберийские рассказы . *Пер. И. Кашкина.*

места, познакомиться с новыми и интересными людьми и установить с ними новые и интересные отношения; с новыми знакомцами можно обменяться секретами и сплетнями (все ваши заезженные истории для них новость, и наоборот), а также есть, пить и веселиться с ними каждый вечер и, тем не менее, когда все кончится, вернуться домой с репутацией человека еще более серьезного и солидного.

Сегодняшние участники конференций имеют преимущество перед паломниками былых времен: их расходы обычно оплачиваются, по крайней мере частично, тем заведением, к которому они принадлежат, будь то государственное учреждение, коммерческая фирма или, чаще всего, какой-нибудь университет.

В наши дни конференции проводятся на какую угодно тему, включая творчество Джеффри Чосера. Когда же он, как и его герой Троил, бросает взгляд с восьмой небесной сферы на

> *…островок наш тесный*
> *Средь вод морских*[3] —

и, наблюдая хаотичное движение по земному

---

[3] Примечания: 3
Троил и Кресида . *Пер. М. Бородицкой.*

шару, причиной которого стал он сам и другие великие писатели, видит шлейфы самолетов, пересекающих океан, отмечает сходящиеся и расходящиеся пути ученых мужей, спешащих в гостиницу, загородное поместье или древний храм наук, чтобы провести серьезный диспут или вволю порезвиться, имея целью дальнейшее развитие английского языка или других академических предметов, — о чем же тогда думает поэт-лауреат Джеффри Чосер?

Возможно, как и дух Троила, благородного, но разочаровавшегося в любви рыцаря, он от души потешается над этим зрелищем и радуется, что от всего этого далек. И действительно, не все конференции проходят весело и беззаботно и далеко не в самых роскошных и живописных местах, к тому же не всякий апрель отмечен сиянием юного солнца и безумолчным звоном птичьих стай.

Часть I

1

«Апрель, беспощадный месяц», — беззвучно процитировал Перс МакГарригл, глядя сквозь мутные стекла на выпавший не по сезону снег, который покрыл хрусткой коркой лужайки и клумбы университетского кампуса в Раммидже. Перс лишь недавно закончил магистерскую диссертацию, посвященную поэзии Т. С. Элиота, однако начальные строки поэмы «Бесплодная земля» с равной вероятностью могли прийти на ум любому из полсотни мужчин и женщин разных возрастов, томящихся в ступенчатом лекционном зале. Поскольку поэма прекрасно известна всем им, университетским преподавателям английского языка и литературы, собравшимся в одном из центральных графств Англии на ежегодную конференцию, и мало кто из них доволен происходящим.

Впрочем, тревога и смятение на лицах появились днем раньше, когда участники встретились на традиционном приеме с хересом. К тому времени они уже ознакомились с жильем, предоставленным им в одном из университетских общежитий — в здании, спешно возведенном в

1969 году, в самый бум высшего образования, и теперь, через каких-то десять лет, уже изрядно обветшавшем. Они мрачно распаковали чемоданы в комнатах с рябыми стенами, украшенными узором из блеклых прямоугольников — следами наскоро, с кусками штукатурки, сорванных афиш и плакатов (собственности разъехавшихся на пасхальные каникулы студентов). Они оценивающе осмотрели перепачканную и поломанную мебель, исследовали пыльные шкафы, тщетно пытаясь обнаружить плечики для одежды, и ощупали узкие кровати с провисшими пружинами, которые утратили упругость за десять лет нещадных молодецких кувырканий и совокуплений. В каждой комнате была раковина, хотя не в каждой раковине можно было обнаружить пробку и не каждая пробка имела цепочку. Некоторые краны было невозможно открыть, иные же вовсе не закрывались. Для более изощренных гигиенических процедур или отправления естественных потребностей следовало, собравшись с духом, отправиться по лабиринту продуваемых сквозняками коридоров в общую умывальную комнату, где находились ванны, душевые и туалеты, правда, с ограниченной приватностью и нерегулярной подачей горячей воды.

Для ветеранов конференций, проводимых в британских провинциальных университетах, подобные неудобства были привычны и, при известной доле стоицизма, приемлемы; то же касалось и низкосортного хереса, которым угощали на приеме (это была малоизвестная марка, нахально заявлявшая о своей испанской подлинности аляповатой этикеткой с изображением корриды и танцоров фламенко), а равно и ужина, ожидавшего их впоследствии: супа-пюре из помидоров, жареной говядины с отварными овощами двух видов и пирога с повидлом, облитого заварным кремом, — все блюда посредством длительной обработки при высокой температуре были намеренно лишены присущих им запаха и вкуса. Еще большее недовольство вызвало то, что участникам конференции предлагалось спать в одном здании, питаться в другом, а встречаться для докладов и дискуссий в главном университетском корпусе, так что всем было обеспечено утомительное снование взад-вперед по тротуарам и тропкам, которые стали небезопасны из-за наледи. Однако самое большое разочарование ожидало их на приеме с хересом, когда, кося глазами на нагрудные значки с именами и названиями университетов, собравшиеся убедились

в том, что число их ничтожно, да и состав более чем скромный. Почти сразу стало ясно, что в местном университете нет ни одного известного ученого, ради которого стоило отправляться в дорогу за десятки, а то и сотни километров. Однако в предстоящие три дня им никуда было друг от друга не деться: всем было уготовано трехразовое питание, по три ежедневных заседания секций, автобусная экскурсия и посещение театра — то есть долгие часы принудительного общения, не говоря уж о семи докладах, которые предстояло выслушать и обсудить. Задолго до закрытия конференции ее участники пресытятся друг другом, исчерпают темы разговора, испробуют все варианты застольного соседства и приобретут типичные для подобных сборищ синдромы: несвежее дыхание, обложенный язык и непрекращающуюся головную боль от табака, алкоголя и количества разговоров, раз в пять превышающего норму. Зная наперед, что обрекают себя на скуку и хандру, они уже ощущали холодную тяжесть в желудках (которые тоже выйдут из строя), хотя и пытались не подавать виду, выкрикивая радостные приветствия, заводя веселые разговоры, пожимая руки, хлопая друг друга по спине и глотая, как горькое лекарство, испанский херес.

Время от времени тот или иной из собравшихся тайком принимался подсчитывать фамилии в списке участников конференции. Выходило пятьдесят семь человек, включая местную команду, — весьма разочаровывающий результат.

Именно в этом уверил Перса МакГарригла на приеме с хересом унылый пожилой мужчина, потягивавший апельсиновый сок из бокала, в который каждую минуту норовили соскользнуть его очки. На его нагрудном значке было написано «Доктор Руперт Сатклиф», а сам значок был желтого цвета, что указывало на принадлежность кафедре, принимающей гостей.

— Неужели? — спросил Перс. — А я вообще не знал, чего здесь можно было ожидать. Я впервые попал на конференцию.

— Конференции преподавателей английского языка и литературы бывают самые разные. Все зависит от того, где они проводятся. В Оксфорде или Кембридже можно ожидать, по меньшей мере, человек сто пятьдесят участников. Я же говорил Лоу, что в Раммидж никто не приедет, но он меня и слушать не захотел.

— Лоу?

— Заведующий нашей кафедрой, — нехотя процедил сквозь зубы доктор Сатклиф. — Сказал,

что если провести в Раммидже конференцию, то его репутация в академическом мире возрастет. Необоснованные амбиции, и только.

— Это профессор Лоу раздавал нагрудные значки?

— Нет, это Боб Басби, тоже не лучше. А то и хуже. За несколько недель до конференции суетился как заводной, организовывал культурную программу. Я чувствую, это дело станет нам в приличную сумму, — заключил доктор Сатклиф, с явным удовлетворением оглядывая поверх очков полупустую комнату.

— Руперт, привет, старина! А народу у вас негусто!

С этими словами мужчина лет сорока в ярко-синем костюме с размаху треснул Сатклифа промеж лопаток, и очки у того слетели с носа. Перс ловко поймал их и вернул владельцу.

— А, это ты, Демпси, — сказал Сатклиф, поворачиваясь к возмутителю спокойствия.

— По списку всего пятьдесят семь человек, и, кажется, приехали далеко не все, — сказал новоприбывший, чей нагрудный значок определил его как Робина Демпси, профессора одного из новых университетов на севере Англии. Он был коренаст и широкоплеч, с агрессивно выступаю-

щей тяжелой челюстью. Но глаза его, маленькие и близко посаженные, словно принадлежали другому человеку, более нервному и уязвимому, запертому внутри этого мощного корпуса. Руперт Сатклиф не слишком был рад видеть профессора Демпси и не пожелал делиться с ним мрачными мыслями о конференции.

— Не исключено, что многие задержались в пути из-за снега, — сухо сказал он. — Невероятная погода для апреля. Прошу прощения, Басби подает мне отчаянные знаки. Наверное, кончился хрустящий картофель или стряслось еще что-либо подобное.

И он удалился шаркающей походкой. — О боже! — воскликнул Демпси, окидывая взглядом комнату. — А тут еще этот снег!.. И зачем только я приехал? — Вопрос прозвучал риторически, но Демпси ответил на него пространно и не переводя дыхания. — А я скажу вам зачем: я приехал, потому что у меня здесь семья, так что появился повод проведать ее. Детей, конечно. Вообще-то я в разводе. Когда-то я здесь работал, на этой кафедре, как ни странно. Ну и отсталый же здесь был народ! Да, похоже, он ничуть и не изменился. Те же самые физиономии. Сидят, как сидели. Этот Сатклиф, например, проторчал здесь сорок лет,

с младых ногтей до старческих седин. Сам-то я убрался отсюда при первой же возможности. Это место не для тех, кто хочет чего-то добиться в жизни. Последней каплей стало назначение Филиппа Лоу на место старшего преподавателя — на место, которое должны были дать мне, ведь у меня к тому времени вышло три книги, а у него практически не было ни одной публикации. Теперь — вы не поверите — ему дали кафедру, а он так ничего и не опубликовал. Предполагалась книга о Хэзлитте[4] — вы только подумайте, о Хэзлитте! — была объявлена в прошлом году, но рецензий на нее я так и не видел. Да и какую книгу он напишет… Короче, как только ему дали старшего преподавателя, я сказал Дженет: ладно, нам здесь делать нечего, выставляй дом на продажу, едем в Дарлингтон — они меня уже сколько времени обхаживают. Сразу получил доцента и полную свободу заниматься своей темой, лингвостилистикой, — здесь-то этот предмет не жаловали, вечно чинили мне препятствия, настраивали против меня студентов, уговаривая их не записываться на мои курсы, — нет, я был рад отряхнуть прах Раммиджа со своих ног,

[4] Примечания: 4
Хэзлитт Уильям (1778–1830) — английский критик и искусствовед.

поверьте мне! Случилось это десять лет назад, в то время Дарлингтон был не очень крупным заведением, впрочем, таким он и остался, но в этом был своеобразный вызов судьбе, а студенты оказались на удивление толковые. Во всяком случае, я был доволен, только вот Дженет место не понравилось, невзлюбила с первого взгляда. Ну, конечно, в университетском городке зимой тоскливо, он расположен на окраине Дарлингтона, рядом с болотами, а дома были в основном панельные; теперь-то у нас получше, и овцы по кампусу не разгуливают, а здание факультета металлургии получило приз за архитектуру, но в то время... Одним словом, дом нам продать не удалось, как раз ипотеки заморозили, поэтому Дженет решила пока суд да дело остаться в Раммидже, да и для детей так было лучше, Дезмонд пошел в последний класс начальной школы, так что я ездил туда-сюда, навещал их по выходным, ну, когда мог; Дженет, конечно, было нелегко, да и мне тоже, а потом мне подвернулась эта девушка, моя аспирантка, ну, вы понимаете, мне там было одиноко, все это было неизбежно, что и говорить, — так я и Дженет сказал, когда она узнала про девушку...

Тут Демпси вдруг замолчал и, наморщив лоб,

уставился в бокал с хересом.

— Не знаю, зачем я вам все это рассказываю. — Он с укоризной взглянул на Перса, который уже несколько минут недоумевал по тому же поводу. — Я даже не знаю, кто вы. — Он наклонился, чтобы прочесть надпись на значке Перса. — «Университетский колледж, Лимерик», вот как! — сказал он с хищной ухмылкой. — «Молодой аспирант в Лимерике»… Я думаю, вам все это говорят?

— Почти все, — согласился Перс. — Но, знаете, редко кто идет дальше первой строчки. Не так просто подобрать рифму к Лимерику.

— Как насчет «Загляделся на девичьи задики»? — предложил Демпси после недолгого размышления. — Мне кажется, неплохая перспектива.

Перс покраснел от смущения.

— Даже если пренебречь съехавшим ударением, размер неточный, — сказал он. — У вас анапест с дактилической клаузулой, а нужно с женской.

— Да что вы, неужели! Интересуетесь метрикой?

— В общем, да.

— Готов поспорить, что и сами стихи пописы-

ваете. — Пописываю.

— Я так и думал. У вас и внешность соответствующая. Неприбыльное, надо сказать, дело.

— Я это уже понял, — сказал Перс. — А вы женились на той девушке? — На какой? — На аспирантке.

— А, на той… Нет. Она, в конце концов, сделала мне ручкой. Чего еще ждать от аспиранток… — Демпси поболтал в бокале остатки хереса.

— А жена? Приняла вас обратно?

— С какой стати? У нее теперь другой мужчина.

— Прискорбно, — сказал Перс.

— Ничего, я держу хвост пистолетом, — не вполне уверенно заявил Демпси. — И ни о чем не жалею. Дарлингтон — хорошее место. Только что специально для меня купили новый компьютер.

— И вы теперь профессор, — почтительно заметил Перс — Да, я теперь профессор, — подтвердил Демпси. — И Лоу, конечно, тоже, — добавил он, помрачнев.

— Так который же профессор Лоу? — спросил Перс, оглядывая комнату.

— Да здесь он где-то. — Демпси с неохотой обвел глазами угощавшихся хересом в поисках Филиппа Лоу.

В этот момент стоявшие кучками участники конференции рассредоточились и, как по мановению волшебной палочки, образовали широкий проход между Персом и входом в зал. Там, задержавшись в дверном проеме, стояла самая красивая девушка из тех, что он когда-либо видел в своей жизни. Была она высока и стройна, с женственной фигурой и смуглой бархатистой кожей. Черные блестящие волосы двумя волнами ниспадали ей на плечи, и черным был цвет ее гладкого шерстяного платья с низким вырезом на груди. Она сделала несколько шагов вперед и взяла бокал хереса с подноса проходившей мимо официантки. Но сразу пить вино не стала, а поднесла бокал к лицу, как если бы это был цветок. Пальцами правой руки она сжимала ножку бокала, а левая рука поддерживала правую под локоть. Взглянув поверх бокала агатовыми глазами прямо в лицо Персу, она едва заметно улыбнулась, приветствуя его.

Затем поднесла бокал к алым влажным губам — нижняя казалась слегка припухшей, словно от укуса, — сделала глоток, и Перс заметил, как на горле у нее легонько шевельнулись мышцы. «Боже милосердный!» — выдохнул Перс, снова цитируя, на этот раз из «Портрета художника в

юности».

Затем, к его крайнему недовольству, высокий презентабельный мужчина средних лет со щегольской серебристой бородкой и копной волнистых волос того же оттенка, густых по краям, но редких на макушке, ринулся девушке навстречу, заслонив ее от Перса.

— А вот и Лоу, — сказал Демпси.

— Что? — медленно приходя в себя, спросил Перс.

— Лоу — вот тот тип, охмуряющий аппетитную девицу, которая только что появилась здесь, и одетую — весьма относительно — в черное платье. Лоу, похоже, сейчас просверлит ей взглядом бюст.

Перс залился краской и внутренне напрягся, готовый в рыцарском порыве защитить девушку от оскорбления. Со стороны и вправду могло показаться, что профессор Лоу, наклонившись к ней, чтобы прочесть надпись на значке, беспардонно уставился в вырез ее платья.

— Сногсшибательные буфера, вы не находите? — заметил Демпси.

— Буфера? *Буфера?* Почему, ради всего святого, вы их так назвали? — с гневом напустился на него Перс. Демпси отпрянул:

— А что вы так взвились? Сами-то как бы вы их назвали?

— Я бы назвал… Я бы назвал их… куполами на часовне ее тела, — сказал Перс.

— Господи, да вы действительно поэт! Послушайте, вы не будете против, если я возьму еще бокал хересу, пока он не кончился? — Демпси удалился, плечом прокладывая дорогу к официантке и оставив Перса в одиночестве.

Нет, не в одиночестве! Каким-то чудом та самая девушка материализовалась прямо у него под боком.

— Привет! Как вас зовут? — спросила она, вглядываясь его значок. — Мне без очков эти мелкие надписи не прочесть. — Голос у нее был звучный и мелодичный, с легким американским акцентом и какой-то неуловимой особенностью.

— Перс МакГарригл, из Лимерика, — с готовностью ответил Перс.

— Перс? Это сокращенное от Персиваль?[5] — Возможно, если вам так угодно.

Девушка рассмеялась, обнажив безупречно

---

[5] Примечания: 5

В легендах о короле Артуре — рыцарь Круглого стола, занятый поисками Святого Грааля. В средневековых легендах Грааль предстает то блюдом, то драгоценным камнем, то исцеляющим сосудом. Какую бы форму ни принимал Грааль, он всегда остается могущественным символом чистоты и совершенства.

ровные белоснежные зубы:

— Как это понимать — если мне угодно?

— Вообще, это вариант имени Персеи. — Он по буквам произнес его.

— А, как в «Поминках по Финнегану»! «Баллада о Персеи О'Рейли».

— Именно так. Я бы не удивился, если бы оказалось, что все варианты никакого отношения к Персивалю не имеют. Персиваль perse[6], как сказал бы сам Джойс, — добавил он, и был награжден еще одной ослепительной улыбкой.

— А МакГарригл?

— Это старинная ирландская фамилия, означающая «сын высочайшей доблести».

— Наверное, непросто этому соответствовать.

— Стараюсь, как могу, — сказал Перс. — А вас зовут?... — Он склонился к ее высокой груди, теперь поняв, почему профессор Лоу чуть не сунул нос в ее декольте, пытаясь прочесть имя на значке: оно было написано от руки очень мелким почерком. «А. Л. Пабст», коротко возвещала надпись. Университет, из которого она приехала, на значке указан не был.

— Анжелика, — подсказала она.

---

[6] Примечания: 6
Сам по себе (*лат.).*

— Анжелика! — Перс не произнес, а скорее выдохнул ее имя по слогам. — Как красиво звучит!

— «Пабст» несколько портит картину, правда? И уж совсем не то, что «сын высочайшей доблести».

— Наверное, это немецкая фамилия?

— По происхождению, пожалуй, да, хотя папа был голландцем.

— Но вы ни на немку, ни на голландку не похожи. — Правда? А на кого же?

— Вы похожи на ирландку. Вы напоминаете мне женщин с юго-запада Ирландии, чьи предки выходили замуж за моряков испанской Непобедимой армады, которая в 1588 году в сильнейшем шторме разбила свой флот у побережья Манстера. У этих ирландок как раз ваши черты.

— Как романтично! Возможно, это и правда. Я ничего не знаю о своем происхождении.

— Почему же?

— Меня удочерили.

— А что значит инициал «Л»?

— Довольно глупое имя. Даже не скажу какое.

— Тогда зачем писать его?

— В научном мире, если использовать двойные инициалы, то люди принимают вас за мужчину и относятся к вам более серьезно.

— Вас, Анжелика, никто не примет за мужчину, — со всей искренностью сказал Перс.

— Я имею в виду — в переписке. Или в публикациях. — У вас много публикаций?

— Не очень, то есть пока никаких. Я еще не закончила работу над диссертацией. Так вы говорите, что преподаете в Лимерике? Там большая кафедра?

— Я бы не сказал, — ответил Перс. — Вообще говоря, нас только трое. А колледж у нас сельскохозяйственный. Мы лишь недавно стали преподавать гуманитарные дисциплины. Так вы действительно не знаете, кто ваши родители?

— Не имею ни малейшего представления. Я найденыш. — И где же вас нашли, если мой вопрос не слишком неуместен?

— Пожалуй, он несколько интимен, учитывая, что мы едва знакомы, — ответила Анжелика. — Ну ладно, скажу. Меня нашли в туалете самолета голландской авиакомпании «КЛМ», летевшего из Нью-Йорка в Амстердам, и отроду мне было полтора месяца. Никто не мог понять, как я туда попала.

— Вас обнаружил мистер Пабст?

— Нет, в то время папа был каким-то начальником в компании «КЛМ». Они с мамой удочерили

меня, потому что своих детей у них не было. А у вас на кафедре действительно только трое преподавателей?

— Да. Профессор МакКриди читает староанглийскую литературу, доктор Куинлан — среднеанглийскую, а я — современную.

— Как? Сразу всю? От Шекспира до?…

— Т. С. Элиота. Моя магистерская диссертация посвящена влиянию Шекспира на творчество Элиота.

— Вы там, наверное, вкалываете до седьмого пота.

— Сказать по правде, у нас и студентов немного. О нашем существовании мало кому известно. Профессор МакКриди считает, что лучше не высовываться… А вы, Анжелика, что преподаете?

— У меня сейчас нет постоянной работы. — Анжелика нахмурилась и озабоченно стала смотреть по сторонам, словно пытаясь подыскать себе место, так что Перс упустил самое важное слово в ее следующей фразе. — У меня была почасовая в… Но сейчас я пытаюсь закончить докторскую диссертацию.

— Какова ее тема? — спросил Перс.

Анжелика перевела на Перса агатовые глаза: «Любовный роман».

В этот момент гонг возвестил об ужине, толпа колыхнулась к выходу, и Перса от Анжелики оттерли. К его великой досаде, сидеть за столом ему пришлось между двумя медиевистами — один был из Оксфорда, другой из Аберистуита, — которые, отклонившись на стульях под опасным углом, завели за его спиной оживленное обсуждение метрики у Чосера, в то время как он, нагнувшись над тарелкой с какой-то жареной подошвой, бросал тоскливые взгляды на другой конец стола, где Филипп Лоу и Робин Демпси наперебой ухаживали за Анжеликой Пабст.

— Если вы ищете соус, молодой человек, то он прямо перед вами.

Реплика последовала от престарелой дамы, сидевшей напротив Перса. Тон ее голоса был резковат, но выражение лица вполне дружелюбно, и на замечание Перса о том, что соус говядине уже не поможет, она заговорщически улыбнулась. На ней было черное шелковое платье старомодного покроя; ее седые волосы скрывались под сеткой, украшенной черным блестящим бисером. На ее нагрудном значке было написано: «Мисс Сибил Мейден, Гертон-колледж, Кембридж».

— Я уже давно на пенсии, — пояснила она, — но когда могу, участвую в конференциях. Они помо-

гают мне забыть о возрасте.

Перс осведомился о ее научных интересах.

— Пожалуй, меня можно считать фольклористом, — сказала она. — Я была ученицей Джесси Уэстон. А чем занимаетесь вы?

— Я получил степень магистра за Шекспира и Т. С. Элиота.

— Тогда вы, несомненно, знакомы с книгой мисс Уэстон «От ритуала к роману», из которой мистер Элиот почерпнул образные ряды и аллюзии для своей «Бесплодной земли».

— Да, эта книга мне известна, — ответил Перс

— Мисс Уэстон доказывает, — продолжила мисс Мейден, будто и не слыша его ответа, — что поиски чаши Святого Грааля, которые обычно связывают с рыцарями Круглого стола, лишь на первый взгляд могут показаться христианской легендой и что ее истинный смысл возводится к языческому ритуалу оплодотворения. Если бы мистер Элиот принял ее рассуждения всерьез, это набавило бы нас от слезливой религиозности его поздней поэзии.

— Что ж, — примирительным тоном сказал Перс, — я думаю, каждый из нас ищет свой собственный Святой Грааль. Для Элиота это была вера в Бога, для кого-нибудь другого — любовь к

прекрасной женщине.

— Могу я вас попросить передать соус? — обратился к Персу оксфордский медиевист. Перс исполнил его просьбу.

— В конце концов, все сводится к сексу, — уверенно заявила мисс Мейден. — К бесконечному обновлению жизни. — Она уставила глаза-бусины на соусник в руке оксфордского медиевиста. — Чаша Грааля, например, являет собой древний и весьма распространенный женский вагинальный символ. — (Оксфордский медиевист, похоже, передумал подливать себе соус.) — А чудодейственное копье Грааля, пронзившее, по преданию, тело распятого Христа, — символ явно фаллический. В «Бесплодной земле» Элиота в действительности речь идет о его страхе перед импотенцией и бесплодием.

— Я слышал эту трактовку, — сказал Перс. — Она мне представляется упрощенной.

— Вполне с вами согласен, — заявил оксфордский медиевист, — Весь этот фаллический символизм — сплошная мура. — Для вящей убедительности он пронзил воздух ножом.

Занятый дискуссией, Перс не заметил, как Анжелика покинула столовую. Он стал искать ее в баре, но там ее не было, и вообще в тот вечер

она больше не появилась. Перс рано лег спать и всю ночь проворочался на узком комковатом матрасе, прислушиваясь к шуму водопроводных труб, шагам в коридоре, хлопанью дверей и фырчанию автомобильных двигателей у него под окном. Раз ему послышался Анжеликин голос, произнесший «Спокойной ночи», но, подскочив к окну, он ничего не разглядел кроме света удаляющихся фар. Перед тем как вернуться в постель, он зажег над умывальником лампу и критически рассмотрел свое отражение в зеркале. Он увидел бледное, круглое, веснушчатое лицо, курносый нос, светло-голубые глаза и копну рыжих курчавых волос.

— Нельзя сказать, что я хорош собой, — пробормотал он, — но мне встречались рожи и пострашнее.

Анжелика не пришла и на пленарное заседание конференции, которое состоялось на следующее утро, и отчасти поэтому, сидя в зале, Перс про себя пробормотал «Апрель — беспощадный месяц». К другим причинам можно было отнести и сырую погоду, и нескончаемый холод, которого не ожидали работники университетской котельной, и несъедобную ветчину с помидорами, поданные на завтрак, и скучный доклад, который он при-

нужден был слушать. Его читал оксфордский медиевист, темой была метрика у Чосера. Днем раньше, за ужином Перс уже познакомился с его основными мыслями, но от повторного прослушивания доклад ничуть не выиграл.

Перс зевнул и переместил вес своего тела с одной ягодицы на другую. Лиц большинства коллег он не видел, но, судя по позам, многие из них были далеки от того, что происходит в аудитории. Иные сидели откинувшись назад, насколько позволяли стулья, и безучастно уставившись в потолок; другие навалились на столы, уткнувшись подбородком в ладони; третьи разлеглись на двух а то и трех стульях, закинув ногу на ногу и беспомощно свесив руки чуть не до полу. В четвертом ряду кто-то тайком разгадывал кроссворд из «Таймс», и по крайней мере трое, похоже, спали. На столе, за которым сидел Перс, некто, по всей видимости студент, потеряв последнее терпение, вырезал, глубоко вонзаясь в дерево, слово «Скучища». Другой процарапал: «Лоу — мудила». Перс решил, что и с тем и с другим утверждением стоит согласиться.

Неожиданно аудитория зашевелилась. Подводя итог сказанному, докладчик упомянул термин «структурализм».

— Несомненно, для наших друзей по ту сторону Ла-Манша — заявил он, слегка скривив губу, — все сказанное мною покажется пустой игрой воображения. Для структуралистов стихотворный размер, как и сам язык, есть просто-напросто система противопоставлений, и мысль о том, что он наделен внутренней экспрессией и даже подражательностью, покажется им непростительной ересью…

Иные из слушателей, возможно даже большинство, заулыбались, закивали головами и стали подталкивать друг друга локтями. Другие нахмурились, поджали губы и застрочили по бумаге. Обсуждение доклада, которым руководил медиевист из Аберистуита, прошло с оживлением.

Далее был объявлен перерыв, и участников пригласили в профессорскую на чашку кофе. Там Перс, к своей радости, обнаружил уютно устроившуюся в кресле Анжелику — она была чудо как хороша в джемпере с высоким воротом, твидовой юбке и кожаных сапогах до колена. Она только что вернулась с прогулки, и на щеках ее горел здоровый румянец.

— Завтрак я проспала, — объяснила она, — да и на заседание идти было поздно.

— Вы не много потеряли, — сказал Перс, — и то

и другое было неудобоваримо. А куда вы пропали вчера вечером? Я нигде не мог вас найти.

— Да знаете, профессор Лоу пригласил кое-кого из приехавших к себе домой на бокал вина.

— Вы с ним друзья?

— Нет. Я раньше его не знала, если вас именно это интересует. Но он очень славный. — Хм, — сказал Перс.

— О чем был доклад? — спросила Анжелика. — Вообще говоря, о метрике у Чосера, но дискуссия развернулась по поводу структурализма. Анжелика, похоже, огорчилась:

— Какая досада, что я это пропустила. Структурализм меня очень интересует. — А что это такое? Анжелика рассмеялась.

— Нет, серьезно, — сказал Перс. — Что есть структурализм? Это хорошо или плохо?

Анжелика с удивлением взглянула на Перса, явно размышляя, не морочит ли он ей голову:

— Но вы же должны хоть что-то об этом знать, Перс. И уж наверняка слышали о нем, там, где вы… А что вы кончали?

— Университетский колледж в Дублине. Но, видите ли, я там недолго пробыл. У меня обнаружили туберкулез. Правда, ко мне отнеслись по-человечески и разрешили писать диссер-

тацию в санатории. Изредка меня навещал научный руководитель, но в основном я работал самостоятельно. А на бакалавра я учился в Голуэе. Там о структурализме и слыхом не слыхивали. Получив магистра, я вернулся домой и два года проработал на ферме. Я из фермерской семьи, из графства Мейо.

— Вы тоже думали стать фермером?

— Нет, просто после болезни хотел набраться сил. Врачи сказали, что главное — это свежий воздух.

— Ну и как, набрались сил?

— О да, теперь я здоров как бык. — Перс крепко постучал себя по грудной клетке. — А затем я получил работу в Лимерике.

— Считайте, что вам повезло. В наше время найти работу непросто.

— Мне действительно повезло, — согласился Перс. — Тут не поспоришь. Как потом выяснилось, на собеседование меня пригласили по ошибке. На самом деле их интересовал другой МакГарригл, какой-то почетный стипендиат из оксфордского Колледжа Святой Троицы. Но письмо попало ко мне — канцелярия напутала, — и они постеснялись отзывать меня с собеседования.

— Да уж, повезло так повезло, — сказала Анже-

лика. — Но ведь они могли предпочесть других кандидатов.

— Мое везение на этом не кончилось, — продолжал Перс. — Других не было, по крайней мере приглашенных на собеседование. В Лимерике уже точно знали, что возьмут МакГарригла, поэтому решили сэкономить на транспортных расходах и других претендентов не приглашать. Короче говоря, я еще ни разу не был на академической тусовке. Потому и приехал на конференцию. Хочу повысить свой уровень. Узнать, что происходит в мире великих идей. Кого надо читать, кого не надо, и все такое прочее. Так что расскажите мне о структурализме.

Анжелика сделала глубокий вдох, затем резко выдохнула:

— Даже не знаю, с чего начать, — сказала она. Тут зазвенел звонок, призывающий всех вернуться в аудиторию. — Но ее спас звонок! — рассмеялась Анжелика.

— Продолжим позже, — не унимался Перс.

— Непростую вы мне задали задачу, — сказала Анжелика.

Участники конференции потянулись слушать второй за сегодняшний день доклад, бросая завистливые взгляды на оксфордского медиевиста,

который, уже в пальто и с чемоданом в руке, раскланивался с Филиппом Лоу. «На этих конференциях всегда так, — услышал Перс, — главный докладчик сваливает, как только отчитает свой текст. А остальные чувствуют себя осажденной армией, которую генерал покидает на вертолете».

— Вы идете, Перс? — спросила Анжелика.

Перс заглянул в программу конференции.

— Анималистическая образность в героических трагедиях Драйдена, — громко прочел он вслух.

— Возможно, это интересно, — вполне серьезно сказала Анжелика.

— Думаю, этот доклад я как раз пропущу, — сказал Перс. — И вместо него, пожалуй, напишу стихотворение. — Вы пишете стихи? Какого рода? — Короткие, — ответил Перс. — Очень короткие. — Какхайку? — Бывает, что и короче.

— Подумать только! И о чем же будет стихотворение?

— Вы сможете прочесть его, когда оно будет закончено.

— Замечательно. Буду ждать с нетерпением. Ну, я пошла.

Поблизости, неопределенно улыбаясь, маячил Филипп Лоу, будто пастушья собака, загоняющая

овец в стадо.

— Встретимся перед обедом в баре, — сказал Перс и демонстративно направился в туалет, намереваясь пересидеть там начало лекции о Драйдене. Как назло, вслед за ним туда же заспешил Филипп Лоу в сопровождении Боба Басби. Перс закрылся в кабинке и присел на стульчак. Стоя над писсуарами, Лоу и Басби, судя по всему, говорили об отсутствующем докладчике.

— Когда он звонил? — спросил Лоу.

— Часа два назад, — ответил Басби. — Сказал, во что бы то ни стало будет здесь во второй половине дня. Я велел ему не скупиться на расходы.

— В самом деле? — усомнился Лоу. — По-моему, это несколько опрометчиво, Боб.

Перс услышал, как в умывальниках зашумела вода, зашелестели бумажные полотенца и хлопнула дверь, выпустившая наружу Лоу и Басби. Спустя пару минут он вышел из укрытия, тихо приблизился к аудитории и заглянул в маленькое дверное окошко. Анжелику он увидел в профиль — она сидела в одиночестве в первом ряду, держа наготове ручку и грациозно подавшись в сторону докладчика. На ней были очки в массивной черной оправе, и она выглядела внушительно и деловито, как всемогущая секретарша большого

начальника. Остальные слушатели являли собой все ту же картину оцепенелой скуки. Перс на цыпочках отошел от двери и покинул здание. Он пересек кампус и пошел по дорожке, ведущей к университетскому общежитию.

Мокрые комья тающего снега падали с деревьев прямо Персу за шиворот, однако его это не беспокоило. Он сочинял стихотворение об Анжелике Пабст. К сожалению, между ним и его музой настойчиво вклинивался Йейтс, и все, что Перс смог сделать, это приспособить его стихи к своей теме:

О, эта девушка у входа!
Как трудно слушать мне
О структурной поэтике,
Чосере и Драйдене[7]

Бормоча про себя эти слова, Перс МакГарригл вдруг понял, что влюбился. «Я влюбился», — сказал он роняющим мокрые комья деревьям, и прикрытому снежной шапкой красному почтовому ящику, и облезлой дворняжке, поднявшей лапу у ведущей к общежитию калитки. «Я влюбился!» — воскликнул он, обращаясь к длинной

[7] Примечания: 7

Две первые строки — из стихотворения «Политика» . *Пер. И. Бабицкого.*

цепочке нахохлившихся воробьев, которые сидели на парапете вдоль раскисшей от грязи дорожки. «Я ВЛЮБИЛСЯ!» — закричал он что было мочи, вспугнув стаю гусей у искусственного озера, и стал бегать взад и вперед, а потом кругами по девственно белому снегу, оставляя за собой замысловатые узоры глубоких следов.

Тяжело дыша после пробежки, Перс подошел к корпусу Лукаса[8], к многоэтажной свечке, в которой участникам конференции был предоставлен ночлег (корпус Мартино[9], в котором они питались, был по контрасту построен в виде низкого цилиндра, что подтверждало взгляды мисс Мейден на распространенность сексуальной символики). У многоэтажки, урча двигателем, стояло такси, а из него выбирался коренастый мужчина в треухе с опущенными ушами и толстой сигарой во рту. Увидев Перса, он с криком «Привет!» поманил его пальцем.

— Послушай, это здесь проходит конференция? — спросил он с американским акцентом. — Конференция преподавателей английского языка

---

[8] Примечания: 8
Лукас Фрэнк Лоренс (1894–1967) — английский критик и поэт.

[9] Примечания: 9
Мартино Харриет (1802–1976) — английская писательница.

и литературы. Название как будто правильное, но место довольно странное.

— Здесь мы спим, — объяснил Перс. — А заседания проходят в главном корпусе, это чуть дальше.

— А, тогда понятно, — сказал мужчина. — О'кей, шеф, мы на месте. Сколько с меня?

— Сорок шесть фунтов восемьдесят пенсов, командир, — ответил таксист, взглянув на счетчик.

— О'кей, вот, получи, — сказал новоприбывший, отсчитал десять хрустящих пятерок из толстой пачки банкнот и просунул их в окошко водителю. Тот, заметив Перса, высунулся наружу и обратился к нему:

— Вам, часом, в Лондон не надо?

— Нет, благодарю вас, — ответил Перс.

— Ну, тогда я погнал. Бывай, командир.

Обомлев при виде несметного богатства, Перс подхватил элегантный кожаный чемодан новичка с множеством наклеек и потащил его в вестибюль общежития.

— И вы действительно, на самом деле, приехали из Лондона на такси? — спросил он.

— У меня не было выбора. Прилетаю утром в Хитроу — мне говорят, что транзитный рейс на Раммидж отменен, потому что аэропорт занесло

снегом. Я сажусь в такси и мчусь на вокзал — там объявляют, что на всем пути до Раммиджа нет электричества. Ну и дела: страна парализована, Раммидж отрезан от столицы, народ бурно радуется, носильщики отдыхают. Когда я заявил, что поеду до места на такси, мне сказали, что я не в себе, и попытались отговорить. «Вы застрянете, — сказали мне, — автострады замело сугробами, люди простояли на дороге в машинах всю ночь». Тогда я нахожу смелого таксиста, мы пускаемся в путь, и что мы здесь видим? Слой снега в три пальца, и тот уже тает. Что за страна! — Он снял ушанку и зажал ее в вытянутой вперед руке. Она была сшита из ворсистого твида в яркую красно-коричневую клетку. — Эту шапку я купил сегодня в Хитроу, — сказал он. — Первое, что я всегда делаю, прилетев в Англию, — это покупаю себе шапку.

— Отличная шапка, — сказал Перс.

— Нравится? Напомни мне, чтобы я подарил тебе ее, когда буду уезжать. Мой путь лежит в более теплые края. — Большое вам спасибо.

— Пожалуйста-пожалуйста. Где мне зарегистрироваться? — Вон там лежит список комнат. Как вас зовут? — Моррис Цапп.

— Мне кажется, я слышал это имя.

— Очень может быть. А тебя как зовут?

— Перс МакГарригл, из Лимерика. Так это вы читаете доклад на вечернем заседании? Название которого будет объявлено дополнительно?

— Верно, Персик. Вот почему я так сюда рвался. Ну-ка, посмотри в конец списка. Фамилий на «Ц» не так уж много.

Перс посмотрел:

— Там написано, что вы поселены в другом месте. — Ах да, Филипп Лоу говорил, что я буду жить у него. Ну, и как конференция?

— Трудно сказать. Я на конференции впервые, так что мне не с чем сравнивать.

— Да что ты! — Моррис Цапп взглянул на него с любопытством. — Первый выход в свет! А кстати, где все?

— Слушают доклад.

— Который ты прогуливаешь? Что ж, первое правило конференции ты уже усвоил. Никогда не ходи слушать доклад. Если, конечно, сам его не читаешь. Но моего доклада это не касается, — прибавил он задумчиво. — Я не стану тебя уговаривать, чтобы ты пропустил мой доклад. Я вчера просмотрел его в самолете, как раз когда кино стали показывать, и остался им очень доволен. Фильм тоже был о'кей. И сколько народу

придет меня слушать?

— На конференции собралось в общей сложности пятьдесят семь человек.

Профессор Цапп чуть не подавился сигарой.

— *Пятьдесят семь?* Ты шутишь! Нет? Ты серьезно? Ты хочешь сказать, что я приехал за десять тысяч километров, чтобы выступить перед аудиторией в пятьдесят семь человек?

— К тому же не все приходят слушать доклады, — сказал Перс. — Как вы сами видите.

— А ты знаешь, сколько народу собирается на подобную конференцию в Америке? *Десять тысяч*. В прошлом декабре на нью-йоркской конференции Ассоциации по изучению современного языка было десять тысяч человек!

— У нас на всю страну столько преподавателей не наберется, — сказал Перс извиняющимся тоном.

— Ну, уж точно наберется больше пятидесяти семи, — простонал Моррис Цапп. — И где же они? Я тебе скажу где. Большинство сидит по домам, оклеивают обоями гостиные или выпалывают в саду сорняки, а те немногие, у кого в голове есть хоть одна интересная идея, отправляются на конференцию в места потеплей и не такие гнусные, как это. — Он обвел презрительном взглядом

вестибюль общежития с его потрескавшейся пыльной плиткой на полу и мрачными бетонными стенами. — Ну, а хоть выпить здесь есть где?

— В корпусе Мартино скоро откроется бар, — ответил Перс. — Отведи-ка меня туда.

— А вы действительно прилетели из Америки ради этой конференции, профессор Цапп? — спросил Перс, когда они зашагали прочь от общежития по слякотной дороге.

— Не только. Мне так или иначе надо было в Европу — в этом семестре у меня творческий отпуск. Филипп Лоу узнал, что я еду, и попросил меня принять участие в его конференции. Вот я и согласился, чтобы уважить старого друга.

Бар корпуса Мартино был пуст. У стойки, отгороженной высокой, до потолка, блестящей решеткой, стоял бармен и следил за их приближением.

— Это чтобы нас не впускать или не выпускать? — язвительно осведомился Моррис Цапп, постучав по металлу. — Ты что будешь, Персик? «Гиннес»? Кружечку «Гиннеса», пожалуйста, и большую порцию виски со льдом.

— Закрыто, — сказал бармен. — Приходите в половине первого.

— И себе налей чего-нибудь.

— Да, сэр, спасибо, сэр, — сказал бармен, с готовностью поднимая решетку. — Я бы не отказался от кружечки пива.

Пока бармен нацеживал из бочки «Гиннес», бар заполнили участники конференции с Филиппом Лоу во главе. Он подскочил к Моррису Цаппу и схватил его за руку.

— Моррис! Как я рад тебя видеть! Сколько лет, сколько зим!

— Десять лет, Филипп, десять лет, страшно подумать! А ты неплохо выглядишь. Классная бородка! У тебя всегда были волосы такого цвета?

Филипп Лоу покраснел:

— Если не ошибаюсь, я стал седеть в 1969 году. А как ты до нас добрался?

— С вас фунт пятьдесят, сэр, — сказал бармен.

— На такси, — ответил Моррис Цапп. — Да, кстати: ты должен мне пятьдесят фунтов. Тебе нехорошо, Филипп? Ты что-то в лице переменился.

— Это нашему бюджету будет нехорошо, — сказал Руперт Сатклиф, злорадно улыбаясь. — Привет, Цапп! Вы, наверное, меня не помните.

— Руперт! Да разве мог я позабыть вашу счастливую улыбку! А вот идет Боб Басби! Помню-помню! — воскликнул Моррис Цапп, увидев еще

одного бородача, который гарцующей походкой вошел в бар, держа под мышкой папку для бумаг и бренча в карманах ключами и монетами. Филипп Лоу отвел его в сторону, и они тревожно о чем-то зашептались.

— На вечернем заседании вы будете у нас докладчиком, — сказал Руперт Сатклиф.

— Почту за честь, Руперт.

— Вы уже определили название своего доклада?

— Ага. Его название — «Текстуальность как стриптиз».

— Хм, — сказал Руперт Сатклиф.

— А вы знакомы с этим молодым человеком, который окружил меня заботой и лаской? — спросил Цапп. — Это Перс МакГарригл из Лимерика.

Филипп Лоу едва заметно кивнул Персу и снова обратился к американцу:

— Моррис, мы сейчас дадим тебе нагрудный значок, чтобы Все узнали, кто ты такой.

— Не волнуйся. Если кто-то меня не знает, то скоро узнает. — Когда я сказал «Возьмите такси», я имел в виду такси из аэропорта до вокзала, а не из Лондона до Раммиджа, — с упреком сказал Моррису Боб Басби.

— Ну что теперь об этом говорить, — перебил

его Филипп Лоу. — Что сделано, то сделано. Моррис, где твой багаж? Я думаю, у нас дома тебе будет получше, чем в общежитии.

— Это уж точно, — согласился Моррис, — общежитие я уже видел.

— Хилари тебя заждалась, — сказал Лоу, уводя с собой американца.

— Хм. Интересная будет встреча, — пробормотал Руперт Сатклиф, провожая удаляющуюся пару внимательным взглядом поверх очков.

— Что? — рассеянно спросил Перс, высматривая в толпе Анжелику.

— Дело в том, что десять лет назад эти двое участвовали в обмене между нашими университетами. Цапп на шесть месяцев приехал в Раммидж, а Лоу полетел в штат Эйфория. Потом пошел слух, что у Цаппа был роман с Хилари Лоу, а у Лоус миссис Цапп.

— Да что вы говорите! — Перса эта история заинтриговала, хотя его внимание отвлекла Анжелика, появившаяся в баре с Робином Демпси. Он что-то оживленно ей втолковывал, а она внимала ему с натянутой улыбкой, как в оперетте слушают партнера по дуэту.

— Правда-правда. Такой вот академический обмен. Ну вот, одновременно Гордон Мастере,

заведующий нашей кафедрой, досрочно ушел на пенсию в результате нервного расстройства — а было это в 1969 году, в пору студенческих революций, непростое было время, — и Цаппа даже хотели поставить на его место. Но в самый критический момент Цапп и Хилари Лоу неожиданно вместе вылетели в Америку, и мы толком и не знали, кого ждать: Цаппа и Хилари, Филиппа и Хилари, Филиппа и миссис Цапп или чету Цаппов.

— А как звали миссис Цапп? — спросил Перс

— Не помню, — ответил Руперт Сатклиф. — Какое это имеет значение?

— Мне нравится, когда у людей есть имена — сказал Перс — Не зная имен, я не воспринимаю рассказа.

— Короче, миссис Цапп мы так и не увидели. Филипп вернулся вместе с Хилари. Мы поняли, что они решили спасти свой брак.

— Судя по всему, это им удалось.

— Мм… Лично мне кажется, — мрачно добавил Сатклиф — что вся эта история пагубно сказалась на характере Филиппа — Неужели?

Сатклиф кивнул, но не стал входить в подробности.

— И тогда Лоу получил кафедру? — спросил

Перс.

— Нет-нет, что вы! Потом назначили Дальтона, он приехал из Оксфорда. Но три года назад он погиб в автомобильной аварии. И вот тогда кафедра перешла к Лоу. Кое-кто предпочел бы видеть заведующим меня, но мне это уже не по возрасту.

— Я уверен, что это не так, — сказал Перс, потому что Руперт Сатклиф, видимо, ждал этого.

— Единственное, что я могу сказать› — вдруг заметил Сатклиф, — если бы назначили меня, то кафедра имела бы заведующего, который занимается делом, а не порхает по белу свету.

— Что, профессор Лоу часто бывает в отъезде?

— Последнее время чаще отсутствует, чем присутствует.

Перс извинился, что покидает его, и стал проталкиваться через толпу к стойке бара, где Анжелика поджидала Демпси, который покупал напитки.

— Салют! — приветствовал он ее. — Ну как доклад?

— Скучный. Но после была интересная дискуссия о структурализме.

— Опять? Нет, вы все-таки должны мне объяснить, что такое структурализм! Дело уже не терпит отлагательства.

— Структурализм? — спросил Демпси, подходя с бокалом хереса для Анжелики. Услышав отчаянную просьбу Перса, он воспользовался моментом, чтобы блеснуть ученостью. — Это восходит к лингвистике Соссюра. Произвольность означающего. Язык как система противопоставлений и отрицательный характер языкового знака.

— Приведите пример! — сказал Перс — Я не улавливаю хода вашей мысли без примера.

— Ну, возьмем слова «кошка» и «мышка». Как ни старайтесь, вы не сможете объяснить, почему сочетание фонем к-о-ш-к-а означает четвероногое животное, которое охотится за другим четвероногим, представленным сочетанием фонем м-ы-ш-к-а. Это отношение абсолютно произвольное, и мы вполне можем допустить, что завтра носители языка решат, что к-о-ш-к-а означает «мышка», а м-ы-ш-к-а означает «кошка».

— А животные не запутаются? — спросил Перс.

— Со временем привыкнут, как все остальные, — ответил Демпси. — Нам это известно, поскольку одно и то же животное в разных языках передается различными акустическими образами. Например, «кошка» по-французски будет chat, по-немецки — Katze, по-итальянски — gatto и так далее. А вот «собака» — это chien, Hund,

cane в зависимости от того, в какой части Общего рынка вы находитесь. И если мы больше верим языку, чем собственным ушам, то французские собаки лают «вуа-вуа», немецкие — «вау-вау», итальянские — «бау-бау».

— О! Уж не в фанты ли тут играют? — спросил Филипп Лоу. Он вернулся в бар вместе с Моррисом Цаппом, которому теперь выдали нагрудный значок. — Демпси, ты помнишь Морриса Цаппа?

— Я растолковывал основы структурализма этому молодому человеку, — пояснил Демпси, обменявшись приветствиями с вновь прибывшими. — Но ты, Филипп, никогда не уделял должного внимания лингвистике, не так ли?

— Что верно, то верно. Я и до сих не помню, что там идет сначала, — морфемы или фонемы. А при виде дерева зависимостей просто тупею.

— То есть становлюсь еще тупее, — прибавил Демпси с презрительной ухмылкой.

Воцарилось неловкое молчание. Его прервала Анжелика.

— На самом деле, — тонким голоском сказала она, — Якобсон приводит в пример степени сравнения прилагательных, то есть положительную, сравнительную и превосходную формы, как доказательство того, что язык не безусловно

произвольная система. Вот мы имеем: тупой, тупее, тупейший. Чем больше фонем, тем сложнее значение. Это верно и для других индоевропейских языков; возьмем, например, латынь: stultus, stultior, stultissimus[10]. Так что, по всей видимости, вопреки языковым границам, существует некое универсальное соотношение между звучанием и значением.

Все четверо мужчин, открыв рты, уставились на Анжелику.

— Кто это юное дарование? — спросил Моррис Цапп. — Может, меня представят?

— Ох, извини, — сказал Филипп Лоу. — Мисс Пабст — профессор Цапп.

— Зовите меня просто Моррис, — сказал американский профессор, протягивая руку и всматриваясь в значок на груди Анжелики. — Рад познакомиться, Ал.

— Это было просто здорово, — сказал Перс Анжелике за обедом. — То, как вы поставили Демпси на место.

— Надеюсь, это было не слишком в лоб, — ответила Анжелика. — В принципе-то он прав. Все языки членят действительность по-разному.

---

[10] Примечания: 10
Тупой, тупее, тупейший.

Вот, например, баранина, которую мы едим. По-английски это mutton, а по-французски словом mouton обозначается и мясо, и само животное. Поэтому по-французски нельзя сказать dead as mutton[11], у вас выйдет «мертвый как овца», а это бессмыслица.

— На вкус это скорее мертвая овца, чем баранина, — сказал Перс, отодвигая тарелку. К столу, за которым они сидели, подошла официантка с ярко-желтыми кудряшками. Перед собой она толкала тележку, на которой стопками стояли тарелки с недоеденным обедом.

— Больше не будешь, сынок? — спросила она. — Я тебя понимаю. Казенная еда.

— Вы написали стихотворение? — спросила Анжелика. — Сегодня вечером вы его прочтете. Для этого вам надо будет подняться на верхний этаж общежития. — Там ваша комната? — Нет.

— Тогда зачем подниматься? — А вы увидите.

— Тайна, — улыбнулась Анжелика, наморщив нос. — Это я люблю.

— В десять вечера на последнем этаже. К тому времени уже взойдет луна.

— Может быть, это просто предлог, чтобы на-

---

[11] Примечания: 11

Английская идиома, означающая «без признаков жизни, мертвее не бывает».

значить мне свидание?

— Но вы же сами сказали, что ваша тема — любовные романы…

— И вы решили снабдить меня материалом? Вы знаете, его у меня и так больше чем достаточно. Я прочла сотни любовных романов: античные, средневековые, эпохи Ренессанса, современные… Гелиодор и Апулей, Кретьен де Труа и Мэлори, Ариосто и Спенсер, Китс и Барбара Картленд. Материала хватит. Теперь мне нужна теория, чтобы все это объяснить.

— Теория? — встрепенулся Филипп Лоу, сидящий за несколько приборов от Перса и Анжелики. — Не будите во мне зверя. Когда я слышу это слово, я хватаюсь за пистолет[12].

— Тогда тебе точно не понравится мой доклад, Филипп, — сказал Моррис Цапп.

Доклад Морриса Цаппа пришелся по вкусу далеко не всем, и некоторые слушатели покинули аудиторию до его окончания. Руперт Сатклиф, как председатель секции вынужденный сидеть в президиуме, изобразил на лице остекленевшую бесстрастность, однако постепенно и незаметно у него все больше отвисала нижняя губа, а очки

---

[12] Примечания: 12

Парафраз реплики из пьесы «Шлагетер» немецкого драматурга Ханса Йоста.

все ниже сползали на кончик носа. Моррис Цапп читал доклад, расхаживая взад и вперед с текстом в одной руке и толстой сигарой в другой.

— Перед вами, — начал он, — человек, когда-то искренне веривший в возможность истолкования художественного произведения. Иными словами, мне казалось, что конечная цель чтения текста — это определение его смысла. Когда-то я был специалистом по Джейн Остен. И даже могу без ложной скромности сказать — единственным специалистом по Джейн Остен. Я написал о ней пять книг, в каждой пытался определить смысл и значение ее романов и, естественно, доказать, что до сих пор ее по-настоящему не понимали. Затем я начал работать над комментариями к романам Джейн Остен, поставив себе цель исчерпать все вопросы до конца, исследовать ее произведения со всех мыслимых точек зрения — исторической, биографической, риторической, мифологической, структуралистской, фрейдистской, юнгианской, марксистской, экзистенциалистской, христианской, аллегорической, этической, феноменологической, архетипической и так далее, и так далее. Таким образом, когда эти комментарии будут написаны, о романе как таковом ничего больше нельзя будет сказать.

И конечно, работа не была завершена — не по причине утопичности проекта, а потому, что я сам себе не враг. Под этим я разумею не только то, что, добейся я успеха, все мы в конце концов остались бы не у дел. Я хочу сказать, что предприятие было обречено на провал в силу его нереализуемости, и объясняется это природой человеческого языка, в котором значение постоянно переходит от одного означающего к другому и никогда не может быть реально зафиксировано.

Понять высказывание значит декодировать его. Язык — это код . *Но каждое декодирование — это тоже кодирование*. Когда вы мне что-то говорите, я проверяю, правильно ли я вас понял, перефразируя ваше высказывание своими словами, то есть словами, отличными от тех, которые употребили вы, ибо, если я в точности повторю ваши слова, вы станете сомневаться, что я вас правильно понял. Если же я использую *свои собственные* слова, из этого следует, что я изменил смысл *вашего* высказывания, пусть и незначительно. Но даже если я, покривив душой, слово в слово повторю ваше высказывание, чтобы просигнализировать, будто я вас понял, никто не может дать гарантию, что в моей голове будет воспроизведен точный смысл вашего высказывания, потому что в него

я привношу собственный опыт использования языка, свое знание литературы, а также экстралингвистические коннотации употребленных слов, так что для меня они будут иметь иное значение, чем то, которое имеют для вас. А если вам показалось, что я неправильно вас понял, вы не станете повторять свое высказывание, используя те же самые слова, но постараетесь объяснить его иными словами, отличными от тех, которые вы употребили в первоначальном высказывании. Но тогда это будет уже другое высказывание, не то, с которого вы начали. И если на то пошло, то и сами вы уже будете не тем, кем вы были, когда произносили первоначальное высказывание. С тех пор как вы открыли рот, прошло некоторое время, молекулы вашего тела изменились, то, что вы *хотели* сказать, заменилось вашим *реальным* высказыванием, и все это уже стало историей, которую к тому же вы теперь толком и не помните. Общение можно уподобить игре в теннис пластилиновым мячиком, который, пролетая через сетку, всякий раз меняет форму.

Чтение, конечно, процесс отличный от устной коммуникации. Оно более пассивно в том смысле, что вы не можете с текстом взаимодействовать, не можете влиять на его развитие посредством

замены слов на ваши собственные, поскольку тут слова суть некая данность. Но именно этот факт, как мне представляется, и побуждает нас к истолкованию текста. И в самом деле: если слова зафиксированы раз и навсегда, на каждой конкретной странице, то, может быть, точно так же зафиксирован их смысл? Однако это не так, поскольку та же самая аксиома, гласящая, что каждое декодирование — это тоже кодирование, применима к литературному анализу в еще большей степени, чем к обычному устному дискурсу. В обычном устном дискурсе бесконечная цепочка перекодирований может быть прервана действием. Например, если я говорю: «Дверь открылась», а вы отвечаете: «Вы хотите, чтобы я закрыл ее?», а я говорю: «Да, пожалуйста», и вы ее закрываете, то Мы довольствуемся тем, что на каком-то уровне мы друг друга поняли. Но если в тексте художественного произведения мы читаем «Дверь открылась», я не могу спросить у текста, что именно он имел в виду, я могу лишь предаваться размышлениям о том, каково значение свершившегося факта: открылась ли дверь под воздействием какой-то силы, ведет ли дверь к раскрытию какой-то тайны, к какой-то цели и так далее. Аналогия с теннисом к чтению

неприменима, это не есть двусторонний процесс, но бесконечное, мучительное провоцирование, это заигрывание, не ведущее к любовному акту, а если последний и происходит, то в одиночестве и может быть уподоблен мастурбации. (При этом слове слушатели заерзали на стульях.) Читатель играет в теннис сам с собой, а текст играет с читателем, подыгрывает его любопытству, разжигает его желание: так стриптизерка стремится раздразнить любопытство публики и хорошенько разогреть ее.

— Возможно, кто-то из вас знает, что я живу в городе, известном своими барами и ночными клубами со стриптизершами. И, как мне говорили, — сам-то я по таким заведениям не хожу, — как мне говорили люди знающие, например устроитель нашей конференции, мой старый друг Филипп Лоу, завсегдатай этих клубов (тут иные слушатели, оскалив зубы, обернулись на Филиппа Лоу, а он покраснел до корней серебристых волос), девушки сбрасывают одежды прямо на глазах у посетителей еще до начала танца. Но это отнюдь не стриптиз, а скорее женская раздевалка или танцевальный эквивалент интерпретационного заблуждения относительно раскрываемости смысла, согласно которому,

срывая с художественного текста его риторические одежды, мы якобы обнаруживаем под ними голые, лежащие в его основе факты. Более действенную метафору процесса чтения текста нам предлагает классическая традиция стриптиза, восходящая к танцу Саломеи с семью покрывалами и более ранним мифам, которая продолжает жить в девальвированных формах в притонах вашего Сохо. Танцовщица дразнит публику, а текст — читателя, обещая ему полное откровение, которое, впрочем, откладывается до бесконечности. Покрывало за покрывалом, одежда за одеждой постепенно сбрасываются, но возбуждает отнюдь не процесс раздевания, но его отсрочивание, поскольку, как только тайное становится явным, интерес к нему пропадает и мы жаждем новой тайны. Увидев на девушке нижнее белье, мы хотим видеть ее тело, увидев ее груди, мы желаем видеть ягодицы, увидев ягодицы, желаем лицезреть лобок — на этом танец заканчивается, но удовлетворено ли наше любопытство, исполнено ли наше желание? Конечно нет. Вне поля зрения остается влагалище, скрытое в теле девушки под лобковыми волосами, но даже если она раздвинет перед нами ноги (в этот момент несколько участниц конференции, хлопнув две-

рью, покинули аудиторию), мы по-прежнему не получим удовлетворения, которое обещает нам стриптиз. Заглянув во влагалище, мы обнаружим, что в созерцании прекрасного оказались по ту сторону удовольствия. Вглядываясь в матку, мы возвращаемся к тайне нашего собственного рождения. Таков и процесс чтения. Попытки проникнуть в сердцевину текста, раз и навсегда овладеть его смыслом — тщетны, поскольку там мы обнаружим лишь самих себя, а не творение искусства. Фрейд заметил, что неукротимая жажда чтения, — а я полагаю, что большинство присутствующих заядлые книгочеи, — это замещенное желание видеть материнские гениталии (тут один молодой человек в аудитории потерял сознание и был вынесен на свежий воздух), но главная моя идея, с которой может не согласиться Зигмунд Фрейд, самым непосредственным образом связана с понятием замещения. Читать — значит целиком и полностью отдать себя во власть бесконечного процесса замещения нашего любопытства и нашего желания, переходя от одного предложения к другому, из одного сюжета в другой, с одного повествовательного уровня на другой. Текст перед нами разоблачается, но не позволяет завладеть собой, и вместо желания

обладать им мы должны получать удовольствие от того, что он нас дразнит.

Далее Моррис Цапп подкрепил свои идеи примерами из классической английской и американской литературы. Когда он закончил, слушатели наградили его жидкими хлопками.

— Приступаем к обсуждению доклада, — объявил Руперт Сатклиф, с опаской оглядывая публику поверх очков. — Есть желающие высказаться?

В аудитории установилась затяжное молчание. Потом с места поднялся Филипп Лоу.

— Я выслушал твой доклад с большим интересом, Моррис, — начал он. — С большим интересом. За то время, что мы не виделись, твой интеллект не утратил присущих ему блеска и остроты. И все-таки я с сожалением отмечаю, что за эти годы и ты заразился вирусом структурализма.

— Я бы себя структуралистом не назвал, — прервал его Моррис Цапп. — Скорее постструктуралистом.

Филипп Лоу нетерпеливым жестом дал понять, что столь тонкие различия его не беспокоят.

— Я имею в виду твой глубокий скептицизм касательно возможности достичь достоверного знания о чем бы то ни было, который я связываю

с тлетворным влиянием теорий, насаждаемых учеными с европейского континента. А ведь были времена, когда чтение книг считалось сравнительно простым занятием, которому обучают в начальной школе. Теперь же это относят к разряду сокровенной тайны, в которую посвящается лишь немногочисленная элита. Я всю свою жизнь читаю книги ради того, что в них написано, — по крайней мере, мне всегда казалось, что именно это я и делаю. И вот получается, что я делаю что-то не то.

— Ты заблуждаешься не относительно того , *что* ты пытаешься делать, — сказал Моррис, раскуривая погасшую сигару, — но относительно того, что ты вообще *пытаешься* это делать.

— У меня есть только один вопрос, — сказал Филипп Лоу. — Скажи мне положа руку на сердце, есть ли смысл обсуждать твой доклад, если, согласно твоей же теории, мы будем обсуждать не то, что ты сказал *на самом деле*, но наши смутные воспоминания или собственное истолкование того, что ты сказал?

— Смысла никакого нет, — не моргнув глазом сказал Моррис, — если под смыслом ты понимаешь намерение достичь какой-то конкретной истины. Но когда нам удавалось прийти к этому

на подобных дискуссиях? Скажи честно, приходилось ли тебе бывать на такой лекции или семинаре, чтобы в аудитории нашлись хотя бы два человека, которые одинаково восприняли прозвучавшее выступление?

— Но тогда есть ли хоть какой-нибудь смысл во всем этом?! — воскликнул Филипп, воздев к небесам руки.

— Смысл, без сомнения, состоит в том, чтобы поддерживать институт академических исследований. Свое положение в обществе мы укрепляем, исполняя определенные ритуалы, равно как и любые другие группы тружеников сферы дискурса — юристы, политики, журналисты. И поскольку на сегодня, как мне представляется, мы исполнили наш долг, то не прерваться ли нам, чтобы чего-нибудь выпить?

— Боюсь, нам придется ограничиться чаем, — радостно сказал Руперт Сатклиф, уцепившись за возможность быстро свернуть дискуссию. — Спасибо вам большое за ваш э-э-э… вдохновляющий и наводящий на размышления доклад.

— «Вдохновляющий и наводящий на размышления» — старикан прямо в точку попал, — сказал Перс Анжелике, выходя с ней из аудитории. — А ваша мама не против, что вы посещаете места,

где звучат подобные речи?

— По-моему, было интересно, — ответила Анжелика. — Разумеется, все это восходит к Пирсу.

— Ко мне?

— Пирс. Американский философ. Он что-то писал о невозможности извлечь смысл из-под покровов его репрезентаций. И было это еще до Первой мировой войны.

— В самом деле? Должен вам сказать, Анжелика, вы потрясающе начитанная девушка. Где вы учились?

— В разных местах, — уклончиво ответила она. — В основном в Англии и Америке.

В коридоре они наткнулись на Руперта Сатклифа и Филиппа Лоу, которые взволнованно переговаривались с Бобом Басби, очевидно, о билетах в театр.

— Вы идете сегодня в театр? — спросила Анжелика.

— Я не записался. Даже не знаю, какой будет спектакль.

— По-моему, «Король Лир».

— Так вы идете? — озабоченно спросил Перс. — А как же мое стихотворение?

— Ваше стихотворение? Ах ты, господи, чуть не забыла. В десять вечера на последнем этаже,

да? Я постараюсь сразу же вернуться. Профессор Демпси предложил подвести меня на машине, это будет быстрее.

— Демпси? Вы с ним поосторожнее. Он охотится за молодыми девушками, такими как вы. Сам мне говорил.

Анжелика рассмеялась:

— Не волнуйтесь, я уже взрослая.

В профессорской сидел Моррис Цапп и в одиночестве пил чай. Другие участники конференции держались на расстоянии, установив вокруг него нечто вроде санитарного кордона. Анжелика решительно направилась к американцу.

— Мне очень понравился ваш доклад, профессор Цапп, — сказала она с большим энтузиазмом, чем мог ожидать или одобрить Перс.

— Спасибо, Ал, — ответил ей Моррис Цапп. — Я с не меньшим удовольствием прочел его. Впрочем, я, похоже, оскорбил аборигенов в лучших чувствах.

— В своей докторской диссертации я разрабатываю тему любовного романа, — сообщила ему Анжелика, — и мне показалось, что многое из того, что вы сказали, применимо и к этому жанру.

— Само собой разумеется, — ответил Цапп. — Эта теория применима к чему угодно.

— Прежде всего, это идея любовного романа как повествовательного стриптиза, бесконечное заигрывание с читателем, постоянные оттяжки полного разоблачения, которое так и не происходит, а если происходит, то лишает нас возможности наслаждаться текстом…

— Именно так, — подтвердил Моррис Цапп.

— Собственно говоря, в любовных романах немало и настоящего стриптиза.

— Правда? — спросил Моррис. — Наверное, так оно и есть.

— Например, у Ариосто героини вечно теряют одежды, а герои, которые приходят им на помощь, с вожделением подглядывают за ними.

— Я уж и не помню, когда читал Ариосто, — сказал Моррис Цапп.

— И конечно, в «Королеве фей»[13] — две девушки в фонтане у Беседки Наслаждений…

— Пожалуй, мне стоит все это перечитать, — сказал Моррис Цапп.

— И потом в «Кануне Святой Агнессы»[14] Порфиро, тайно наблюдающий, как раздевается Маделина, — Да, «Канун Святой Агнессы»… — И

---

[13] Примечания: 13
Поэма Эдмунда Спенсера.

[14] Примечания: 14
Поэма Джона Китса.

Джеральдина в «Кристабели»[15] Л… — Точно, в «Кристабели»…

Разговор прервал подошедший Филипп Лоу: «Моррис, надеюсь, ты не в обиде, что я на тебя набросился?» — Нет-нет, ради бога, Филипп! Vive le Sport![16]

— Ты видел, что все сидели и помалкивали, а меня такие вещи очень беспокоят, я уверен, что эта проблема достигла критической стадии… — Увидев, что Анжелика деликатно сделала шаг назад, Филипп Лоу внезапно прервал речь: Извините, я, кажется, вам помешал?

— Нет-нет, мы закончили, — поспешила возразить Анжелика. — Большое спасибо за помощь, профессор Цапп.

— Всегда пожалуйста, Ал.

— Вообще-то меня зовут Анжелика, — улыбнувшись, сказала она.

— Вот как, а я думал, что Ал — это уменьшительное имя. Если понадобится моя помощь — дайте мне знать.

— Ну чем он вам помог? — недовольно сказал Перс, принимаясь за чай с печеньем. — Идеи

---

[15] Примечания: 15
Поэма Сэмюэла Тейлора Колриджа.

[16] Примечания: 16
Да здравствует спорт! *(фр.)*

были ваши, примеры — тоже.

— Да, но к ним меня подтолкнул доклад.

— А вы сказали, что он все списал у моего тезки.

— Я вовсе не говорила, что он списал. Просто у Пирса были похожие идеи.

— А почему вы не сказали об этом Цаппу?

— С профессорами надо обращаться бережно, — сказала Анжелика, лукаво улыбнувшись. — Немного лести тоже не помешает.

— Ах, Анжелика! — Между молодыми людьми вклинился ярко-синий костюм. — Мне бы хотелось обсудить с вами идеи Якобсона, о которых вы так интересно говорили, — сказал Робин Демпси. — Мы не можем позволить, чтобы МакГарригл не отпускал вас от себя до окончания конференции.

— Мне так или иначе надо повидаться с доктором Басби, — сказал Перс и с достоинством покинул профессорскую.

Боба Басби он нашел в канцелярии. Молодой преподаватель из Лондонского университета, который сравнил конференцию с покинутой армией, наседал на Басби, размахивая у него перед носом билетом в театр.

— Так вы хотите сказать, что «Короля Лира»

не будет?

— К сожалению, театр отложил премьеру «Короля Лира», — извиняющимся тоном сказал Басби, — и продлил показ рождественской сказки.

— Что-что? Сказки?

— Это единственный спектакль в репертуаре, который приносит театру прибыль, так что их можно понять, — сказал Басби. — Вы будете смотреть «Кота в Сапогах». По-моему, постановка им удалась.

— Боже праведный! А нельзя ли вернуть деньги за билет?

— Боюсь, уже слишком поздно, — ответил Басби.

— Я куплю у вас билет, — встрял в разговор Перс.

— Ой, да что вы! — сказал молодой человек, поворачиваясь к нему. — Он стоит два с полтиной. Отдаю вам за два.

— Благодарю вас, — сказал Перс, вручая ему деньги.

— Только не говорите никому, что вместо «Лира» идет «Кот в сапогах», — умоляюще сказал Басби. — Я делаю из этого маленькую тайну.

— А для меня навсегда останется тайной, как

это вообще нас угораздило забраться в эту богом забытую дыру, — сказал молодой человек.

— Ну, здесь не так уж плохо, — сказал Боб Басби. — Ведь мы в самом центре. — В центре чего?

Боб Басби озадаченно нахмурился:

— С тех пор как построили автостраду М50, отсюда до Тинтернского аббатства можно добраться всего за полтора часа.

— И часто вы туда наведываетесь? — спросил молодой человек и задумчиво пошелестел полученными от Перса банкнотами. — Есть ли поблизости какое-нибудь приличное кафе? Умираю с голода. С тех пор как приехал, не мог нормально поесть.

— Если пойдете по Лондон-роуд, то после второго перекрестка будет китайский ресторанчик, — сказал Боб Басби. — Сожалею, что наша еда вам не нравится. Зато завтра вечером вас ожидает нечто необычное.

— И что же нас ожидает?

— Средневековый банкет!

— Только его нам и не хватало, — сказал молодой человек и удалился.

— А я уверен, что банкет станет украшением нашей конференции, — сказал Боб Басби Персу. — Мы заказали его в специальной фирме, они

готовят и еду, и развлечения. У нас будет и мед, и менестрели, и, — он в радостном предвкушении потер руки, — блудницы!

— Вот это да, — сказал Перс. — Широко вы тут, в Раммидже, живете! Кстати, не найдется ли у вас плана города? У меня здесь тетка, которую я должен навестить. Адрес — Гитингс-роуд.

— Так это рядом! — воскликнул Басби. — Пешком дойдете. Сейчас я нарисую вам план.

Следуя инструкциям Боба Басби, Перс покинул кампус, прошел по тихим улицам с рядами привлекательных особняков, возле которых на снегу виднелись отпечатки шин «роверов» и «ягуаров», пересек шумный проспект, где автобусы и грузовики месили колесами снег, превращая его в черную кашу, а затем углубился в старый район города с обветшалыми строениями. Через какое-то время он увидел впереди себя скользящую и спотыкающуюся фигуру, увенчанную знакомым клетчатым треухом.

— Здравствуйте, профессор Цапп! — сказал Перс, догоняя его. — Решили прогуляться?

— О, привет, Персик! Нет, я иду проведать своего бывшего квартирного хозяина. Я провел в этом городе полгода, и было это, представь себе, десять лет назад. Даже подумывал остаться здесь

навсегда. Наверное, у меня с головой было не в порядке. А ты хорошо знаешь этот город?

— Я в Раммидже никогда не был, но у меня здесь живет тетка. Правда, двоюродная. Мать попросила, чтобы я непременно к ней зашел. Вот туда я и направляюсь.

— С официальным визитом? Мне здесь направо.

Перс заглянул в план:

— И мне тоже.

— Ну и как тебе Раммидж?

— Уличных фонарей многовато.

— И что?

— Из-за них ночью звезд почти не видно, — ответил Перс.

— Ага, а я назову тебе другие недостатки, — сказал Моррис Цапп. — Например, рестораны, куда не пригласишь и злейшего врага, четыре вида электрических розеток в каждой комнате, гостиницы, в которых брови примерзают к подушке, диск-жокеи, которым глотки следует залить кипящей смолой. Пожалуй, отсутствие звезд меня здесь сильно не колебало.

— Здесь даже луна не такая яркая, как дома, — сказал Перс.

— Персик, ты у нас романтик! Тебе стихи надо

писать. А вот и моя улица, Гитингс-роуд.

— На ней живет и моя тетка.

Моррис Цапп остановился посередине тротуара:

— Какое удивительное совпадение, — сказал он. — Как зовут твою тетку?

— Миссис О'Шей, миссис Нуала О'Шей, — ответил Перс. — А мужа зовут доктор Майло О'Шей.

— Так это же он, это он! — радостно воскликнул Моррис Цапп и исполнил на тротуаре замысловатое па. — Это он и есть! Матерь божья, ну и удивится он, когда увидит нас вдвоем!

— Матерь божья! — сказал доктор О'Шей, распахнув дверь, ведущую в большой мрачный дом. — Да ведь это профессор Цапп!

— А со мной ваш племянник с Изумрудного острова, Перс МакГарригл. Пришел проведать тетушку, — сказал Моррис. У доктора О'Шея вытянулось лицо:

— А, да-да, твоя маменька мне писала, Перс. Но вы с тетушкой разминулись — она только вчера уехала в Ирландию. Но заходите, заходите! Правда, угостить мне вас нечем, а через двадцать минут я начинаю прием больных, но заходите, прошу вас! — Он провел их в нетопленую гостиную, пропахшую плесенью и нафталином,

и включил искусственный камин. Угли в нем засветились, а нагревательный элемент остался холодным.

— Правда, уютно? — сказал доктор. — Угольки светятся, и вроде теплее становится.

— А у меня для вас подарочек из дьюти-фри, — сказал Моррис, вынимая из кармана пальто пол-литровую фляжку виски.

— Пошли вам Господь всех благ земных! Да, вспоминаю старые добрые времена! — простонал О'Шей. Он опустился на корточки и стал выискивать стаканы в нижнем отделении серванта. — Когда профессор Цапп жил в моем доме, — доверительно сообщил он Персу, — виски текло рекой.

— Не подумай чего дурного, Персик, — сказал Моррис Цапп. — Майло просто хочет сказать, что в буфете я всегда держал бутылку-другую «Старого деда».

— Так где же тетя Нуала? — спросил Перс, когда они хлебнули виски и О'Шей снова наполнил стаканы.

— Поехала в Слайго. В семье у них неладно. — Доктор О'Шей мрачно покачал головой. — Сестрица ее плоха, совсем плоха. И все из-за дочери, чертовки Бернадетты.

— Бернадетты? — вмешался Моррис Цапп. — Это той чернявой девчушки, которая жила у вас, когда я здесь снимал квартиру?

— Той самой. А ты знаешь свою кузину Бернадетту, Перс?

— Я не видел ее с раннего детства. Потом до меня дошли слухи о каком-то скандале.

— Да, был скандал, это точно. Когда она от нас ушла, то вернулась в Ирландию и нанялась горничной в гостинице в Слайго, и кто-то из постояльцев сбил ее с пути истинного. Короче, она забеременела, и ее прогнали.

— И кто же ее соблазнил? — спросил Моррис Цапп.

— Этого никто не знает. Бернадетта отказалась назвать его. Ну и вот, вернулась она домой, и родители уж так убивались, уж так сердились…

— И сказали, чтобы она больше не оскверняла порог родного дома, — подсказал Моррис Цапп.

— Ну, слов было поменьше, но с тем же результатом согласился О'Шей. — Бернадетта собрала вещички и среди ночи ушла из дому. — Он сделал многозначительную паузу, осушил стакан и вытер ладонью губы, прошуршав по отросшей за день щетине. — И с тех пор мы о ней не слышали. А мать ее от горя совсем извелась. Мы все боялись,

что Бернадетта поехала в Лондон, в клинику, где делают аборты. Как знать, может, и померла там в смертном грехе. — Сделав это скоропалительное заключение, доктор О'Шей перекрестился и испустил глубокий вздох: — Будем жить надеждой, что Господь ниспослал ей раскаяние…

В коридоре зазвонил телефон.

— Это медсестра, звонит узнать, куда я пропал, — сказал О'Шей. — Он встал и, нагнувшись, выключил иллюминацию в камине.

— Ну и мы пойдем, — сказал Моррис Цапп. — Рад был повидать вас, Майло. — Выйдя из дома, он задрал голову и со вздохом окинул взглядом верхний этаж. — Вон там я снимал квартиру, а Бернадетта была за уборщицу. Бедняжка… Девчонка она была недурная, несмотря на щербатый рот. Когда я слышу, как легко такие барышни в наши дни попадают в беду, я просто свирепею. А тот, кто совратил ее, неужели не мог принять соответствующих мер?

— В Ирландии невозможно достать противозачаточные средства. Их продажа запрещена законом.

— Неужели? Ну тогда ты, наверное, набьешь здесь свой чемодан презервативами?

— Нет, — ответил Перс. Я против добрачных

связей для обоих полов.

— Что ж, Персик, это прекрасная идея, но, если хочешь знать мое мнение, едва ли она когда-нибудь приживется.

Они расстались на углу Гитингсроуд. Моррис Цапп направлялся в дом Филиппа Лоу, который находился неподалеку, а Перс — в общежитие.

— Вы идете сегодня в театр? — спросил Перс.

— Нет, Филипп Лоу отсоветовал. Я лучше пораньше лягу спать, мне надо прийти в себя после смены часовых поясов. Ну, пока.

Перс заспешил в корпус Мартино, но оказалось, что к ужину он опоздал, поскольку из-за спектакля его перенесли на более раннее время.

— Не расстраивайся, сынок, еда была неважнецкая, — сказала ему официантка с желтыми кудряшками, накрывая стол к завтраку в совершенно пустом зале. — Картофельная запеканка с мясом из того, что с обеда осталось. Если хочешь, возьми в буфете печенья и сыра.

С жадностью набив рот крекерами и сыром «чеддер», Перс поспешил в вестибюль общежития. У входа стоял начеку Робин Демпси, вырядившийся в щегольской коричневый блейзер и серые брюки из шерстяной фланели.

— Вы идете в театр? — спросил его Перс. Меня

не подбросите?

— Извини, старик, у меня в машине уже нет места. От ворот кампуса отходит автобус. Если бегом, то успеешь.

Перс побежал, но на автобус не успел. Пока он стоял у ворот кампуса, размышляя, как быть, мимо, обдав его грязью, промчался на «фольксвагене» Робин Демпси. Рядом с ним на переднем сиденье сидела Анжелика. Она улыбнулась и помахала ему. Больше в машине никого не было.

На улице стемнело и похолодало. Перс поднял воротник куртки и, засунув руки в карманы, зашагал по направлению к центру города. К тому времени, когда он разыскал драматический театр — бетонное футуристическое сооружение по соседству со зданием ратуши, — представление шло полным ходом. Пробравшись на свое место, он увидел на сцене одетого под Робин Гуда актера, который наставлял публику шипением предупреждать о появлении злого маркиза Карабаса. Затем последовал дуэт сына мельника и принцессы, его возлюбленной; далее зрители увидели комическую сценку, в которой два неумелых маляра, оклеивая обоями королевские покои, обляпывают себя клейстером и то и дело роняют инструменты королю на подагрические

ноги. Закончилось первое действие песнями и танцами с участием всей труппы — пародией на фильм «Субботняя лихорадка», в которой Кот в Сапогах побеждает в конкурсе на лучшего танцора королевской дискотеки.

Когда в зале зажегся свет, Перс увидел озадаченные лица участников конференции. Некоторые заявили о намерении немедленно покинуть театр и пойти посмотреть какой-нибудь приличный фильм. Другие пытались найти оправдание увиденному: «В конце концов, на сегодняшний день это единственный по-настоящему популярный театральный жанр, и я думаю, каждому просто необходимо к этому приобщиться». Иным же, хотя они не признались в этом, спектакль и в самом деле понравился: все первое отделение они с увлечением шипели, хлопали в ладоши и подпевали актерам. Ни Анжелики, ни Робина Демпси в зале не оказалось.

Пытаясь разыскать их среди толпившихся в фойе зрителей, Перс наткнулся на мисс Мейден, которая ярко выделялась на унылом фоне провинциальных театралов своим длинным вечерним платьем с лисьим боа и лорнетом. Ему вдруг подумалось, что в расцвете лет она была привлекательной женщиной.

— Добрый вечер, молодой человек! — сказала мисс Мейден. — Как вам нравится спектакль?

— Мне в нем не все ясно, — ответил Перс. При чем там Робин Гуд? Ведь «Кот в Сапогах» — это французская сказка.

— Ну зачем же быть таким буквалистом — с укоризной сказала мисс Мейден, хлопнув его по плечу свернутой программкой. — Джесси Уэстон в своей книге описывает рождественскую сказку, в которой участвуют Дед Мороз, Георгий Победоносец, Турецкий паша, Лекарь — из-под каменного моста — аптекарь, Шалтай-Болтай, Вельзевул и Большая голова с одной извилиной. Что вы на это скажете?

— Боюсь, ничего.

— Но все очень просто! — торжествующе воскликнула мисс Мейден. — Георгий Победоносец убивает Турецкого пашу, а Лекарь воскрешает его из мертвых, что символизирует смерть урожая зимой и его возрождение летом. И снова все сводится к бесконечному обновлению жизни. Робин Гуд, как вы знаете, связан с Зеленым великаном из средневековых легенд, который символизировал дух природы.

— А дальше?

— Страдающий подагрой правитель — это,

очевидно, Король-Рыбак[17], царствующий на бесплодной земле; сын мельника возвращает ей плодородие при участии Кота в волшебных сапогах и получает в награду руку и сердце принцессы.

— Так что Кот в Сапогах — все равно что Святой Грааль? — шутливым тоном спросил Перс.

Мисс Мейден его ирония не смутила:

— Разумеется! Сапоги — это фаллический символ, кот — это киска. Вы, несомненно, знакомы с вульгаризмом «киска»?

— Да, приходилось слышать, — без энтузиазма ответил Перс

— Эта очень старая и широко распространенная метафора, уверяю вас. Так что Кот в Сапогах олицетворяет то же самое сочетание мужского и женского начал, что и чаша с копьем в легенде о Святом Граале.

— Удивительно, сказал Перс — Просто удивительно, что родители позволяют детям смотреть эти сказки. Кстати, мисс Мейден, а вы не видели здесь Анжелику Пабст и Робина Демпси?

— Видела. Они ушли из театра как раз перед

---

[17] Примечания: 17

Загадочный персонаж легенд о Святом Граале, в поединке с рыцарем-мусульманином раненный в бедро копьем и от этого потерявший мужскую силу, что повлекло за собой опустошение его королевства.

началом представления, — ответила мисс Мейден. — Потом будут жалеть, когда узнают, что они пропустили. О, звонок. Пора занимать места!

Перс в зал не вернулся. Он покинул театр и направился в общежитие. Поднялся на лифте на последний этаж — там было темно и пустынно, поскольку участникам конференции не пришлось поселяться столь высоко над землей. Здание состояло из двух высоких блоков, соединенных между собой застекленными переходами, причем на последнем этаже, в чем Перс убедился заранее, открывался прекрасный вид на кампус, на искусственное озеро и на юго-западную окраину Раммиджа. Он взглянул на небо: на нем плыли легкие облака и виднелась восходящая луна.

Спустя примерно час Перс услышал грохот поднимающегося лифта. Он подбежал к его дверям и застыл с выжидательной улыбкой. Двери открылись — за ними обнаружилась нахмуренная физиономия Робина Демпси. — Перс сменил выражение лица.

— Что ты здесь делаешь? — строго спросил Демпси.

— Думаю, — ответил Перс

Демпси вышел из лифта:

— Я ищу Анжелику — сказал он.

— Ее здесь нет.

Двери лифта за спиной Демпси автоматически закрылись.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. — Здесь же темно. Почему ты не включил свет?

— В темноте мне лучше думается, — сказал Перс.

Демпси включил свет на лестничной площадке и настороженно огляделся.

— И что же ты придумал?

— Стихотворение.

Недовольная гримаса на лице Демпси мгновенно сменилась плотоядной ухмылкой.

— А я поработал над тем лимериком, — сказал он. — Что если начать так:

Молодой аспирант в Лимерике
Опылял своим перцем гвоздики…[18]

— Этот вариант будет получше, — нехотя выговорил Перс. — Вот, пожалуй, все, что я могу сказать.

Демпси нажал на кнопку вызова лифта:

— Если увидишь Анжелику, скажи ей, что я

---

[18] Примечания: 18
Пер. А. Головкиной.

в баре.

Лифт уехал вниз. В этот момент распахнулась дверь запасного выхода и на лестничной площадке появилась Анжелика. Она была взъерошена и с трудом переводила дыхание, а ее грудь живописно вздымалась и опускалась под белой шелковой блузкой с высоким воротом. Персу показалось, что на блузке не хватает пуговицы.

— Этот тип вас преследовал? — гневно спросил он.

— Кто?

— Ну, этот Демпси.

Анжелика улыбнулась и сказала, с шумом выдохнув воздух:

— Я же вам говорила, что не стоит обо мне беспокоиться. Просто мне надо отдышаться. — Она положила руку на грудь.

— Почему вы не попросили Демпси остановить машину, когда проезжали мимо меня?

— Вы же сказали, что в театр не пойдете.

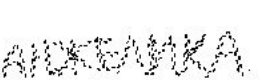
— Я передумал. Вы, надо полагать, тоже. Я вас там не нашел.

— Верно. Когда мы узнали, что вместо «Короля Лира» дают «Кота в Сапогах», то пошли в паб. Потом Робин пригласил меня в дискотеку, но я ему объяснила, что меня в общежитии ждут. И

вот я здесь. А где стихотворение?

— Это стихотворение из одного слова, — сказал Перс, сменив гнев на милость. — Самого красивого слова на свете. Его можно прочесть лишь в темноте. — Он выключил свет на лестничной площадке. — Дайте мне руку. — Выйдя с Анжеликой в застекленный переход, он указал на открывавшуюся сверху панораму. — Смотрите внизу — сказал он. — В сторону озера.

На снежном насте отражался яркий свет высоко стоящей в небе луны. Пологий берег искусственного озера являл собой ослепительной белизны холст, на котором темнела цепочка человеческих следов, запечатлевших огромными замысловатыми {буквами:}



— Ах, Перс, — прошептала она. — Это потрясающе. Поэма земли.

— Почему? Я бы сказал — поэма снега.

— А я подумала о творчестве земли — о тех гигантских рисунках, которые видны только из самолета.

— Но это также поэма солнца и поэма луны, поскольку солнце растопило снег в моих следах,

а луна осветила их.

— Какая яркая сегодня луна, — тихо сказала Анжелика, стоя рука об руку с Персом.

— А вы когда-нибудь задумывались, — спросил Перс, — над тем удивительным фактом, что для нас и луна и солнце — небесные тела одного размера?

— Нет, — ответила Анжелика, — мне это никогда не приходило в голову.

— Сколько мифов и символов связано с этими кругляшами, словно братья-близнецы шествующими по небу один днем, а другой — ночью… А ведь это просто фокус с перспективой, результат соотношения расстояний от земли до солнца и до луны и их размеров. И вероятность, что могло случиться как-то иначе, наверное, один к миллиарду.

— Так это просто случайность?

— Я думаю, это одно из веских доказательств существования Создателя, — сказал Перс. — Присущее ему чувство симметрии.

— Как и Блейку, — улыбнулась Анжелика. — Вы, кстати, не читали книгу Фрая[19] «Устрашающая

---

[19] Примечания: 19
Фрай Нортон — канадский литературовед.

симметрия»?[20] Отличная книга.

— Мне совсем не хочется говорить сейчас об умных книгах, — сказал Перс, сжав Анжеликину руку и притянув девушку к себе, — Здесь, где только я и вы и лунный свет. — Я хочу поговорить о нас с вами. — О нас с вами?

— Анжелика, пойдете за меня замуж? — Конечно нет — воскликнула она, холодно рассмеялась и убрала руку. — Но почему?

— По множеству причин, Я с вами едва знакома и вообще я не хочу выходить замуж. — Никогда?

— Я не сказала «никогда», но сначала я хочу сделать карьеру, а это значит, что у меня должна быть свобода перемещения.

— Я не против, — ответил Перс. — Я буду перемещаться вместе с вами.

— И ради этого оставите работу?

— Если нужно — да, — сказал Перс.

Анжелика покачала головой:

— Вы неисправимый романтик, Перс, — сказала она. — Но почему вы решили взять в жены именно меня?

— Потому что я люблю вас, — сказал Перс, — и не разделяю идею сожительства вне брака.

---

[20] Примечания: 20
Строка из стихотворения У. Блейка «Тигр».

— А вот я разделяю, — со смешком сказала она.

— Ах, Анжелика, не терзайте меня! Не надо мне говорить, что у вас были любовники!

— Но я не это имела в виду, — ответила Анжелика.

— Конечно, если вы не девственница, то я с этим смирюсь, — сказал Перс. Но потом добавил: Хотя лучше бы вы были девственницей.

— Ах, девственность — задумчиво сказала Анжелика, — Что это такое? Это наличие или отсутствие? Наличие девственной плевы или отсутствие пениса?

— Но это непременно и то и другое! — воскликнул Перс, заливаясь краской. — А вот я — девственник.

— Правда? — Анжелика посмотрела на него с любопытством. — Но в наши дни люди начинают спать вместе еще до свадьбы. По крайней мере, у меня такое впечатление.

— Это против моих убеждений, — сказал Перс. — Но если вы, в конце концов, согласитесь выйти за меня замуж, то я, может быть, пойду на некоторые уступки.

Анжелика прыснула:

— Вы, однако, не забывайте, что у меня иные взгляды! — Она вдруг ткнула пальцем в стекло. —

Ой, смотрите! Кто это полетел? Ночная птица?

— «Холода. Сове — и то в лесу несладко было, траву в полях одела корка льда»[21] — процитировал Перс

— Откуда это? Ах да; «Канун Святой Агнессы»:

В овчарне стадо смолкшее застыло.

— Мне нравится эта строчка! В ней сошлись тепло и холод, домашняя бездомность, жизнь и смерть, и эта мысль проходит красной нитью через всю поэму.

— Полно вам, Анжелика! — воскликнул Перс. — Оставьте в покое лингвистическую поэтику и лучше вспомните, какой у поэмы конец:

Они исчезли в белой мгле метели

Давным-давно — и след давно простыл…[22]

— Станьте моей Маделиной, а я буду вашим Порфиро!

— Да? И пропустить окончание конференции? — Ну, до завтра я подожду:

---

[21] Примечания: 21

Джон Китс. (*Здесь и ниже, за исключением оговоренного, пер. Е. Витковского.)*

[22] Примечания: 22

Пер. С. Сухарева.

Заря близка, и День не за горой, —
Спеши за мной, сомнения не зная…

Анжелика тихонько рассмеялась:

— А было бы забавно разыграть поэму завтра вечером. Ведь у нас будет средневековый банкет! — Я знаю.

— Вы бы пришли в мою комнату подсмотреть, как я ложусь в постель. И приснились бы мне в образе будущего мужа. — А вдруг не приснюсь?

— Надо рискнуть. Порфиро, кажется, позаботился об этом, — мечтательно сказала Анжелика, вглядываясь в залитые лунным светом лужайки.

Перс с недоверием посмотрел на ее изысканный профиль — точеный нос, немного капризно выступающая нижняя губа, крепкий, но мягко закругленный подбородок.

— Анжелика, — начал было он, но в этот момент раздался шум поднимающегося лифта. — Если это опять Демпси, — воскликнул Перс, — я сброшу его в шахту! — Он выбежал на лестничную площадку и, приняв боевую стойку, застыл перед дверями лифта. Двери отворились. За ними обнаружился Филипп Лоу.

— О! Привет, МакГарригл, — сказал он. — Я ищу мисс Пабст. Робин Демпси сказал, что она,

возможно, здесь. — Ее здесь нет, — сказал Перс.

— Понятно, — сказал Филипп Лоу, очевидно, размышляя, не отстранить ли Перса, чтобы убедиться в этом самому, но потом передумал. — Вы поедете вниз? — спросил он.

— Нет, спасибо.

— Ну, тогда до свидания. — Филипп Лоу нажал на кнопку, и двери закрылись.

Перс поспешил вернуться в застекленный переход.

— Это был Филипп Лоу, — сказал он. — И чего, черт возьми, всем этим мужикам от вас надо?

Ответа не последовало. В застекленном переходе стоял столб лунного света. Анжелика исчезла.

Точно так же на следующее утро исчезло из пейзажа ее имя. За ночь ветер изменил направление и принес с собой теплый дождь, который растопил и смыл с земли весь снег. Отдернув в своей комнате занавески, Перс увидел мокрые зеленые лужайки и раскисшие от грязи клумбы. По небу бежали тяжелые, чреватые дождем тучи. Еще Перс увидел бегущего трусцой по лужам Морриса Цаппа в красном спортивном костюме, кроссовках и с погасшей сигарой в зубах. Быстро натянув на себя джинсы, свитер и кеды, которые одновременно служили ему домашними тапоч-

ками, Перс выбежал на улицу и, обдуваемый легким ветерком, вскоре нагнал американца, который, впрочем, трусил с меньшей скоростью, чем при обычной ходьбе.

— Доброе утро, профессор Цапп!

— Здорово, Персик, — пробормотал в ответ Моррис Цапп. Он вынул изо рта сигарный окурок, удивленно осмотрел его и швырнул в лавровый куст. — Тоже по утрам бегаешь? Ты меня не жди.

— Ни за что бы не подумал, что вы занимаетесь бегом.

— Это трусца, а не бег. Бег — это спорт, трусца — наказание.

— Так вам это не нравится?

— Нравится? Ты шутишь? Я занимаюсь этим только ради здоровья. После я чувствую себя ужасно, но в этом, наверное, и есть польза. И к тому же это очень модно в американских академических кругах. Успех у нас состоит не только в том, сколько статей ты опубликовал в прошлом году, но и сколько километров ты пробегаешь по утрам.

— Похоже, здесь это тоже входит в моду, — сказал Перс — Впереди бежит какая-то девушка. Но я не понимаю, профессор Цапп, зачем вам беспокоиться об успехе? Вы и так знамениты.

— Важно не только добиться успеха, но и сохранить его, Персик. И не забывать о торопливых молодых людях. — Кто это такие?

—

Ты не читал книгу Корнфорда «Microcosmografia Academica»? Я могу цитировать ее наизусть: «Откуда-то снизу вы слышите нарастающий топот — это движутся безжалостные полчища торопливых молодых людей. И вы догадываетесь, куда они торопятся. Они торопятся убрать вас с дороги».

— А кто такой Корнфорд?

— Ученый — классик начала XX века, развивал идеи Фрейда и Фрэзера. Ты, наверное, знаешь, что Фрейд описывал первобытное общество как племя, в котором сыновья убивают отцов, когда те становятся старыми и немощными, чтобы завладеть их женщинами. В современном академическом обществе они присваивают себе наши гранты. И, разумеется, наших женщин.

— Все это очень интересно, — сказал Перс. — Примерно о том же пишет Джесси Уэстон в книге «От ритуала к роману».

— Ага, идея в целом та же самая. Кроме того, что в легенде о Святом Граале герой возвращает королю мужскую силу. А по версии Фрейда, сынки

оскопляют своих отцов. И, по-моему, это больше похоже на правду.

— И потому вы бегаете трусцой?

— И потому я бегаю трусцой. Дать им понять, что меня рано списывать в тираж. Вообще, я еще не все взял от этой жизни. Я хочу стать самым высокооплачиваемым профессором-филологом в мире.

— Сколько же вы хотите получать?

— Сам не знаю. Это и держит меня в напряжении. Люди нашей профессии, которые забрались на самый верх, не любят рассказывать, сколько им платят. Возможно, я и есть, сам того не ведая, самый высокооплачиваемый профессор-филолог в мире. Всякий раз, как я грожусь уйти из университета, мне добавляют пять тысяч.

— А вы и в самом деле хотели бы уйти из университета, профессор Цапп?

— Нет, конечно. Просто я не хочу, чтобы меня воспринимали как нечто само собой разумеющееся. В наши дни нет смысла менять один университет на другой. А раньше именно таким образом вы могли сделать себе карьеру. Существовала всеми признанная иерархия учебных заведений, и ваш успех определялся положением на этой лестнице. Считалось, что самые интерес-

ные люди сосредоточены в горстке заведений типа Гарварда, Йеля, Принстона и им подобных, и, чтобы играть по-крупному, нужно попасть в одно из таких мест. Теперь все иначе.

— Разве?

— Да-да. Время престижных кампусов миновало. Это отживающая технология, как железные дороги и типографии. Вот, кстати, взгляни на *этот* кампус — типичный пример того, о чем я говорил. Тяжелая промышленность человеческого разума.

Они добежали до вершины холма, откуда открывался вид на весь университетский городок, в середине которого возвышалась краснокирпичная увеличенная копия Пизанской башни. С одной стороны к кампусу примыкал жилой квартал, по улицам которого Перс проходил днем раньше, а с другой — какие-то фабрики и тесные унылые ряды дешевых домиков. Ландшафт от края до края пересекался железной дорогой и каналом. Вся местность была застроена бетонными и кирпичными зданиями самых разнообразных архитектурных стилей. Моррис Цапп обрадовался поводу сделать передышку, и с минуту бегуны обозревали окрестность.

— Теперь понял? — глотая ртом воздух, спросил

он и обвел панораму широким неодобрительным жестом. — Все такое тяжелое, огромное, монолитное. Весит, наверное, миллиард тон. Буквально чувствуешь, как здания своей тяжестью продавливают землю. А взгляни на библиотеку — это же заводской склад. Здание будто говорит: «У нас имеются большие запасы знаний. Заходите и берите». Нет, теперь все не то.

— А почему? — спросил Перс и медленно затрусил дальше.

— Потому что, — ответил Моррис Цапп, с неохотой пристраиваясь рядом, — в современном мире информация становится более портативной. А люди — более мобильными. Ergo[23], нет необходимости складировать всю информацию в одном здании, а ведущих ученых держать, как в загоне, в одном кампусе. За последние двадцать лет три вещи революционизировали академическую жизнь: реактивные самолеты, прямая телефонная связь и копировальные машины, хотя далеко не все оценили по достоинству эти новшества. Теперь, чтобы общаться, ученым не обязательно работать в одном заведении: они перезваниваются по телефону или встречаются на

---

[23] Примечания: 23
Следовательно *(лат.)*.

международных конференциях. Им также незачем в поисках информации копаться в грудах библиотечных книг: любую заинтересовавшую их книгу или статью можно ксерокопировать и прочесть дома. Или в самолете, по дороге на очередную конференцию. Теперь я работаю в основном дома или в самолете. И редко бываю в университете — хожу туда только лекции читать.

— Какая интересная теория, — сказал Перс, — и довольно обнадеживающая, поскольку в моем университете очень мало зданий и почти нет книг.

— Вот-вот. А если у тебя есть доступ к телефону, ксероксу и грантам, считай, что ты подключен к мировому кампусу, единственному университету, который имеет сейчас значение. Торопливый молодой человек может увидеть мир, перемещаясь с одной конференции на другую.

— Я никуда не тороплюсь, — сказал Перс

— Но у тебя же есть честолюбивые планы?

— Хочу опубликовать свои стихи, — сказал Перс. — И есть еще один объект желаний, слишком личный, чтобы его обнародовать.

— Ал Пабст! — воскликнул Моррис Цапп. — Как вы догадались? — изумился Перс — О чем дога-

дался? Я просто сказал, что впереди нас бежит Ал Пабст И вправду — бегунья, которую приметил раньше Перс, действительно оказалась Анжеликой. Очевидно, она сделала крюк и теперь снова появилась перед ними на дорожке примерно в сотне метров.

— Вот это девушка! И красотка, и все на свете читала, и как бегает, а?

— Как Аталанта[24], — пробормотал Перс. — Давайте догоним ее. — Ты догоняй, Персик, а я выдохся.

Моррис Цапп отстал, а Перс ускорил бег, однако расстояние между ним и Анжеликой не сокращалось. Она бросила быстрый взгляд через плечо, дав ему понять, что знает о преследовании. Теперь они бежали по пологому склону холма, спускавшемуся к общежитию. Оба прибавили скорости и неслись что было мочи. Перс сократил разрыв. Анжелика откинула назад голову, ее черные волосы развевались по ветру. Щебень, которым была засыпана дорожка, разлетался во все стороны от ее стройных ног, заманчиво обтянутых ярко-оранжевым трико. К корпусу Лукаса

[24] Примечания: 24

В греческой мифологии быстроногая охотница. Сватавшимся к ней она предлагала состязание в беге и, обогнав, убивала их.

они подбежали плечом к плечу и прислонились к стене здания, задыхаясь и смеясь. Водитель такси, стоящего у входа, ухмыльнулся и зааплодировал.

— Куда вы подевались вчера вечером? — переводя дух, спросил Перс

— Пошла спать, — ответила Анжелика. — К себе в комнату, номер 231.

Вскоре к общежитию приковылял, пыхтя, Моррис Цапп. — Кто выиграл? — спросил он.

— Одновременный финиш! — объявил водитель такси, высовываясь из окошка.

— Дипломатично судишь, шеф! Теперь отвези меня на Сент-Джонс-роуд, — сказал Моррис Цапп, забираясь в машину. — До скорого, молодые люди.

— Так вы бегаете трусцой на такси? — полюбопытствовал Перс.

— Я, как ты знаешь, живу у Лоу, и бегать по улицам Раммиджа в час пик, дыша выхлопными газами, мне совсем не улыбается.

Чао! — Моррис Цапп откинулся на спинку сиденья и вытащил из кармана спортивной куртки толстую сигару, ножницы для ее обрезки и зажигалку. Такси увезло его прочь.

Перс повернулся к Анжелике, но девушки и след простыл.

— Как? Опять исчезла? — озадаченно пробормотал он. — Как будто у нее есть волшебное кольцо, которое делает ее невидимкой.

Анжелика скрывалась от Перса целое утро. Приняв душ и побрившись, он пришел на завтрак в столовую корпуса Мартино и обнаружил ее с Демпси за полностью занятым столом. В маленькой процессии участников конференции, которые уныло побрели под дождем в главный корпус слушать утренний доклад, ее не оказалось. Наблюдая за их шествием, Перс безуспешно прождал девушку несколько минут, а затем заспешил им вслед — по дороге его обогнала машина Демпси, в которой на переднем сиденье он увидел Анжелику. Однако парочка ухитрилась опоздать, и в аудиторию они вошли на цыпочках уже после того, как начался доклад. Перс слушал его без внимания — речь шла о проблеме идентификации аутентичных шекспировских фрагментов в драме «Перикл», — размышляя над тем, что именно Анжелика имела в виду, сказав, что им надо инсценировать «Канун Святой Агнессы». Назвав номер своей комнаты во время утренней пробежки, она как будто подтвердила назначенную встречу. В чем он не был уверен — это в том, как она понимает поэму. Не найдя

Анжелику в толчее во время перерыва на кофе, Перс заспешил в библиотеку перечитать текст.

Быстро пробежав глазами начальные строфы, повествующие о холодной погоде, о традиции юных дев в канун дня Святой Агнессы ложиться спать в надежде увидеть во сне суженого, о юной Маделине, которой взгрустнулось в разгар веселого бала, о Порфиро, который, рискуя головой, появился под покровом ночи в стенах враждебной ему семьи, чтобы увидеть возлюбленную, о том, как он упрашивает добрую старушку Анджелу спрятать его в спальне Маделины, о появлении последней и приготовлении ко сну, Перс задержался взглядом на строфе XXVI:

…Дева молодая
Прочла молитву до конца — и вот,
Шелка и драгоценности бросая,
Она почти нагою предстает…

и, покраснев от смущения, прочел, как Порфиро раскладывает перед спящей изысканные яства, как пытается разбудить ее звуками лютни, как касается ее закрытых век, как сверкает она очами, увидев наяву свой сон, как обращает к нему испуганные речи — и тут Перс дошел до

кульминационной строфы:

Такою речью сладостной Порфиро
Был зачарован и воспламенен.
Как яркая звезда среди эфира
Сверкнет, спеша взойти на небосклон,
Как в аромат, что розой порожден,
Вплетет фиалку нежную природа,
Так он вошел в ее прекрасный сон.

Хорошо было Моррису Цаппу говорить о невозможности истолкования художественного текста! Персу МакГарриглу сейчас надо было знать точно, имел ли в нем место акт соития или нет — вопрос тем более для него трудный, что никакого личного опыта у него на этот счет не было. В целом он склонялся к тому, что ответ положительный: решающим аргументом послужило дальнейшее обращение Порфиро к Маделин как к невесте.

Этот вывод, впрочем, подвел Перса к другой дилемме. Возможно, Анжелика и предлагает ему стать ее любовником, но едва ли собирается объявлять себя его невестой — по крайней мере, в ближайшем будущем, так что следовало позаботиться о непредвиденных последствиях, как бы

пошло и омерзительно это ни звучало. Возможно, эта мысль и вовсе не пришла бы Персу в голову, если бы не только что услышанная история кузины Бернадетты и суровый комментарий Морриса Цаппа: «Когда я слышу, как легко такие барышни в наши дни попадают в беду, я просто свирепею». С тяжелым сердцем и мрачной физиономией Перс отправился на поиски аптеки.

Идти пришлось обходным путем, чтобы не попасться на глаза участникам конференции. В конце концов, изрядно проплутав, он оказался в центре города, в лабиринте грязных и зловонных подземных переходов, переулков и проулков, по которым сновали местные обитатели, ныряя и выныривая по обе стороны бетонной автострады, сотрясавшейся от тяжелых грузовиков. По дороге Персу то и дело попадались аптеки, но в одних было слишком много народу, а в других слишком мало. Наконец, разозлившись на собственную трусость, он выбрал одну наугад и решительно вошел.

В аптеке было безлюдно, и Перс стал шарить глазами по полкам в поисках нужного предмета, чтобы просто указать на него аптекарю. Ничего не обнаружив, он к своему ужасу увидел появившуюся из-за полок молодую продавщицу в белом

халате.

— Слушаю вас, — безучастно сказала она.

От смущения у Перса перехватило дыхание. Он был готов броситься вон, но ноги у него словно приросли к полу.

— Чем могу помочь? — спросила продавщица, теряя терпение.

Перс уставился на носки своих ботинок.

— Я бы… мне бы… будьте добры, есть ли у вас «Дьюрекс»? — пробормотал он, с трудов выдавив из себя слова.

— Маленький — средний — большой? — холодно спросила продавщица.

Такого поворота событий Перс не предусмотрел: — Я думал, они все одного размера, — хрипло прошептал он. — Не-а. Маленький — средний — большой, — скучающим тоном повторила продавщица, разглядывая свой маникюр. — Ну, тогда средний, — сказал Перс.

Девушка исчезла и моментально появилась с упакованной в бумажный пакет подозрительно большой коробкой, за которую потребовала семьдесят пять пенсов. Перс выхватил пакет — он оказался на удивление тяжелым, — сунул ей в руку фунтовую банкноту и бежал из аптеки, не дожидаясь сдачи.

В темном и шумном подземном переходе, изрисованном футбольной символикой и смердящем луком и мочой, он остановился под лампой рассмотреть покупку. Из пакета вылезла картонная коробка с изображенным на ней пухлым улыбающимся младенцем, перед которым стояла тарелка каши. На боку крупными буквами было напечатано название товара: «Фарекс».

Перс уныло поплелся в университет. У него не было ни малейшего желания вернуться в аптеку заменить покупку или зайти в другую и еще раз попытать счастья. В провале предприятия он усмотрел предначертание свыше, божественное осуждение его греховных намерений. На широком проспекте среди автомобильных салонов он приметил католическую церковь и помедлил перед плакатиком с надписью «Исповедь В любое время». Сам Бог посылал ему шанс раскаяться в грехе. Однако он решил, что не сможет с чистым сердцем, добровольно отказаться от свидания с Анжеликой. Он перешел через дорогу — внимательно глядя по сторонам, поскольку стал теперь Нераскаявшимся грешником, — и продолжил свой путь, дав волю воображению и рисуя сладострастные картины с участием Анжелики, входящей в спальню, где он тайно поджидает ее,

Анжелики, раздевающейся у него перед глазами, Анжелики в его объятьях. А что дальше? Будучи знакомым с половым актом лишь по художественной литературе, а потому имея смутное представление о его технической стороне, он стал бояться, что своей неопытностью загубит вожделенное мгновенье.

Еще один плакат, явное дело рук дьявола, привлек его внимание надписью, сделанной крупными черными буквами на огненно-красном фоне:

КИНОКЛУБ.
ФИЛЬМЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
ОТКРОВЕННЫЕ ЛЮБОВНЫЕ СЦЕНЫ
ПОКУПКА БИЛЕТА ГАРАНТИРУЕТ ЧЛЕНСТВО
ПЕНСИОНЕРАМ — СКИДКИ

Не дожидаясь, пока в нем заговорит совесть, Перс проскочил в дверь и оказался в полутемном, устланном коврами фойе. Из-за прилавка ему приветливо помахал билетер:

— Хотите стать членом, сэр? Заполните анкету. С вас за всё три фунта.

Перс подписался именем Филиппа Лоу.

— Надо же, какое совпадение, сэр, — сказал билетер с тонкой улыбкой. — У нас уже есть в

списках Филипп Лоу. Пожалуйста, проходите, дверь вон там.

Пройдя через обитую дверь, Перс шагнул в полную темноту. Он наткнулся на стену и пару секунд постоял, прижавшись к ней, пока глаза привыкли к отсутствию света. Откуда-то раздавались странные, будто исходившие от мучеников в аду, звуки — многократно усиленные динамиком тяжелые вздохи, охи, сдавленные крики, стоны и взвизги. Направляемый тускло светящимся указателем, Перс двинулся вперед, наткнулся на портьеру, обогнул угол и оказался в задних рядах небольшого зрительного зала. Звук стал еще громче, а вокруг стояла все та же кромешная тьма, в которой ничего не было видно за исключением мелькающего на экране изображения. Прошло несколько секунд, прежде чем до Перса дошло, что его взору предъявлен многократно увеличенный мужской член, ходуном ходивший в столь же многократно увеличенном женском влагалище. Кровь прихлынула Персу к голове и к другому органу его тела. Нагнувшись, он стал пробираться по уходящему вниз проходу, высматривая свободное место. Изображение на экране сдвинулось, крупный план сменился более широкой перспективой, из чего стало ясно,

что обладательница влагалища держит во рту другой мужской член, а обладатель первого члена трудится языком в другом влагалище, чья обладательница засунула палец в чей-то задний проход, а обладатель последнего работает у нее во рту своим членом, и все это лихорадочно движется, будто поршни адского механизма. Это был далеко не Китс с его нежной фиалкой, вплетенной в аромат розы… «Да сядь ты наконец!» — прошипел во тьме чей-то голос. Перс попытался нащупать сиденье, но схватил кого-то за плечо, с которого его руку с крепким словцом стряхнули. Тем временем охи и вздохи нарастали громче и громче, поршни сновали быстрее и быстрее, и Перс со стыдом почувствовал, что у него излилось семя. Со лба его градом катился пот, застилая глаза. На мгновенье ему почудилось, что между двумя массивными волосатыми ляжками мелькнуло лицо Анжелики: развернувшись, он ринулся прочь из зала, как из преисподней.

Вылетев пулей в фойе, Перс поймал на себе удивленный взгляд билетера.

— Слабовато для вас? — спросил он. — К сожалению, деньги мы не возвращаем. Приходите на следующей неделе, мы ожидаем из Дании кое-что покруче.

Перс схватил билетера за лацканы и повалил на прилавок.

— По вашей милости я осквернил образ любимой женщины! — негодующе прошипел он.

Билетер побледнел и беззащитно поднял руки. Перс оттолкнул его, выскочил из кинотеатра, бегом пересек дорогу и вбежал в католическую церковь.

Над одной из кабинок для исповеди светилось имя «Отец Финбар О'Мейли». Не прошло и пяти минут, как Перс облегчил совесть и получил отпущение грехов. «Благослови тебя Господь, сын мой», — сказал напоследок священник.

— Спасибо, отец.

— А кстати, ты не из Мейо будешь? — Оттуда.

— Я так и подумал. Узнал тебя по выговору. Я тоже из тех мест. — Из-за проволочной решетки послышался вздох. — Пропадешь ты, сын мой, в этом богопротивном городе. Ты бы хотел вернуться на родину?

— Вернуться на родину? — вяло переспросил Перс.

— Да. Я возглавляю сбор пожертвований для молодых ирландцев, которые приехали сюда в поисках работы, а теперь передумали и хотят вернуться домой. Фонд называется «Во имя Пре-

чистой Девы».

— Но я здесь ненадолго, отец мой. Завтра возвращаюсь в Ирландию.

— Билет-то у тебя есть? — Есть, отец мой.

— Тогда удачи тебе и Бог помочь. Есть на земле места получше, чем Раммидж, это я тебе точно говорю.

В университет Перс возвратился за полдень. Участники конференции отправились без него на автобусную экскурсию по литературным местам. Перс принял ванну и потом проспал как убитый несколько часов. Проснулся он, чувствуя себя очистившимся от скверны и умиротворенным. Подошло время отправиться в бар пропустить перед ужином стаканчик.

К этому времени участники конференции вернулись с экскурсии, которая, впрочем, не задалась. Во-первых, владельцы дома, где провела детство Джордж Элиот, не пустили экскурсантов внутрь, так что им пришлось топтаться в саду и заглядывать в окна. Далее выяснилось, что домик Энн Хатауэй[25]закрыт на реставрацию. Наконец, по дороге в средневековый замок сломался автобус, и пришлось с час дожидаться аварийную

---

[25] Примечания: 25
Жена Шекспира

службу.

— Ничего-ничего, — приговаривал Боб Басби, кружа в баре между раздосадованными участниками конференции. — Зато сегодня вечером нас ждет средневековый банкет!

— Очень хочу надеяться, что в этот раз Басби не подведет, — услышал Перс голос Филиппа Лоу. — У нас с культурной программой полная неразбериха. — Он разговаривал с одетым в залоснившийся темно-серый костюм незнакомцем, которого Перс видел впервые.

— И что это такое будет? — спросил незнакомец. В одной руке он держал дымящуюся сигарету, а в другой — большой стакан джина с тоником.

— У нас в городе есть заведение «Веселые рыцари Круглого стола», где на заказ устраивают средневековые банкеты, — объяснил Филипп Лоу. — Сам я ни разу там не был, но Басби уверяет, что у них это здорово получается. Он и пригласил оттуда людей на сегодняшний вечер. Будут менестрели, насколько мне известно, мед и…

— Блудницы, — подсказал Перс.

— А что, — сказал незнакомец в темно-сером костюме, взглянув сквозь облако дыма на Перса и обнажив в улыбке пожелтевшие клыки. — Звучит заманчиво.

— А, привет, МакГарригл, — без энтузиазма приветствовал его Филипп Лоу. — Познакомьтесь: Феликс Скиннер, редактор из «Леки, Уиндраш и Бернштейн». Мои издатели. Правда, не могу сказать, что наш профессиональный альянс принес много прибыли той и другой стороне, — добавил он с натянутой улыбкой.

— Да, мы ожидали большего, — вздохнув, согласился Скиннер.

— В прошлом году по выходе книги было продано лишь сто шестьдесят экземпляров, — с укоризной сказал Филипп Лоу. — И ни одной рецензии.

— Ты же знаешь, Филипп, мы все были уверены, что книга просто потрясающая, — сказал Скиннер. — Но оказалось, что на Хэзлитта сейчас очень маленький спрос. Впрочем, я уверен, что рецензии в конце концов появятся в научных журналах. К сожалению, воскресные газеты и еженедельники теперь мало уделяют внимания литературной критике.

— И все потому, что ее читать невозможно, — сказал Филипп Лоу. — Если уж я ее не понимаю, то чего ожидать от неспециалистов? Так вот, в моей книге речь идет именно об этом. Именно поэтому я и написал ее.

— Да-да, Филипп, это ужасно несправедливо, — посочувствовал ему Скиннер. — А чем вы занимаетесь, мистер МакГарригл?

— Шекспиром и Т. С. Элиотом, — ответил Перс.

— А вот тут я мог бы посодействовать, — вклинился в разговор Робин Демпси. Он только что появился в баре с Анжеликой, которая умопомрачительно красиво выглядела в длинном платье из плотной хлопчатобумажной ткани винно-красного цвета с вплетенными в ткань тускло блестящими нитями более темных тонов. — Так вот, эту работу можно спокойно предоставить компьютеру, — продолжил Демпси. — Вам просто нужно ввести в него все тексты, а затем заставить машину найти все слова, фразы и синтаксические конструкции, которые у этих писателей совпадают. И таким образом вы точно определите влияние Шекспира на Т. С. Элиота в количественном отношении.

— Но моя диссертация совсем не об этом, — сказал Перс. — Она о влиянии Т. С. Элиота на Шекспира.

— У вас, ирландцев, всё не как у людей, — грубо хохотнув, сказал Демпси и окинул взглядом компанию в надежде на моральную поддержку.

— Я намерен показать, — сказал Перс, — что,

хотим мы этого или нет, Шекспира мы читаем через призму поэзии Т. С. Элиота. Например, кто в наши дни читает «Гамлета», не соотнося его с «Пруфроком»? Кто слушает речи Фердинанда из «Бури», не вспоминая «Огненную проповедь» из «Бесплодной земли»?

— А вот это мне кажется интересным, — сказал Скиннер. — Филипп, дружище, не будешь ли так добр подлить мне того же самого? — Сунув Филиппу Лоу в руку свой пустой стакан, Феликс Скиннер отвел Перса в сторону. — Если вы еще ни с кем не договорились о публикации своей диссертации, я очень хотел бы на нее взглянуть, — сказал он.

— Но это магистерская диссертация, — сказал Перс, прослезившись от сигаретного дыма, который выпустил ему в лицо Скиннер.

— Ну и что, библиотеки скупают все, что связано или с Шекспиром, или с Т. С Элиотом. А если оба имени войдут в название книги, то интереса будет еще больше. Вот моя карточка. А, спасибо, Филипп, твое здоровье… Послушай, мне действительно жаль, что так вышло с Хэзлиттом. Давай будем считать это первым опытом, а ты постараешься найти более ходовую тему.

— Я потратил на эту книгу восемь лет жизни, —

жалобно сказал Филипп.

Скиннер ободряюще похлопал его по плечу, ссыпав горку сигаретного пепла ему на пиджак.

В баре теперь было тесно — участники конференции наперегонки угощались спиртным, чтобы привести себя в состояние, подобающее средневековому банкету. Перс протиснулся сквозь толпу к Анжелике.

— А мне вы говорили, что тема вашей диссертации — влияние Шекспира на Т. С. Элиота, — сказала она.

— Так оно и есть, — ответил он. — Я переиначил ее на ходу, чтобы хоть немного осадить Демпси.

— На самом деле так даже интереснее.

— Похоже, теперь мне придется этим заняться, — сказал Перс. — Какое у вас красивое платье, Анжелика.

— Из всей моей одежды оно самое средневековое, — ответила она, блеснув темными глазами. — Хотя не могу гарантировать, что оно, как у Китса, «зашелестит к моим ногам».

Прозрачный намек вызвал в нем волну желания, а также вдребезги разбил намерение встать на путь исправления и искупления греха. И он понял, что теперь уже ничто не помешает ему сегодня ночью засесть в засаду у Анжелики в

комнате.

Перс не собирался садиться рядом с девушкой на банкете, решив, что в духе романтического сценария он должен созерцать ее издалека. Однако видеть Демпси, сидящего рядом с Анжеликой, ему тоже не хотелось, поэтому, когда все пошли в столовую, он задержал его в баре, пытая вопросами о структурной лингвистике.

— Да все очень просто, — нетерпеливо сказал Демпси. — Согласно Соссюру, язык строится не на различии вещи и слова, а на различии слов между собой, на их противопоставлениях. «Кошка» означает кошку потому, что звучит иначе, чем «мошка» или «кашка».

— И то же самое верно для «Дьюрекс», «Фарекс» и «Экслакс»? — поинтересовался Перс.

— Этот пример не из тех, что сразу приходят в голову, — Демпси с подозрением взглянул на Перса близко посаженными глазами. — Но тоже годится.

— Я думаю, вы не принимаете в расчет различия в диалектном произношении, — сказал Перс.

— Ну, сейчас у меня нет времени это объяснять, — раздраженно сказал Демпси, направляясь к двери. — Уже звонили к ужину.

В столовой Перс нашел себе место подальше,

спрятавшись от Анжелики за колонной. Средневековый банкет оставлял желать лучшего. Мед по вкусу походил на подогретый сахарный сироп, а основное блюдо, которое предполагалось есть руками, состояло из жареной курицы и картошки в мундире. Блудницами выступали самые обычные местные официантки, которым либо приплатили, либо пригрозили, заставив вырядиться в длинные хламиды с глубоким треугольным декольте.

— Ох, не смотри на меня, сынок, — сказала Персу официантка с желтыми кудряшками, подавая ему куриные ножки. — Если в Средние века они вот так одевались, то, наверное, из простуд не вылезали.

Во главе стола на возвышении восседала пара затейников из фирмы «Веселые рыцари Круглого стола»: один из них был в костюме короля, другой — придворного шута. У короля в руках был аккордеон, а шут играл на ударных, и оба были снабжены микрофонами и усилителями. Пока блудницы разносили еду, они развлекали собравшихся анекдотами о королевском дворе, пели похабные баллады и подначивали гостей швыряться булочками. В соответствии с придворным этикетом всякий, кто хотел покинуть зал,

должен был отвесить королю поклон, при этом шут извлекал из какого-то инструмента громкий непристойный звук. Перс выскользнул из зала как раз в тот момент, когда подобному унижению был подвергнут медиевист из Аберистуита. Анжелика, сидевшая между Феликсом Скиннером и Филиппом Лоу в дальнем конце зала, одарила Перса мимолетной улыбкой и помахала рукой. Средневековое угощение стояло перед ней нетронутое.

Перс вышел из корпуса Мартино и направился к общежитию, вдыхая ночной холодный воздух и поглядывая на рябое отражение луны в искусственном озере. Вслед ему неслась усиленная динамиками песня, которую хриплыми голосами распевали король с шутом:

Король Артур был идиотом с детства — такого дурака Господь еще не создавал. Надел жене железный пояс девства, А ключ заветный сразу потерял.

В общежитии не было ни души. Неслышно взбежав по ступеням, Перс отправился по коридору в поисках комнаты номер 231. Ее дверь была не заперта, и он вошел внутрь. Свет ему не понадобился, поскольку комната была освещена из коридора сквозь окошко над дверью, а из окна

— лунным светом. Ночной ветерок донес до него еще один куплет:

Сэр Ланселот решил поправить дело: «Я вас лишу оков, мадам, я вас люблю!» И взяв пилу, он ей раздвинул ноги смело. Она сказала: «Я щекотки не терплю!» Перс обвел взглядом маленькую узкую комнату, прикидывая, где бы спрятаться. Единственным укромным местом был встроенный шкаф. В кармане его куртки лежал тяжелый пакет детского питания «Фарекс». Перс вынул его и положил на тумбочку около кровати, понимая, что лишь с большой натяжкой оно заменит «пунцовые, как солнечный шафран, сладчайшие плоды из дальних стран».

Вдалеке раздался гулкий вой и скрежет поднимающегося лифта. Перс нырнул в темную утробу встроенного шкафа, сдвинул висевшую в нем одежду и потянул на себя дверцу, оставив щелку, через которую он мог дышать и вести наблюдение.

Из шкафа ему было слышно, как в конце коридора открылись двери лифта и кто-то зашагал по направлению к комнате номер 231. Затем дверная ручка повернулась, дверь распахнулась, и в комнату вошел Робин Демпси. Он включил свет, закрыл дверь, пересек комнату и задер-

нул занавески. Затем снял пиджак, повесил на спинку стула, и тут его взгляд упал на коробку «Фарекса», которую он с изумленным видом подверг тщательному обследованию. Затем Демпси сбросил ботинки и стянул брюки — под ними обнаружились носки на подтяжках и полосатые трусы. Все это он размеренно и аккуратно снял, свернул и положил на стул, в конце концов представ перед взором Перса в натуральном виде. Такого зрелища Перс совсем не ожидал. Демпси понюхал у себя под мышками, запустил палец в промежность и поднес его к носу. Затем он на несколько минут исчез из поля зрения и, судя по звукам, стал плескаться над раковиной, чистить зубы и полоскать рот. Потом он снова появился, по-прежнему нагишом, и, дрожа от холода, нырнул в постель. Щелкнув выключателем у себя над головой, он погасил свет, однако освещение из коридора позволяло видеть, как он лежит в кровати, пялясь в потолок и поминутно поглядывая на будильник, зелеными цифрами светившийся на ночной тумбочке. В комнате установилась тишина. Перс кашлянул.

Робин Демпси резко сел в кровати, как будто от удара отпущенной пружины, и качнулся взад-вперед, восстанавливая перпендикуляр.

— Кто здесь? — дрожащим голосом спросил он, пытаясь нащупать выключатель.

Свет вспыхнул. Расплывшись в довольной улыбке, Демпси игривым тоном спросил:

— Анжелика, ты все это время пряталась в шкафу? Шалунья!

Перс толкнул дверцу и вышел из стенного шкафа.

— МакГарригл! Какого хера ты здесь делаешь?

— Я вас тоже могу об этом спросить, — ответил Перс.

— Что я здесь делаю? Это моя комната!

— *Ваша комната?*

— Перс огляделся по сторонам. Теперь, при свете, в комнате обнаружились следы мужского присутствия: электробритва и лосьон после бритья на полочке над раковиной, пара больших кожаных шлепанцев под кроватью. Он заглянул в стенной шкаф, в котором прятался, и увидел ярко-синий костюм, одиноко висящий на плечиках. — Ох, — едва слышно сказал он, но потом добавил более решительно. — А с чего вы взяли, что это Анжелика прячется у вас в шкафу?

— А это тебя не касается. Вообще-то у меня здесь с ней свидание. Она может прийти с минуты на минуту, так что ты меня весьма обяжешь, если

свалишь отсюда как можно быстрее. Кстати, что ты делал в моем шкафу?

— Мы тоже договорились с Анжеликой о свидании. Она мне сказала, что это ее комната. Предполагалось, что я здесь спрячусь и буду подсматривать, как она ложится спать. Как в «Кануне Святой Агнессы». Дав Демпси пояснение, Перс почувствовал себя полным идиотом.

— Предполагалось, что я лягу в постель и буду ждать ее появления, — эхом откликнулся Демпси. — Как Руджеро и Альцина[26], сказала она. Вероятно, герои-любовники одной из тех нескончаемых средневековых поэм, что писали итальяшки. Она пересказала мне сюжет — довольно пикантная история.

Оба помолчали.

— Похоже, она неплохо над нами подшутила, — сказал наконец Перс.

— Похоже, — вяло согласился Демпси. Он вылез из кровати и достал из-под подушки пижаму. Надев ее, он снова лег в постель, залез с головой под одеяло и глухо пробубнил оттуда: — Будешь уходить — выключи свет.

— Конечно. Спокойной ночи.

---

[26] Примечания: 26
Герои поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

Перс спустился в вестибюль, чтобы взглянуть на доску, где висел список участников конференции. Среди живущих в корпусе Лукаса имени Анжелики не значилось. Он поспешил в корпус Мартино. В баре те же самые участники конференции, что перед средневековым банкетом разогревали себя спиртным, теперь с новой силой налегли на него, чтобы поскорее забыть об этом недоразумении. Боб Басби одиноко сидел в углу со стаканом виски и, гордо улыбаясь, делал вид, что это он сам предпочел ни с кем не общаться.

— О, привет, — радостно сказал он Персу, который присел рядом.

— Вы не скажете, в какой комнате живет Анжелика Пабст? — спросил его Перс.

— Как странно, что вы меня об этом спрашиваете, — ответил Басби. — Мне только что сказали, что она уехала на такси. С чемоданом.

— Что? — вскрикнул Перс, вскакивая со стула. — Когда? Когда она уехала?

— Минут тридцать назад, — сказал Боб Басби. — Да, вы знаете, насколько мне известно, она в общежитии не останавливалась. Я комнаты для нее не бронировал, да она и не платила за нее. Вообще непонятно, как она попала к нам на конференцию. Судя по всему, она ни к какому

университету не принадлежит.

Перс во весь дух побежал по дороге к воротам кампуса — не потому, что надеялся догнать такси, увозящее Анжелику, но затем, чтобы заглушить отчаяние и разочарование. Он постоял у ворот, бессмысленно глядя на пустынное шоссе. Луна зашла за облако, и откуда-то издалека донесся шум уходящего поезда. Перс развернулся и снова пустился бегом по дороге. Он миновал общежитие, обогнул искусственное озеро, повторяя маршрут утренней пробежки в компании Морриса Цаппа, и взбежал на вершину холма, откуда открывался вид на город. Желтоватый свет бесчисленных уличных фонарей озарял небо, затмевая сияние звезд. Тихий гул транспорта, который не умолкает ни днем, ни ночью, эхом отдавался от бетонных автострад и вибрировал в ночном воздухе.

— Анжелика! — в горькой тоске крикнул Перс, обращаясь к равнодушному городу. — Анжелика! Где ты?

2

А в это время Моррис Цапп тихо коротал вечер в компании Хилари Лоу. Филипп в корпусе Мартино гулял на средневековом банкете, двое старших детей Лоу разъехались на учебу по колледжам, а младший, Мэтью, ушел играть на ритм-гитаре в школьной рок-группе.

— Представляешь, — вздохнув, сказала Хилари, когда за ним захлопнулась дверь, — у них в классе *четыре* рок-группы и ни одного дискуссионного клуба. Не знаю, что будет с нашим образованием. Но ты, Моррис, кажется, такие вещи одобряешь. Я помню, тебе нравилась эта жуткая музыка.

— Но только не панк-рок, Хилари, которым, похоже, увлекается твой сын.

— А по мне это все одно и то же.

Ужинали они на кухне, которую, с тех пор как Моррис был здесь в последний раз, расширили и, не скупясь на средства, отремонтировали. По стенам висели фанерованные тиком шкафы, плита была многоярусная, а пол выложен плиткой из прессованной пробки. Хилари вкусно приготовила запеченное в перце мясо с молодым картофелем, а на десерт подала один из своих

бесподобных пудингов, в котором фруктовая начинка выглядывала из-под воздушного бисквита с золотистой растрескавшейся корочкой.

— Хилари, ты стала готовить еще лучше, чем десять лет назад, я не преувеличиваю, — сказал Моррис, приканчивая вторую порцию пудинга.

Она подвинула ему кусок выдержанного французского сыра «бри».

— Похоже, еда для меня — одно из немногих оставшихся удовольствий, — сказала она. — Что губительно отразилось на моей фигуре, как ты сам видишь. Подливай себе вина.

Бутылка была вторая по счету.

— Да ты в отличной форме, Хилари, — сказал Моррис, хотя это было не так. Ее отвисшей тяжелой груди не помешал бы прочный старомодный лифчик, а на талии и бедрах отложились валики жира. Тусклые темные волосы, пронизанные седыми нитями, были убраны в пучок, который ничуть не скрывал морщины на лице и расширенные кровеносные сосуды. — Тебе надо бегать по утрам, — сказал он.

Хилари насмешливо фыркнула:

— Мэтью говорит, что если я побегу, то буду похожа на бланманже в панике.

— Как ему не стыдно!

— Непросто быть одной против двух мужчин в доме. Они всегда заодно. Когда здесь была Аманда, мне было полегче. Ну, а что твоя семья, Моррис? Что поделывает?

— Близнецы осенью пойдут в университет. Разумеется, платить за них буду я, хотя у Дезире с ее гонорарами денег куры не клюют. Меня это просто бесит, но ее адвокаты связали меня по рукам и ногам, о чем она всегда и мечтала.

— А чем занята Дезире?

— Насколько мне известно, пытается закончить свою вторую книгу. После выхода первой прошло уже пять лет, и, по-моему, у нее там что-то заклинило. И поделом — нечего было выжимать из меня все до последнего цента.

— Ее книгу я читала, только вот названия не помню.

— «Критические дни». Недурно, да? Замужество как нескончаемое страдание. В мягкой обложке напечатали полтора миллиона. А как тебе ее книга?

— Ты скажи сначала как тебе, Моррис?

— Ты спрашиваешь, потому что муж в ней — чудовище, каких свет не видывал? А мне это даже понравилось. Ты и представить себе не можешь, сколько женщин стало набиваться мне

в жены после выхода книги. Наверное, захотели испытать на себе, что такое свинский мужской шовинизм, пока экземпляры этой породы не вывелись.

— И ты уважил желающих?

— Нет, блудить я давно перестал. Пришел к выводу, что секс — это сублимация потребности в трудовой деятельности. — Хилари хохотнула. Воодушевившись, Моррис пояснил: — Вот в девятнадцатом веке были верные приоритеты. Чего все действительно жаждали, так это власти, и добивались ее усердным трудом. Теперь же, когда я оглядываюсь на своих коллег, что я вижу? Все как сумасшедшие трахают студенток или друг друга, браки распадаются, не успеешь и глазом моргнуть, а счастливых лиц что-то не видно. Так и кажется, что все предпочли бы заняться делом, хотя стыдятся это признать.

— Возможно, и у Филиппа те же проблемы, — сказала Хилари. — А может быть, и нет.

— У Филиппа? Уж не хочешь ли ты сказать, что он тебе изменяет?

— Нет, ничего серьезного не было, насколько мне известно. Но у него явная слабость к хорошеньким студенткам. И они к нему тоже неравнодушны. Даже не знаю почему.

— Потому что у него власть, Хилари. От одной этой мысли у них мокнут штанишки. Могу поспорить, что это началось, когда он стал завкафедрой, верно?

— Пожалуй, да, — согласилась Хилари.

— А как ты об этом узнала?

— Одна из студенток пыталась шантажировать кафедру. Сейчас я тебе покажу.

Хилари открыла ключом бювар, вынула оттуда ксерокопию экзаменационной работы, протянула ее Моррису, и тот стал читать: «Вопрос № 5. Какими средствами пытается Мильтон „оправдать пути Творца перед тварью“ в „Потерянном рае“?» — Плохого студента сразу видно, — заметил Моррис. — Сначала он полностью переписывает вопрос, а затем берет линейку и подчеркивает его.

> Я думаю, что Мильтон очень хорошо смог оправдать пути Творца, показав, насколько ужасен Сатана, хотя Шелли заметил, что Мильтон, сам того не зная, тоже на стороне Сатаны. С другой стороны, едва ли возможно оправдать пути Творца перед тварью, потому что даже если вы верите в Бога, то он все равно

сделает все, что ему захочется, а если не верите, то какой смысл оправдывать его дела? «Потерянный рай» — это эпическая поэма, написанная белым стихом, и это еще один способ оправдать пути Творца, потому что если бы она была в рифму, то казалась бы слишком надуманной. Мой научный руководитель, профессор Лоу, в феврале совратил меня у себя в кабинете, и если я не сдам этого экзамена, то всем об этом расскажу. Джон Мильтон — величайший английский поэт после Шекспира Он знал много языков и чуть не написал «Потерянный рай» на латыни, но тогда в наши дни поэму никто бы не смог прочесть. Он запер дверь и повалил меня на пол, чтобы не было видно в окно. Я сильно стукнулась головой о мусорную корзину. Он также думал написать эпическую поэму о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, и жаль, что не написал, потому что эта история была бы поинтересней.

— Откуда у тебя это? — спросил Моррис, пробежав глазами бумагу.

— Мне ее переслал кто-то из сотрудников кафедры, не назвав себя. Подозреваю, что это был Руперт Сатклиф. Он первым проверял работу. Это была сентябрьская пересдача года два назад, в июньскую же сессию девица экзамен завалила. Сатклиф и другие с кафедры, из тех, что постарше, потребовали от Филиппа ответа.

— И что?

— Ну, он признал, что употребил студентку у себя в кабинете на ковре, как она и сказала, — на том самом симпатичном индийском коврике, в котором ты прожег дыру сигарой, помнишь? — Тон голоса Хилари был обычным и даже беззаботным, хотя Моррису показалось, что в нем затаилась обида. — Только он заявил, что это *она* его соблазнила — начала во время консультации расстегивать блузку. Как будто он не мог ей сказать, чтобы она застегнулась. К счастью, дело дальше не пошло. Студентка вскоре покинула университет и уехала с родителями за границу.

— И это все?

— Что ты имеешь в виду?

— Это единственный раз, когда Филипп тебе изменил?

— Откуда мне знать? Это был единственный раз, когда его застукали. Однако никто из тех,

с кем я говорила об этом, особого удивления не выразил. И когда я бываю на кафедральных сборищах, на меня поглядывают не иначе как с жалостью.

Они немного помолчали. Затем Моррис сказал:

— Хилари, уж не хочешь ли ты мне сказать, что ты несчастлива?

— Наверное, так оно и есть.

После еще одной недолгой паузы Моррис продолжил: — Если бы на моем месте сидела Дезире, она бы тебе велела забыть о Филиппе и заняться собственной жизнью. Найти себе работу, найти себе мужчину.

— Слишком поздно.

— Никогда не бывает слишком поздно.

— Несколько лет назад я окончила курсы школьных преподавателей, но сразу после этого из-за падения рождаемости школы стали закрываться. Так что с работой плохо. У меня есть кое-какие часы в заочном университете, но это не карьера. А что до любовников, то тут уж я действительно опоздала. Ты был моим первым и последним, Моррис.

— Да ну, — тихонько сказал он.

— Ты только не беспокойся, я не собираюсь тащить тебя в спальню, чтобы тряхнуть стариной.

— Очень жаль, — галантно, но с облегчением сказал Моррис.

— Кстати, Филипп скоро вернется… Нет, десять лет назад я сама заварила эту кашу, теперь сама должна и есть ее, холодную и невкусную…

— О чем это ты?

— Ну, помнишь, когда мы вчетвером завели эти шашни… Филипп хотел со мной расстаться, но я умоляла его не уходить, попытаться спасти брак, вернуться к тем временам, когда мы были более или менее благополучной парой. Я проявила слабость. Скажи я ему: ну и черт с тобой, делай что хочешь, — уверена, не прошло бы и года, и он приполз бы ко мне поджав хвост. Но поскольку я *просила* его вернуться и не выдвигала никаких условий, то теперь сама все и расхлебываю.

— Ну а в постели у вас хоть что-то происходит?

— Изредка. Однако я догадываюсь, что его это не удовлетворяет. На днях я читала в газете о каком-то мужчине, который, перенеся инфаркт, спросил врача, можно ли ему иметь интимные связи. Тот ответил: «Да, это полезная физическая нагрузка, но не слишком увлекайтесь, ограничьтесь женой». Моррис рассмеялся.

— Мне тоже это показалось забавным, — сказала Хилари. — Но когда я прочла заметку Филиппу,

он с трудом выдавил улыбку. Очевидно, подумал, что я хотела его уязвить.

Моррис покачал головой и отрезал себе еще ломтик сыра.

— Все это меня удивляет, Хилари. Откровенно говоря, мне всегда казалось, что в вашем браке лидер — это ты. А теперь, похоже, инициатива перешла к Филиппу.

— Да, в последнее время он неплохо преуспел. У него наконец появилось имя в научном мире. И даже внешность изменилась к лучшему — так привлекательно он еще никогда не выглядел.

— Это я заметил. Бородка у него сногсшибательная.

— Она скрывает его безвольный подбородок.

— И серебристая проседь очень к лицу.

— Он подстригает бородку у парикмахера, — сказала Хилари, — и вообще, средний возраст ему идет. У мужчин это часто бывает. А женщины в это время страдают то от климакса, то от последствий деторождения. По-моему, это несправедливо… Короче, Филипп в конце концов дописал свою книгу о Хэзлитте.

— Я об этом не знал, — сказал Моррис.

— Ее мало кто заметил, и это, конечно, огорчает Филиппа. Однако какая-никакая, а все-таки это

книга, и издательство приняло ее как раз в тот момент, когда освободилось место завкафедрой, что было очень кстати. Собственно, к тому времени он уже давно вел все дела на кафедре, потому ему и дали этот пост. И сразу же его горизонты стали расширяться. Ты и представить себе не можешь, каким сиянием окружено профессорское звание в Англии.

— О, это мне знакомо! — воскликнул Моррис.

— Его стали приглашать на конференции, назначать внешним экзаменатором в другие университеты, он включен в список участников заграничных лекционных туров, которые устраивает Британский Совет. Он все время куда-то мотается. Кстати, через несколько недель он едет в Турцию. А в прошлом месяце был в Норвегии.

— Таков образ жизни современных ученых, — сказал Моррис. — Именно об этом я говорил сегодня утром одному юному участнику конференции. Времена разобщенных, привязанных к месту кампусов миновали.

— А вместе с ними ушли в прошлое и книги, живописующие университетский кампус, не так ли?

— Точно так! Повесть о двух кампусах устарела. Нынешних ученых можно уподобить странству-

ющим рыцарям, которые отправляются в путь в поисках приключений и славы.

— И оставляют своих жен дома под замком?

— Ну, в наши дни среди рыцарей немало женщин. В этом смысле за Круглым столом произошли позитивные сдвиги.

— Все это просто великолепно, — мрачно сказала Хилари. — Однако я принадлежу к поколению женщин, которые ради мужей пожертвовали своей карьерой. Магистерской диссертации я так и не написала, и вот теперь сижу дома и толстею, в то время как мой украшенный сединами муж разъезжает по белу свету в сопровождении ученых барышень вроде Анжелики, как бишь ее, которую он вчера вечером привел к нам в дом.

— Ал Пабст? Девушка что надо. И весьма неглупая.

— Однако она ищет работу, и не исключено, что в один прекрасный день Филипп предложит ей место. Словно чувствуя это, она весь вечер пожирала его глазами и ловила каждое его слово.

— Хотя во время конференции ее можно было видеть исключительно в компании нашего старого друга Демпси.

— Робина Демпси? А это забавно. Теперь понятно, почему Филипп за завтраком отпускал в его

адрес едкие замечания — наверное, из ревности. Возможно, у Демпси в Дарлингтоне есть вакансия. Ну что, я сварю кофе?

Моррис помог Хилари загрузить тарелки в посудомоечную машину, а потом они вместе с кофе переместились в гостиную. Вскоре вернулся Филипп.

— Ну, как банкет? — спросил Моррис.

— Полный позор, — простонал Филипп. Он рухнул в кресло и закрыл лицо ладонями. — Даже слышать о нем не хочу. А Басби надо пристрелить на месте. Или же подвесить на цепях в корпусе Мартино — так, пожалуй, будет более в духе Средневековья.

— Я сразу могла бы тебе сказать, что все будет ужасно, — заметила Хилари.

— Почему же не сказала? — раздраженно спросил Филипп.

— Не хотела вмешиваться. Это твоя конференция.

— Была. Слава богу, все уже позади. Полный провал от начала до конца.

— Ну, не говори так, Филипп, — сказал Моррис. — В конце концов, вы прослушали мой доклад.

— Тебе хорошо рассуждать, Моррис. Ты с прият-

ностью провел этот вечер дома. А мне пришлось два часа кряду слушать похабные песенки в исполнении двух придурков и при этом делать вид, будто это мне страшно нравится. А потом меня заключили в колодки и заставили гостей швырять в меня булками, и опять я должен был изображать, какое мне все это доставляет удовольствие.

Хилари расхохоталась и захлопала в ладоши:

— Как жаль, что меня там не было! — воскликнула она. — И что, кто-нибудь попал в тебя булкой?

— Да, должен сказать, что кое-кто из гостей постарался и успешно поразил цель, — угрюмо промолвил Филипп. — Но хватит об этом. Давайте лучше выпьем.

Он достал бутылку виски и три стакана. Однако Хилари, зевнув, объявила, что намерена лечь спать. Моррис на это сказал, что завтра рано уедет, чтобы поспеть на лондонский самолет, так что попрощаться с ней придется сейчас.

— И куда ты теперь? — спросила Хилари.

— На виллу Рокфеллера в Белладжо, — сказал он. — Это вроде дома творчества для ученых, А на лето у меня уже есть целый список конференций: в Цюрихе, Вене, возможно, Амстердаме. В

Иерусалиме.

— Бог ты мой, — сказала Хилари. — Теперь мне понятно, почему ты говорил о странствующих рыцарях.

— Не вернее ли назвать их «блудными»? — заметил Моррис.

— Так мне даже понятнее, — многозначительно сказала Хилари.

Они пожали друг другу руки, и Моррис неловко чмокнул Хилари в щеку.

— Ну, будь умницей, — сказал он.

— С какой стати?! — возразила она. — Уж я-то ничего предосудительного не делаю. Кстати, я помню, ты выступал против заграничных поездок, Моррис. Ты, кажется, любил повторять, что путешествия сужают кругозор.

— Да, но приходит пора, когда человек должен уступить требованиям времени, в противном случае он выйдет из игры. Для меня этот момент настал в семьдесят пятом году, когда на меня посыпались приглашения на конференции в связи со столетием Джейн Остен в самых немыслимых местах — в Познани, Дели, Лагосе, Гонолулу, — и половина участников оказалась моими однокурсниками. Весь мир обратился в кампус, Хилари, и тебе придется в это поверить.

Кредитная карточка «Американ экспресс» теперь заменяет читательский билет.

— Наверное, Филипп с тобой согласится, — сказала Хилари. Однако Филипп, разливавший виски по стаканам, оставил намек без внимания. — Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, дорогая, — сказал Филипп, не поднимая взгляда. — Мы пропустим по маленькой, чтобы лучше спалось.

Когда за Хилари закрылась дверь, Филипп протянул Моррису стакан виски.

— А что это за летние конференции? — спросил он с жадной заинтересованностью.

— Цюрих — это Джойс. Амстердам — семиотика. Вена — нарратив. Или нарратив в Амстердаме, а семиотика в Вене? Ну, так или иначе. Иерусалим — это точно о будущем литературной критики, поскольку я один из организаторов. Эту конференцию спонсирует журнал под названием «Метакритика», а я — член редколлегии.

— Но почему Иерусалим?

— Почему бы и нет? Это приманка, нечто новенькое. Это место, где люди хотят побывать, однако оно лежит в стороне от привычных туристических маршрутов. Кроме того, тамошний «Хилтон» летом предлагает очень сходные цены,

поскольку в это время в Иерусалиме дьявольски жарко.

— «Хилтон», говоришь? Это тебе не корпус Лукаса или корпус Мартино, — в грустном раздумье заметил Филипп.

— Вот именно. Послушай, Филипп, я понимаю, что ты разочарован тем, как мало народу собралось у тебя в кампусе. Но, если откровенно, чего еще ожидать, если ты предлагаешь им ночлег в задрипанной общаге и дрянную кормежку? Жилье и еда — первое дело на любой конференции. Если люди ими довольны, они интеллектуально возбуждаются. Если же они недовольны едой и жильем, то будут хандрить, брюзжать и прогуливать доклады.

Филипп пожал плечами:

— Я тебя понимаю, но мы здесь просто не можем позволить себе такую роскошь. И другие университеты не будут это оплачивать.

— В Англии точно не будут. Когда я здесь работал, я обнаружил странную аномалию. Ты можешь рассчитывать только на полсотни фунтов или того меньше в год для поездки на конференцию внутри страны и в то же время получить баснословный грант на конференцию за рубежом. Напрашивается очевидное решение:

проводить конференции за пределами Англии. В каком-нибудь приятном месте с теплым климатом, вроде Монте-Карло. Кстати, почему бы тебе этим летом не приехать в Иерусалим?

— Мне? К тебе на конференцию?

— Ну да. Уж ты бы мог состряпать статью о будущем литературной критики, верно?

— Я не считаю, что у критики большое будущее, — сказал Филипп.

— Отлично! Это вызовет полемику. И прихвати с собой Хилари.

— Хилари? — смущенно спросил Филипп. — Да нет, что ты. Она не перенесет жары. Кроме того, я сомневаюсь, что мы это потянем. Двое детей в университете — это сильно подрывает бюджет.

— Ох, и не говори! Я с ужасом ожидаю этой осени. — Уж не Хилари ли подала тебе эту мысль, Моррис? — спросил Филипп, устыдившись собственного вопроса. — Нет конечно. С чего ты взял? Филипп заерзал в кресле.

— Просто последнее время она стала жаловаться, что я подолгу бываю в отлучке, забросил семью, пренебрегаю супружескими обязанностями…

— Но ведь это так?

— Пожалуй, да. Однако эти поездки — един-

ственное, что держит меня на плаву. Смена обстановки, новые лица. Если я возьму с собой Хилари, то пропадет весь смысл моих академических странствий.

— И в чем же заключается их смысл?

Филипп вздохнул.

— Бог его знает. Это трудно выразить словами. А чего мы все ищем в этой жизни? Счастья? Но ведь известно, что счастье быстротечно. Возможно, новых впечатлений, которые заслонят собой прискорбные факты — что не за горами мужское бессилие, болезни, дряхлость, смерть.

— Боже правый, — сказал Моррис. — Это на тебя средневековые банкеты так действуют?

Филипп вяло улыбнулся и подлил в стаканы виски.

— Сильных ощущений — вот, я думаю, чего мы ищем. Мы знаем, что дома этого уже не будет, но всегда есть надежда, что где-то в дальних краях нас что-то ждет. Я это пережил в Америке в шестьдесят девятом.

— С Дезире?

— Дело было не только в ней, хотя и она сыграла свою роль. Прежде всего это была острота чувств, яркие переживания, смесь удовольствия, опасности, свободы и — солнце, солнце и еще раз солнце.

Ты знаешь, когда мы возвратились в Англию, я долго еще в мыслях пребывал в штате Эйфория, хотя внешне вполне вернулся к прежней жизни. Я вставал по утрам, надевал свой твидовый костюм, читал за завтраком «Гардиан», отправлялся пешком в университет, проводил нудные семинары по набившим оскомину текстам… И все это время мое воображение рисовало картины совершенно иной жизни. Там, в своих мыслях, я решил не возвращаться в Англию и по утрам просыпался в Плотине, выходил в купальном халате посидеть на солнце и полюбоваться бухтой, натягивал джинсы и футболку, читал за завтраком «Эйфория таймс», гадая, что нас ждет сегодня, не будет ли акций протеста и демонстраций и не придется ли моим студентам пробиваться на занятия сквозь пикеты и слезоточивый газ, или, быть может, мы соберемся у кого-нибудь в квартире и рассядемся на полу в окружении плакатов, листовок и книжиц, агитирующих за групповую психотерапию, театр авангарда и окончание войны во Вьетнаме.

— Все это уже кончилось, — сказал Моррис. — Теперь ты нашего кампуса не узнаешь. Студенты не бунтуют, а объединяются в братства, носят костюмчики и все хотят попасть на юридический

факультет.

— Да, я об этом слышал, — сказал Филипп. — Какая тоска.

— А эти яркие переживания, о которых ты говоришь, неужели после Америки ты ничего подобного не испытывал?

Филипп уставился в стакан.

— Было однажды со мной такое, — сказал он. — Хочешь, расскажу?

— Позволь мне только взять сигару. Твоя история длиной в толстую или в тонкую сигару?

— Не знаю. Я еще никому ее не рассказывал.

— Какая честь мне выпала, — сказал Моррис. — Возьму-ка я сигару потолще.

Моррис вышел из комнаты взять свою любимую «Ромео и Джульетта». Вернувшись, он обнаружил, что в его отсутствие в гостиной поменялось освещение и сдвинулась со своих мест кое-какая мебель. Два кресла с высокими спинками теперь стояли под углом друг к другу перед камином, в котором слегка теплился огонь. Единственным источником света был торшер за креслом Филиппа, так что лицо рассказчика оставалось в тени. Между креслами стоял длинный журнальный столик, на котором расположились бутылка виски, графин с водой, стаканы и

пепельница. В стакан Морриса Филипп щедрой рукой подлил спиртного.

— Это здесь сидит наррататор? — осведомился Моррис, занимая свободное кресло. Филипп, рассеянно вглядываясь в огонь, слегка улыбнулся и промолчал. Моррис, поднеся к уху сигару, покатал ее между пальцами, с удовольствием прислушиваясь к потрескиванию сухих листьев. Затем он с одного конца проткнул ее, с другого обрезал и закурил, яростно пуская клубы дыма.

— Я тебя слушаю.

— Это случилось несколько лет тому назад, в Италии, — начал Филипп. — Я впервые выехал в заграничный лекционный тур по программе Британского Совета. Я прилетел в Неаполь и затем отправился по стране на поезде: Рим, Флоренция, Болонья, Падуя; завершалось мое турне в Генуе. Последний день выдался довольно суматошным — после обеда у меня была лекция, а вечером я вылетал в Англию. Опекавший меня в Генуе сотрудник Британского Совета поужинал со мной в ресторане, а затем доставил меня в аэропорт. Вылет самолета откладывался — как сообщили, по техническим причинам, поэтому я попросил его из-за меня не задерживаться. Я знал, что ему рано утром надо было ехать в Милан на совеща-

ние. Все это имеет отношение к делу.

— Не сомневаюсь, — сказал Моррис. — В хорошем рассказе нет второстепенных подробностей.

— Так вот, этот сотрудник Британского Совета фамилия его Симпсон, а имени не помню — приятный молодой мужчина, очень дружелюбный, увлеченный своей работой, сказал мне: «Ну ладно, тогда я вас оставлю, но если рейс отменят, позвоните мне, и я устрою вас в гостиницу»…

— Рейс, надо сказать, то и дело откладывался, и когда мы в конце концов вылетели, было уже около полуночи. Самолет был британской авиакомпании. Рядом со мной сидел английский бизнесмен, торговый представитель фирмы, производящей шерстяные ткани, так, кажется…

— Это тоже важно для сюжета?

— Пожалуй, нет.

— Ну что ж, — терпеливо сказал Моррис и плавно взмахнул сигарой. — Обилие частных деталей придает повествованию достоверность.

— Мы сидели поближе к хвосту самолета, как раз позади крыла. Бизнесмен занимал место у окна, а я соседнее. Минут через десять после взлета, когда стюардессы собирались разносить напитки — до нас доносилось звяканье бутылок, — торговый представитель вдруг отвернулся

от окна, похлопал меня по руке и сказал: «Извините, вы не могли бы взглянуть в окно? Не пойму: мне это кажется или у нашего самолета загорелся двигатель?» Я, потянувшись через него, посмотрел в иллюминатор. Там, конечно, было темно, но язычки пламени, вырывающиеся из двигателя, были вполне различимы. Вообще говоря, можно ожидать, что в темноте из сопла двигателя будет исходить огненное сияние. Но то, что я увидел, действительно походило на загоревшийся двигатель. «Даже не знаю, — сказал я бизнесмену, — но, скорее всего, здесь что-то не так». «Может, надо кому-нибудь сказать об этом?» — спросил он. «Надо полагать, они и сами это уже видят», — ответил я. А все дело было в том, что ни один из нас не хотел сглупить, понапрасну подняв панику. К счастью, пассажир, сидевший через проход, заметил нашу возню и подошел взглянуть. «Господи!» — воскликнул он и нажал кнопку вызова стюардессы. Наверное, он был инженер или что-то вроде этого. А стюардесса как раз подкатила к нам тележку с напитками. «Если вы хотите выпить, вам придется немного подождать», — сказала она ему. Из-за задержки рейса экипаж был в несколько раздраженном состоянии. «Известно ли капитану, что у самолета

загорелся бортовой двигатель?» — спросил инженер. Стюардесса вытаращилась на него, потом искоса взглянула в окно и понеслась по проходу, толкая впереди себя, как коляску с младенцем, свою тележку. Не прошло и минуты, как мужчина в форме — наверное, второй пилот — показался в проходе с фонарем в руках. Он встревожено посветил в окно. Двигатель действительно был объят пламенем. Второй пилот со всех ног бросился в кабину. Самолет сделал стремительный вираж и полетел обратно в Геную. Капитан обратился по радио к пассажирам, объясняя, что по технической причине самолет сделает вынужденную посадку, и предупредил, чтобы все были готовы к экстренной эвакуации из салона. Затем кто-то другой проинструктировал нас о том, что надо делать. Должен сказать, его голос звучал на удивление спокойно и сдержанно.

— Это запись, — пояснил Моррис. — У них на все случаи жизни заготовлены кассеты. Как-то раз я летел в реактивном лайнере над Скалистыми горами, и стюардесса по ошибке поставила кассету аварийной посадки. Как сейчас помню: чудный солнечный день, девять тысяч метров над землей, и вдруг нам объявляют спокойным голосом: «Самолет произведет вынужденную

посадку на воду. Если вы не умеете плавать, не поддавайтесь панике. Спасательные службы уже предупреждены о наших действиях». Пассажиры застыли от ужаса, не донеся вилок до рта. Пока экипаж не разобрался, в чем дело, можешь представить себе, что творилось в самолете.

— У нас тоже было достаточно воя и зубовного скрежета. Среди пассажиров было много итальянцев, а ты знаешь, какие они — своих чувств не прячут. Потом пилот ввел самолет в крутое пике, чтобы загасить огонь.

— Кошмар! — сказал Моррис Цапп.

— Впрочем, у него хватило ума сначала объяснить, что он собирается сделать. Правда, говорил он по-английски, так что все итальянцы решили, что мы сейчас упадем в море, и стали вопить, рыдать и креститься. Но пике помогло, огонь действительно загас. Затем нам пришлось минут двадцать кружить над морем, чтобы выработать топливо. Это были самые долгие двадцать минут в моей жизни. — Могу себе представить.

— Если честно, я думал, что это последние двадцать минут в моей жизни.

— И какие мысли пришли тебе в голову?

— Я подумал: какой идиотизм. Потом подумал: какая несправедливость. Кажется, произнес ка-

кую-то молитву. Я представил, как Хилари и дети услышат утром по радио сообщение об авиакатастрофе, и мне стало не по себе. Потом я вообразил, что выжил, но остался калекой. Я попытался вспомнить, что там говорилось в страховке Британского Совета для участников лекционных заграничных туров — столько-то за потерянную руку, столько-то за ногу ниже колена, столько-то за ногу выше колена. О том, что я могу сгореть заживо, я старался не думать.

— Посадка в Генуе и без всяких приключений — испытание не для слабонервных. Не знаю, известно ли тебе, Моррис, но там есть далеко уходящий в море скалистый мыс. Самолеты, подлетающие с севера, должны развернуться, а затем пролететь между ним и горами, прямо над городом и портом. А мы проделывали эти виражи глубокой ночью и при одном сдохшем двигателе. Разумеется, аэропорт был поднят на ноги по тревоге, но что можно было ожидать от такого маленького аэропорта, да еще в Италии? Как только мы коснулись земли, я увидел, как к нашему самолету помчались, сверкая сигнальными огнями, пожарные машины. Когда самолет остановился, экипаж открыл запасные выходы и пассажиры стали съезжать на землю по на-

дувным трапам. Правда, ближайший к нам, то есть ко мне и шерстяному бизнесмену, выход открывать не стали, поскольку он был рядом со злосчастным двигателем. Так что мы покинули самолет последними. Помню, мне подумалось, что это довольно несправедливо, поскольку если бы не мы, вся эта хреновина могла бы взорваться в воздухе.

— Короче, мы выбрались наружу, очертя голову бросились к поджидавшему нас автобусу и на нем доехали до аэровокзала.

Пожарные машины обляпали самолет пеной. Пока из него извлекали наш багаж, я позвонил тому парню из Британского Совета. Наверное, прежде всего мне хотелось поделиться с кем-нибудь радостью по поводу своего спасения. Так странно было при этом думать, что Хилари и дети сейчас спят и не подозревают, что я был на волоске от смерти. Звонить Хилари и пугать ее задним числом я не хотел. Но поговорить хоть с кем-то мне было просто необходимо. Кроме того, мне не терпелось поскорее выбраться из аэропорта. Итальянские пассажиры впали в истерику: рыдали, целовали землю, истово крестились и все такое прочее. Было совершенно ясно, что до утра мы никуда не полетим и что на

организацию ночлега понадобится уйма времени. А Симпсон сказал мне, чтобы я звонил, если возникнут проблемы. Поэтому я и позвонил, хотя шел второй час ночи. Как только до него дошло, что со мной стряслось, он сказал, что немедленно выезжает в аэропорт. Через полчаса он забрал меня оттуда, и мы поехали в город, чтобы найти гостиницу. Мы побывали сразу в нескольких, но безуспешно: они либо были закрыты на ночь, либо не имели свободных мест — на той неделе в Генуе проходила торговая выставка. В конце концов Симпсон сказал: послушайте, поехали к нам, у нас нет свободной спальни, но в гостиной стоит раскладной диван. И он привез меня к себе домой; квартира у него была в современном многоэтажном здании, на склоне горы с видом сразу на город и на море. Я был совершенно спокоен и совсем не хотел спать. Должен сказать, меня даже удивило собственное хладнокровие. Но когда он предложил мне хлебнуть бренди, я с готовностью согласился. Я окинул взглядом комнату и почувствовал внезапный приступ тоски по дому. Последние двенадцать дней я жил в гостиничных номерах, а питался в ресторанах. Теперь мне это даже нравится, но тогда, с непривычки, стоило немалых усилий. А здесь был маленький остро-

вок домашнего английского уюта, в котором я мог расслабиться и прийти в себя. По комнате были разбросаны детские игрушки и английские газеты, а в ванной на веревке сушилось нижнее белье из магазина «Маркс энд Спенсер». Пока мы угощались бренди и я рассказывал Симпсону о своем приключении, в комнату вошла его жена. Она была в халате и, зевая, терла глаза. Раньше я с ней не встречался. Звали ее Джой.

— Ага, — пробормотал Моррис. — Ее имя ты запомнил.

— Я извинился за доставленное беспокойство. Джой сказала: ничего-ничего, но было видно, что она не так уж мне и рада. Она спросила, не хочу ли я перекусить, и тут я понял, что зверски проголодался. Она принесла из кухни сырокопченой ветчины, какой-то кекс, чаю, и мы устроили импровизированный ужин. Я сидел как раз напротив Джой. Халат на ней был из синего велюра, с капюшоном и застежкой на молнии от воротника до подола. У Хилари когда-то был такой же, и, поглядывая искоса на Джой, я словно видел перед собой молодую и хорошенькую Хилари, такую, какой она была, когда мы поженились. Джой было, наверное, лет тридцать с небольшим. У нее были светлые волосы и голубые глаза.

Слегка тяжеловатый подбородок, зато красивой формы рот и полные губы. В ее речи чувствовался легкий северный акцент, наверное из Йоркшира, подумал я. Она немного преподавала разговорный английский в университете, но главное свое предназначение видела в том, чтобы помогать мужу в его карьере. Можно было не сомневаться, что гостеприимство в столь поздний час было оказано мне исключительно ради него. Ну вот, мы сидели, разговаривали, ели, пили, и внезапно я воспылал непреодолимой страстью к Джой.

— Так я и знал, — сказал Моррис.

— Вырвавшись из лап смерти, я вновь ощутил жажду жизни, которую я навсегда, как мне казалось, утратил после возвращения из Америки. В каком-то смысле постигшее меня чувство было сильнее всех, дотоле мною испытанных. Еда была изысканна на вкус, чай благоухал, как амброзия, а сидящая напротив женщина казалась мучительно красивой, тем более мучительно, что не сознавала, насколько привлекательна она для меня в эту минуту. Волосы у нее были растрепаны, лицо припухло от сна, и разумеется, на губах не было никакой помады.

Она сидела себе тихонько, уютно держа в ладонях кружку, и слегка улыбалась знакомым

шуткам мужа. Если честно, то в подобной ситуации такие же чувства, наверное, возникли бы у меня по отношению к любой женщине, хоть мало-мальски привлекательной. Джой воплотила в себе весь женский род. Знаешь, как Адам у Мильтона: увидев Еву во сне, он пробудился и обнаружил, что сон стал явью. Я подумал: Боже, до чего хороши женщины. Какие они нежные, мягкие и добрые. И как было бы чудесно, как естественно подойти к Джой и обнять ее, зарыться головой в ее колени. И все это происходило под рассказ Симпсона о том, насколько ужасен уровень преподавания английского в итальянских школах. В конце концов, взглянув на часы, он сказал, что уже пятый час, и, вместо того чтобы ложиться спать, он лучше поедет в Милан и там уж отдохнет. Он собрался ехать на служебной машине, чтобы Джой утром подвезла меня в аэропорт на их собственной.

— Я знаю, что будет дальше, — сказал Моррис, — хотя в это трудно поверить.

— Сумка у него была уложена, так что он решил не терять времени. Мы пожали друг другу руки, и он пожелал мне более удачного полета. Джой проводила его до дверей, и мне было слышно, как они поцеловались на прощанье. Когда Джой

вернулась в комнату, вид у нее был слегка смущенный. Синий халат был ей длинноват, она придерживала его за полу и выглядела при этом как-то изысканно-старомодно. Я заметил, что она босиком. «Вы, наверное, хотите прилечь, — сказала она. — В комнате Джерарда есть вторая кровать, но если я положу вас там, то он, когда проснется утром, испугается. — Я сказал, что меня вполне устроит диван. — Джерард встает ни свет ни заря и потревожит вас, — сказала она. — Может, вы ляжете у нас в спальне, а я пойду спать к нему?» Я отказался. Она стала меня уговаривать и сказала, что ей только надо постелить свежие простыни. Я ответил, что ни в коем случае не хочу доставлять ей столько хлопот. Мысль о постели, еще хранящей тепло ее тела, была невыносима. Я задрожал еще сильней, подавляя в себе желание отринуть все моральные препоны, броситься к Джой, рвануть, как парашютное кольцо, застежку на ее халате и упасть вместе с нею на пол.

— Какая дивная метафора, Филипп, — сказал Моррис. — Даже не верится, что ты никому не рассказывал эту историю.

— По правде сказаться записал ее, — ответил Филипп. — Для собственного удовольствия. Но никому не показывал. — Он подлил в стаканы

виски. — Ну вот, так мы и стояли, глядя друг на друга. Вдали послышался шум газующей машины, возможно, это Симпсон спускался с горы. «Что с вами? — спросила она. — У вас озноб». Она тоже слегка дрожала. Я сказал, что это, наверное, шок. Запоздалая реакция. Она налила мне бренди и сама хлебнула немного. Мне было ясно: она понимает, что трясет меня не от шока, а от ее близости, но было также видно, что она не вполне доверяет своим ощущениям. «Вам надо быстрее лечь в постель, — сказала она. — Я провожу вас в спальню».

— Я последовал за ней в хозяйскую спальню. Она была освещена единственной лампой под малиновым абажуром, стоявшей на тумбочке. В середине комнаты расположилась большая двуспальная кровать с откинутым одеялом. Джой поправила его, взбила подушку. Я все никак не мог унять дрожь. Она спросила, не дать ли мне грелку. Я ответил: «Я знаю, что надо сделать, чтобы я перестал дрожать. Обнимите меня, пожалуйста».

— В комнате было темновато, однако я увидел, что Джой покраснела. «Я не могу этого сделать, — сказала она. — Не могу, не просите. — Ну, пожалуйста», — сказал я и, сделав шаг, встал

перед ней.

— Девяносто девять женщин из ста сразу бы развернулись и вышли из комнаты, возможно, закатив мне оплеуху. А Джой так и стояла передо мной. Я подошел к ней вплотную и обнял ее. Боже, как это было чудесно. Сквозь велюровый халат и собственную рубашку я чувствовал тепло ее груди. Она обняла меня, замкнув руки у меня за спиной. Будто по мановению волшебной палочки, меня перестало лихорадить. Уткнувшись подбородком ей в плечо, я стал, как в бреду, нашептывать ей, какая она необыкновенная и великодушная и прекрасная, и какое безумное наслаждение держать ее в руках, и как в меня вливаются жизненные силы, и прочую романтическую чепуху. И все это время я посматривал на себя в трюмо, на свое отражение в этом странном малиновом свете, и видел свой подбородок на ее плече и свои руки, шарящие у нее по спине, — будто я смотрел какой-то фильм или вглядывался в магический кристалл. Все это казалось таким далеким от реальности. Я увидел, как мои руки скользнули вниз по ее спине, как мои ладони обхватили ее ягодицы, собирая в горсть ткань ее халата, и мысленно сказал своему отражению: ты сошел с ума, она сейчас вырвется, даст тебе

пощечину, станет звать на помощь. Но ничего этого она не сделала. Я увидел в зеркале, как, выгнув спину, она плотнее прижалась ко мне. Меня качнуло, и, восстанавливая равновесие, я слегка развернулся, чтобы видеть ее лицо, отраженное в зеркале напротив, и, бог ты мой, на ее лице я увидел блаженную отрешенность, глаза ее были прикрыты, а на губах играла улыбка. Улыбка! Я приник к ней и жадно поцеловал ее в губы. Ее язык, как теплый угорь, скользнул мне в рот. Я тихонько потянул вниз молнию на ее халате и просунул внутрь руку. Под халатом на ней ничего не было.

Филипп замолчал и уставился в камин. Моррис вдруг почувствовал, что сидит на самом краю кресла, а сигара у него во рту давно погасла.

— Ну, и? — спросил он, шаря в кармане в поисках зажигалки. — Что было дальше?

— Я стянул с ее плеч халат, и он упал на пол, потрескивая статическим электричеством. Я рухнул на колени и уткнулся лицом ей в живот. Джой провела руками по моим волосам, а потом ухватила меня за плечи, царапая их ногтями. Я положил ее на кровать и стал одной рукой срывать с себя одежду, другой продолжая ласкать ее и боясь, что, если отниму руку, то потеряю

ее. У меня едва хватило соображения спросить, есть ли у нее какая-нибудь защита, и она, не открывая глаз, кивнула. И мы предались любви. В том, что произошло, не было особого изыска, да и кончилось все довольно быстро. Однако ни раньше, ни потом я не переживал оргазма столь необыкновенной силы. Как будто, бросая вызов смерти, я тащил себя из могилы за собственный член. И Джой пришлось зажать мне рот, чтобы я перестал во весь голос выкрикивать ее имя.

— А затем, почти мгновенно, я погрузился в сон. Когда я проснулся, в кровати рядом со мной никого не было, а сам я, совершенно голый, лежал прикрытый одеялом. Сквозь щели оконных ставен в комнату пробивалось солнце, а в соседней комнате шумел пылесос. Я взглянул на часы: было половина одиннадцатого. Я даже подумал, не приснилось ли мне все это, но физически воспоминание было слишком ярким и специфичным, а в комнате валялась разбросанная мною одежда. Я натянул брюки и рубашку и вышел из спальни в гостиную. Там крошечная итальянка в косынке пылесосила ковер. Она улыбнулась мне, выключила пылесос и произнесла что-то нечленораздельное. В это время в гостиную из кухни вышла Джой, а с ней маленький маль-

чик с заводной машинкой в руке — он во все глаза уставился на меня. Джой выглядела совсем иначе, чем прошлой ночью, казалась более собранной и ухоженной. Правда, рука ее была заклеена лейкопластырем — наверное, порезалась, но в целом вид ее был безукоризнен: льняное платье, блестящие, пышные, будто только что вымытые, волосы. Она широко, хотя и несколько принужденно, улыбнулась, избегая смотреть мне в глаза. «Доброе утро, — сказала она, — а я как раз собиралась вас будить». Она уже звонила в справочную и узнала, что мой самолет вылетает в половине первого. Как только я буду готов, она отвезет меня в аэропорт. Что я хочу сначала — позавтракать или принять душ? Ни дать ни взять идеальная протокольная дама из Британского Совета — вежливая, терпеливая, отстраненная. Она даже поинтересовалась, хорошо ли я спал. Мне снова на миг показалось, что вчерашний эпизод не более чем эротическое сновидение, но когда я увидел висящий на двери ванной синий велюровый халат, пережитое вспыхнуло в моей памяти в столь чувственных подробностях, что их было невозможно принять за фантазию. Точная форма ее сосков, коротких, цилиндрической формы, осталась на кончиках моих пальцев;

мне запомнилось обилие волос у нее на лобке — золотистых, с малиновыми искорками от света ночной лампы, я видел линию на животе, где кончался загар… Нет, это был не сон. Но заговорить с ней о нашей тайне при итальянской уборщице с пылесосом и малыше, вертящемся под ногами, было просто немыслимо. И было очевидно, что она этого не хочет. Она кружила по квартире, переговаривалась с итальянкой, занималась сыном. И даже взяла его с собой, когда повезла меня в аэропорт. А этот маленький паршивец вполне мог все уразуметь. Он сидел на заднем сиденье, но то и дело вклинивал между нами голову, не давая заговорить на интимные темы. Я начинал понимать, что мы так и расстанемся, ни словом не обмолвившись о прошлой ночи. Это казалось дикой нелепостью. Я все никак не мог взять в толк, что она за птица. Мне просто необходимо было узнать, что толкнуло ее на столь необычный шаг. Кто она — нимфоманка, отдающая себя первому встречному? А я — лишь один из длинной череды английских лекторов, прошедших через спальню с лампой под малиновым абажуром? Меня даже посетила мысль, что она в тайном сговоре с мужем, а я выступаю пешкой в какой-то извращенной эротической

игре, и что, возможно, он тихонько вернулся домой и спрятался в спальне за одним из зеркал. Однако одного взгляда на ее лицо, повернутое ко мне в профиль, было достаточно, чтобы напрочь отмести подобные предположения — все в ней было сама норма, само благоразумие и сама сдержанность. Так почему же она сорвалась? Ответ был мне необходим как воздух.

— Когда мы приехали в аэропорт, она сказала: «Ничего, если я вас здесь оставлю?» Но все-таки вышла из машины, чтобы открыть багажник. Я понял, что это единственный шанс перемолвиться с ней наедине. «Нам все-таки надо хоть что-то сказать друг другу о том, что случилось ночью, — начал я, вынимая из багажника сумку. — Не беспокойтесь, — ответила она, одарив меня любезной улыбкой. — Вы нам нисколько не помешали, такая у нас работа. Мы привыкли, что народ приезжает к нам в любое время суток, правда, не всегда прямиком из горящего самолета. Надеюсь, в этот раз полет будет более удачным. До свиданья, мистер Лоу».

— «Мистер Лоу!» И эта женщина несколько часов назад лежала подо мной, обхватив ногами мою спину! Да, было совершенно ясно, что по каким-то причинам она хочет сделать вид, что

прошлой ночью между нами ничего не было, хочет стереть этот эпизод из памяти, отменить его, распустить, как вязаный носок. И что единственное, чем я мог выразить благодарность, было подыграть ей. Поэтому я, пусть и с неохотой, но отступился от расспросов. И позволил себе лишь одну маленькую поблажку. Когда она протянула мне руку, я, вместо того чтобы пожать ее, поднес к своим губам. Как мне показалось, в итальянском аэропорту этот жест был вполне уместен. Она покраснела, так же густо залилась краской, как и прошлой ночью, когда я попросил обнять меня, и невероятная нежность того объятья вновь прихлынула ко мне и, насколько я мог понять, к ней тоже. Затем она отошла от багажника, села за руль, в последний раз взглянула на меня в окно и уехала. Больше я ее никогда не видел.

— Как знать, может еще… — сказал Моррис. Филипп покачал головой. — Она погибла. — Погибла?!

— Все трое погибли в авиакатастрофе в Индии год спустя. Я видел их имена в списке пассажиров. В живых никого не осталось. «Симпсон Дж. К., его жена Джой и их сын Джерард».

Моррис выдохнул, глухо присвистнув.

— Бог ты мой, как все это печально! Вот уж не

думал, что у твоего рассказа будет несчастливый конец.

— И в чем-то иронический, если вспомнить, как мы познакомились, правда? Поначалу я чувствовал себя страшно виноватым, как будто наслал на нее смерть, которой сам едва избежал. Но потом все-таки убедил себя, что это чистой воды суеверие. Но я на всю жизнь сохраню в своем сердце маленькое святилище во имя Джой.

— Маленькое что?

— Святилище, — торжественно сказал Филипп. Моррис закашлялся от сигарного дыма и ничего не сказал. — Ко мне вернулось желание жить, которое, как мне казалось, навсегда меня покинуло. В том, как она неожиданно подарила мне себя, было столько щедрости… Я убедился, что жить стоит и что надо взять от жизни все, пока есть время.

— А еще у тебя были похожие приключения? — спросил Моррис, слегка задетый впечатлением, какое на него произвел рассказ Филиппа, столь же эротический, сколь и печальный.

Филипп слегка покраснел.

— Из этой истории я извлек один урок: никогда не отказывай тому, кто жаждет твоего тела, и никогда не говори «нет» тому, кто предлагает

тебе свое.

— Понятно, — сухо сказал Моррис. — А ты согласовал эту формулу с Хилари?

— У нас с Хилари на многое не совпадают взгляды. Еще виски?

— Если только по последней. Мне завтра в пять утра вставать.

— Ну, а ты, Моррис? — спросил Филипп, разливая виски. — Как у тебя с личной жизнью?

— После того как мы расстались с Дезире, я пытался жениться по новой. У меня в доме появлялись женщины, в основном из бывших студенток, но ни одна из них не хотела за меня замуж — у современных девушек нет никаких моральных устоев, — и постепенно я потерял интерес к браку. Теперь живу сам по себе. Бегаю трусцой. Смотрю телевизор. Пишу книги. Иногда хожу в массажный салон в Эссефе.

— В массажный салон? — недоверчиво переспросил Филипп.

— А в этих заведениях работают весьма недурные девушки. Никакие не проститутки. С высшим образованием. Чистые, ухоженные, с ними есть о чем поговорить. Когда я был подростком, то сколько сил и времени тратил на то, чтобы уломать подобную девушку доставить мне удовольствие

на заднем сиденье папашиного «шевроле»… А теперь это так же просто, как сходить в супермаркет. Большая экономия времени и нервов.

— Но это же не отношения!

— Отношения убивают секс, ты что, до сих пор этого не понял? Чем дольше длятся отношения, тем меньше в них чувственности. Не надо обманывать себя, Филипп, — ты думаешь, у вас с Джой второй раз получилось бы так же великолепно?

— Да, — сказал Филипп. — Да.

— А двадцать второй раз? А сто двадцать второй?

— Думаю, нет, — согласился с Моррисом Филипп. — Привычка может погубить все что угодно, так ведь? Наверное, именно этого мы все ищем — страсти, не задушенной привычкой.

— У русских формалистов есть соответствующий термин, — сказал Моррис.

— Возможно, — согласился Филипп. — Только без толку называть мне его, потому что я сразу его забуду.

— «Остранение», — сказал Моррис. — По их мнению, в этом и заключается суть литературы. «Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны {…} И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи,

существует то, что называется искусством». Виктор Шкловский.

— Когда-то я находил удовлетворение в книгах, — сказал Филипп. — Но с возрастом я почувствовал, что этого недостаточно.

— Но ты ведь снова отправляешься в путь-дорогу? Хилари сказала, что на этот раз тебя ждет Турция. Что ты там будешь делать?

— Еще один курс лекций по линии Британского Совета. Буду говорить о Хэзлитте.

— Что, турок интересует Хэзлитт?

— По-моему, не очень, но сейчас отмечается его двухсотлетие. Точнее — отмечалось в прошлом году, тогда же и зашла речь о поездке. Однако на ее организацию ушло довольно много времени… Кстати, ты получил экземпляр моей книги о Хэзлитте?

— Нет. Я только что говорил об этом Хилари. Я о ней даже не слышал.

Филипп досадливо крякнул.

— Ну что ты будешь делать с этими издателями?! Ведь я специально просил послать тебе дарственный экземпляр. Позволь мне поднести тебе его сейчас.

Он вынул из книжного шкафа книгу в ярко-голубой суперобложке, быстро надписал ее и

вручил Моррису. Книга называлась «Хэзлитт и просто читатель».

— Я не думаю, что ты во всем со мной согласишься, Моррис, но вдруг тебе покажется, что в книге что-то есть: тогда я буду тебе очень благодарен, если ты поможешь отрецензировать ее. До сих пор я не получил ни единого отзыва.

— Едва ли подобной книгой заинтересуется журнал «Метакритика», — сказал Моррис. — Но я попробую что-нибудь придумать — Он быстро перелистал книгу. — Хэзлитт вообще-то не в моде, верно?

— И совершенно незаслуженно, — возмутился Филипп. — Человек он был необычайно интересный. Ты читал его «Liber Amoris»?[27]

— Кажется, нет.

— Это слегка беллетризованная история его страстного увлечения дочерью квартирной хозяйки. В то время он был в разъезде с женой и тщетно надеялся получить развод. А девица по натуре была типичная динамо. Позволяла ему сажать себя на колени, лезть к ней под юбку, но спать с ним не желала и даже не обещала выйти за него замуж, когда он будет свободен. От всего

---

[27] Примечания: 27
«Книга о Любви» *(лат.).*

этого он чуть не свихнулся. Ни о чем другом и думать не мог. А в один прекрасный день увидел ее с другим мужчиной. Конец иллюзиям. Моральный крах. Я ему сочувствую. Наверное, эта девица…

Голос Филиппа дрогнул, и Моррис заметил, как он побледнел, уставившись на дверь гостиной. Переведя взгляд, Моррис увидел стоящую в дверях Хилари. На ней был велюровый халат линялого синего цвета с капюшоном и застежкой на молнии от воротника до подола.

— Мне не спалось, — сказал она. — А потом я вспомнила, что не сказала тебе оставить входную дверь незапертой. Мэтью еще не вернулся. Что с тобой, Филипп? Ты смотришь на меня так, будто я привидение.

— Этот твой халат…

— Что халат? Я его достала, потому что другой сейчас в химчистке.

— Нет, ничего. Я думал, ты давно его выбросила, — сказал Филипп и одним глотком допил виски. — Ну, всем пора спать.

Часть II

1

Ровно в пять утра Моррис Цапп просыпается от писка своих наручных часов, хитроумного изделия микроэлектронной промышленности, которое при нажатии кнопки может сообщить ему точное время в любой точке земного шара. Например, в австралийском городе Куктаун, штат Квинсленд, уже три часа дня, что, впрочем, мало интересует Морриса Цаппа в ту минуту, когда он, потягиваясь и зевая, пытается нашарить выключатель ночной лампы, хотя — бывают же совпадения — именно в этот час в городе Куктаун, штат Квинсленд, преподаватель местного университета Родни Вейнрайт трудится над докладом для организуемой Моррисом Цаппом конференции в Иерусалиме, посвященной будущему литературной критики.

В Куктауне жарко, очень жарко. От пота шариковая ручка скользит в руке Родни Вейнрайта, а на бумаге, там, где он прижимает ее ладонью, остаются влажные пятна. До письменного стола его кабинета в маленьком одноэтажном доме на окраине Куктауна доносится шум морских волн с соседнего пляжа. Там — и это ему известно —

сейчас большинство студентов группы, которой он читает предмет под названием «Теория литературы от Колриджа до Барта». Они плещутся в бело-голубых волнах или лежат, раскинувшись, на ослепительно-желтом песке; у девушек, чтобы загар лег ровнее, приспущены бретельки купальников-бикини. Родни Вейнрайт точно знает, что студенты там, поскольку после занятий они приглашали его на пляж, посмеиваясь и подталкивая друг друга локтями, будто желая намекнуть ему: «О'кей, с утра мы поиграли в твои культурные игры, а теперь, быть может, ты поиграешь в наши? — Извините, — сказал он им, — я бы с превеликим удовольствием, но мне надо писать доклад для конференции». И вот теперь они на пляже, а он за письменным столом. Позже, когда солнце спустится за горизонт, они вскроют банки с пивом, разведут огонь под жаровней, и кто-нибудь из парней начнет наигрывать на гитаре. А когда стемнеет, возможно, поступит предложение поплавать нагишом — до Родни Вейнрайта доходили слухи, что так обычно заканчиваются пляжные тусовки. Он пытается себе представить участие в подобных игрищах Сандры Дикс — пухлой белокурой англичанки, которая всегда сидит на его занятиях в первом ряду, широко распахнув

рот и ворот блузы. Вздохнув, Родни переводит взгляд на лежащий перед ним линованный лист бумаги и перечитывает написанное десять минут назад:

> Вопрос, однако, состоит в том, каким образом литературная критика может выполнять определенную М. Арнольдом функцию идентификации лучшего из задуманного или сказанного, когда литературный дискурс разбалансирован из-за разрушения традиционного понятия об авторе, авторстве, как таковом?

Родни Вейнрайт берет в кавычки слово «авторство» и напрягает мозговые извилины, обдумывая следующее предложение. Доклад надо закончить как можно скорее, поскольку Моррис Цапп хотел взглянуть на черновой вариант, прежде чем включить его в программу, а от включения зависит грант, который позволит Родни Вейнрайту вылететь летом (по-австралийски — зимой) в Европу, припасть к источнику теоретической мысли, установить полезные и перспективные контакты, а также прибавить строчку к списку своих академических заслуг и достижений, которые со временем помогут ему получить кафедру

в Сиднее или Мельбурне. Ему совсем не улыбается встретить старость в городе Куктаун, штат Квинсленд. Этот край не для престарелых. Даже сейчас, в свои тридцать восемь лет, он не имеет ни малейших шансов на благосклонность Сандры Дикс, окруженной загорелыми и мускулистыми героями пляжа. Последствия двадцатилетней умственной деятельности сразу выдают себя, стоит ему надеть купальные трусы, даже самые свободные: его крупная, лысеющая, украшенная очками голова венчает незагорелый грушевидный торс с хилыми конечностями, как будто наспех пририсованными детской рукой. И даже если каким-то чудом Сандра Дикс, ослепленная блеском его интеллекта, оставит без внимания несовершенства его плоти, его жена Беверли быстро пресечет все попытки вывести дружбу с ней за академические пределы.

Как будто в подтверждение этой мысли в поле зрения Родни Вейнрайта появляется массивный зад Беверли, плотно обтянутый цветастой юбкой. Согнувшись пополам и обливаясь потом под широкополой шляпой, она медленно пятится через газон и что-то тащит за собой — что это? Шланг? Веревка? Какой-то зверь на поводке? Оказывается, это детская игрушка, какая-то ярко

раскрашенная штуковина на колесиках, которая развратно вихляется и подскакивает на ходу, а вслед за ней ковыляет, заливаясь смехом, соседский младенец. Решительная и здравомыслящая женщина — жена его, Беверли. Родни Вейнрайт с уважением, но без вожделения созерцает ее филейную часть. И, представляя в той же самой позе Сандру Дикс в голубых джинсах, глубоко вздыхает. И снова упирает взгляд в линованный лист бумаги.

«Единственно возможное решение», — пишет он и делает паузу, задумчиво кусая кончик ручки.

Единственно возможное решение заключается в том, чтобы побежать на пляж, схватить за руку Сандру Дикс, утащить ее за песчаный бугор, стянуть с нее трусики и…

— Чайку не хочешь, Родни? Я сейчас буду заваривать. В открытое окно заглядывает лоснящаяся от пота физиономия Беверли. Родни перестает писать и стыдливо прикрывает рукой блокнот. Беверли исчезает, Родни вырывает лист из блокнота, рвет его на мелкие части и швыряет в корзину, где уже покоится кучка скомканной и порванной бумаги. И снова начинает писать на чистом листе: «Вопрос, однако, состоит в

том, каким образом литературная критика…» Вздремнувший ненадолго Моррис Цапп в панике просыпается, но, взглянув на подсвеченный циферблат, с облегчением отмечает, что прошло лишь пятнадцать минут. Почесываясь и дрожа от холода (Лоу, с типично английской прижимистостью, на ночь отключают отопление), он встает с кровати, надевает халат и тихонько пробирается по коридору в ванную. Потянув за шнурок выключателя, жмурится от вспыхнувшего света, запрыгавшего зайчиками на белом кафеле. Справив малую нужду, Моррис моет руки и, стоя перед зеркалом, показывает самому себе язык, который напоминает высохшее ложе осквернённой нечистотами, реки. Слишком много сигар и алкоголя вчера вечером. И не только вчера.

В распорядке дня странствующего ученого есть тяжкая минута, когда ему ни свет ни заря надо вырваться из объятий Морфея и в полном одиночестве проводить себя на самолет. Разглядывая в зеркало обложенный язык, протирая красные глаза и щупая заросший подбородок, Моррис Цапп на какое-то мгновенье задумывается, зачем ему все это надо и стоит ли игра свеч. Дабы избавиться от грустных мыслей, он решает принять душ, опасаясь, как бы вой и содрогание водо-

проводных труб не разбудили хозяев. Правда, выть и содрогаться приходится ему самому, поскольку вода из крана льется чуть теплая, однако душ возвращает ему бодрость. Под жужжание электрической бритвы, способной работать при любом напряжении, а также, случись необходимость, и на батарейках, в голове у Морриса Цаппа проясняется. Он снова взглядывает на часы — пять тридцать. Такси заказано на шесть, так что есть время спуститься в кухню и выпить чашку кофе. А позавтракает Моррис Цапп в аэропорту Хитроу, ожидая рейса на Милан.

*

А в это время в пяти тысячах километрах к западу от Раммиджа, в местечке Геликон, штат Нью-Хэмпшир, в дачном поселке писателей бывшая жена Морриса Цаппа Дезире беспокойно ворочается в постели. На часах полпервого ночи, и уже с час ей не спится. Это потому, что ее тревожит проделанная днем работа. Тысячу слов удалось ей написать в одном из спрятанных в лесу коттеджей, куда по утрам с термосами и судками удаляются писатели, чтобы остаться тет-а-тет со своею музой. Оттуда под вечер Дезире вернулась в главный корпус довольная своим

достижением. Однако во время дружеской беседы с писателями и художниками за ужином, перед телевизором и у теннисного стола ее стали посещать робкие сомнения относительно той тысячи слов. Являются ли они верными и единственно возможными? Дезире не поддается искушению подняться в свою комнату и перечесть их. Порядки в Геликоне строгие, почти монашеские: дни его обитатели проводят в безмолвной и уединенной битве за искусство; вечерами же общаются друг с другом и культурно отдыхают. Дезире обещает себе, что перед сном не будет заглядывать в рукопись, а даст ей вылежаться до утра: чем дольше она не будет открывать ее, тем вероятнее забудет написанное и потом сможет беспристрастно перечесть и оценить откровения, которыми надеется потрясти читателя.

Дезире легла спать в половине двенадцатого, стараясь не смотреть в сторону соснового комода, на котором лежит оранжевая папка, содержащая драгоценную тысячу слов. Однако от папки исходит какое-то сияние: даже с закрытыми глазами Дезире чувствует ее присутствие, будто папка-источник радиоактивного излучения. Написанный сегодня текст войдет в книгу, над которой Дезире трудится уже четыре года. Охватывая самые

разнообразные жанры — и беллетристику, и публицистику, и фэнтези, и литературную критику — книга озаглавлена просто: «Мужчины». Каждая глава своим названием имеет известный афоризм, в котором слово «женщина» заменено словом «мужчина». Уже написаны «О мужчины, вам имя — вероломство»[28], «Геенна — рай в сравнении с мужчиной, что отвергнут был тобой»[29], и «С дурными мужчинами не знаешь покоя, а с хорошими изнываешь от скуки. Вот и вся разница»[30]. Сейчас Дезире работает над главой, в названии которой отразился отчаянный возглас Фрейда: «Чего же хочет мужчина?!»[31] Ответ, согласно Дезире, таков: «Всего — и потом еще чего-то».

Дезире переворачивается на живот и раздраженно оправляет подол запутавшейся в ногах ночной рубашки. Она подумывает, не расслабиться ли ей с помощью вибратора, однако этот

---

[28] Примечания: 28

Из трагедии «Гамлет» . *Пер. Б. Пастернака.*

[29] Примечания: 29

Из стихотворения «Скорбящая невеста» Уильяма Конгрива.

[30] Примечания: 30

Из пьесы О. Уайльда «Веер леди Уиндермир» . *Пер. М. Лорие.*

[31] Примечания: 31

Из письма З. Фрейда Мари Бонапарт, его поклоннице, переводчице и последовательнице.

инструмент она использует (как монашка свое послушание) скорее из принципа, чем ради удовольствия, и, кроме того, у него садится батарейка, так что он может заглохнуть раньше, чем она достигнет оргазма, — ну точно как мужчина — ага, а это неплохо сказано. Она включает лампу у кровати и быстренько записывает в блокноте, который всегда лежит под рукой: «Мужчина — то же самое, что вибратор с севшей батарейкой». Краем глаза она видит, как оранжевая папка прожигает дыру в лакированной поверхности комода. Она выключает свет, но теперь сон окончательно покинул ее; ничего не поделаешь, придется принять снотворное, а от него утром у нее будет тяжелая голова. Дезире снова включает лампу. Где таблетки? Ах да, они на комоде, как раз рядом с рукописью. А может, ей взглянуть вполглаза, прочесть хоть одну фразу на сон грядущий?…

Стоя у комода босиком с таблеткой в руке, Дезире открывает папку и начинает читать. И жадно, в мгновенье ока, проглатывает все три машинописные страницы. Ей даже не верится, что тысяча слов, на поиски сочетание которых ушло так много сил и времени, может быть прочитана столь быстро и что они звучат столь туманно,

приблизительно и неуверенно. Завтра все это надо будет переписать. Дезире принимает таблетку, потом вторую, желая теперь только одного — как можно скорее забыться. Ожидая, пока подействует снотворное, она стоит у окна и смотрит на поросшие деревьями холмы, которыми окружен писательский дачный поселок: при свете луны пейзаж одноцветен и уныл. Деревья-деревья до горизонта. Достаточно, чтобы напечатать полтора миллиона экземпляров книги «Мужчины». И даже два миллиона. «Растите, деревья, растите!» — шепчет Дезире. Возможность поражения она решительно исключает. Она снова ложится в постель и, закрыв глаза и вытянув руки по швам, ждет, когда на нее опустится сон.

Моррис Цапп возвращается в гостевую спальню, одевается в удобный дорожный костюм — вельветовые брюки, белую хлопчатобумажную водолазку и спортивного покроя пиджак, — закрывает и запирает на замок упакованный накануне чемодан, убеждается, что в ящиках комода не осталось его вещей, и хлопает себя по карманам, проверяя наличие системы жизнеобеспечения: бумажника, паспорта, билетов, ручек, очков и сигар. Затем на цыпочках — насколько это возможно для человека, несущего

тяжелый чемодан, — осторожно спускается по лестнице, которая скрипит под каждым его шагом. Поставив чемодан у входной двери, он снова смотрит на часы. Без пятнадцати шесть.

Далеко-далеко, над Северной Атлантикой, на борту самолета американской авиакомпании «Трансуорлд эйрлайнс», выполняющего рейс номер 072 по маршруту Чикаго-Лондон, время неожиданно меняется с без пятнадцати три на без пятнадцати четыре: это «Трехзвездный Локхид» пересекает невидимую границу двух часовых поясов. Мало кто из трехсот двадцати трех авиапассажиров замечает эту перемену. У многих из них часы по-прежнему показывают чикагское время, а именно без пятнадцати двенадцать дня вчерашнего, и почти все они спят или пытаются заснуть. Аперитивы уже выпиты, ужин съеден, кино показано, беспошлинные спиртное и сигареты проданы желающим. Бортпроводницы, утомившиеся от выполнения своих обязанностей, собравшись на кухне, тихонько переговариваются, подсчитывают выручку и проверяют наличные запасы. Холодильные шкафы, микроволновые печи и электрические чайники, при вылете самолета из аэропорта О'Хейр наполненные до отказа, теперь пусты.

Большая часть провианта переместилась в желудки пассажиров, а ко времени приземления в аэропорту Хитроу немалая его часть будет покоиться в канализационных камерах в брюхе самолета. Свет в салоне, выключенный при демонстрации фильма, по-прежнему погашен. Пассажиры, воздавшие должное сытному ужину, а иные — изрядно залившие за галстук, погрузились в тяжелый сон. Они неловко ворочаются в креслах, тщетно пытаясь принять горизонтальное положение, сидят, свесив головы на грудь, будто у них свернута шея; кто-то во сне идиотски улыбается, а кто-то презрительно морщится. Несколько человек, которые не в состоянии заснуть, слушают в стереонаушниках музыку или даже читают под узким лучом расположенной над ними лампочки, читают толстые книги в мягких ярких обложках, купленные в киосках аэропорта О'Хейр, — любовные и приключенческие романы Жаклин Сузанн, Гарольда Роббинса и Джека Хиггинса. Лишь у одной пассажирки на коленях лежит книга в твердой обложке и она, читая, даже делает в ней пометки. Сидит она, выпрямив спину, в кресле у окна в шестнадцатом ряду салона первого класса. Лицо ее спряталось в тени, однако видно, что у нее красивый, похожий на

чекан на старом медальоне, аристократический профиль с высоким благородным лбом и надменным римским носом, а также волевой подбородок и четко очерченный рот. В островке падающего света ее рука с безукоризненным маникюром ведет по строчкам золотым автоматическим карандашом, то и дело останавливаясь, чтобы подчеркнуть ту или иную фразу или сделать запись на полях. Ее длинные миндалевидные ногти покрыты красно-коричневым лаком. Сама рука, белая, узкая и хрупкая, отягощена тремя антикварными браслетами, которые инкрустированы рубинами, сапфирами и изумрудами. Чуть выше на запястье надета массивная золотая цепь, а из-под рукава коричневого бархатного пиджака виднеется манжета кремовой шелковой блузки. Ноги пассажирки облачены в широкие бархатные бриджи, лодыжки обтянуты узорчатыми кремовыми колготками, а на ступнях лайковые шлепанцы, на время полета заменившие модные сапоги из светлой кожи на высоком каблуке с оттиснутым на подошвах именем миланского производителя обуви на заказ. Рука пассажирки решительно переворачивает страницу, полированные ногти сверкают в луче света, и золотой карандаш продолжает уверенный бег по книж-

ным строчкам. Название главы, напечатанное на колонтитуле страницы, — «Идеология и идеологические аппараты государства», название же книги — «Ленин и философия: Очерки». Это английский перевод сочинения французского политика и философа Луи Альтюссера. Маргиналии написаны по-итальянски. Фульвия Моргана, профессор-культуролог университета Падуи, занята привычным делом. В самолетах ей не спится, а тратить время попусту она не любит.

*

В том же самолете, метрах в сорока от Фульвии Морганы, Говард Рингбаум пытается уломать свою жену Тельму заняться с ним любовью здесь и сейчас, в заднем ряду салона экономического класса.

— Обстановка идеальная, — отчаянно шепчет он, — света мало, пассажиры поблизости спят, а по обе стороны — пустые места. Если откинуть подлокотники, то на четырех сиденьях будет достаточно места, чтобы лечь и трахнуться.

— Тише, тебя могут услышать, — говорит Тельма, не подозревая, что супруг ее отнюдь не шутит.

Говард нажимает кнопку вызова стюардессы и

просит у нее одеяла и подушки. Никто, уверяет он Тельму, не догадается, чем они занимаются под одеялом.

— Под своим одеялом я буду спать, — отвечает Тельма. — Вот только дочитаю главу. — Она читает роман под названием «Мало постарались» английского писателя Рональда Фробишера. Зевнув, Тельма переворачивает страницу. Книга довольно скучная. Она купила ее год назад, во время поездки в Англию, привезла, не открыв, домой в Канаду, потом взяла с собой, когда они поехали в Штаты, а вчера, подыскивая, что бы почитать в самолете, достала ее с верхней полки и, стряхнув пыль, подумала, что книга поможет ей настроиться на английскую речь и почувствовать атмосферу страны. Однако действие романа происходит в промышленном городе центральной Англии, и речь персонажей изобилует диалектизмами, которые они едва ли встретят в лондонском академическом районе Блумсбери. Говард получил шестимесячный грант Американского фонда гуманитарных наук для работы в Британском музее. На это время они снимут маленькую квартирку в двух шагах от музея, на Рассел-сквер. Тельма намерена записаться на всевозможные курсы, которые в Англии сто-

ят невероятно дешево и обучают чему угодно, начиная с иностранных языков и кончая составлением букетов, а также посетить *все* столичные музеи и картинные галереи.

Стюардесса приносит упакованные в пластик одеяла и подушки. Говард, прикрывшись одеялом, запускает руку Тельме под юбку. Она отталкивает его.

— Говард! Прекрати! Что на тебя нашло? — возмущенно говорит Тельма, хотя внезапная пылкость мужа ее приятно удивляет.

А на Говарда нашло то, что он вознамерился попасть в клуб «Высоко в небе», эксклюзивное мужское братство, члены которого хоть раз имели сексуальный контакт на борту летящего самолета. Говард прочел об этом клубе примерно год назад, дожидаясь очереди к парикмахеру, и с тех пор одержим желанием войти в его состав. Его коллега в университете Южного Иллинойса (где Говард теперь преподает пасторальную поэзию), которому он признался в своей заповедной мечте, случайно оказался членом клуба и предложил замолвить за Говарда словечко, если тот выполнит необходимое условие. Говард спросил, засчитывается ли совокупление с женой. Коллега ответил, что такое нечасто бывает, но

правление клуба может пойти на уступки. Говард полюбопытствовал, какие нужны доказательства, и тот пояснил, что необходимо предъявить фирменную салфетку авиакомпании со следами спермы, заверенную подписью партнера по соитию. Поскольку в крови Говарда всегда кипела неукротимая страсть к победе во всех мыслимых соревнованиях, он поддался на этот грубый розыгрыш без всяких колебаний. Та же особенность характера, проявленная в игре под названием «Уничижение» (которую изобрел Филипп Лоу) несколько лет назад, дорого обошлась Говарду Рингбауму: она стоила ему работы и привела фактически к ссылке в Канаду, в ветреные прерии Альберты, откуда он смог выбраться лишь недавно, написав череду скучнейших статей об английской пасторальной поэзии. Однако урок не пошел ему на пользу.

— А если зайти в туалет? — шепчет Говард. — Мы можем трахнуться в туалете.

— Ты с ума сошел? — шипит в ответ Тельма. — Там и одному не развернуться, не говоря уже о… Ради бога, милый, возьми себя в руки. Давай подождем до Лондона. — Она многообещающе улыбается мужу.

— Снимай штаны и садись на меня верхом, —

без тени улыбки командует Говард Рингбаум.

Тельма легонько ударяет Говарда книгой по причинному месту, и тот от боли складывается пополам.

— Говард? — встревоженно спрашивает она. — Извини! Я не хотела сделать тебе больно.

На кухне в доме Лоу Моррис Цапп включает чайник и заваривает себе крепкий растворимый кофе. За окном светлеет, на деревьях неуверенно чирикают птицы. Кухонные часы показывают шесть. Моррис допивает кофе и становится наготове у входной двери, чтобы предупредить звонок таксиста, который может разбудить весь дом.

Однако кое-кто уже проснулся. Слышится скрип лестницы, и на ней появляется Филипп, в следующем порядке: сначала кожаные шлепанцы, потом костлявые лодыжки, затем полосатые пижамные брюки, вслед за ними коричневый халат, и наконец, серебристая бородка.

— Ну что, собрался? — подавив зевок, спрашивает Филипп,

— Надеюсь, я вас не разбудил, — отвечает Моррис.

— Нет-нет. Просто я подумал, что надо все-таки попрощаться.

Наступает неловкая пауза. Конфуз вызван вос-

поминанием о вчерашних откровенностях под воздействием винных паров.

— Может, ты при случае поделишься впечатлением о моей книге? — спрашивает Филипп.

— Будет исполнено. Начну читать уже в самолете. Кстати, у меня тоже скоро книга выходит.

— Еще одна?!

— Называется «За пределами литературной критики». Недурно, да? Я пришлю тебе экземпляр.

Моррис и Филипп вздрагивают от резкого звонка в дверь.

— А вот и такси! — говорит Филипп. — Времени у тебя навалом, на дорогах пусто, до аэропорта доберешься за полчаса. Ну что ж, до свиданья, старина. Спасибо, что приехал.

— И тебе спасибо за все, — отвечает Моррис, пожимая ему руку. — До встречи в Иерусалиме?

— Где-где?

— На конференции. Местный «Хилтон» находится в новой части города.

— А, вот ты о чем. Посмотрим. Я подумаю.

Водитель такси подхватывает чемодан Морриса и несет его к машине подобная обходительность не перестает изумлять американца, в родной стране которого водители такси сидят,

запершись от пассажиров, и огрызаются на них сквозь прутья решетки, как звери в зоопарке. Такси поворачивает за угол, Моррис оглядывается на Филиппа, который машет ему с крыльца, свободной рукой придерживая у горла борта халата.

В окне спальни у него над головой отдернута занавеска и чье-то лицо — Хилари? — призраком маячит за стеклом.

В Чикаго полночь. Вчерашний день, помедлив секунду, уступает место новому дню. С озера дует холодный ветер — от его порывов по тротуару кувырком несется мусор, а под арками железнодорожного моста промерзают до костей укрывшиеся на ночь бродяги, потаскушки и наркота. Однако в самом новом и роскошном городском отеле тепло почти как в тропиках. Внутри этого здания можно найти все, что обычно бывает снаружи, и наоборот, — за исключением погоды. Комнаты расположены по кругу и выходят балконами в закрытое пространство с теплым искусственным климатом, с видом на фонтан, а также на пруд с лилиями и золотыми рыбками. Там же растут пальмы, а стены и балконы увиты цветущими лианами. Снаружи стеклянные лифты, подобно воздушным пузырям, снуют вверх и вниз вдоль стен отеля, вызывая головокружение

у его обитателей. Архитектура наизнанку.

В шикарном гостиничном номере на крыше небоскреба, откуда не видны бродяги, потаскушки и наркота, а самые большие машины на дорогах делового Чикаго кажутся букашками, в центре просторной круглой кровати лежит обнаженный мужчина. Он раскинул руки и ноги на манер буквы X, чем напоминает известный рисунок Леонардо, с той разницей, что тело у него тощее, жилистое и поношенное; под загаром на коже проступает старческая гречка, грудь покрыта седой порослью, ноги костлявые и кривоватые, а ступни мозолистые и корявые. Однако голова его по-прежнему импозантна: длинное и узкое лицо, орлиный нос и грива седых волос. Глаза, будь они открыты, — карего, почти черного цвета. На ночной тумбочке пачка журналов и научных периодических изданий; иные из них сброшены на пол. Обложки пестрят названиями: «Диакритики», «Критические разыскания», «Новая история литературы», «Поэтика и история литературы», «Метакритика». Журналы заполнены плотным мелким текстом с множеством примечаний и длинными библиографическими списками.

Иллюстраций в тексте нет. Да и зачем они нуж-

ны, когда под рукой живая и теплая красота?

Рядом с мужчиной, между его левыми конечностями, сидит на коленях стройная азиатская девушка с черными блестящими волосами, струящимися вдоль золотистого тела. Из одежды на ней только крошечные соблазнительные трусики из черного шелка. Она натирает лежащее перед ней костистое тело ароматным массажным маслом, уделяя особое внимание его длинному, худому, обрезанному члену, который совсем не реагирует на манипуляции и болтается в ловких женских пальцах, как сосиска.

Перед нами Артур Кингфишер, старейшина международного сообщества литературных критиков, почетный профессор Колумбийского и Цюрихского университетов, единственный за всю историю ученый, который одновременно возглавлял кафедры на двух континентах (дважды в неделю садясь в реактивный лайнер, чтобы с понедельника по среду быть в Швейцарии, а с четверга по субботу — в Нью-Йорке). Теперь он в отставке, но по-прежнему активно действует как получатель грантов, участник конференций, член редколлегий академических журналов и рецензент университетских издательств. Это человек, чья жизнь являет собой краткую историю

современной литературной критики: родившись в начале века (под именем Артур Клингельфишер) в богатой идеями Вене, он вместе с Виктором Шкловским учился в революционной Москве, а в конце двадцатых — с А. Ричардсом[32]в Кембридже, в тридцатые годы сотрудничал в Праге с Якобсоном, а в 1939 году эмигрировал в Соединенные Штаты, в сороковые и пятидесятые став ведущим нью-йоркским литературным критиком. В шестидесятые годы его ранние труды были переведены с немецкого на французский, а сам он провозглашен одним из зачинателей структурализма. Всех своих научных званий ему уже не упомнить, а в его доме на Лонг-Айленд есть комната, битком набитая книгами и препринтами (в большинстве своем непрочитанными), которые ему шлют ученики и поклонники со всех концов света. Женщина рядом с ним — это Сонг Ми Ли, которая лет десять назад приехала из Кореи по гранту Фонда Форда в качестве аспирантки Кингфишера, а затем стала его секретарем, спутницей, компаньонкой, массажисткой и наложницей, целиком посвятив свою жизнь защите великого человека от академических невзгод спасая его от

[32] Примечания: 32

Ричарде Айвор (1893–1979) — английский литературный критик, один из основоположников «Новой критики».

отчаяния в минуту бессилия — будь то отсутствие эрекции или оригинальной идеи. Большинство мужчин его возраста давно бы махнули рукой по крайней мере на первый изъян, но Артур Кингфишер, всегда отличавшийся высокой сексуальной активностью, склонен усматривать глубокую и таинственную связь между потенцией и интеллектом.

Телефон на тумбочке издает негромкий электронный писк. Сонг Ми Ли вытирает о салфетку руки, тянется к нему через лежащее на постели тело Артура Кингфишера, проведя по его седовласой груди розовыми сосками, и берет трубку. Затем садится на пятки, слушает и говорит:

— Минуту, я посмотрю, на месте ли он. — Прикрыв рукой трубку, она спрашивает Артура Кингфишера:

— Звонят из Берлина — будете говорить?

— Пожалуй. Я все равно ничем не занят, — мрачно отвечает Артур Кингфишер. — Кто бы это мог быть?

Такси, подпрыгивая на ходу, петляет по пригородам Раммиджа, и Морриса Цаппа на заднем сиденье болтает из стороны в сторону. Позади машины раскручивается бесконечная лента сдвоенных однотипных домов. Во многих домах все

еще спущены шторы. Люди за ними крепко спят или дремлют, храпят и портят воздух, а рассвет все увереннее поднимается над крышами, телеантеннами и трубами. Для многих обитателей домов наступающий день будет похож на вчера и на завтра: те же самые конторы, те же самые фабрики, те же самые магазины. Жизнь замкнута и движется по кругу, вертится беличье колесо, горизонты досягаемы и незыблемы. Для Морриса Цаппа такая жизнь невозможна, он даже и не пытается ее вообразить, однако ее размеренность тем сильнее толкает его вперед, создавая особый род душевного трения, которое согревает его изнутри, и он чувствует, что другие ему завидуют, завидуют человеку, которого манит округлость земли и сулит ему новые впечатления где-то за горизонтом.

А в это время в хозяйской спальне викторианского дома на Сент-Джонс-роуд Филипп и Хилари Лоу тишком и украдкой занимаются любовью — словно дело происходит на задних сиденьях реактивного лайнера.

Проводив Морриса Цаппа и вернувшись в постель, Филипп, в халате продрогший на ветру, невольно соблазняется пышным и теплым телом своей жены. Он прижимается к ней, выгнувшись

соответственно рельефу ее обширных ягодиц, обхватывает ее талию и кладет руку на тяжелый шар ее груди. Это его возбуждает и, задрав у Хилари ночную рубашку, он начинает гладить ей живот и ласкать между ног. Она податливая и влажная, хотя непонятно, спит она или нет. Крадучись как вор, он входит в нее сзади, затаив дыхание из боязни, что она очнется и оттолкнет его (такое уже случалось).

Хилари же давно не спит, хотя лежит с закрытыми глазами. Филипп тоже глаз не открывает. Он вспоминает Джой Симпсон и спальню в малиновом свете той теплой итальянской ночью. А Хилари вспоминает Морриса Цаппа, в этой же постели и в этой же спальне с задернутыми от солнца шторами, десять лет назад. Кровать ритмично поскрипывает и стукается изголовьем о стену — раз, второй, затем слышится тихий вскрик, за ним вздох, а потом наступает тишина. Филипп засыпает. Хилари открывает глаза. За все это время они ни разу не взглянули друг на друга. И не сказали друг другу ни слова.

Тем временем телефонный разговор между Берлином и Чикаго близится к концу. На том конце провода говорят на безупречном английском с едва заметным немецким акцентом.

— Артур, неужели мы так и не уговорим вас выступить у нас на конференции? Очень, очень жаль, я уверен, что ваши мысли по поводу рецептивной эстетики многим покажутся интересными.

— Извините, Зигфрид, мне просто нечего об этом сказать. — Вы, как всегда, скромничаете, Артур. — Поверьте мне, дело не в скромности. Я и сам сожалею об этом.

— Понимаю, понимаю. Вы несомненно очень заняты… Кстати, а что вы думаете о новой должности профессора-литературоведа при ЮНЕСКО?

После продолжительной паузы Артур Кингфишер говорит:

— Как быстро разносятся новости. Она ведь еще не утверждена.

— Так слухи о ней верны?

Осторожно подбирая слова, Артур Кингфишер отвечает:

— У меня есть некоторые основания так думать.

— Я полагаю, вы будете главным консультантом конкурсной комиссии, Артур, не так ли?

— Вы поэтому мне позвонили, Зигфрид?

В Берлине слышится громкий невеселый смех.

— Да как вы могли такое подумать, дорогой

друг? Уверяю вас, наше желание видеть вас на конференции в Гейдельберге совершенно искреннее.

— Вы разве не в Баден-Бадене кафедрой заведуете?

— Именно там, но конференция у нас совместная с Гейдельбергом…

— А что вы делаете в Берлине?

— Наверное, то же, что вы в Чикаго. Приехал на конференцию — что же еще? «Постмодернизм и онтологические исследования». Было несколько интересных докладов. Но наша конференция в Гейдельберге будет лучше организована… Артур, коль скоро вы заговорили об этой должности при ЮНЕСКО…

— Это вы заговорили, Зигфрид, а не я.

— С моей стороны было бы лицемерием делать вид, что она меня не интересует.

— Я этому не удивлен, Зигфрид.

— Мы ведь всегда были хорошими друзьями, Артур, не так ли? С тех пор как я написал рецензию на четвертый том ваших избранных трудов для «Нью-Йорк ревю оф букс».

— Да, Зигфрид, я рад был той рецензии. И рад был с вами поговорить.

Рука, кладущая трубку на рычажки телефона

в элегантном гостиничном номере на Курфюрстендамм, затянута в черную лайковую перчатку — при этом ее обладатель, одетый в шелковую пижаму, сидит в кровати и поглощает принесенный на подносе легкий утренний завтрак. Зигфрид фон Турпиц, как всем известно, никогда не обнажал руки в присутствии посторонних. Никто не знает, какую отвратительную рану или уродство скрывает черная лайка, хотя на этот счет было сделано много предположений: омерзительное родимое пятно, гнойный незаживающий свищ, жуткая мутация вроде птичьей лапы или же протез из пластика и нержавеющей стали взамен руки, искалеченной, как полагают сторонники последней версии, механизмом танка, которым Зигфрид фон Турпиц командовал на завершающих этапах Второй мировой войны. Какое-то мгновенье Зигфрид фон Турпиц держит черную лайковую руку на телефонной трубке, словно предотвращая возможную утечку информации из кабеля, который обеспечил соединение с Чикаго, в то время как рукою без перчатки он задумчиво крошит рогалик. Затем он снова снимает трубку и черным указательным пальцем набирает номер оператора. Заглянув в записную книжку в черном кожаном переплете, заказы-

вает международный разговор с Парижем. Его бледное лицо в шлеме пепельных прямых волос непроницаемо и бесстрастно.

Такси Морриса Цаппа нетерпеливо фырчит перед светофором на широкой торговой улице, которая в этот час пустынна, если не считать молочного и газетного фургонов. Большой рекламный щит, предлагающий скидки на рейсы авиакомпании «Бритиш эйруэйз», — знак того, что аэропорт поблизости. Реклама поменьше, с заманчивым слоганом «Голубые глубины зовут...», как известно Моррису по его предыдущей жизни в этом городе, приглашает в местный бассейн, а не на сходку представителей сексуальных меньшинств. Еще раз содрогнувшись от воспоминания о леденящей водной процедуре в доме Лоу, Моррис Цапп мысленно переключается на менее водянистые вещи. Если повезет, то по прибытии на место он окунется в разврат итальянской кухни, начав, к примеру, с блюда душистой нежной вермишели, затем перейдет к мясу на ребрышках по-милански, а на десерт, пожалуй, позволит себе кусок-другой фруктового кекса. Моррис судорожно сглатывает слюну. Такси устремляется вперед. Часы над ювелирной лавкой показывают точное время: половина седьмого.

В Париже, как и в Берлине, половина восьмого, поскольку в континентальной Европе иначе переходят на летнее время. В просторной спальне элитной квартиры на бульваре Гюисманс звонит стоящий на ночной тумбочке телефон. Не открывая глаз, прикрытых темными и кожистыми, как у ящерицы, веками, Мишель Тардьё, профессор-нарратолог Сорбонны, вытаскивает из-под одеяла руку и снимает трубку.

— Да? — произносит он, не открывая глаз.

— Жак? — вопрошает голос с немецким акцентом.

— Нет. Мишель.

— Какой Мишель?

— Мишель Тардьё.

На другом конце недовольно бурчат по-немецки. Затем голос продолжает по-французски с сильным немецким акцентом:

— Прошу прощения. Я ошибся номером.

— А я вас случайно не знаю? — спрашивает, зевая, Мишель Тардьё. — Мне знаком ваш голос.

— Я Зигфрид фон Турпиц. Мы были с вами в одной секции в Анн-Арбор прошлой осенью.

— А-а-а, теперь вспомнил. «Отношения *автор-читатель* в нарративе».

— Я звонил моему другу по фамилии Текстель.

Его имя в моей записной книжке стоит рядом с вашим, и оба номера парижские, вот я и спутал их. Извините, дурацкая ошибка. Надеюсь, я вас не побеспокоил.

— Да нет, ничего, — отвечает Мишель, снова зевая. — Au revoir.

— Он поворачивается и обнимает лежащее рядом обнаженное тело, выгнувшись соответственно рельефу мягких ягодиц, нежно поглаживает шелковистую кожу живота и бедер и, уткнувшись в душистые локоны на затылке, шепчет: «Дорогой мой».

В спальне с дубовыми панелями оксфордского Колледжа Всех Святых в целомудренном одиночестве вкушает сон профессор изящной словесности Королевской кафедры. Ни один человек, ни мужчина, ни женщина, никогда не делил этого старомодного — да и любого другого ложа с Редьярдом Паркинсоном. Он девственник и холостяк, давший обет безбрачия. Что вообще трудно себе представить при виде принадлежащих ему многочисленных книг, статей и рецензий, насыщенных компетентными и порой рискованными сведениями касательно разновидностей и причуд сексуальной жизни человека. Однако весь этот секс — только в голове или на страницах

книги. Редьярда Паркинсона никогда не посещала любовь, да он никогда и не желал ее, не без злорадства отмечая, какие разрушительные последствия оказывает это состояние на производительность труда не только его сотоварищей, но и соперников. В тридцать пять лет, в расцвете академической карьеры, он задумался о целесообразности брачных уз и, взвесив умозрительно все их преимущества и недостатки, решил от них воздержаться. Впрочем, изредка он позволял себе отреагировать на привлекательного студента мужского пола, робко коснувшись его плеча, но дальше этого дело никогда не заходило.

С ранней молодости читательский и писательский труд занимал всю сознательную жизнь Редьярда Паркинсона, включая те ее отрезки, которые люди нормальные тратят на любовь и секс. Собственно говоря, чтение Редьярду Паркинсону служит любовью, а писательство — сексом. Редьярд Паркинсон питает нежные чувства к литературе и особенно к английским поэтам — Спенсеру, Мильтону и Вордсворту. Чтение их стихов для него есть чистое, не замутненное корыстью удовольствие, редкая возможность общения с великими умами и блаженные, неповторимые моменты истины и красоты. Писательство же

можно уподобить сексу — это демонстрация воли, проявление власти и нервная разрядка. Если за день Редьярд Паркинсон не напишет ни строчки, он делается подавленным и раздражительным, причем написанное непременно должно увидеть свет: неопубликованный труд все равно что онанизм или прерванный половой акт, нечто постыдное и не дающее удовлетворения.

Разумеется, высшее достижение писательского труда — это собственная книга, замысел которой требует тонкости и хитрости ума, а создание длится месяцы, подобно любовному роману. Но писать книгу за книгой едва ли возможно, и даже если очередная уже в работе, неизбежно возникают паузы и интервалы, когда надо почитать источники, и вот тогда дает о себе знать неумолимая потребность выразить на бумаге собственное «я». Поэтому Редьярд Паркинсон неизменно соглашается писать отзывы на чужие книги и, будучи искушенным рецензентом и обладая острым пером, имеет немало предложений. Редакторы лондонских ежедневных и еженедельных газет донимают его телефонными звонками, а почта каждое утро доставляет к его порогу книжные новинки, так что одновременно он обслуживает по крайней мере три заказа:

один уже в корректуре, другой — в черновике, а третий — в стадии пометок на полях. Книга, которую он сейчас испещряет маргиналиями, лежит раскрытая корешком вверх на тумбочке рядом с будильником, часами и вставной челюстью. Это литературоведческий труд Морриса Цаппа под названием «За пределами литературной критики», который Редьярд Паркинсон рецензирует для газеты «Таймс литерари саплемент». Вставная челюсть с ее дьявольским оскалом словно подначивает книгу спасаться бегством, покуда Редьярд Паркинсон почивает от дел.

Звенит будильник. На часах без пятнадцати семь. Вытянув руку, Редьярд Паркинсон выключает будильник, сонно моргает и зевает. Затем открывает дверцу тумбочки и достает оттуда тяжелый керамический ночной горшок, украшенный гербом Колледжа Всех Святых. Сев на краю кровати и широко расставив ноги, Редьярд Паркинсон освобождает мочевой пузырь от последствий вчерашних возлияний — хереса, кларета и портвейна. В отведенной ему квартире есть и туалет, и ванная, однако Редьярд Паркинсон, уроженец Южной Африки, прибывший в Оксфорд двадцати лет от роду и ставший совершенным англичанином, свято чтит ста-

рые традиции. Он ставит горшок на место и закрывает тумбу. Горшок опорожнит местная прислуга, получающая за эту работу щедрые чаевые. Редьярд Паркинсон снова ложится в кровать, включает лампу, надевает очки, вставляет челюсть и начинает читать книгу Морриса Цаппа с той страницы, на которой остановился накануне вечером.

Время от времени он подчеркивает фразу или что-то записывает на полях. На губах его, скрытых под пышными седыми усами, играет презрительная ухмылка. Рецензия на книгу будет не из лестных. Редьярд Паркинсон не особо жалует американских ученых: к его собственным трудам они порой относятся без должного уважения. Или же, в случае Морриса Цаппа, и вовсе игнорируют их (он предварительно убедился в этом, заглянув в именной указатель на букву «П» — это первое, что он делает, взяв в руки новую книгу). Кроме того, Редьярд Паркинсон только что написал подряд несколько хвалебных рецензий — для «Санди таймс», «Лиснер» и «Нью-Йорк ревю оф букс», и ему надоело петь дифирамбы. Теперь настал черед ложки дегтя, так что нахальный и хвастливый американский еврей, делающий жалкие попытки продемонстрировать, как хорошо он

овладел претенциозным жаргоном литературной критики, — мишень лучше не придумаешь.

В центральной Турции без пятнадцати девять утра. Доктор Акбиль Борак, в прошлом выпускник университета Анкары, а затем аспирант университета английского города Гулля, завтракает в своем маленьком доме, расположенном в новом пригородном районе турецкой столицы. Он прихлебывает чай — в эти дни кофе в Турции не найти, — грея руки о стакан, поскольку на улице холодно, а нефти для отопления тоже не достать. Его жена Ойя, пухленькая миловидная женщина, ставит на стол хлебницу, тарелку с козьим сыром и джем из шиповника. Акбиль рассеянно поглощает завтрак, уткнувшись в лежащую перед ним книгу — четырнадцатый том из полного собрания сочинений Уильяма Хэзлитта. На другом конце стола трехгодовалый сын Акбиля опрокидывает стакан с молоком. Акбиль Борак, ничего не замечая, переворачивает страницу.

— Может, ты не будешь читать за столом, — укоризненно говорит Ойя, вытирая разлитое молоко. — И Ахмету дурной пример подаешь, и меня обижаешь. Мне целыми днями не с кем словом перемолвиться. Уж по утрам ты мог бы

уделить мне немного внимания.

Акбиль что-то бурчит себе под нос, вытирает усы, закрывает книгу и поднимается из-за стола.

— Мне уже немного осталось, всего семь томов. На следующей неделе приезжает профессор Лоу.

Внезапная новость о предстоящем визите профессора Лоу с курсом лекций об Уильяме Хэзлитте повергла в панику английскую кафедру столичного университета, поскольку единственный преподаватель, хоть что-то знающий об эссеистах времени английского романтизма (кстати, два года назад подавший идею пригласить английского профессора в связи с двухсотлетием Хэзлитта, но не получивший поддержки и махнувший на все рукой), находится в творческом отпуске в Соединенных Штатах, а все остальные трудов Хэзлитта и не открывали. Акбиль, прекрасно владеющий английским и потому назначенный встретить Филиппа Лоу в аэропорту и показать ему Анкару, решил восполнить досадный пробел и защитить честь кафедры. Он принес из университетской библиотеки полное собрание сочинений Хэзлитта в двадцати одном томе и теперь прорабатывает его со скоростью один том в два-три дня, отложив на время собственные изыскания в области сонетов елизаветинской эпохи.

Том четырнадцатый называется «Дух нашего времени». Акбиль кладет книгу в портфель, застегивает пальто, целует все еще сердитую на него Ойю и выходит из дома, который замыкает цепь однотипных строений из шлакобетона. При каждом доме имеется садик, аккуратно огороженный низкими шлакобетонными плитами. У всех этих садиков довольно заброшенный вид — ничто не произрастает на их земле кроме того же чахлого бурьяна, который торчит и за шлакобетонными плитами. Похоже, назначение этих садиков чисто символическое: невольное желание имитировать уютный пригородный стиль английского Ковентри или немецкого Кёльна, либо же, возможно, слабая попытка создать психологическую защиту от печальной и дикой пустыни. Поскольку сразу за оградой начинается центральная Анатолийская равнина, на которой ничего нет кроме пыльных, бесплодных, опустошаемых ветром степей. Акбиль ежится от холодного, прилетевшего из Средней Азии ветра и садится в потрепанный «ситроен». И не в первый раз задумывается над тем, правильно ли они сделали, когда переехали из города в этот унылый необитаемый район, соблазнившись собственным домом, садом и свежим воздухом,

который необходим их сыну. Увидев фотографии своего будущего загородного жилья в рекламном проспекте, они припомнили английский домик, в котором жили в аспирантские годы Акбиля. Однако в Гулле по соседству были паб и маленький рыбный ресторанчик, через две улицы — небольшой парк с качелями, а за ним — мелькающие над крышами домов мачты кораблей и портовые краны; все это придавало уверенности в том, что природа вполне подконтрольна цивилизации. А в Турции прошедшая зима выдалась особенно суровой, к тому же в стране возникли перебои в снабжении электричеством, топливом и продуктами, так что Акбилю и Ойе пришлось согревать себя скудным теплом маленькой дровяной печки, а также воспоминаниями о Гулле и мечтательно повторять названия английских улиц и магазинов. Турецкой чете никогда не казалось странным, что центральный железнодорожный вокзал города носит название Гулль-Эталон.

В здании аэропорта города Раммиджа, в отличие от окружающих его сонных пригородов, рабочий день уже в разгаре. Как оказалось, Моррис Цапп не единственный человек в Раммидже, которому не сидится на месте. Идет регистрация рейсов на Лондон, Глазго, Белфаст, Брюссель, и у

стоек толпятся упитанные бизнесмены в полосатых костюмах, полосатых рубашках и полосатых галстуках, увешанные хитроумными сумками-портпледами со множеством кнопок, молний, карманов и ремешков. Группа ранних отпускников в ярких летних одеждах, собравшихся в коллективную турпоездку на Майорку, терпеливо пережидает задержку рейса: по-домашнему расположившись в креслах, дородные провинциалы позевывают, покуривают и жуют конфеты. Короткая очередь, ожидающая свободных мест на Лондон, тревожно смотрит вслед Моррису Цаппу, который решительно направляется к стойке авиакомпании «Бритиш Мидланд» и водружает свою сумку на весы. Он регистрирует билет до Милана, и его просят пройти к выходу номер пять. Завернув по дороге в газетный киоск, Моррис покупает свежий номер «Таймс», а затем становится в конец длинного хвоста, ведущего к столу досмотра ручной клади. Там его сумку открывают и тщательно обследуют содержимое. Ловкие пальцы перетряхивают туалетные принадлежности, лекарства, сигары, носки, книгу Филиппа Лоу «Хэзлитт и просто читатель». Дама, производящая досмотр, открывает картонную коробочку, и ей на ладонь выкатываются малень-

кие твердые цилиндрики, завернутые в серебристую фольгу. «Пули?»— вопрошает она взглядом. «Ректальные свечи», — спешит с ответом Моррис Цапп. Современному путешественнику практически не дозволяется иметь какие-либо тайны. Совершенно незнакомые люди, копающиеся в вашем багаже, с первого взгляда могут оценить состояние вашей пищеварительной системы, определить предпочитаемый вами противозачаточный метод, узнать, чем вы фиксируете зубные протезы, а также выяснить, что у вас мозоли и сухие губы и что вы страдаете геморроем, головными болями, метеоризмом, усталостью глаз, аллергическим ринитом и предменструальной депрессией. Моррис Цапп берет с собой в дорогу средства против всех этих недугов, за исключением последнего.

Через воротца металлоискателя он проходит, предварительно выложив футляр для очков, поскольку знает по опыту, что тот непременно зазвенит, затем забирает сумку и перемещается в зал ожидания у выхода номер пять. Через несколько минут объявляют рейс на Хитроу, и Моррис вместе с другими пассажирами следует за стюардессой к месту стоянки самолета, при виде которого невольно морщится: он уже и за-

был, когда в последний раз летал на самолете с *пропеллерами.*

А в Токио день уже близится к вечеру. Акира Саказаки вернулся домой из университета (в котором он преподает английский), счастливо избежав часа пик в метро, где специально нанятые здоровяки бесцеремонно утрамбовывают народ в вагоны, чтобы двери поезда смогли закрыться. Акира Саказаки — холостяк; родом он из горного курортного местечка, а в Токио у него квартира в современном многоэтажном доме. Это жилье ему по карману не потому, что он неплохо получает, но скорее потому, что оно чрезвычайно ограничено в размерах. Внутри квартиры Акира не может даже выпрямиться в полный рост, так что, открыв дверь и сняв ботинки, он не входит, а вползает внутрь.

Квартира, вернее, жилая ячейка, напоминает обитую войлоком психиатрическую палату-одиночку. Размер ее — три на четыре метра, высота потолка — метр с половиной; стены, пол и потолок выстланы мягким синтетическим ковром без единого шва. Низкая полка вдоль одной из стен днем служит диваном, а ночью — кроватью. Над ней расположились стенные шкафы. В стене напротив встроены заподлицо раковина

из нержавейки, холодильник, микроволновая печь, электрический чайник, цветной телевизор, музыкальный центр и телефон. Низкий стол стоит перед окном — большим двойным стеклопакетом, сквозь который ничего не видно кроме пустого, подернутого дымкой неба. Впрочем, если подойти к окну вплотную и скосить глаза, то внизу можно разглядеть людей, которые спешат по улице, сталкиваются и отскакивают друг от друга, будто фигурки в компьютерной игре. Окно не открывается. В квартире автоматически поддерживается температура и кондиционируется воздух, к тому же она снабжена звукоизоляцией. Здание состоит из четырехсот одинаковых клетушек и напоминает гигантский контейнер для яиц. Это — новое слово в жилищной архитектуре, элитный вариант привокзальных «капсульных ночлежек», которые за последние годы завоевали популярность у японских трудящихся.

В одной из стен квартиры проделан люк, ведущий в крошечный санузел с сидячей ванной размером не больше стула и унитазом, которым можно пользоваться, только сев на корточки, что, впрочем, вполне привычно для японских мужчин. В подвале здания имеются традиционные японские бани с душем и большими ваннами

общего пользования, однако Акира Саказаки наведывается туда нечасто. Его вполне устраивает принадлежащее ему жилье со всеми современными удобствами, которые, будучи компактно расположены, высвобождают ему массу времени для работы. Подумать только: сколько времени попусту тратят люди на перемещение по комнатам — особенно на Западе! Пространство есть время. Акира Саказаки был изумлен тем, как бездарно расходуется и то и другое в калифорнийских домах, где ему приходилось бывать во время аспирантской учебы в Соединенных Штатах. Там были отдельные комнаты не только для того, чтобы спать, есть и испражняться, но и для того, чтобы готовить еду, учиться, развлекаться, смотреть телевизор, устраивать игры, стирать белье и посвящать время любимому делу, — и все они занимали сотни и сотни метров земной поверхности, так что на перемещение из спальни в кабинет уходила целая минута.

Акира снимает костюм и рубашку и аккуратно вешает их в стенной шкаф над диваном-кроватью. Потом на карачках пробирается в санузел, намыливается, смывает пену и наполняет кипятком сидячую ванну. Пока Акира размокает в ней, очищая поры от городской грязи, электрический

вентилятор бесшумно разгоняет пар. Затем Акира споласкивается чистой теплой водой и ползком возвращается в жилую комнату. Облачившись в легкое домашнее кимоно, он садится, поджав под себя ноги, перед столом, на котором стоит электрическая пишущая машинка. По одну сторону от нее лежит аккуратная стопка бумаги; каждый лист расчерчен на двести квадратов, в каждый из них тщательно вписан японский иероглиф. По другую сторону от пишущей машинки лежит аккуратная стопка бумаги, но только без квадратов и иероглифов, а рядом с ней — книга в твердом переплете и захватанной суперобложке, сочинение Рональда Фробишера «Мало постарались». Акира вставляет в машинку аэрограмму[33], копирку, лист папиросной бумаги и начинает печатать письмо на английском языке.

Уважаемый господин Фробишер!

Я уже перевел почти половину Вашей книги. Мне искренне жаль снова беспокоить Вас просьбой, но я был бы весьма Вам признателен, если бы Вы помогли мне разрешить следующие вопросы. Как

[33] Примечания: 33
Почтовая бумага для авиаписьма, складывающаяся как конверт.

и раньше, я цитирую по второму изданию 1970 года.

Акира Саказаки берет в руки книгу, чтобы найти страницу с первым своим вопросом, и застревает взглядом на фотографии автора, помещенной на задней стороне суперобложки. Он делает так всякий раз, надеясь, что, вглядевшись в физиономию писателя, проникнет в тайны его интеллекта и чутьем постигнет нюансы его тона и стиля, доставляющие ему немало головной боли. Однако фотография, темная и зернистая, авторских секретов не выдает. Рональд Фробишер запечатлен на фоне двери с матированным стеклом и надписью «Обществен…», что само по себе сильно озадачивает Акиру. Что это — общественная уборная или общественная приемная депутата парламента? В том и другом случае это символично. Лицо у автора круглое, мясистое, рябое, усеянное, будто порохом, мелкими черными точками. Волосы редкие и взъерошенные. На носу у Фробишера очки в массивной роговой оправе. Одет он в видавший виды плащ. В объектив фотоаппарата смотрит довольно свирепо. Подпись под снимком гласит:

Рональд Фробишер родился и вырос

в промышленном районе центральной Англии. Окончил среднюю школу, затем Колледж Всех Святых в Оксфорде. Получив высшее образование, вернулся в родную школу преподавателем, где проработал до 1957 года — до выхода первого романа «Дорога без начала», который прочно закрепил за ним репутацию ведущего писателя, принадлежащего поколению «сердитых молодых людей»[34]. С1958 года занимается исключительно творчеством. Живет с женой и двумя детьми в лондонском Гринвиче. «Мало постарались» — пятый роман писателя.

И последний, хотя опубликован девять лет назад. Акира не раз задумывался над тем, почему Рональд Фробишер ничего не написал за последнее десятилетие, но спрашивать об этом самого писателя ему кажется не вполне тактичным.

Акира находит нужную страницу, кладет раскрытую книгу на стол и быстро печатает, не глядя на клавиатуру:

Страница 107, третья строка снизу. «Эх,

---

[34] Примечания: 34
Литературное течение 1950-х гг. в Великобритании.

блин горелый, ну сколько можно!» — Значит ли это, что Эрни недоволен стряпней своей жены?

К этому времени Моррис Цапп уже должен был бы приземлиться в Лондоне, однако вылет из Раммиджа задерживается. Самолет по-прежнему припаркован возле здания аэропорта.

— Ну что они там медлят? Не могут раскрутить пропеллер? — язвительно спрашивает он сидящего рядом пассажира.

Сосед Морриса напрягается и бледнеет:

— Что-то не так с самолетом? — спрашивает он, обнаруживая в речи южно-американский акцент.

— Да нет, наверное, плохая видимость. Посреди аэродрома собрался туман. А вы, наверное, с Юга?

— Туман? — тревожно спрашивает сосед, вглядываясь в иллюминатор. Глаза его скрыты за дымчатыми очками без оправы.

В эту минуту все четыре двигателя самолета начинают по очереди чихать, вызывая в памяти кадры старых кинофильмов, а лопасти пропеллеров — кругами разрезать сырой утренний воздух. Самолет выруливает на взлетную полосу и едет, подпрыгивая на трещинах в бетоне и ничуть не

прибавляя скорости. Моррису мало что видно, так как панораму закрывает крыло самолета. Сосед в затемненных очках сидит, зажмурившись и вцепившись что есть сил в подлокотники кресла. Моррису никогда еще не приходилось видеть более испуганного человека. Самолет разворачивается и продолжает ползти по взлетной полосе.

— Мы уже в воздухе? — через несколько минут спрашивает сосед, не открывая глаз.

— Нет, по-моему, штурман заблудился в тумане, — отвечает Моррис.

Сосед торопливо расстегивает ремень безопасности и бормочет:

— Я хочу выйти из этого идиотского самолета. Я выхожу, остановите самолет! — кричит он в сторону кабины пилота.

К нему по проходу спешит стюардесса:

— Это невозможно, сэр, пожалуйста, займите кресло и пристегните ремень!

Сосед сопротивляется, но снова садится в кресло.

— У меня транзитный билет на любое направление, — говорит он Моррису, — и я решил лететь из Лондона до Стратфорда самолетом. Теперь ни за что в жизни.

В этот момент на связь с пассажирами выходит

капитан и объясняет: он рулил взад-вперед по взлетной полосе, чтобы пропеллерами разогнать туман.

— Не может быть, — говорит Моррис.

Однако эти маневры оказались не напрасными. Диспетчер дает добро на взлет. Самолет замирает на конце взлетной полосы, рев двигателей переходит в истошный вой, корпус самолета начинает трястись и стучать. Сосед Морриса тоже начинает стучать зубами, причем непонятно, причиной тому вибрация или страх. Самолет устремляется вперед, набирает скорость и на удивление быстро взмывает в воздух. Вскоре он пробивает пелену облаков, и яркий солнечный свет заливает салон. Светочувствительные очки соседа превращаются в два глухих черных диска, так что не разобрать, покинул ли его страх. Моррис подумывает, не завести ли с ним разговор, но шум двигателей настолько оглушителен, что он отказывается от этой затеи; к тому же в черных очках есть что-то жутковатое и не располагающее к завязыванию дружеских отношений. Вместо этого Моррис вынимает газету и прислушивается к ласкающему ухо звяканью кофейных чашек на тележке стюардессы.

Откинувшись в кресле с дымящейся чашкой

кофе в руке и нежась в лучах заглядывающего в иллюминатор солнца, Моррис Цапп читает в газете «Таймс» о столкновении полиции и противников «Национального Фронта» в западном Лондоне, о землетрясении в Югославии, о военных действиях в Ливане, о политических убийствах в Турции, об очередях за мясом в Польше, о начиненных взрывчаткой машинах в Белфасте и о прочих трагедиях, бедствиях и актах насилия в самых разных точках земного шара. Но здесь, высоко в небе, над облаками, — если не тихо, то, по крайней мере, спокойно. Самолет летит не столь плавно и быстро, как реактивный лайнер, зато сидя в кресле можно вытянуть ноги, а кофе горяч и хорош на вкус. И, судя по газете, на земле есть места и похуже.

— Черт побери, — бурчит Рональд Фробишер, наклонившись над ковриком у двери, где лежит утренняя почта. — Опять письмо от этого япошки.

В Гринвиче — и по Гринвичу, ведь отсюда ведет отсчет мировое время, — половина девятого утра. Голубая аэрограмма, которую вертит сейчас в руках Рональд Фробишер, — конечно, не та самая, которую только что печатал Акира Саказаки, но та, что он отправил неделю назад. Та самая лежит

сейчас в грузовом отсеке реактивного лайнера, который, взяв курс на Лондон, пересекает Персидский залив, а еще одна кувыркается по закоулкам устройства автоматизированной обработки почты центрального токийского почтамта и несется по конвейерной ленте, сворачивая влево и вправо, ныряя и выныривая, словно байдарка по речным порогам.

— Четвертая или пятая за этот месяц, — недовольно ворчит Рональд Фробишер, возвращаясь к завтраку.

— Что? — спрашивает его жена Ирма, не отрываясь от «Гардиан».

— Письмо от того типа, что переводит на японский «Мало постарались». Я уже ответил вопросов на двести.

— Не понимаю, почему ты не пошлешь его к черту? — говорит Ирма.

— Если честно — потому, что нахожу в этом интерес, — объясняет Рональд Фробишер, садясь за стол и вскрывая ножом аэрограмму.

— И предлог, чтобы отложить свою работу, насколько я могу понять. Не забудь, что сценарий для «Гранады»[35] должен быть готов к следующей

---

[35] Примечания: 35
Канал английского телевидения.

пятнице, — проговорила Ирма, не отрывая глаз от женской странички «Гардиан». Разговоры с мужем достаточно предсказуемы, и можно вести их, одновременно читая газету. И даже подливать себе чай, что она и делает. — Нет, это в самом деле замечательно. Послушай: «Страница 86, седьмая строка сверху. „Какую девку трахнул я вчера в кустах! — сказал Инек“. Значит ли это, что он случайно причинил боль молодой особе?»

Ирма усмехается, но не над вопросом Акиры Саказаки, а над чем-то на женской страничке «Гардиан».

— Конечно, этого малого можно понять, — говорит Рональд. — Вполне естественное заблуждение. С какой стати «трахать» означает «заниматься сексом»?

— Не знаю, — отвечает Ирма, переворачивая страницу. — Ты писатель, ты и объясни.

— «Страница 93, вторая строка снизу. „Я от нее тащился, — сказал Инек“ Значит ли это, что он не спеша ушел из дома молодой особы?» Мне даже жаль этого япошку. В Англии он никогда не бывал, откуда ему все это знать.

— Не понимаю, а он-то что так беспокоится? И почему японцам интересно читать о том, как кто-то кого-то трахает на улице захолустного

английского городишки?

— Потому что я отношусь к крупным писателям английской литературы послевоенного периода, вот почему. А ты никогда не могла в это поверить, да? Не могла допустить, что меня всерьез можно называть *литератором*. Ты думаешь, что я просто литературный поденщик, который клепает сценарии для телевидения.

Ирма, привыкшая к маленьким капризам мужа, невозмутимо продолжает читать. Рональд Фробишер сердито вгрызается в намазанный джемом тост и открывает следующее письмо.

— Послушай-ка, — говорит он жене, — что мне пишут: «Уважаемый господин Фробишер! В сентябре этого года мы проводим в Гейдельберге конференцию, посвященную проблемам восприятия художественного текста, и нам чрезвычайно хотелось бы увидеть среди ее участников такого выдающегося современного писателя, каковым являетесь Вы…» Ты видишь? Кстати, это, наверное, будет довольно интересно. И я никогда не был в Гейдельберге. Пишет какой-то фриц по фамилии фон Турпиц.

— А не много ли ты ездишь по конференциям?

— Но это все полезный опыт! Если хочешь, поедем вместе.

— Нет уж, спасибо. Большая радость таскаться по музеям и церквам, пока ты чешешь языком с местными подхалимами. А почему все твои нынешние поклонники живут за границей? Наверное, им невдомек, что сердитых молодых людей уже нет?

— Сердитые молодые люди здесь совершенно ни при чем! — сердито говорит Рональд Фробишер и открывает новый конверт. — Хочешь пойти на церемонию вручения литературных премий в Королевской академии? В этом году ее проводят на пароходе. Кстати, я там должен что-то вручать.

— Нет, спасибо, — отвечает Ирма, переворачивая страницу «Гардиан». У них над головами слышится гудение самолета, легшего на курс по направлению к Хитроу.

Туман в аэропорту Хитроу, из-за которого самолет американской авиакомпании «Трансуорлд эйрлайнс», выполняющий рейс номер 072, был отправлен на посадку в аэропорт Стенстид, внезапно рассеялся. Самолет развернули, и теперь он приближается к Хитроу с востока. В девяти тысячах метрах над головами у Рональда и Ирмы Фробишер Фульвия Моргана закрывает книгу «Ленин и философия» и укладывает ее вместе

с лайковыми шлепанцами в поместительную рыжую замшевую сумку от Фенди. Затем она ловко засовывает ноги в свои эксклюзивные сапоги и осторожно застегивает молнии, стараясь не зацепить узорчатых колготок. Потом она бросает надменный взгляд в иллюминатор и видит петляющую Темзу, собор Святого Павла и лондонский Тауэр с его знаменитым мостом. Ей на глаза попадается Британский музей, под куполом которого Карл Маркс когда-то насочинял теорий, позволивших не только объяснить, но и изменить мир: это диалектический материализм, прибавочная стоимость и диктатура пролетариата. Однако псевдоготическая причуда парламентского дворца, увенчанная головастым Биг Беном, напоминает возвращающемуся с неба на землю марксисту о том, как медленно изменяется мир. Мать парламентов, следовательно, мать репрессивных режимов. Все парламенты следует уничтожить.

— Ой, Говард! Биг Бен! — восклицает Тельма Рингбаум, толкая локтем мужа в заднем ряду экономического класса.

— Я его уже видел, — мрачно отвечает он.

— Через минуту мы приземлимся. Не забудь бутылки из дьюти-фри.

Говард нащупывает под сиденьем пластиковый пакет с двумя литровыми бутылками виски, купленными в аэропорту О'Хейр: сначала они преодолели путь в тринадцать тысяч километров от того места, где были произведены, а теперь снова вернулись на родину. Глухой стук дает понять, что самолет выпустил шасси. «Трехзвездный Локхид» заходит на посадку в аэропорту Хитроу.

Моррис Цапп в конце концов приземлился в Хитроу и, сидя на высокой табуретке у стойки ресторана первого аэровокзала, второпях уписывает яичницу с ветчиной и поджаренным хлебом, пристроив у сахарницы книгу Филиппа Лоу «Хэзлитт и просто читатель». Стремительно забрасывает в рот куски он скорее из жадности, чем от спешки, поскольку до вылета в Милан остается два часа. Облизав масляные пальцы, он открывает книгу с эпиграфом — само собой разумеется, из Уильяма Хэзлитта:

> Я занимаю исключительно оборонительную позицию. Я не делаю решительных выводов, не предлагаю новых идей, я просто защищаю здравый смысл от изысков псевдофилософии.

Моррис Цапп вздыхает, качает головой и намазывает маслом еще один кусок поджаренного хлеба.

В городе Куктаун, штат Квинсленд, Родни Вейнрайт поглощает обед, никуда не торопясь — отчасти потому, что у него шатается коренной зуб, а мясо Беверли пережарила, отчасти потому, что совсем не хочет есть.

— Дьявол, ну и жарища, — бормочет он, вытирая салфеткой потный лоб.

— Родни, что за выражения, — с упреком говорит ему Беверли, показывая глазами на детей, четырнадцатилетнего Кевина и двенадцатилетнюю Синди, которые с завидным аппетитом обгрызают мясо с косточек, зажав их в кулачках. Доклад Родни Вейнрайта о будущем литературной критики за последние четыре часа ни на волос не продвинулся. Он исписал два листа линованной бумаги и затем изорвал их на куски, застопорившись на словах «Вопрос, однако, состоит в том, каким образом литературная критика…» На буйную траву газона ложатся длинные тени. В открытую дверь доносится шум морского прибоя. На пляже в эту самую минуту Сандра Дикс, уже, наверное, сменив мокрое бикини на линялые укороченные джинсы и облегающую

футболку, переворачивает на решетке жаровни только что выловленную из моря рыбину.

В местечке Геликон, штат Нью-Хэмпшир, Дезире Цапп забылась тяжелым сном. Ей снится, что она летает в ночной рубашке, взмывая вверх в безоблачное синее небо, и камнем падает вниз, навстречу густо поросшим соснами холмам.

Филипп Лоу, уже второй раз проснувшись этим утром, легонько трогает себя за гениталии — этот удостоверяющий жест остался у него с пятилетнего возраста после предупреждений матери о том, что если он будет играть со своим перчиком, то он у него отвалится. Не вылезая из-под одеяла, Филипп потягивается. Там, где лежала Хилари, на матрасе осталась глубокая выемка. Филипп бросает взгляд на стоящие на тумбочке часы, протирает глаза, еще раз удивленно вглядывается в циферблат и вскакивает с кровати. Спеша вниз по лестнице на кухню, он встречает идущего навстречу сына Мэтью.

— Здорово, отец семейства, — говорит тот.

— Почему ты не в школе? — холодно спрашивает его Филипп.

— Волнения в угольном разрезе: бастуют школьные учителя.

— Какой позор, — бросает Филипп через плечо. — Университетские преподаватели на это бы не пошли.

— А хоть бы и пошли — кто это заметит? — кричит сверху Мэтью.

Артур Кингфишер спит крепким сном, выгнувшись соответственно гибкому рельефу спины и ягодиц Сонг Ми Ли, которая, перед тем как они отправились на покой, приготовила ему трубку с опием. Поэтому сновидения Артура Кингфишера красочны и фантастичны: багровые пустыни, по которым, будто волны по морю, скользят песчаные барханы, густые заросли деревьев с золотыми пальцами вместо листьев, которые ласкают бредущего сквозь чащу странника, огромная пирамида с крошечным стеклянным лифтом, поднимающимся вверх по одной из граней, а спускающимся по другой, и часовня на дне озера, на алтаре которой, там, где должно быть распятие, торчит отрезанная по запястье черная рука с широко растопыренными пальцами.

Зигфрид фон Турпиц, теперь в черных лайковых перчатках на обеих руках, сидит, ухватившись за руль черного «БМВ» с мощнейшим двигателем фирмы «Бош» и пятискоростной синхронизи-

рованной коробкой скоростей фирмы «Гетраг». Машина, стабильно удерживая скорость сто восемьдесят километров в час, летит по автотрассе Берлин-Ганновер и заставляет менее расторопных водителей уступать дорогу не миганьем фар (что запрещено законом), а незаметно и внезапно садясь им на хвост, так что водитель, взглянув в зеркало заднего вида, в котором мгновенье назад ничего не было кроме мелкой темной точки на горизонте, к своему изумлению и ужасу обнаруживает, что его преследует черный массивный «БМВ» с затемненным лобовым стеклом, за которым в обрамлении шлема пепельных волос маячит бесстрастная физиономия Зигфрида фон Турпица, и, с трудом оправившись от шока, этот водитель сворачивает с полосы, пропуская «БМВ» вперед.

В старомодной кухне квартиры с высокими потолками на бульваре Гюисманс Мишель Тардьё, размалывая в ручной мельнице (визга электрической он не переносит) кофейные зерна, лениво размышляет, зачем это Зигфриду фон Турпицу срочно понадобилось поговорить с Жаком Текстелем в половине восьмого утра. Мишель Тардьё и сам знаком с Жаком Текстелем, швейцарским антропологом, который когда-то заведовал кафед-

рой в Берне, а затем подался в международные сферы заведовать культурой и теперь занимает какой-то важный пост в ЮНЕСКО. Пора, думает Мишель, пригласить Текстеля на обед.

Тардьё перестает вертеть ручку кофемолки и слышит шум захлопнувшейся входной двери. Альбер, необычайно привлекательный в своем темно-синем шерстяном блузоне и узких белых джинсах «Ливайс», которые Мишель недавно привез ему из Штатов, с недовольным видом кидает на стол бумажный пакет с рогаликами и газету «Матен». Альберу очень не нравится эта его постоянная утренняя обязанность, и он часто выражает Мишелю недовольство. Жалуется он и на этот раз. Мишель предлагает Альберу взглянуть на тяготящее его занятие сквозь призму современной нарратологии: «Ведь ты отправляешься на поиски сокровища, мой дорогой, это история твоего ухода в неизвестность и твоего счастливого возвращения. Ты — герой». Альбер отвечает коротким непристойным словом. Заливая в кофейник кипящую воду, Мишель добродушно усмехается. Он не намерен освобождать Альбера от этих утренних походов в лавку — хотя бы для того, чтобы тот не забывал, кто платит за кофе и рогалики, не говоря уж об одежде, обуви,

пластинках, визитах к модным парикмахерам и уроках фигурного катания.

В Анкаре, через полтора часа после выхода из дома, Акбиль Борак добрался наконец до университета, проведя полчаса в очереди за бензином. Лениво шествуя по тротуарам и проезжей части, в кампусе собираются студенты. Непрестанно сигналя, Акбиль пробивается сквозь человеческий поток, который расступается перед его «ситроеном», а за ним опять смыкается. Увидев свободное местечко на тротуаре, Акбиль залезает колесами на бордюрный камень. Толпа мгновенно рассеивается, а затем снова начинает обтекать теперь уже неподвижный автомобиль. Акбиль запирает машину и быстро пересекает центральную площадь. Две группы студентов, разделяющих противоположные — левые и правые — политические взгляды, затеяли оживленную дискуссию. Их голоса звучат все громче, потом начинается толкотня и потасовка, кто-то падает, и раздается девичий вскрик. К ним тут же подбегают два вооруженных солдата в тяжелых армейских башмаках и с автоматами наперевес — они криками разгоняют спорщиков, иные из которых пятятся бегом, подняв руки в знак капитуляции или мольбы о пощаде. Спрятавшись

за железной громадой статуи Кемаля Ататюрка, призывающего молодежь Турции к настойчивому овладению знаниями, Акбиль снова предается размышлениям о том, как все это не похоже на английский город Гулль.

Акира Саказаки напечатал свой покуда последний вопрос к Рональду Фробишеру (довольно каверзный, касающийся буквального и переносного значений слова «пышка» и его связи с выражением «потянуло на солененькое»), надписал адрес, запечатал конверт и положил его на виду, чтобы отправить завтра утром, засунул в микроволновку ужин из замороженного полуфабриката и, ожидая, пока он разогреется, принялся читать литературное приложение к газете «Таймс», одновременно слушая в стереофонических наушниках скрипичный концерт Мендельсона.

Биг Бен бьет девять часов. В других частях земли другие часы отбивают соответственно десять, одиннадцать, четыре, семь и два удара.

Моррис Цапп сыто икает, Родни Вейнрайт глубоко вздыхает, Дезире Цапп храпит во все носовые завертки. Фульвия Моргана зевает — на удивление широко и яростно, будто тигрица, — и

вновь обретает свой привычный невозмутимый вид. Артур Кингфишер что-то бормочет во сне по-немецки. Зигфрид фон Турпиц, попав на автотрассе в пробку, нетерпеливо барабанит черными пальцами по рулевому колесу. Говард Рингбаум жует жевательную резинку, чтобы снизить давление на барабанные перепонки, а Тельма Рингбаум пытается втиснуть в туфли отекшие ноги. Мишель Тардьё сидит за письменным столом и выводит сложное уравнение, которое алгебраически описывает сюжет «Войны и мира». Редьярд Паркинсон кладет себе на тарелку жаркое из риса и рыбы с мармита в профессорской столовой и в тишине, нарушаемой шуршанием газет, постукиванием тарелок и звяканьем приборов, занимает свой столик. Акбиль Борак прихлебывает чай из стакана в маленьком кабинете, который он делит с шестью другими преподавателями, и пытается вчитаться в «Дух нашего времени». Акира Саказаки снимает фольгу с разогревшегося ужина и настраивает радио на всемирную службу Би-би-си. Рональд Фробишер уточняет в толковом словаре значения слова «трахнуть». Филипп Лоу суетится в кухне дома на Сент-Джонс-роуд, стараясь не смотреть в глаза жене своей, Хилари. А Джой Симпсон, которая,

как думает Филипп, давно мертва, но которая жива и здорова, стоит перед распахнутым окном в какой-то точке земного шара, глубоко вдыхает свежий воздух и, прикрывая глаза от яркого солнца, счастливо улыбается.

2

Работу сотрудника аэропорта Хитроу по регистрации пассажиров — впрочем, это же относится и к сотрудникам других аэропортов — ни особо радостной, ни особо содержательной не назовешь. Она, вообще говоря, довольно однообразная и нудная: проверить авиабилет, сличить фамилию пассажира со списком в компьютере аэровокзала, оторвать билет от корешка, взвесить багаж, приклеить к нему ярлык, спросить, какой салон — для курящих или некурящих, подыскать подходящее место и выдать посадочный талон. Рутина разнообразится лишь в одном случае — если что-то начинает идти не так, то есть из-за плохой погоды, или забастовки, или по техническим причинам отменяются либо задерживаются рейсы. И вот тогда сотрудник за стойкой регистрации оказывается один на один с разъяренными пассажирами, однако при этом не может ни изменить ситуацию, ни облегчить муки клиентов. Так что для многих служащих аэропорта это просто скучная и монотонная обработка пассажиропотока, отдельные единицы которого желают как можно быстрее пройти формальности и с которыми едва

ли возможна повторная встреча.

Однако Шерил Саммерби, регистрирующая пассажиров в аэропорту Хитроу, на скуку не жалуется. И хотя пассажиры, проходящие через ее руки, редко обращают на нее внимание, она, напротив, пристально за ними наблюдает. Она находит интерес в своей работе, пытаясь быстро определить характер пассажира и обеспечить ему соответствующее обслуживание. Тем, кто невежлив или чересчур заносчив с ней или както иначе неприятен, она выделяет неудобные места — рядом с туалетом или поближе к матери с орущим младенцем. Те же, кто оставляет приятное впечатление, получают самые лучшие места и по возможности размещаются по соседству с привлекательным представителем противоположного пола. В руках Шерил Саммерби распределение мест в самолете превращается в тонкое искусство, такое же непростое и деликатное, как заочное назначение свиданий в брачном агентстве. Думая о том, что при ее тайном пособничестве возникло множество романов и даже браков между людьми, которые решили, будто их свел случай, Шерил Саммерби сияет от удовольствия.

Шерил Саммерби всегда выступала за любовь,

твердо веря, что именно она движет землю, и своими скромными манипуляциями с посадочными местами на самолетах авиакомпании «Бритиш эйруэйз» девушка старается способствовать тому, чтобы земной шар продолжал крутиться вокруг своей оси. У нее под прилавком всегда лежит любовный роман из серии «Женские тайны», который она читает в промежутках между наплывами пассажиров. Очередная книжка называется «Любовная сцена». В ней идет речь о девушке по имени Сандра, которая устроилась няней к кинорежиссеру, чья жена трагически погибла в автокатастрофе, оставив мужа с двумя маленькими детьми. Разумеется, Сандра влюбляется в режиссера, но, к сожалению, он влюблен в актрису, занятую в главной роли снимаемого им фильма, — или же это он делает вид, что в люблен, чтобы она хорошенько вжилась в роль? Так оно и есть! Шерил прочла достаточно много романов из серии «Женские тайны», чтобы сразу догадаться об этом, и ей не обязательно дочитывать книгу до конца, чтобы предсказать конец. В глубине души она презирает эти слащавые истории и тем не менее жадно, как дешевые карамельки, глотает их. В ее собственной жизни большой любви пока не случилось — не из-за недостатка

кавалеров, но потому, что она придерживается старомодных взглядов и желает идти под венец непорочной девой. На своем пути она встречала мужчин, которые с радостью помогли бы ей расстаться с невинностью, но без предварительного сочетания браком. Так что Шерил Саммерби продолжает ждать прекрасного принца. Каков он должен быть на вид, она точного представления не имеет, кроме разве того, что у него будут мускулистая грудь и упругие ляжки — все герои серии книг «Женские тайны» непременно обладают мускулистой грудью и упругими ляжками.

Мужчина в клетчатом твидовом треухе, скорее всего, подобными достоинствами не отличался, однако Шерил Саммерби сразу прониклась к нему симпатией. Он был весьма внушительных размеров, и все в нем было как-то карикатурно утрировано — возможно, он вполне это сознавал, однако ничуть не смущался. Глядя, как, зажав в зубах толстую сигару, он с важным видом рассекает толпу в надвинутой по самые глаза нелепой шапке и двубортном распахнутом пальто, из-под которого торчит яркий клетчатый пиджак, трудно было удержаться от улыбки. И Шерил улыбнулась ему, увидев, что он в нерешительности остановился между двумя хвостами пассажиров,

ожидающих регистрации на Милан. Поймав ее улыбку, он встал в очередь к ее стойке.

— Привет, — сказал он ей, когда подошел его черед. — Мы с вами знакомы?

— По-моему нет, сэр, — ответила Шерил. — Просто мне очень понравилась ваша шапка. — Она взяла у него билет и прочла напечатанное в нем имя: «Цапп М., проф.».

Профессор Цапп снял треух и взмахнул им в воздухе:

— Я купил его здесь, в Хитроу, несколько дней назад — сказал он. — Скорее всего, в Италии он мне не понадобится. — Самодовольное выражение на его лице вдруг сменилось досадливой гримасой. — Дьявол, я же обещал подарить ее юноше МакГарриглу! — Он хлопнул шапкой по ляжке, из чего сразу стало ясно, что ляжка его отнюдь не упруга. — Здесь есть откуда отправить бандероль?

— Почтовое отделение нашего аэровокзала закрыто на ремонт; другое находится в здании аэровокзала номер два, — сказала Шерил. — Вы, наверное, предпочтете салон для курящих, профессор Цапп? Место в проходе или у окна?

— Мне все равно. Вопрос сейчас в том, как отправить эту шапку.

— Оставьте ее мне, я все сделаю.

— Правда? Как это мило с вашей стороны, Шерил.

— Всегда к вашим услугам, профессор Цапп, — улыбнулась она в ответ. Он, что редко случается с пассажирами, заметил ее имя на значке, прикрепленном к лацкану форменного пиджака, и воспользовался им. — Напишите имя и адрес вашего друга на этой бумажке, и я после работы отправлю бандероль. — Пока он писал адрес, она пробежала глазами список зарегистрировавшихся пассажиров и сверила его с планом салонов самолета. Минут пятнадцать назад она обслужила необычайно элегантную итальянскую профессоршу примерно одного с М. Цаппом возраста, или, если помоложе, то ненамного, и великолепно говорящую по-английски. Ага, вот она: «Моргана Ф., проф.». Итальянка оказалась привередливой и потребовала место для курящих у окна в салоне первого класса по левому борту самолета и как можно дальше от хвоста. Шерил ее просьбу удовлетворила: она уважает людей, которые знают, чего хотя при условии, что, не получив желаемого, они не закатывают скандалов и истерик. Шерил удалось подыскать профессорше место в точном соответствии с ее

указаниями: десятый ряд, место «А» у окна. Зачеркнув на плане место «Б», она

вписала его номер в посадочный талон профессора Цаппа. Он вручил ей ушанку, адрес и две фунтовых бумажки, засунув их за отворот шапки.

— Не думаю, что это будет стоить так дорого, — сказала Шерил, читая адрес: «Перс МакГарригл, Кафедра английского языка и литературы, Университетский колледж, Лимерик, Ирландия».

— Если дадут сдачи, выпейте за мое здоровье.

В это время раздался небольшой приглушенный взрыв: весьма характерный и безошибочно узнаваемый звук, с каким падает на бетонный пол и разбивается вдребезги бутылка беспошлинного спиртного в пластиковом пакете. За взрывом последовал возглас «Мать твою!» и тревожное, испуганное восклицание «Ну Говард!» В десятке метров от стойки регистрации, остановившись по разные стороны тележки с багажом, с которой, очевидно, и свалился пластиковый пакет, с укоризной смотрят друг на друга мужчина и женщина. Профессор Цапп, оглянувшийся было на роковой звук, тут же, втянув голову в плечи и подняв воротник пальто, поворачивается к Шерил.

— Ни в коем случае не привлекайте внимание этого человека, — шипит он девушке. — Почему? Кто это?

— Его зовут Говард Рингбаум, и он всем известный стукач. Кроме того — он пока еще не в курсе — я отклонил доклад, который он написал для организуемой мною конференции.

— А что такое стукач?

— Стукач — это всеми презираемая гнусная личность, как, например, Говард Рингбаум.

— Что же в нем такого гнусного? По его виду этого не скажешь.

— Он жуткий эгоист. И очень подлый. И очень расчетливый. Например, если Тельма Рингбаум говорит, что пора позвать гостей, Говард приглашений не рассылает: вместо этого он звонит вам и спрашивает, придете ли вы, если они устроят вечеринку.

— А рядом с ним, наверное, его жена? — спрашивает Шерил.

— Тельма — совершенно нормальная женщина, только вот на стукачей у нее совсем нет чутья, — отвечает профессор Цапп. — Никто не может понять, как она терпит Говарда.

Привстав за стойкой, Шерил увидела, как Говард Рингбаум осторожно поднял за ручки пла-

стиковый пакет, который угрожающе раздулся от вылившегося алкоголя.

— Может, попробовать отфильтровать? — спросил Говард Рингбаум. Стоило ему это произнести, как бутылочный осколок пропорол пластик, и струя виски низверглась на его замшевый ботинок. — Мать твою! — снова воскликнул Говард Рингбаум.

— Ну Говард!

— И вообще, что мы здесь делаем? — огрызнулся он. — Ты сказала, что здесь выход.

— Нет, Говард, это *ты* сказал, что здесь выход, а я просто с тобой согласилась.

— Они еще здесь? — тихо спросил профессор Цапп.

— Уже уходят, — ответила Шерил. Заметив, что пассажиры позади профессора Цаппа начинают проявлять беспокойство, она быстро закруглила разговор. — Вот ваш посадочный талон, профессор Цапп. Вам необходимо прийти в зал ожидания за полчаса до вылета. Ваш багаж уже в самолете. Приятного путешествия.

Вот таким образом Моррис Цапп через полчаса оказался рядом с Фульвией Морганой в самолете «Трайдент» авиакомпании «Бритиш эйруэйз», вылетающем в Милан. На выяснение того, что

оба из академических кругов, много времени не понадобилось. Пока самолет выруливал на взлетную полосу, Моррис Цапп пристроил у себя на коленях книгу Филиппа Лоу о Хэзлитте, а Фульвия Моргана — сборник статей Альтюссера. Скосив глаза, оба полюбопытствовали, что читает сосед. Это было сродни масонскому рукопожатию. Их взгляды встретились.

— Моррис Цапп, университет штата Эйфория.

— А… Я слышала ваше выступление. В декабре прошлого года в Нью-Йорке.

— На конференции Ассоциации по изучению современного языка? Значит, вы не философ? — Он кивком указал на название «Ленин и философия».

— Нет, моя область — культурология. Фульвия Моргана, университет Падуи. Европейских ученых весьма интересует марксизм. Об американских этого не скажешь.

— Я думаю, Америку больше привлекает Фрейд, а не Маркс, Фульвия… Фульвия Моргана? Моррис быстро перебрал в памяти имена ученых дам. Кажется, ее имя встречается на титульных листах престижных литературоведческих журналов.

— А теперь Деррида, — сказала Фульвия Моргана. — Все в Чикаго — а я только что оттуда

— читают Деррида. Америка помешалась на деконструктивизме. С чего бы это?

— Ну, я сам немного деконструктивист. В этом есть что-то волнующее, интеллектуальная игра на нервах. Будто рубишь сук, на котором сидишь.

— Вот именно! Но в этом столько нарциссизма! И никакой надежды.

— Что за конференция была в Чикаго? — Ее название — «Кризис знака».

— А-а-а… Меня приглашали, но я не смог приехать. Ну и как там было?

Фульвия Моргана пожала коричневыми бархатными плечами.

— Как обычно. Много скучных докладов. Посиделки в ресторане были веселее. — А кто там был?

— Спросите лучше, кого там не было. Герменевтики из Йеля. Специалисты по «Отклику читателя» из университета Джона Хопкинса. Местные аристотелевцы. И еще там был Артур Кингфишер.

— Неужели? Ему, наверное, годков уже немало.

— Он выступил — как вы это называете? — с программной речью. На открытии конференции.

— Ну и как она?

— Ниже всякой критики. Все хотели узнать, какую сторону он примет в отношении к деконструктивизму. За или против? Приведет ли посылки своих ранних структуралистских трудов к их логическим заключениям или же откажется от них и встанет на защиту традиционной филологии? — Фульвия Моргана говорила как по писаному — очевидно, цитировала наброски к сочиняемому ею отчету о конференции.

— Давайте я попробую угадать, — сказал Моррис.

— Напрасная трата времени, — возразила ему Фульвия Моргана, расстегивая привязной ремень и разглаживая на коленях свои бархатные бриджи. Тем временем самолет поднялся в воздух, чего Моррис даже не заметил. — Он сказал: с одной стороны — так, с другой стороны — эдак. И все вокруг да около. И все из пустого в порожнее. И ничего по существу. Он повторял то, о чем говорил и двадцать, и тридцать лет назад, только тогда это звучало интереснее. По правде сказать, мне просто стыдно за него стало. Несмотря на это ему устроили бурную овацию.

— Что ж, он все-таки величина. Или был ею, по крайней мере. Король среди литературоведов.

Я думаю, для многих он воплощает собой наше академическое ремесло.

— Тогда я должна сказать, что состояние вашего ремесла вызывает серьезные опасения, — парировала Фульвия. — Что вы читаете? Книгу о Хэзлитте?

— Ее автор — мой приятель, англичанин. Я только вчера получил от него эту книгу в подарок. Правда, я не большой любитель подобного чтений. — Моррис поспешил отмежеваться и от старомодной темы, избранной Филиппом Лоу, и от столь же устарелой ее трактовки.

Фульвия Моргана наклонилась к Моррису и, прищурясь, вгляделась в фамилию автора на суперобложке.

— Филипп Лоу. Я его знаю. Он несколько лет назад приезжал к нам в Падую с курсом лекций.

— Точно! Он как раз вчера рассказывал мне об этой поездке. Она была очень насыщенной.

— В каком смысле?

— Ну, самолет, в котором он возвращался в Англию, загорелся — пришлось возвращаться в Италию и делать вынужденную посадку. Но все обошлось.

— А вот его лекции я бы насыщенными не назвала. Они были очень скучные.

— Да?… Впрочем, меня это не удивляет. Филипп — человек, неплохой, но явно не способен поразить яркостью мысли.

— И как вам его книга?

— Вот, послушайте, что я сейчас прочту, и вы получите о ней представление. — Моррис зачитал вслух абзац, отмеченный им в книге Филиппа: «Он — самый всеведущий человек, который знает почти все о том, что не имеет никакого отношения к жизни и недоступно наблюдению, о том, что не несет практической пользы и не может быть проверено опытным путем, и о том, что, пройдя множество промежуточных стадий познания, теперь окутано неопределенностью, насыщено проблемами и изобилует противоречиями».

— Очень интересно, — сказала Фульвия Моргана. — Это Филипп Лоу?

— Нет, это Хэзлитт.

— Но это просто удивительно. Так современно звучит! Неопределенности, проблемы, противоречия… Хэзлитт явно опередил свое время. Какой смелый выпад против буржуазного эмпиризма!

— Я думаю, это ирония, — осторожно сказал Моррис. — Это цитата из очерка, название которого — «Ученое невежество». Фульвия Моргана скривилась:

— Эти англичане со своей иронией! Никогда не знаешь, когда они говорят серьезно, а когда — нет.

Подъехавшая тележка с напитками послужила хорошим предлогом прервать разговор. Моррис попросил себе виски со льдом, а Фульвия — коктейль «Кровавая Мэри». Затем они вновь вернулись к конференции в Чикаго.

— Столько было разговоров об этой профессорской должности при ЮНЕСКО, — заметила Фульвия. — Закулисных, разумеется.

— Что это за должность? — Моррис вдруг почувствовал беспокойство, холодком пробежавшее по его телу, слегка разомлевшему от алкоголя и от столь неожиданного и приятного знакомства с обворожительной коллегой. — Я ничего не слышал о должности при ЮНЕСКО.

— О ней пока рано беспокоиться, она еще не объявлена, — улыбнулась Фульвия. Моррис попытался выдавить из себя небрежный смешок, но и в его собственных ушах он прозвучал фальшиво. — Предполагается, что это будет должность профессора-литературоведа, оплачиваемая из бюджета ЮНЕСКО. Но это пока лишь слухи. Я думаю, их распустил Артур Кингфишер. Говорят, он главный консультант конкурсной комиссии.

— А что еще, — спросил Моррис нарочито обыденным тоном, — говорят об этой должности?

Собственно, можно было и не дожидаться ответа, чтобы понять: вот место, достойное его тщеславных помыслов. Должность профессора-литературоведа при ЮНЕСКО! Без сомнения, самая высокооплачиваемая в гуманитарных науках. Фульвия подтвердила его догадки: поговаривают о ста тысячах долларов в год. Разумеется, никаких налогов — как и для всех должностей при ЮНЕСКО. Обязанности? Практически никаких. Должность не входит в штат какой-либо организации, чтобы не оказывать предпочтения той или иной стране. Она практически номинальная (чего нельзя сказать о деньгах), и занимающий ее счастливчик может проживать где ему заблагорассудится. Официальная резиденция со штатом помощников будет у него в Париже, но он не обязан в ней отсиживаться. Его дело — летать по белу свету за счет ЮНЕСКО, посещая конференции, и поддерживать отношения с членами мирового ученого сообщества, да и то по своему усмотрению. Ни обучения студентов, ни проверки экзаменационных работ не будет, не будет он и председательствовать в разных комиссиях. Ему будут платить лишь за то, чтобы

он думал — думал и, если придет настроение, что-нибудь писал. В Париже перед компьютерами его будет поджидать команда секретарей, готовая печатать, вычитывать, переплетать и распространять во все пределы его размышления касательно онтологии художественного текста, терапевтического воздействия поэзии, природы метафоры, отношений между синхронными и диахронными литературными исследованиями. У Морриса Цаппа голова пошла кругом — не столько от золотых гор и привилегий, которые сулит вожделенное место, сколько от того, какой завистью к его обладателю изойдут те, кому оно не достанется.

— Это будет для него пожизненная ставка или на срок? — спросил Моррис.

— Я думаю, на три года, с сохранением для нее места в университете.

— Для нее? — обеспокоенно повторил Моррис. Неужели на этот пост уже наметили Юлию Кристеву или Кристину Брук-Роуз? — Почему вы сказали «для нее»?

— А почему вы сказали «для него»?

Моррис успокоился и в знак поражения поднял руки:

— Ваша взяла! Бывшему мужу автора фе-

министского бестселлера стыдно попадать в подобную ловушку.

— Кто этот автор?

— Она пишет под именем Дезире Бирд.

— Как же, как же, «Giorni difficile»[36]. Читала я ее. — Она взглянула на Морриса со вновь вспыхнувшим интересом. — Эта книга автобиографична?

— В чем-то — да, — ответил Моррис. — А эта должность при ЮНЕСКО — вас бы она привлекла?

— Нет, — решительно сказала Фульвия Моргана.

Моррис ей не поверил.

В то время, когда Моррис Цапп и Фульвия Моргана, пролетая над юго-востоком Франции на высоте девять тысяч метров, приступили к легкому обеду, Перс МакГарригл на лондонской подземке добрался до аэропорта Хитроу. После отъезда Анжелики уже ничто не держало его в Раммидже, поэтому он не пошел на заключительное заседание конференции и поездом уехал в Лондон. Он надеялся, что ему удастся в последнюю минуту купить билет подешевле,

---

[36] Примечания: 36
«Критические дни» (ит.).

поскольку полученный в колледже грант предусматривал лишь морские или железнодорожные расходы. Сотрудники авиакомпании «Эйр Лингус» в аэровокзале номер два записали его имя и предложили зайти в половине третьего. Пока Перс размышлял, чем занять себя в ближайшие два часа, зал ожидания заполнила сотня мусульманских паломников с багажом, обклеенным этикетками «Сарацин-тур». Обратившись лицом к Мекке, они распростерлись на полу в молитве. Двое уборщиков, опершись на щетки, с презрением наблюдали за ними.

— Хреновы чурки, — сказал один. — Если им невтерпеж помолиться, чего бы им не пойти в хренову часовню?

— Чего они там потеряли? — возразил ему напарник, демонстрируя расовую терпимость. — Им мечеть нужна.

— Ах, ну конечно! — саркастически ухмыльнулся первый. — Нам в Хитроу только мечети не хватает.

— Да я не говорю, что нам нужна мечеть, — терпеливо разъяснил второй. — Просто в часовне им делать нечего. Ведь они — ино-вер-цы, — с расстановкой произнес он, щегольнув умным словом.

— Ну, ты еще скажи, что нам нужны и сина-

гога, и буддийский храм, и тотемный столб для краснокожих, чтобы они вокруг него устраивали танцы. И вообще, чего эти чурки здесь разлеглись? Если они летят в свою хренову Мекку, им нужен четвертый аэровокзал.

— Извините, вы сказали, что в аэропорту должна быть часовня? — вмешался в разговор Перс.

— Не должна быть, а точно есть — ответил наименее веротерпимый уборщик. — Рядом с бюро находок, так ведь, Фред?

— Нет, рядом с диспетчерской вышкой, — ответил Фред. — Идите по подземному переходу к третьему аэровокзалу, а затем по указателям к автобусной станции, потом примите влево, потом вправо. Прямо в нее и упретесь, не пропустите.

Однако Перс ее пропустил, и не раз. Он спускался и поднимался по лестницам и эскалаторам, перемещался по движущимся тротуарам, проходил туннели, пересекал мосты. Как и центральный квартал Раммиджа, аэропорт Хитроу отвергает прямое, горизонтальное перемещение. Пассажиры бредут окольным путем и плутают в дурных лабиринтах[37]. Раз ему встретился знак «К часовне Святого Георгиями», он устремился в

---

[37] Примечания: 37

Аллюзия к стихотворению «Небесная гончая» Фрэнсиса Томпсона.

указанном направлении, однако в результате вышел к прачечной. Он то и дело спрашивал дорогу у сотрудников в униформе, но в ответ получал все более невразумительные и противоречивые объяснения. Перс готов был уже прекратить поиски: у него разболелась голова, ныли ноги, а плечо оттянула дорожная сумка, однако что-то толкало его вперед. Застывшие в молитвенной позе мусульмане напомнили ему о скверне в его собственной душе, и хотя было маловероятно, что в часовне его ждет на исповедь католический священник, он все-таки испытывал непреодолимое желание раскаяться в грехах в каком-нибудь богоугодном месте, прежде чем вверить свою жизнь летательному аппарату.

Когда Перс в третий раз оказался у второго аэровокзала и уже отчаялся найти часовню, ему на глаза попалась девушка в форменной одежде, и он обратился к ней с вопросом, пообещав самому себе, что делает это в последний раз.

— Часовня Святого Георгия? Это около диспетчерской вышки, — сказала она.

— Мне так и сказали, но я уже полчаса ее ищу и ни черта не могу найти!

— Если хотите, я могу отвести вас туда, — с готовностью сказала девушка. На лацкане ее

пиджака был прикреплен значок с именем и фамилией: «Шерил Саммерби».

— Вы чрезвычайно любезны, — ответил Перс. — Но только если это не отвлечет вас от ваших обязанностей.

— У меня сейчас обеденный перерыв, — сказала Шерил и зашагала рядом с Персом. У нее была несколько странная походка — она шла, будто цирковая лошадка, грациозно печатая шаг, и ее энергичные действия не сильно продвигали ее вперед, зато заставляли подпрыгивать на ходу ее длинную белокурую гривку и другие части тела, что в целом производило приятное впечатление. Ее голубые глаза слегка косили, и это придавало ее взгляду рассеянность и мечтательность. В руках она несла яркую пластиковую сумку, из которой торчала карманного формата книжка под названием «Любовная сцена», а также твидовая ушанка в красно-коричневую клетку, показавшаяся Персу знакомой.

— Это случайно не профессора Цаппа? — спросил он.

Черил застыла на ходу, не донеся ноги до тротуара.

— Откуда вам это известно? — изумилась она.

— Мы с ним друзья. Кому вы должны передать

шапку?

— Персу МакГарриглу, в Лимерик.

— Я могу избавить вас от хлопот, — сказал Перс. — Это я и есть. — Он вынул из кармана пиджака белый нагрудный значок, выданный ему на конференции в Раммидже, и предъявил его Шерил.

— Вот это да! — воскликнула девушка. — Какое совпадение. — Она вынула шапку из сумки и, ухватив за уши, торжественно водрузила Персу на голову. — Сидит как влитая, — с улыбкой добавила она. — Точно Золушкин хрустальный башмачок. — Затем она сунула Персу в Нагрудный карман его адрес, написанный Моррисом Цаппом, и при этом, как показалось юноше, легонько ущипнула его за грудь. Затем помахала у него перед носом двумя фунтовыми банкнотами:

— Ваш американский друг сказал, чтобы на сдачу я выпила за его здоровье. А теперь здесь хватит на двоих, да еще на бутерброды останется.

Перс помедлил с ответом.

— Я бы с удовольствием составил вам компанию, — сказал наконец он, — но мне обязательно нужно найти часовню.

Но это была не вся правда: принять приглашение Шерил ему помешала верность Анжелике,

даже несмотря на то, что днем раньше она сыграла с ним злую шутку.

— Ах да, — протянула Шерил. — О часовне-то я и забыла. — Она прошла с ним еще полсотни метров, а затем указала на видневшееся вдали деревянное распятие. — Вот она.

— Огромное вам спасибо, — сказал Перс, с восхищением и не без сожаления глядя, как девушка гарцующей походкой удаляется прочь.

Часовня, если не считать деревянного креста, была похожа _ скорее на бомбоубежище, чем на молитвенный дом. Из-за низкого краснокирпичного забора виднелась лишь круглая и тоже сложенная из кирпича крыша, а также вход с ведущими вниз ступенями. Внизу, в тесном вестибюле, стоял стол с религиозной литературой; рядом с ним был служебный вход. На стене висела затянутая зеленым сукном доска, на которую посетители часовни налепили клочков бумаги со всевозможными просьбами и молитвами: «Господи, сделай так, чтобы сын наш добрался домой живым и здоровым». «Храни, Господи русскую Православную Церковь!» «Боже, будь милосерден к рабам Твоим, Марку и Марианне, иже отправились сеять семя Твое на миссионерских полях». «Боже, помоги вернуть мой багаж, потерянный

в Найроби». Часовня была вырыта в земле, и ее пространство сужалось к алтарю, за которым усеянный тусклыми лампами потолок плавно сходился с полом, так что, заняв скамью первого ряда, можно было вообразить себя сидящим в первом салоне реактивного лайнера и ожидать, что над святыми вратами вот-вот зажжется надпись «Пристегните ремни», а в проходе вместо служки появится стюардесса.

Сбоку находился крошечный придел, где, к удивлению и радости Перса, над прикрепленной к Стене ракой теплилась красная лампада, указывая на то, что там хранится Святое Причастие. Около него Перс произнес короткую, но истовую молитву, прося Бога разыскать Анжелику и очистить его собственную душу от скверны (поскольку исчезновение девушки он истолковал как наказание за обуявшую его похоть). Чувствуя себя умиротворенным и защищенным небесными силами, Перс поднялся с колен. Ему подумалось, что и он мог бы оставить на зеленой доске свое прошение к Богу. Вырвав листок из маленького блокнота, Перс написал: «Милосердный Боже, позволь мне найти Анжелику». Ее имя он вынес в отдельную строку, повторив начертание своей снежной надписи в Раммидже.

Если будет на то Господня воля, то Анжелика, вдруг оказавшись в часовне, узнает руку Перса, смилостивится и разыщет его.

Перс не сразу смог подойти к доске с записками — перед ней стояла молодая девушка, пытаясь прикрепить к зеленому сукну свое послание к Богу. Даже со спины она являла собой зрелище, неуместное для святого дома: ее черные как смоль кудри были тщательно уложены башенкой, на плечи наброшена короткая курточка из белого искусственного меха, брюки были ярко-красные и неимоверной ужины, а на ногах сверкали золотом босоножки на шпильках. Оставив на доске свою молитву, девушка с минуту постояла не двигаясь, а затем, достав из сумки шелковый платок, разрисованный игральными костями и рулеточными колесами, набросила его на голову. Когда она проходила, стуча каблучками, в часовню, Перс успел приметить ее бледное хорошенькое личико, показавшееся ему знакомым, — возможно, он встречал ее во время скитаний по Хитроу. Прикрепив к доске свою просьбу к Всевышнему, Перс не удержался и пробежал глазами письмецо на розовой визитке, которое оставила девушка:

Господи пожалуйста пусть мои мама и папа не беспокоятся обо мне и пусть они не знают чем

я сейчас занимаюсь и пусть об этом не знают люди на ферме или девушки из гостиницы очень тебя прошу Господи

Отцепив большим пальцем карточку с доски, Перс перевернул ее и прочел текст, напечатанный на лицевой стороне:

ДЕВУШКИ БЕЗ ГРАНИЦ

Официантки Массажистки Танцовщицы Эскорт-услуги Международное агентство

Офис: Сохо-Сквер, Лондон. Тел. 012 42 68.

Прикрепив карточку на место, Перс вернулся в часовню. Девушка стояла на коленях, низко опустив голову и закрыв глаза с густо накрашенными ресницами. Перс сел в том же заднем ряду через проход и всмотрелся в ее профиль. Через минуту-другую девушка перекрестилась, поднялась и вышла в проход. Перс поспешил ей вслед и, догнав, спросил ее в спину:

— Вы Бернадетта МакГарригл?

Лишившись чувств, девушка упала ему в руки.

В то время, когда Моррис Цапп и Фульвия Моргана пролетали над Альпами, разбирая по косточкам последнюю книгу Ролана Барта и наслаждаясь второй порцией кофе, работники муниципальных служб Милана без предупреждения властей объявили забастовку в поддержку

двух обвиненных в коррупции и уволенных чиновников налогового департамента (согласно руководству, они освободили свои семьи от поимущественного налога; согласно профсоюзу, они пострадали потому, что не освободили от того же самого налога собственное руководство). Поэтому самолет «Трайдент» авиакомпании «Бритиш эйруэйз», приземлившись, попал в самую гущу неразберихи и бестолковщины. Работники аэропорта отказались выполнять свои обязанности, и пассажирам пришлось самим добывать багаж из-под брюха самолета, а затем тащить по бетонной полосе к зданию аэровокзала. К стойкам паспортного контроля и таможенного досмотра выстроились длинные и плохо управляемые очереди.

— Как вы будете добираться до Белладжо? — спросила Фульвия Морриса, став вместе с ним в очередь.

— Мне сказали, что оттуда за мной придет машина. Это далеко?

— Не так уж. Вы непременно должны приехать к нам в Милан, пока вы здесь.

— С большим удовольствием, Фульвия. Ваш муж тоже занимается наукой?

— Да, он профессор, специалист по итальянско-

му Ренессансу, преподает в Риме.

Моррис на минуту задумался.

— Он работает в Риме, а вы — в Падуе. И при этом вы живете в Милане?

— У нас прекрасное сообщение. В течение дня есть несколько рейсов из Милана в Рим, а до Падуи построена автострада. Ведь настоящая столица Италии это Милан, а Рим — ленивый и сонный провинциальный город.

— А что же тогда Падуя?

Фульвия Моргана взглянула на Морриса, словно ожидая подвоха.

— А в Падуе вообще никто не живет, — небрежно бросила она.

Таможенный досмотр они прошли на удивление быстро. Видно, представительная внешность Фульвии, а возможно, ее бархатные бриджи неотразимо подействовали на таможенников, так что ученые коллеги в два счета выбрались из разгоряченной и нервной толпы пассажиров. По другую сторону паспортного контроля их поджидала разгоряченная и нервная толпа встречающих. Некоторые держали над головами плакаты с именами, однако имени Морриса Цаппа ни на одном из них не значилось.

— Не ждите меня, Фульвия, — недовольным

тоном сказал Моррис — Если никто не появится, я поеду на автобусе.

— Водители автобусов тоже бастуют, — ответила Фульвия. — У вас есть телефон виллы?

Моррис протянул ей письмо с подтверждением, что его встретят.

— Но здесь же сказано, что вы должны были прилететь еще в прошлую субботу в Мальпенсу — а это другой аэропорт, — заметила она.

— Да, но я изменил свои планы, чтобы попасть на конференцию в Раммидж. Я написал им об этом.

— Скорее всего, они вашего письма не получили, — сказала Фульвия. — Наша почтовая служба — это национальный позор. Если мне надо отправить срочное письмо в Штаты, я сажусь в машину и еду в Швейцарию. Присмотрите-ка за сумками. — Она увидела свободную телефонную будку и коршуном бросилась к ней, заскочив туда под носом у разъяренного бизнесмена. Через минуту-другую Фульвия вернулась и подтвердила свое предположение. — Как я и сказала, они вашего письма не получали.

— Дьявол, — сказал Моррис. — Что же мне теперь делать?

— Я обо всем договорилась, — ответила Фуль-

вия. — Вы переночуете у нас, а завтра с виллы прямо к нашему дому за вами придет машина.

— Я вам очень признателен, — сказал Моррис.

— Вы ждите на улице с вещами, — скомандовала Фульвия, — а я схожу за машиной.

Охраняя сумки и греясь в лучах по-весеннему теплого солнца, Моррис наметанным взглядом оценивал наиболее примечательные автомобили, которые подъезжали к аэровокзалу, чтобы выгрузить или посадить пассажиров. Его внимание привлек бронзовой окраски «мазерати», который доселе он видел лишь в журналах и который тянул на пятьдесят тысяч долларов, и лишь спустя мгновенье он сообразил, что за рулем машины сидит Фульвия Моргана и энергичными жестами приглашает его садиться. Покидая территорию аэропорта, Фульвия погрозила кулаком стоящим у ворот пикетчикам, а когда они в ответ заулыбались и тоже подняли вверх кулаки, Моррис догадался, что этот жест у забастовщиков используется в знак солидарности.

— Я кое-что хочу спросить у вас, Фульвия, — сказал Моррис Цапп, потягивая виски со льдом, которое в хрустальном графине на серебряном подносе было подано горничной, одетой в черную форму с белоснежным передником. Дело

происходило в гостиной роскошного особняка восемнадцатого века неподалеку от виллы Наполеона, до которого они домчались с такой устрашающей быстротой, что улицы и бульвары Милана слились в памяти Морриса в сплошную серую массу. — Возможно, это прозвучит наивно и даже невежливо, но меня разбирает любопытство.

Фульвия удивленно подняла брови. Приехав домой, они передохнули, приняли душ и переоделись, Фульвия — в длинное просторное платье из тонкой белой шерсти, в котором еще более стала походить на римскую императрицу. Они сидели друг против друга, утопая в мягких глубоких креслах; между ними на вощеном паркетном полу лежал персидский ковер. Моррис обвел глазами просторную комнату, в которой коллекционный антиквариат элегантно сочетался с лучшими образцами современного итальянского мебельного дизайна, а по матовым белым стенам были развешаны оригинальные полотна Шагала, Ротко и Бэкона.

— Мне все-таки интересно, — сказал Моррис Цапп, — как вам удается совмещать столь роскошную жизнь с марксистскими взглядами?

Фульвия потрясла в воздухе сигаретой в мунд-

штуке из слоновой кости:

— Очень американский вопрос, Моррис, если можно так выразиться. Разумеется, я не закрываю глаза на противоречия нашего образа жизни, но это и есть как раз те самые противоречия последней стадии империализма, которые неизбежно приведут к его краху. И лишат нас наших маленьких привилегий, — сказав это, Фульвия скромно развела руками, словно давая понять, что по уровню жизни они недалеко ушли от какой-нибудь пуэрториканской семьи, прозябающей на пособие в городских трущобах. — И мы ни в коей мере не должны ускорять этот процесс, который развивается по своим собственным законам и определяется действием человеческих масс, а не отдельных малозначащих личностей. Поскольку с точки зрения диалектического материализма для исторического процесса не важно, богаты или бедны мы с Эрнесто, то уж лучше мы с ним будем богаты, потому что мы достойно можем исполнить эту роль, в то время как достойно исполнить роль бедных, каковыми являются наши итальянские крестьяне, далеко не так просто — этому надо учиться из поколения в поколение, это надо впитывать с молоком матери. — Свою речь Фульвия произнесла быстро и без запинки,

будто по памяти воспроизвела разговор, не раз возникавший у них с мужем. — Кроме того, — добавила она, — будучи богатыми, мы способны помогать тем, кто предпринимает более конструктивные действия.

— И кто эти люди?

— Ну, это самые разнообразные объединения, — неопределенно ответила Фульвия, и в этот момент раздался телефонный звонок. Она устремилась к аппарату, стоявшему в другом конце комнаты, и подол ее белого платья заплясал под ее ногами. Разговор шел по-итальянски и с такой пулеметной скоростью, что Моррис ничего в нем не уловил, кроме то и дело произносимого слова *caro*[38] и однажды упомянутого собственного имени. Наконец Фульвия положила трубку и решительно направилась к своему креслу. — Это муж звонил, — пояснила она. — Он задерживается в Риме из-за забастовки. Миланский аэропорт закрыт, так что сегодня он не вернется домой. — Очень жаль, — сказал Моррис.

— Почему? — спросила Фульвия Моргана, одарив Морриса загадочной улыбкой Моны Лизы.

— Почему бы тебе не вернуться домой, Берна-

---

[38] Примечания: 38
Дорогой (ит.).

детта? Твои родители от расстройства потеряли покой и сон.

Бернадетта энергично затрясла головой и нервно закурила сигарету, с трудом справившись с зажигалкой и поломав при этом ярко-красный ноготь.

— Я не могу вернуться домой, — сказала она хриплым голосом, в котором, несмотря на множество выкуренных сигарет и, несомненно, не меньшее количество выпитого спиртного, все еще слышался певучий выговор Слайго. — Мне дорога домой заказана, — сказала она, не поднимая глаз из-под длинных накрашенных ресниц, и стряхнула пепел в зеленую пластиковую пепельницу, стоящую на белом пластиковом столе в закусочной второго аэровокзала. Перед ней стоял салат с ветчиной, к которому она едва притронулась. Поедая свой салат, Перс изучал ее лицо и фигуру и удивлялся тому, как быстро он успел узнать, когда она проходила мимо него в часовне, черты той самой Бернадетты, которую он когда-то видел на семейном пикнике на побережье, — в то лето, когда им было лет по тринадцать-четырнадцать и они стеснялись друг друга и не могли завести разговора. Он запомнил ее тощей девчонкой-сорванцом с копной спутанных черных

волос и щербатой улыбкой — как она бежала с подобранным подолом навстречу прибою, а потом была наказана матерью за намокшее платье.

— Но почему ты не можешь вернуться домой? — мягко, но настойчиво переспросил он.

— Потому что у меня есть ребенок, а мужа нет, вот почему.

— Вот как, — сказал Перс, Он слишком хорошо знал нравы западной Ирландии, чтобы не принимать в расчет серьезность этого довода. — Значит, ты все-таки родила ребенка?

— А они там что подумали? — резко спросила Бернадетта, взглянув Персу в глаза. — Что я нашла другой выход?

Перс покраснел.

— Ну, твой дядя Майло…

— Мой дядя Майло?! Этот старый хрыч? — При упоминании доктора О'Шея в ее речь хлынул сильный ирландский акцент — так наполняет рот слюна или впрыскивается в кровь адреналин. — Это не его собачье дело!

— Видишь ли, о твоих проблемах я узнал именно от него, и не далее как позавчера. В Раммидже.

— А, ты ездил в Раммидж! Я там сто лет уже не была. Господи, до чего же гнусный и мрачный

был этот дом на Гитингс-роуд-уд! Меня заставляли пылесосить лестничные пролеты, и я боялась сломать себе шею, потому что там было темно, а сквалыга О'Шей экономил на лампочках… — Бернадетта покачала головой и с шумом выпустила из носа сигаретный дым. — Рабыня я у них была. После этого работа в гостинице в Слайго показалась мне курортом. Единственной живой душой, относившейся ко мне по-человечески, был жилец с верхнего этажа, американский профессор. Он, помнится, разрешал мне смотреть у него в комнате цветной телевизор и читать неприличные журналы. — Бернадетта ностальгически ухмыльнулась, обнажив ровные белые и очевидно вставные зубы. — «Плейбой» и «Пентхаус» и всякое такое. Картинки с бесстыжими голыми девицами, которые не боялись печатать свои имена. У наивной (…)

— А что отец ребенка? Он помогает материально? — Я не знаю, где он.

— Но ведь он был постояльцем в твоей гостинице. Его можно найти по журналу регистрации.

— Я как-то раз послала ему письмо. Оно вернулось со штампом «Адресат неизвестен».

— А кто он? Как его зовут?

— Не скажу, — отрезала Бернадетта. — Я больше

не хочу иметь с ним никаких дел. Еще не хватало, чтобы он забрал у меня Фергюса. И вообще, он был странный и мрачный тип. — Она снова взглянула на часы. — Мне уже пора. Спасибо за салат. — Она виновато посмотрела на него. — Извини, у меня нет аппетита.

— Ничего, — сказал Перс. — Послушай, Бернадетта, если ты передумаешь и захочешь вернуться в Ирландию, в Раммидже есть священник, который тебе поможет. Он собирает пожертвования в пользу молодых ирландцев-репатриантов. Фонд называется «Во имя Пречистой Девы».

— Лучше сказать «Во имя Нечистой Девы» — съязвила Бернадетта.

— Короче, священника зовут отец Финбар О'Мейли.

— О'Мейли, говоришь? Кажется, у них ферма километрах в пяти от нашей, — сказала Бернадетта. — А его мамаша — первая сплетница в округе. Так что к нему я уж точно не пойду. Не забудь, Перс: не говори родителям, чем я занимаюсь. А вот привет можешь передать.

— Ладно, — согласился Перс

Бернадетта потянулась через стол и слегка коснулась губами его щеки, обдав Перса запахом дешевой парфюмерии.

— А ты неплохой парень, Перс.

— А ты лучше, чем хочешь казаться, — сказал он.

— До свиданья, — хрипло сказала она и, оглянувшись через плечо, не очень уверенно зашагала прочь на высоких золотых шпильках.

Вскоре она исчезла из виду, затерявшись в бесконечном людском потоке. Перс задумчиво доел ее салат. Затем он вернулся к стойке авиакомпании «Эйр Лингус», где ему с извинениями сообщили, что свободных мест на Шеннон нет, и посоветовали обратиться в компанию «Бритиш эйруэйз», чей самолет вскоре должен был вылететь в Дублин и где свободных мест было предостаточно. Перс решил лететь в Дублин, а затем автостопом добираться до Лимерика. И он поспешил в первый аэровокзал, где предстал перед стойкой регистрации пассажиров на дублинский рейс.

— Еще раз здравствуйте! — приветствовала его Шерил Саммерби. — Ну как, нашли часовню?

— Да, спасибо.

— Представляете, за все время, что я здесь работаю, я никогда в нее не заходила. Какая она внутри?

— Похожа на самолет, — нервно поглядывая на

часы, ответил Перс.

— Наверное, там тихо и спокойно, — сказала Шерил, облокотившись на прилавок и приблизив к Персу голубые косящие глаза.

— Да, полное умиротворение, — согласился Перс. — Послушайте, э-э-э… Шерил, но ведь самолет вот-вот взлетит?

— Не волнуйтесь, вы успеете, — ответила Шерил. — Давайте-ка найдем вам хорошее место. Вы курите?

— Не курю.

Шерил постучала по клавиатуре компьютера и, нахмурясь, сосредоточенно взглянула на экран. Через мгновенье ее лицо прояснилось.

— Шестнадцать Б, — сказала она. — Чудесное местечко.

Перс вошел в самолет последним. Он так и не понял, что чудесного было в месте под номером шестнадцать Б, расположенном в середине ряда. Его соседями слева и справа были католические монашки.

Обед, состоящий из гаспачо[39], жареной цесарки с фаршированными перцами, свежими апельсинами под карамельным соусом и сыром

---

[39] Примечания: 39
Испанский холодный овощной суп.

«дольчелатте», был превосходен, равно как и вино, изготовленное и разлитое по бутылкам, как сообщила Фульвия, в имении ее отца, носящего графский титул. Обедали они при свечах в обшитой панелями столовой, где по темному дереву стен и стола мелькали отблески и тени, а из темноты незаметно появлялась обслуживающая их челядь. По завершении трапезы Фульвия царственным жестом отпустила прислугу по домам и сказала Моррису, что в гостиной их ожидают кофе и ликеры.

— Это сказочное гостеприимство меня просто ошеломляет, Фульвия, — сказал Моррис, облокотившись на мраморную каминную доску и потягивая из крошечной чашки послеобеденный кофе — сладчайшую и обжигающую жидкость цвета черной ночи и с кофеиновым зарядом не менее тысячи вольт. — Даже и не знаю, как мне вас отблагодарить.

Фульвия Моргана взглянула на него с дивана, куда она прилегла, выставив в разрез платья стройную ногу. Ее алые губы раскрылись, обнажив два ряда ровных белых зубов.

— Сейчас узнаете, как, — сказала она, и вероятность того, что она намерена соблазнить его, о чем Моррис с тревогой и сомнением думал все

это время, вдруг стала реальностью. — Сядьте сюда, — сказала она, похлопав по диванной подушке, словно подзывая комнатную собачку.

— Да мне и тут неплохо, — ответил Моррис, с нервным стуком поставив чашку на каминную полку и суетливо раскуривая сигару. — Скажите, Фульвия, кто, по вашему мнению, будет претендовать на эту профессорскую должность при ЮНЕСКО?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Возможно, Тардьё.

— Специалист по нарратологии? Но разве это не вчерашний день? То есть я хочу сказать, что десять лет назад все были на этом помешаны, на этих актантах, и функциях, и мифологемах, и прочей петрушке. Но теперь…

— Всего лишь десять лет назад! Неужели академическая мода так быстротечна?

— Да, и сроки ее жизни все время сокращаются. Есть люди, которые снова входят в моду, даже не подозревая, что они из нее вышли. А кто еще?

— Откуда мне знать. Фон Турпиц скорее всего подаст заявление.

— Этот нацист?

— Он не был нацистом, его просто призвали на военную службу.

— Ну, по крайней мере, он смахивает на нациста. В точности такой, каких я видел, — правда, не скрою, только в кино.

Фульвия поднялась с дивана и подошла к тележке с напитками.

— Коньяк или ликер?

— Пожалуй, коньяк. А что вы скажете о его последней книге? Вы читали ее? По-моему, это просто вариации на тему Изера и Яусса.

— Давайте больше не будем о книгах, — сказала Фульвия, подплывая к нему с бокалом коньяка, похожим на огромный пузырь. — А также о профессорских должностях и конференциях. — Она подошла к Моррису вплотную и потерла тыльной стороной ладони его гульфик. — И что, он действительно длиной в двадцать пять сантиметров? — ласково проговорила она.

— Почему вы так решили? — хрипло спросил Моррис.

— В книге вашей жены…

— Не надо слепо верить тому, о чем пишут в книгах, Фульвия, — сказал Моррис, выхватил у нее коньяк и залпом осушил бокал. Потом закашлялся, так что на глаза у него навернулись слезы. — Профессиональному критику вроде вас это известно. Писатели всегда преувеличивают.

— Да, но насколько, Моррис? Мне бы хотелось убедиться в этом самой.

— «Практическая критика»?[40] — парировал Моррис.

Но Фульвию это не рассмешило.

— Разве ваша жена не измеряла его портновским метром? — настаивала она.

— Разумеется, нет! Это все феминистская пропаганда. Как и вся книга.

Моррис подался к ближайшему креслу, окутав себя, как ретирующийся корабль, клубами сигарного дыма, но Фульвия крепкой рукой направила его к дивану и села рядом, прижавшись к его бедру. Затем расстегнула ему рубашку и просунула внутрь холодную руку. Он вздрогнул, почувствовав, как драгоценный камень ее кольца запутался в волосах на его груди.

— Густо поросшая волосами грудь, — вкрадчиво сказала Фульвия. — Об этом в книге упоминается.

— Я не имею в виду, что книга — сплошной вымысел, — сказал Моррис. — Некоторые мелкие детали действительно взяты из жизни.

---

[40] Примечания: 40

Основанное А. Ричардсом направление литературной критики, предполагающее непосредственное восприятие текста без предварительного знания о его авторе, времени создания и т. д.

— Волосатый как зверь… Я полагаю, вы и с женой обращались соответственно…

— Ой! — вскрикнул Моррис, так как Фульвия, для вящей убедительности, вонзила ему в грудь длинные красные ногти. — Как это?

— Как? Например, связывали ее кожаными ремнями и проделывали с ней всякие гнусные вещи.

— Ложь, все ложь! — с отчаяньем протестовал Моррис.

— Но если хочешь, ты можешь проделать это со мной, *caro,* — прошептала ему в ухо Фульвия, одновременно больно ущипнув его за сосок.

— Я ни с кем не хочу этого проделывать и ни с кем никогда. не проделывал, — простонал Моррис. Только один раз мы позволили себе кое-какие садомазохистские штучки, но это была инициатива Дезире, а не моя.

— Я не верю тебе, Моррис.

— Но это правда! А писатели ужасно врут. Они всё придумывают. Всё перекручивают. Черное у них белое, а белое черное. Совершенно аморальные типы. Ай! — Фульвия до крови прокусила ему мочку.

— Идем, — сказала она, резко вставая с дивана.

— Куда?

— В постель.

— Так рано? — Моррис взглянул на часы. — Но ведь сейчас всего десять минут одиннадцатого. Можно мне докурить сигару?

— Нет, надо поторопиться. — Но куда?

Фульвия снова уселась с ним рядом.

— Разве я не вызываю у тебя желание, Моррис? — спросила она и обольстительно прижалась к нему, но по угрожающему блеску ее глаз Моррис понял, что терпение ее на исходе.

— Да, конечно, Фульвия, ты одна из самых привлекательных женщин, каких я только знаю, — поспешно заверил он ее. — Но в этом-то и проблема. Тебя ждет разочарование, особенно после всех этих измышлений моей жены. Дело в том, что я уже давно, так сказать, отошел от дел.

Фульвия, отпрянув, уставилась на него в смятении.

— Ты хочешь сказать, что…

— Нет, я не импотент. Но утратил практику. Живу один. Бегаю трусцой. Пишу книги. Смотрю телевизор. — И никаких романов? — Уже давно никаких. Фульвия посмотрела на него с сочувствием. — Бедняжка.

— Видишь ли, я, к своему удивлению, совсем не страдаю от воздержания. Даже после всей этой

суеты испытываю некое облегчение.

— Суеты?

— Ну, знаешь, раздеваться среди дня, а потом одеваться, и принимать душ до и после, и следить, чтобы на тебе всегда было чистое белье, и то и дело чистить зубы, и полоскать рот…

Фульвия, откинув голову, громко и весело расхохоталась.

— До чего же ты забавный! — давясь от смеха, сказала она.

Моррис неуверенно улыбнулся, поскольку вовсе не хотел показаться таким уж забавным.

Фульвия снова встала с дивана и рывком подняла Морриса на ноги.

— Ну, пошли, забавник, я напомню тебе о том, чего ты лишился.

— Что ж, если ты настаиваешь, — сказал он и загасил сигару. — Обстановка разрядилась, и Фульвия больше не казалась ему столь устрашающей. — Поцелуй меня, — попросил он.

— Поцеловать тебя?

— Да, может быть, помнишь, это то, что идет между словами «привет» и «давай трахнемся». Я в этом смысле ужасно старомоден.

Фульвия улыбнулась и прижалась к нему всем телом. Затем, нагнув к себе его голову, впилась

в него долгим и яростным поцелуем. Моррис пробежал руками по ее спине и бедрам. Оказалось, что под белым платьем на ней ничего не было. Он почувствовал, что в нем пробуждается желание. Так после весеннего дождика у старого пня оживают сухие корни.

Спальня представляла собой устланный ковром восьмиугольник, стены и потолок которого были выложены розовыми дымчатыми зеркалами, и каждое движение умножалось в них, как в калейдоскопе. Целая стая Фульвий, как боттичеллиевские Венеры, выступила из своего пенно-белого платья и устремилась к Моррису сотней распростертых рук. Целая футбольная команда Моррисов Цаппов с неловкой торопливостью разделась до трусов и сомкнула волосатые лапы на уходящих в бесконечность нежно-розовых ягодицах Фульвий.

— Тебе нравится? — промурлыкала Фульвия, сжимая в объятиях Морриса на малиновых простынях огромной круглой кровати.

— Потрясающе! — сказал Моррис, — Как будто участвуешь в оргии в постановке Басби Беркли.

— Довольно шуток, Моррис, — сказала Фульвия. — Это неэротично.

— Извини. Что я должен делать?

Ответ у Фульвий был наготове:

— Свяжи меня, заткни мне рот, а потом делай что твоей душе угодно.

Из тумбочки она вытащила пару наручников, кожаную плеть, липкую ленту и повязки.

— Куда тут нажимать? — спросил Моррис, вертя в руках наручники.

— А вот куда. — Фульвия надела ему наручники и с легким щелчком замкнула их. — Ха-ха! Теперь ты мой пленник! — она повалила Морриса на кровать.

— Эй, что ты делаешь?!

Она стягивала с него трусы.

— Я думаю, твоя жена лишь слегка преувеличила, — сказала она, садясь перед ним на колени и пуская в ход прохладные ловкие пальцы.

— Ars longa[41], а в жизни короче, — пробормотал Моррис. И, больше не в силах противиться, закрыл глаза и отдался во власть ощущений.

Вдруг внизу раздался глухой стук закрываемой двери, и мужской голос выкликнул имя Фульвий. Моррис открыл глаза, и от дурных предчувствий все его тело мгновенно напряглось, за исключением одной его части, которая тут же обмякла.

---

[41] Примечания: 41

Моррис обыгрывает слова из афоризма Гиппократа «Ars longa, vita brevis est» — «Жизнь коротка, искусство вечно».

— Кто это? — прошипел он.

— Мой муж.

— *Что?* — Табун Моррисов Цаппов в наручниках выскочил из кровати, в ужасе и тревоге озираясь по сторонам. — Ты же сказала, что он застрял в Риме?!

— Наверное, он все-таки решил приехать на машине, — спокойно ответила Фульвия. Она подняла голову и, повысив голос, что-то прокричала по-итальянски.

— Что ты делаешь? Что ты ему сказала? — требовательным тоном спросил Моррис, пытаясь натянуть трусы. Как выяснилось, сделать это в наручниках совсем не просто.

— Я сказала ему, чтобы он поднимался в спальню.

— Ты с ума сошла?! Как мне отсюда выбраться? — Он запрыгал по комнате в приспущенных трусах, открывая дверцы шкафов в поисках выхода или места, где он мог бы спрятаться, и в результате споткнулся о собственные ботинки. Фульвия залилась смехом. Он поднес наручники к ее гордому римскому носу.

— Будь любезна, сними с меня эти долбанные наручники, — проговорил он шепотом, более похожим на сдавленный визг. Фульвия нетороп-

ливо стала искать ключ в ящике ночной тумбочки. — Быстрее! Быстрее! — отчаянно взмолился Моррис Было слышно, как кто-то поднимается по лестнице, напевая популярную песенку.

— Расслабься, Моррис, Эрнесто трудно чем-либо удивить, — сказала Фульвия. Она вставила ключ в замок наручников и со щелчком выпустила Морриса на свободу. Однако в этот самый момент раздался щелчок открываемой двери, и в спальню вошел загорелый седовласый мужчина в элегантном светло-сером костюме. — Эрнесто, это Моррис, — сказала Фульвия, поцеловав мужа в обе щеки и подводя его к Моррису, который поспешно натягивал на себя трусы.

— Felice di conoscerla, signore[42], Эрнесто расплылся в улыбке и протянул руку, которую Моррис принял в слабом рукопожатии.

— Эрнесто не говорит по-английски, — пояснила Фульвия, — но многое понимает.

— Я тоже хотел бы кое-что понять, — пробормотал Моррис. Эрнесто открыл одну из зеркальных дверок шкафа, повесил туда пиджак, сбросил ботинки и пошел в ванную, стягивая через голову рубашку и что-то невнятно бормоча по-итальян-

---

[42] Примечания: 42
Рад с вами познакомиться, синьор (ит.).

ски.

— Что он говорит? — изумленно спросил Моррис, когда за Эрнесто закрылась дверь.

— Он собирается принять душ, — ответила Фульвия, взбивая подушки, — а затем присоединиться к нам.

— К нам? Где?

— Здесь, разумеется, — ответила Фульвия, устраиваясь в центре круглой кровати.

Моррис уставился на нее во все глаза.

— Эй! — со злостью сказал он, — я уверен, что ты все это подстроила заранее!

Фульвия ответила ему улыбкой Моны Лизы.

В ванной комнате крошечной квартирки на Фитцрой-сквер Тельма Рингбаум с особой тщательностью совершала вечерний туалет. Прошедший день был долгий и утомительный. Сначала в агентстве, через которое они сняли квартиру, потеряли ключи, так что пришлось ждать несколько часов, пока сделают дубликат. Затем, когда они, наконец, попали в квартиру, выяснилось, что в ней каким-то непостижимым образом отключена вода, и опять пришлось обращаться в агентство, а для этого надо было выйти на улицу и обойти округу в поисках неиспорченного телефона-автомата, поскольку телефон в

квартире тоже был отключен. Плита на кухне была такая грязная, что Тельма, прежде чем приготовить чашку кофе, решила ее вымыть. Морозильную камеру в холодильнике пришлось разморозить, поскольку она походила на вековой ледник в миниатюре и пользоваться ею было невозможно. Проведя прошлую ночь без сна, Тельма, к тому времени когда она справилась со всей этой работой, а также сходила в ближайший магазин за продуктами и приготовила ужин, едва держалась на ногах. Однако между ней и Говардом было условлено о рандеву, и Тельма, чья жизнь не изобиловала романтикой, решила, что не может себе позволить пренебречь им. К тому же Говард нуждался в утешении, обнаружив на коврике перед дверью письмо от Морриса Цаппа, забраковавшего его доклад для конференции в Иерусалиме.

Невзирая на усталость и убогий интерьер ванной комнаты, облезлые стены которой покрылись паутиной, Тельма, готовясь услаждать Говарда, почувствовала прилив возбуждения. Она напустила в ванну ароматной пены, потом умастила себя душистым кремом, побрызгала за ушами и в других укромных местечках своего тела французскими духами и надела свою

самую эротичную ночную рубашку из черного прозрачного нейлона. Затем она сто раз провела по волосам щеткой и слегка покусала губы, чтобы они стали поярче. Закончив, Тельма на цыпочках подошла к гостиной, распахнула дверь и в соблазнительной позе встала в проеме. — Говард! — воркующим голоском позвала она.

Говард сидел на корточках перед старомодным черно-белым телевизором и крутил ручки, глядя на экран с мерцающим серым пятном.

— Да? — отозвался он, не поворачивая головы.

Тельма хихикнула:

— Вот *сейчас* ты можешь мною овладеть, милый.

Говард Рингбаум повернулся и взглянул на нее с холодным безразличием.

— А *сейчас* я тебя не хочу, — сказал он и продолжил возню с телевизором.

В эту минуту Тельма Рингбаум твердо решила при первой же возможности наставить своему мужу рога.

В разных концах земного шара самые разные люди в одежде или без, в одиночку или парами бодрствуют или спят, работают или отдыхают. В то время, когда Перс МакГарригл в Ирландии бредет среди ночи по сельской дороге в треухе

Морриса Цаппа, тот же самый луч солнца, который, отразившись от луны, указывает ему путь, высвечивая во тьме домики и фермы, где дремлют, похрапывая, люди и животные, несколько секунд назад разбудил спящих на тротуаре бродяг Бомбея, а также рабочих города Омска, украдкой просочившись сквозь щели в ставнях и дырки в занавесках или прямо ударив в их закрытые глаза.

А дальше к востоку утро уже в разгаре. В городе Куктаун, штат Квинсленд, в своем университетском кабинете Родни Вейнрайт трудится над докладом о будущем литературной критики. Дабы восстановить движущую силу своей мысли, он заново переписывает то, что написал раньше, — так прыгун с шестом увеличивает разбег перед особо ответственным прыжком. Родни надеется, что, набрав скорость, он проскочит препятствие, застопорившее его доклад. Пока все идет хорошо. Его рука уверенно движется вдоль линованных строк. К написанному он добавляет легкие штрихи и небольшие поправки и запрещает себе думать о том, какой текст пойдет дальше, а также отводит глаза от рокового абзаца, который уже маячит впереди. Родни Вейнрайт пытается перехитрить свой мозг. Не смотри, не

подглядывай! Давай, пиши! Сгруппируйся, приготовься к прыжку! Вперед!

> Вопрос, однако, состоит в том, каким образом литературная критика может выполнять определенную М. Арнольдом функцию идентификации лучшего из задуманного или сказанного, когда литературный дискурс разбалансирован из-за разрушения традиционного понятия об авторе, об «авторстве» как таковом? Очевидно,

Да, очевидно… *Очевидно*… Что очевидно?

Покраснев от напряжения, прыгун зависает в воздухе: глаза у него вылезли из орбит, мышцы свело судорогой, шест под его весом прогнулся и вот-вот треснет, а до планки — считанные сантиметры. И вот крушение: шест переламывается, планка сбита, спортсмен, дрыгая конечностями, падает на землю. Родни Вейнрайт, навалившись грудью на стол, закрывает лицо руками.

В дверь кто-то робко стучит.

— Войдите! — со стоном произносит Родни Вейнрайт и взглядывает на дверь сквозь сомкнутые пальцы. В щелку просовывается белокурая девичья головка.

— Вам плохо, доктор Вейнрайт? — спрашивает Сандра Дикс, широко раскрыв глаза. — А я пришла обсудить с вами тему курсовой.

На другой широте, хотя почти на той же самой долготе, Акира Саказаки, сидя по-турецки в своей обитой ковром поднебесной ячейке, проверяет письменные работы-упражнения по английскому языку, сделанные студентами-первокурсниками: «Поезд подъехавши к вокзалу носильщик взял у дамы чемодана». Вздыхая и покачивая головой, Акира исправляет грамматику, орфографию и пунктуацию. Подобное занятие — плевое дело для переводчика книг Рональда Фробишера. «Плевое дело», — повторяет Акира вслух, широко улыбаясь самому себе. Это выражение он почерпнул из письма писателя только сегодня утром.

Утром Акира облачился в модную спортивную рубашку, а за дверью его поджидают стильные спортивные бутсы. Сегодня у него день гольфа. Направляясь домой из университета, Акира изменит привычный маршрут и на одной из городских автомобильных стоянок посвятит час занятию спортом. Он уже сейчас чувствует зуд в ладонях, мечтая о том, как возьмется за клюшку. Стоя на верхнем ярусе затянутой сеткой и залитой

солнцем автостоянки, которая, как гигантская птичья клетка, втиснута в середину треугольника, образованного железнодорожными линиями, он подбросит сотню желтых мячиков и увидит, как они взмоют в небо над миллионами крыш и телеантенн, ударятся в сетку, а затем посыплются на землю, как подстреленные птицы.

В этой спортивной игре Акира видит аллегорию своих переводческих радостей и огорчений. Язык — это сеть, которая держит в плену идеи и понятия какой-либо культуры. Однако если ударить по мячу, идеально рассчитав силу, он пролетит сквозь сеть и отправится в полет по околоземной орбите.

Тем временем в Лондоне облаченный в пижаму и халат Рональд Фробишер заснул перед телевизором у себя в кабинете, вознамерившись посмотреть повтор детективного сериала, для которого он написал сценарий. Уморенный собственным диалогом, он, сидя в кресле, погрузился в сон, и последний выпуск новостей, прогноз погоды, а под занавес — проповедь священника о греховности жизни, — все это пролетело мимо его ушей. Теперь же телевизор издает резкий прерывистый писк, а экран мерцает голубоватым светом, отчего рябое и заросшее щетиной лицо

писателя приобрело сатанинский вид. У его ног валяется голубая аэрограмма с аккуратно напечатанными вопросами: «Страница 152, „дерьмо на палочке“. Что это такое? Страница 182, „лапшу на уши вешать“. Что это значит? Страница 191, „отставной козы барабанщик“. Кто это такой?»

Артур Кингфишер тоже сидит перед телевизором, правда, не спит: в Чикаго (где он остался по завершении конференции «Кризис знака», чтобы подготовиться к актовой речи в университете Иллинойса за вознаграждение в тысячу долларов) ранний вечер. Он смотрит, то и дело отвлекаясь, порнографический фильм, который был заказан по телефону и передан в его номер по гостиничному видеоканалу. Отвлекается же он на книгу по герменевтике, на которую согласился написать рецензию для научного журнала (все сроки давно уже прошли), отрывая взгляд от страницы лишь в том случае, когда сухость повествования становится чрезмерной даже для его иссушенного наукой мозга или когда шаблонный диалог на экране сменяется вздохами и стонами, давая понять, что притянутый за уши сюжет прервался ради фактической цели фильма. Сонг Ми Ли, склонившись перед Артуром Кингфишером в изящном шелковом кимоно, специальной бамбу-

ковой палочкой, имеющей широкое применение в корейских публичных банях, выковыривает из его уха серу.

Внезапно Артур Кингфишер возбуждается — трудно сказать, что тому причиной: совокупление на экране телевизора, нежное щекотание в ухе, или же проблеск свежей мысли, на которую натолкнул его автор книги по герменевтике. Он чувствует признаки возрождающейся жизни у себя в промежности, бросает книгу и тащит Сонг Ми Ли в кровать, на ходу сбрасывая халат и побуждая ее последовать его примеру.

Она подчиняется, однако кимоно такое тонкое и дорогое, а пояс на узкой талии затянут таким хитроумным узлом, что, пока она разоблачается, проходит не менее полминуты, и возбуждение покидает Артура Кингфишера, — или же оно, как всегда, иллюзия, обман чувств, принятие желаемого за действительное? Он с мрачным видом возвращается к телевизору и берет в руки книгу. Однако свежая мысль, сулившая прорыв в теории, оставила его, а извивающиеся на экране тела теперь воспринимаются им как насмешка над его бессилием. Он с резким хлопком закрывает книгу, нервно выключает телевизор и в отчаянии закрывает глаза. Сонг Ми Ли молча возобновляет

процедуру извлечения серы из его уха.

В Геликоне, штат Ньо-Хэмпшир, уже вечер. После ужина Дезире Цапп, склонившись над платным телефоном в холле писательского дома творчества, тревожным шепотом переговаривается со своим агентом в Нью-Йорке, опасаясь, что ее подслушают собратья по профессии. Потому что своему агенту она жалуется на «творческий застой», а эта фраза, как слово «рак» в больничной палате, ни в коем случае не должна произноситься вслух, хотя все об этом только и думают.

— Мне здесь не работается, Элис, — едва слышно говорит она в телефонную трубку.

— Что? Я тебя не слышу: наверное, что-то на линии, — отзывается Элис Кауфман из своей квартиры на Сорок восьмой авеню.

— С тех пор как я приехала сюда полтора месяца назад, я топчусь на одном месте, — говорит Дезире, рискнув слегка повысить голос. — Первое, что я делаю каждое утро, — рву в клочки все, что написала днем раньше. Скоро я свихнусь.

Свистящий звук, с каким из кузнечных мехов выходит воздух, долетает по телефонной трубке из Нью-Йорка в Геликон. Элис Кауфман, чей вес перевалил за сто килограмм, ведет свои дела из собственной квартиры, так как слишком тяже-

ла, чтобы ездить даже на такси в другой район Манхэттена. Насколько Дезире знает своего агента (которая тоже прекрасно знает Дезире), Элис лежит развалившись на диване со стопкой рукописей по одну сторону массивных бедер и с коробкой швейцарских шоколадных конфет с ликером — по другую.

— Ну тогда брось, детка, — говорит Элис. — Завтра же уезжай оттуда. Сбеги куда-нибудь.

Дезире нервно оглядывается, боясь, что этот еретический совет может быть услышан.

— Но куда бежать?

— Смени обстановку, побалуй себя, — говорит Элис. — Съезди куда-нибудь. Поезжай в Европу.

— Хм-м-м, — задумчиво говорит Дезире. — А ведь действительно: сегодня утром я получила из Германии приглашение на конференцию.

— Ну и прими его, — говорит Элис. — Твои расходы будут учтены при начислении подоходного налога.

— Они предлагают оплатить мой приезд.

— У тебя будут дополнительные расходы, — говорит Элис. — Без них не обойтись. Кстати, я говорила тебе, что «Критические дни» собираются переводить на португальский? Это уже семнадцатый язык, не считая корейского, на ко-

тором книга была издана пиратским способом.

В далекой Германии Зигфрид фон Турпиц, который прислал Дезире приглашение на конференцию, спит глубоким сном в спальне собственного дома на окраине Шварцвальда. Утомленный длительным переездом, он лежит на спине по команде «смирно», выпростав из-под одеяла черную руку. Его жена Берта, спящая на соседней кровати, никогда не видела мужа без перчатки. Когда он сидит в ванне, его правая рука свисает через край, чтобы не намокнуть; когда он стоит под душем, она, как жезл постового полицейского, торчит из-за занавески. Когда муж ложится с ней в постель, она в темноте порой не может разобрать, чем — пенисом или черным кожаным пальцем — шарит он по углублениям и отверстиям ее тела. В первую брачную ночь она упрашивала его снять перчатку, но он отказался.

— Даже при выключенном свете, Зигфрид? — с мольбой в голосе говорила она.

— Моя первая жена как-то убедила меня сделать это, — загадочно сообщил Зигфрид фон Турпиц, — и я уснул, забыв надеть перчатку.

Все знают, что первая жена фон Турпица умерла от сердечного приступа и была обнаружена собственным мужем поутру без признаков дыха-

ния. С тех пор Берта ни разу не просила Зигфрида снять с руки перчатку.

Многие теперь в Европе видят десятый сон, а Мишелю Тардьё не спится — его беспокоит тонкий аромат, которым благоухает тело спящего рядом Альбера. Это не знакомый ему запах его любимой туалетной воды «Грустные тропики», которой Альбер имеет привычку пользоваться без спроса, но что-то тошнотворное, назойливое, синтетическое, что-то (он подергивает носом, пытаясь перевести обонятельные образы в словесные), чем может пользоваться (его темные кожистые веки при этой мысли широко распахиваются от ужаса) *женщина.* Акбиль Борак, наоборот, не бодрствует: сидя в кровати, он вздремнул на пятидесятой от конца странице «Духа нашего времени», уронив, как подрубленную, голову и сплющив нос о развернутую на коленях книгу. Его жена Ойя, отвернувшись от света настольной лампы, уже давно спит сладким сном. И Филипп Лоу с Хилари тоже спят — спина к спине в своей супружеской кровати, которой столько же лет, сколько и их браку, и которая провисла в середине, как гамак, так что во сне они наваливаются друг на друга, но стоит лишь Филиппу коснуться своими костлявыми чреслами пышных бедер

Хилари, их тела отталкиваются, как магниты с одинаковым зарядом, и раскатываются по краям кровати.

Перс МакГарригл останавливается посередине дороги, чтобы перебросить на другое плечо тяжелую сумку. Автостоп срабатывал успешно вплоть до Муллингара; там же он подсел к водителю, который возвращался со свадьбы и был пьян в стельку: он трижды проехал мимо одного и того же указателя, затем признался, что потерял дорогу, и тут же заснул за рулем беспробудным сном. Перс теперь пожалел, что не пристроился вздремнуть на заднем сиденье, поскольку шансы встретить попутку в этот поздний час практически равны нулю.

Он снова останавливается и смотрит по сторонам. Погода теплая и сухая, так что можно спать под открытым небом. Высмотрев в поле стог сена, Перс перелезает через изгородь и решительно направляется к нему. Вспугнув ослика, который вскакивает и галопом удаляется прочь, Перс сбрасывает с плеча поклажу, снимает ботинки и растягивается на пахучем сене, вглядываясь в усыпанное миллионами звезд огромное небо у себя над головой. Звезды мерцают с блеском, какого никогда не увидеть в городе. Одна из звезд

перемещается по небу, и Персу поначалу кажется, что он открыл новую комету. Однако, заметив, что ее движение неторопливо и равномерно, он догадывается, что это по заданной орбите вращается спутник связи — маленькая искусственная луна, управляемая со станции где-то в Атлантическом океане и движущаяся со скоростью вращения Земли, небесное тело, которое получает и отправляет послания, изображения и тайны находящихся внизу бесчисленных человеческих существ. «О, если б вечным быть, как ты, Звезда!»[43] — бормочет Перс. И читает весь сонет вслух, мечтая, чтобы, отразившись от небесной сферы, он проник Анжелике в мысли или сны, где бы она сейчас ни была, и чтобы она почувствовала всю силу его любовной тоски:

Нет, неизменным, вечным быть хочу, Чтобы ловить любимых губ дыханье, Щекой прижаться к милому плечу, Прекрасной груди видеть колыханье, И, в тишине, забыв покой для нег, Жить без конца — или уснуть навек.

Нет, лучше без завершающих слов насчет вечного сна. Бедняга Китс был на последнем издыхании, когда писал сонет, — он знал, что у

---

[43] Примечания: 43
Сонет Дж. Китса . *Пер. В. Левина.*

него нет ни малейшего шанса видеть колыханье прекрасной груди Фанни Брон[44], поскольку в его собственной груди практически не осталось легких. Но он, Перс МакГарригл, вовсе не намерен отправляться на тот свет. «Жить без конца» — это больше ему по вкусу, особенно если отыщется Анжелика. И, размечтавшись, Перс тихо и мирно засыпает.

[44] Примечания: 44
Возлюбленная Китса.

Часть III

1

Появившись на своей кафедре в Университетском колледже Лимерика, Перс обнаружил адресованные на его имя два письма из Лондона. Он сразу понял, что они не от Анжелики: конверты слишком официальные, и адрес напечатан на машинке. Одно письмо было от Феликса Скиннера — с напоминанием, что издательство «Леки, Уиндраш и Бернштейн» интересуется его магистерской диссертацией о влиянии Т. С. Элиота на Шекспира. Другое пришло из Королевской литературной академии: в нем сообщалось, что Фонд Мод Фитцсиммонз, поощряющий развитие молодой англо-ирландской поэзии, наградил Перса премией в тысячу фунтов. Полгода назад Перс отослал на конкурс пачку рукописных листов, о чем совершенно забыл. Издав радостный вопль, он подбросил письмо в воздух. Затем, поймав его на лету, прочел второй абзац: из него следовало, что приз — вместе с другими наградами Королевской академии — будет вручаться на приеме, который состоится через три недели на борту

парохода «Аннабель Ли»[45], пришвартованного у пристани Чаринг-Кросс.

Перс отправился к заведующему кафедрой профессору Лайаму МакКриди поинтересоваться, можно ли ему в следующем семестре взять творческий отпуск.

— Творческий отпуск? Это довольно неожиданно, Перс, — сказал МакКриди, глядя на него поверх шатких книжных стоп.

Профессор МакКриди письменному столу предпочитал необъятных размеров обеденный, на котором грудами лежали ученые тома-словари, конкордансы, собрания староанглийских текстов, а для работы был отведен лишь крошечный участок. Посетитель, расположенный по другую сторону книжного бастиона, во время разговора с профессором не имел позиционных преимуществ, поскольку не видел собеседника. — Мне кажется, вы не так долго у нас работаете, чтобы иметь право на творческий отпуск, — с сомнением сказал МакКриди.

— Ну, тогда пусть это будет отпуск за мой счет. Деньги мне не нужны. Я только что получил вознаграждение в тысячу фунтов за свои сти-

---

[45] Примечания: 45
Героиня одноименного стихотворения Э. По.

хи, — сказал Перс, обращаясь к академическому изданию «Битвы при Мэлдоне». Однако голова профессора МакКриди вынырнула на другом конце стола, поверх словаря диалектов Скита.

— В самом деле? — воскликнул он. — Что ж, примите мои сердечные поздравления. Тогда дело принимает совершенно иной оборот. Чем конкретно вы бы хотели заниматься во время академического отпуска?

— Структурализмом, — ответил Перс.

Услышав это заявление, профессор снова нырнул в укрытие, на этот раз в глубокий проем между трудами Общества по изучению древнеанглийских текстов, откуда его голос прозвучал глухо и жалобно:

— Что ж, но я не знаю, как мы без вас справимся с курсом современной литературы, мистер МакГарригл.

— Но в летнем семестре у меня нет лекций, — заметил Перс, — поскольку студенты уже готовятся к экзаменам.

— Вот именно! — торжествующе подтвердил МакКриди, наводя на Перса прицел из-за «Беовульфа» в издании Клебера. — Кто же будет проверять экзаменационные работы по современной английской литературе?

— Я приеду и проверю, — сказал Перс. Ему это было совсем не в тягость, поскольку курс посещало всего пятеро студентов.

— Ну что ж, попробую это как-нибудь уладить, — вздохнув, сказал МакКриди.

Перс вернулся в свою квартирку, соседствующую с газовым {…} анодом, и на трех страницах набросал аннотацию книги; посвященной влиянию Т. С. Элиота на современное прочтение Шекспира и других писателей елизаветинской эпохи. Отпечатав текст на машинке, он отослал его Феликсу Скиннеру, прибавив в сопроводительном письме, что пока не хотел бы представлять в издательство диссертацию, поскольку она требует доработки и приведения к пригодному для публикации виду.

Моррис Цапп уехал из Милана настолько рано, насколько позволили приличия, хотя едва ли слово «приличия» применимо к нравам семейства Моргана — у него на этот счет появились серьезные сомнения. Любовные игрища втроем ничем не кончились. Как только до Морриса дошло, что ему надлежит ублажать не только Фульвию, но и Эрнесто, он извинился и покинул зеркальную спальню. И на всякий случай заперся на ключ в отведенной ему комнате. Проснувшись поутру,

он обнаружил, что Эрнесто — судя по всему, любитель быстрой езды — уже выехал машиной в Рим. Фульвия, державшаяся отстраненно-вежливо за кофе с рогаликами, ни словом не обмолвилась о событиях прошлой ночи, так что Моррису стало казаться, что вся история ему приснилась. Однако саднящая на плечах и груди кожа со следами длинных ногтей Фульвии свидетельствовала об обратном.

Одетый в униформу водитель с виллы Сербеллони возник на пороге сразу после завтрака, и, когда большой «мерседес» отъехал от крыльца гостеприимной итальянки, Моррис с облегчением вздохнул. Он не мог отделаться от впечатления, что Фульвия — колдунья и общение с ней чревато опасностью. По мере того как машина удалялась от окутанного тучами Милана, на небе стало проглядывать солнце, и вскоре на горизонте показались горные альпийские вершины. Теперь «мерседес» ехал вдоль озера, то и дело ныряя в тоннели, откуда сквозь каменные бойницы просматривались мелькающие, как в волшебном фонаре, зеленые берега и голубая водная гладь. Конечная цель — вилла Сербеллони — предстала величественным и роскошным особняком на подветренном склоне мыса, разделяющего озёра

Комо и Лекко. С балконов окруженного садами здания открывались великолепные виды на юг, восток и запад.

Морриса провели в прекрасно обставленный номер на третьем этаже, и он сразу вышел на балкон — вдохнуть воздуха, напоенного ароматами весенних цветов, и полюбоваться живописной панорамой. Внизу на террасе ученые обитатели особняка вкушали предобеденный аперитив. Поднимаясь к себе наверх, Моррис краем глаза увидел накрытые к обеду столы: карты меню, хрусталь и накрахмаленные салфетки. Он удовлетворенно оглядел окрестности: можно не сомневаться, что здесь ему понравится. Особенно радовало то, что все эти прелести предоставлены ему задаром. Чтобы поселиться в этом райском уголке, окружить себя угодливой прислугой, насладиться щедрой выпивкой и изысканной едой, ему достаточно было написать заявление.

Конечно, при этом необходимо иметь кое-какие заслуги — например, полученные в прошлом гранты, стипендии и подобные им вознаграждения. По мнению Морриса Цаппа, этим и привлекательна ученая жизнь. Ибо кто имеет,

тому дано будет и приумножится[46]. Для начала требуется написать всего лишь одну — правда, чертовски умную — книгу, что, однако, не так просто, если вы молоды и только начали академическую карьеру, то есть тащите на себе полную преподавательскую нагрузку, осваиваете незнакомый материал, да к тому же недавно женились и ожидаете прибавления семейства. Однако благодаря чертовски умной книге вы получаете грант для написания второй — уже в более благоприятных условиях. Имея за плечами две книги, вы продвигаетесь по службе, сокращаете преподавательские часы и можете читать курсы по интересующим вас предметам. Что позволяет вам накопить материал для следующей книги, на создание которой, соответственно, уходит гораздо меньше времени. С таким заделом вы получаете постой иную преподавательскую ставку, дальнейшее повышение но службе, более щедрые и престижные гранты и еще больше послабления в смысле чтения лекций и административной работы. Теоретически, венцом карьеры может стать полная профессорская ставка при полном отсутствии нагрузки и нескончаемом творче-

[46] Примечания: 46
Мф 13:12.

ском отпуске. Моррис еще не вполне достиг вожделенного предела, но упорно работал над его приближением.

Вернувшись в прохладную тень своего номера, Моррис обнаружил в смежной комнате кабинет. На просторном письменном столе с обитой кожей столешницей лежала аккуратная стопка почты, переправленной в Белладжо в соответствии с его распоряжением. Среди писем была телеграмма из Австралии от некоего Родни Вейнрайта (Моррис толком и не помнил, кто это) с извинением за задержку доклада для конференции в Иерусалиме. По поводу этой же конференции прислал запрос и Говард Рингбаум — очевидно, еще не зная о том, что Моррис его доклад отклонил. Еще одно письмо было от адвоката Дезире насчет денег для обучения близнецов. Моррис отправил все эти послания в мусорную корзину и, вставив в электрическую пишущую машинку лист почтовой бумаги с гербом виллы Сербеллони, настучал письмо Артуру Кингфишеру: начав с напоминания, что несколько лет тому назад они вместе вели семинар по символизму в Институте английского языка, он далее упомянул, что наслышан о блестящей программной речи Артура Кингфишера на недавней чикагской

конференции «Кризис знака», и в самых лестных выражениях попросил оказать ему честь, прислав ксерокопию или оттиск упомянутой речи. Закончив, Моррис перечел письмо. Не слишком ли оно подхалимское? Пожалуй, нет, и в этом заключается еще один закон академической жизни: *перехвалить собрата по профессии практически невозможно*. Не намекнуть ли ему на заинтересованность в профессорской должности при ЮНЕСКО? Нет, рановато. Время активного продвижения товара на рынок впереди. А это письмо — просто ненавязчивое, предварительное напоминание о себе сильному мира сего. Лизнув клапан конверта, Моррис крепко запечатал его волосатым кулаком. По дороге на террасу с аперитивами он бросил послание в почтовый ящик, предусмотрительно поставленный в гостиной.

Робин Демпси вернулся в Дарлингтон в растрепанных чувствах. После того как Анжелика сыграла с ним злую шутку (не только его щеки, но и ягодицы начинали пылать пожаром при мысли о том, что этот ирландский недоумок подсматривал из стенного шкафа за его приготовлениями к свиданию), последовал еще один день, полный раздражения и разочарований. На заседании оргкомитета конференции под пред-

седательством Филиппа Лоу (который явился в самый последний момент, взъерошенный и запыхавшийся) предложение Робина провести следующую конференцию в Дарлингтоне было отклонено и голосование завершилось в пользу Кембриджа. Затем, зайдя в свой бывший дом, чтобы взять детей на прогулку, он случайно подслушал их разговор о том, что никуда идти им неохота. В конце концов Дженет убедила их пойти прогуляться с отцом и при этом дала понять Робину, что вторую половину дня она намерена провести в постели со своим дружком Скоттом, стареющим хиппи, который в свои тридцать пять лет продолжал носить джинсовый прикид и волосы до плеч. Скотт подрабатывал фотографом, но заказы получал редко, поэтому одной из многочисленных претензий Робина к бывшей жене было то, что часть его алиментов идет на сигареты и фотообъективы для великовозрастного шалопая.

Шестнадцатилетняя Дженнифер и четырнадцатилетний Алекс мрачно потащились за отцом в центр города, где отказались от похода в картинную галерею и в Музей науки, и вместо этого пошли копаться в пластинках в музыкальных магазинах и примерять одежду в модных бути-

ках. И лишь после того как Робин купил каждому по пластинке и паре джинсов, они оживились и даже снизошли до разговора с ним за гамбургерами с жареной картошкой, которые заказали себе на обед. Однако разговор настроения Робину не поднял, поскольку изобиловал именами поп-музыкантов, о которых он не имел ни малейшего представления, и хвалебными отзывами о Скотте, который, похоже, знал о них все,

А день все тянулся и тянулся. От гамбургеров, легших поверх деликатесов средневекового банкета, у Робина вспучило живот, так что дорога в Дарлингтон была мало приятной. Домой он добрался к вечеру. В его небольшом современном домишке с сугробом почты под дверью был холодно и неуютно. Робин прошелся по комнатам, включая на ходу радио, телевизор и камины, чтобы разогнать тоску и одиночество, но безуспешно. Не разложив дорожных вещей, он снова сел в машину и отправился в университетский компьютерный центр.

Как и следовало ожидать, там все еще торчал Джош Коллинз, старший преподаватель кафедры вычислительных машин, — он сидел один-одинешенек в ярко освещенном зале и работал над программой. Некоторые утверждали, что Джош

никогда не покидает компьютерного центра, что у него вообще нет дома и что он устраивается на ночь на полу среди гудящих, щелкающих и мигающих лампочками компьютеров.

— Привет, Джош! Что новенького? — с напускной веселостью спросил Робин.

Джош посмотрел на него, оторвавшись от компьютерной распечатки.

— «Элиза» прибыла, — сказал он.

— Правда? Отлично! — сказал Робин Демпси. Именно такое развлечение было бы ему сейчас весьма кстати.

«Элиза», названная в честь героини «Пигмалиона», на самом деле была программой, позволяющей компьютеру говорить, то есть вести связную беседу с пользователем на естественном языке посредством дисплея. Предполагалось, что диалог с компьютером контекстуально ограничен и идет по четко определенным правилам, согласно которым машине в разговоре принадлежит ведущая роль, основанная на множестве ответов на вопросы, которые с наибольшей вероятностью возникают в выбранном контексте. Идеальной моделью для «Элизы» послужила беседа между психиатром и пациентом как один из самых отрегулированных ситуационных дискурсов.

Программа вызвала большой интерес у лингвистов, изучающих системные аспекты речевого взаимодействия.

— Можно попробовать? — спросил Робин.

— Пожалуйста. Садись за машину, что стоит в углу. Когда я кивну, набери на клавиатуре «Привет!»

Робин устроился за терминалом, состоящим из клавиатуры и дисплея. Джош отнес большую бобину с магнитной лентой в отделенную стеклянной перегородкой комнату, в которой находился большой компьютер, и вскоре подал Робину знак, что программа запущена.

— ПРИВЕТ! — напечатал Робин на клавиатуре.

— ПРИВЕТ! КАК САМОЧУВСТВИЕ? — немедленно отозвалась на дисплее «Элиза».

— ХУЖЕ НЕКУДА, — ответил Робин.

— ЧТО ИМЕННО ВЫ ХОТИТЕ ЭТИМ СКАЗАТЬ?

— НАСТРОЕНИЕ ПОДАВЛЕННОЕ.

—
ПОЧЕМУ У ВАС ПОДАВЛЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ?

— ПОТОМУ ЧТО МНЕ ОДИНОКО.

— У ВАС ЕСТЬ СЕМЬЯ?

— НЕТ.

— У ВАС ЕСТЬ ДРУЗЬЯ?

— ПО-МОЕМУ, НЕТ.

— ПОЧЕМУ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ?

Робин Демпси задумался и потом напечатал ответ:

— НЕ ЗНАЮ.

— ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ЗНАЕТЕ ИЛИ НЕ ХОТИТЕ ОТВЕЧАТЬ?

Робин Демпси залился краской и быстро напечатал: «КОГДА-ТО У МЕНЯ БЫЛИ ДРУЗЬЯ».

— КОГДА ЭТО БЫЛО?

— ДО ЖЕНИТЬБЫ.

— ВЫ НЕ СКАЗАЛИ МНЕ, ЧТО ЖЕНАТЫ.

— Я РАЗВЕДЕН.

— РАССКАЖИТЕ О ВАШЕМ РАЗВОДЕ.

Робин Демпси без остановки печатал минут пятнадцать, пока не сообразил, что за спиной у него стоит Джош Коллинз.

— В чем дело? — спросил он холодно, заслоняя экран от Джоша.

— Все в порядке, Робин? — Да, благодарю. — Интересно? — Очень.

— Можно прочесть распечатку? — Нет, — отрезал Робин, — нельзя.

Феликс Скиннер, пробежав глазами присланную Персом аннотацию, пришел к выводу, что книга обещает быть интересной. «Но прежде чем подписать контракт, нам следует получить

внешнюю рецензию, — сказал он. — Кого бы попросить об этом?»

— Я уж точно не знаю, мистер Скиннер, — сказала его секретарша Глория, положив ногу на ногу и пригладив рыжеватые кудри. Она терпеливо дожидалась указаний Скиннера, держа наготове блокнот и карандаш. Проработав у него пару месяцев, Глория уже привыкла к манере своего босса думать вслух, задавая вопросы, ответы на которые ей знать было не дано.

Феликс Скиннер обнажил в улыбке желтые клыки: он впервые заметил, какие у Глории стройные ножки.

— Что вы скажете насчет Филиппа Лоу?

— Лоу так Лоу, — согласилась Глория. — У нас есть его адрес?

— С другой стороны, — сказал Феликс, назидательно подняв указательный палец, — может быть, его привлекать и не стоит. Мне показалось, что он приревновал меня к молодому МакГарриглу, когда я проявил к тому интерес. Возможно, он будет не вполне объективен.

Глория, искусно подавив зевок, сняла с джемпера пушинку. Феликс прикурил новую сигарету от дымящегося в его пальцах окурка и бросил восхищенный взгляд на ее бюст.

— Знаете, кого мы попросим? — торжествующе сказал он. — Редьярда Паркинсона.

— Это имя мне встречалось, — уверенно сказала Глория. — Он из Кембриджа?

— Из Оксфорда. Между прочим, я у него учился. Может, сначала ему позвонить?

— Наверное, лучше сначала позвонить, мистер Скиннер.

— Мудрый совет, — сказал Феликс Скиннер и потянулся к телефону. Набрав номер, он откинулся в кресле и снова одарил Глорию клыкастой улыбкой. — Знаете, Глория, я думаю, вам пора называть меня просто Феликс.

— О, мистер Скиннер… — зардевшись от оказанной чести, сказала Глория. — Благодарю вас.

Скиннер сразу же дозвонился до Редьярда Паркинсона. (Тот консультировал аспиранта, но вахтер Колледжа Всех Святых имел указание в любое время соединять профессора со всеми, кто звонит из других городов. Междугородный звонок обычно предвещал книжную рецензию.) Однако рецензировать проспект книги Перса МакГарригла Паркинсон отказался.

— Извините, голубчик, мне сейчас не до того, — сказал он. — На следующей неделе в Ванкувере мне вручают почетную степень. Когда мне об

этом сообщили, я не сразу сообразил, что придется *лететь* туда для ее получения.

— Да, какая тоска, — посочувствовал Феликс Скиннер. — А кого-нибудь еще вы могли бы порекомендовать? Речь идет о современном восприятии Шекспира и компании под влиянием Т. С. Элиота.

— О восприятии? Мне это о чем-то напоминает… Ах да, вчера я получил письмо о конференции на подобную тему. От фрица по фамилии Турпиц. Вам он знаком?

— Да. Между прочим, мы опубликовали перевод его последней книги.

— Попробуйте обратиться к нему.

— Неплохая идея, — сказал Феликс Скиннер. — Странно, что я сам о нем не вспомнил.

Он положил трубку и продиктовал Глории письмо Зигфриду фон Турпицу, прося его поделиться мнением о проспекте МакГарригла и предлагая гонорар в двадцать пять фунтов или книги издательства «Леки, Уиндраш и Бернштейн» общей стоимостью пятьдесят фунтов.

— Глория, вложите, пожалуйста, в письмо наш каталог и, разумеется, ксерокопию проспекта МакГарригла. — Потушив сигарету, он взглянул на часы. — Не пора ли отдохнуть от трудов пра-

ведных? Сегодня кто-нибудь приглашен на обед?

— По-моему, нет, — ответила Глория и добавила, заглянув в ежедневник: Никто не приглашен.

— А вы не хотите составить мне компанию? Слегка перекусить и пропустить стаканчик? Я знаю один неплохой итальянский ресторан в Ковент-Гарден.

— С большим удовольствием… Феликс, — почтительно ответствовала Глория.

— Нахал! — воскликнул Редьярд Паркинсон, кладя телефонную трубку. Аспирант, не сразу поняв, к кому это относится, на всякий случай промолчал. — Почему он решил, что я буду читать бредни никому не известного учителишки из ирландского захолустья? Некоторые из моих бывших студентов слишком много себе позволяют. — Аспирант (выпускник университета в Ньюкасле), поначалу восторгавшийся Паркинсоном, а теперь разочаровавшийся в нем, изобразил на лице обеспокоенное сочувствие. — Итак, о чем мы говорили? — спросил его Редьярд Паркинсон. — О посмертном завещании Йейтса?

— О посмертном завещании Китса.

— Ах да, извините. — Редьярд Паркинсон пригладил пышные усы и устремил взгляд в окно на шпили оксфордских церквей. — Скажите, если

лететь в Ванкувер, то лучше брать билет на «Бритиш эйруэйз» или на «Эйр Канада»?

— У меня не большой опыт воздушных путешествий, — ответил молодой человек. — Чартерный рейс на Майорку — вот и всё.

— Майорка? Помнится, я там навещал Роберта Грейвса[47]. Вы с ним там не встречались?

— Я ездил туда по путевке. Роберт Грейвс в программу не входил.

Редьярд Паркинсон взглянул на молодого человека с подозрением. Неужели этот желторотый птенец из Ньюкасла способен на иронию? Да еще в его адрес? Однако невозмутимый вид аспиранта развеял его сомнения. Паркинсон повернулся к нему спиной и снова уставился в окно.

— Надо быть патриотом и лететь на самолете «Бритиш эйруэйз», — сказал он. — Думаю, это правильное решение.

В Оксфорде пасхальные каникулы близились к концу, а в университете Раммиджа начался летний семестр, и его первый день выдался погожим. Небо сияло безоблачной голубизной, солнце заливало ярким светом ведущую в библиотеку

[47] Примечания: 47

Грейвс Роберт Рэнк (1895–1985) — английский писатель, переводчик и теоретик литературы.

лестницу и густо заросший травой огромный четырехугольный газон. Филипп Лоу стоял у окна своего кабинета и наблюдал за происходящим на улице, наслаждаясь солнечной погодой, завидуя студентам и вожделея всех женщин разом. Радуясь теплу, девушки надели летние платья и стали похожи на первые весенние цветы, которые пробились сквозь землю и испестрили ее разноцветными пятнами. Они усеяли газон, блаженствуя на солнце и подставляя его лучам оголенные плечи и по-зимнему незагорелые коленки. Юноши, скинув рубашки, стайками сидели на траве, поглядывая на студенток, или прохаживались мимо них, поигрывая мускулами. Кое-где виднелись отпочковавшиеся парочки; они в обнимку нежились на солнце или же кувыркались на траве, игриво имитируя любовные позы. Повсюду были разбросаны позабытые учебники и тетради. Весна словно напитала электричеством юные тела, и воздух над газоном был густ от исходящего от них любовного томленья.

Прямо у Филиппа под окном остановились девушка необыкновенной красоты, одетая в восхитительно простое белое платье, и высокий стройный юноша в футболке и джинсах. Держась за руки, они влюблено смотрели друг на друга, не

в силах расстаться и разойтись по лекциям или лабораторным занятиям. У Филлипа не хватило бы духу назвать их прогульщиками, настолько хороша была эта пара, цветущая, не осознающая своей привлекательности и с трепетом предвкушающая блаженство телесного слияния. «Трикрат счастливая любовь!» — пробормотал Филипп, вглядываясь в пыльное стекло оконной рамы.

Трикрат, трикрат счастливая любовь!
Не задохнуться ей и не упасть,
Едва оттрепетавшей на лету![48]

Однако, в отличие от влюбленных на греческой вазе, эти двое, сомкнувшись в пылком объятье, в конце концов поцеловались — девушке пришлось подняться на цыпочки, — и в теле Филиппа их страсть вызвала невольный отклик.

Возбужденный и пристыженный, он отвернулся от окна. Нет, ему негоже поддаваться соблазнам весеннего разгула на университетском кампусе. После неудачного романа с Сандрой Дикс он дал себе зарок больше не путаться со студентками, по крайней мере в Раммидже. Любовных приклю-

---

[48] Примечания: 48
Дж. Китс. Ода Греческой Вазе . *Пер. Г. Кружкова.*

чений он ищет теперь в заграничных поездках. Правда, он не знает, чего ожидать от Турции, которая одной ногой стоит в Европе, а другой в Азии. Какова турецкая женщина: свободна от предрассудков и доступна или же сидит взаперти на женской половине? В это время зазвонил телефон.

— Это Дигби Сомс из Британского Совета. Я звоню насчет ваших лекций в Турции.

— Слушаю вас! Разве я не дал вам их названий? Первая — «Творческое наследие Хэзлитта», вторая — «Джейн Остен и „кусочек слоновой кости“»[49] — это цитата из…

— Да-да, это я знаю, — прервал его Сомс. — Проблема в том, что турки не хотят Остен.

— Не хотят Остен? — У Филиппа замерло сердце.

— Я только что получил телекс из Анкары. Вот что они пишут: «Джейн Остен здесь не актуальна, не может ли Лоу взамен прочитать лекцию о литературе и ее связях с историей, социологией, психологией и философией?»

— Не многого ли они хотят?

---

[49] Примечания: 49

Цитата из письма Джейн Остен своему племяннику Эдварду Остену-Ли (1816). Остен уподобила свое творчество кусочку слоновой кости, который она расписывает маленькой тонкой кисточкой.

— Да, пожалуй, это чересчур.

— То есть, я имею в виду, что времени на подготовку у меня маловато.

— Я могу передать им ваш отказ.

— Нет-нет, не надо, — поспешил возразить Филипп. В заграничных поездках он до дрожи в коленках боялся не угодить своим хозяевам и столь же угодлив был по отношению к людям из Британского Совета, чтобы они, не дай бог, не прекратили присылать ему приглашения. — Я все-таки надеюсь, мне удастся что-нибудь слепить на эту тему.

— Замечательно, тогда я отвечу им положительно, — сказал Сомс. — Все остальное в порядке?

— Да,-ответил Филипп. — Хотя я не представляю, чего можно ожидать от Турции. Как, по-вашему, в этой стране есть э-э-э… цивилизация?

— Туркам кажется, что есть. Но в последнее время у них много проблем. Теракты, политические убийства и так далее, причем со стороны как правых, так и левых.

— Да, я читал об этом в газетах, — сказал Филипп.

— Так что вы довольно смелый человек, — сказал Сомс с веселым смешком. — В стране финансовый кризис, импорта нет никакого, ни

кофе, ни сахара не найти. Равно как и сортирной бумаги, поэтому советую вам прихватить ее с собой. Перебои с бензином вас особенно не коснутся, а вот отключение электричества — вполне.

— Не очень радужная перспектива, — заметил Филипп.

— Зато турки — народ гостеприимный. Короче, если вас ненароком не пристрелят и вы готовы пить чай без сахара, то поездкой останетесь довольны, — сказал Сомс, снова радостно хихикнул и положил трубку.

Филипп Лоу поборол соблазн вернуться к окну и продолжить тайное наблюдение за любовными играми студентов. Вместо этого он стал просматривать книжные полки, надеясь почерпнуть там вдохновение для лекции о литературе и ее связях с историей, социологией, психологией и философией. И, как всегда, уткнулся взглядом в батарею собственных книг «Хэзлитт и просто читатель» в ярко-голубых обложках — махнув рукой на книжную торговлю, он оптом закупил партию в издательстве «Леки, Уиндраш и Бернштейн», чтобы бесплатно раздавать гостям. Затаенная обида на издателей снова кольнула его в душу, и, сняв телефонную трубку, он набрал номер и

попросил Феликса Скиннера.

— К сожалению, мистера Скиннера сейчас нет, — сказал женский голос. — У него совещание.

— Вы, наверное, хотите сказать: обед, — язвительно заметил Филипп, взглянув на часы, — было без пятнадцати три.

— Верно.

— Могу я поговорить с его секретаршей? — Она тоже обедает. А что вы хотели? Филипп вздохнул.

— Передайте мистеру Скиннеру, что он так и не отослал профессору Цаппу экземпляр моей книги, о чем я его настоятельно просил.

— Хорошо, профессор Цапп.

— Меня зовут Лоу, Филипп Лоу.

— Хорошо, мистер Лоу, как только мистер Скиннер вернется, я сообщу ему об этом.

Однако когда Филипп Лоу звонил Феликсу Скиннеру, тот уже вернулся с обеденного перерыва. Если точнее, он зашел на книжный склад издательства «Леки, Уиндраш и Бернштейн», а если еще точнее — вошел в свою секретаршу Глорию. Сбросив юбку и трусики, она перегнулась через стопку картонных коробок, а он, спустив полосатые брюки и по-обезьяньи скрючившись,

энергично отделывал ее сзади. Начиная с утра их отношения развивались довольно стремительно, особенно после нескольких порций джина с тоником, а потом большого графина итальянского вина за обедом. В такси по дороге из ресторана Феликс распустил руки и не встретил сопротивления со стороны Глории — напротив, она была женщина пылкая, а ее муж, инженер лондонской электросети, работал в ночную смену. Поэтому в издательском лифте Феликс нажал кнопку «вниз», а не «вверх». Книжный склад, как догадалась Глория, и раньше использовался им для подобных целей, однако она оставила свое наблюдение без комментариев. Место для романтических свиданий было не самое подходящее — бетонный пол был грязный и холодный, — поэтому выбранная поза устроила обоих: Глории не были видны страшные клыки Феликса и не было слышно, как от него разит чесноком, в то время как он мог любоваться ее пухлыми белыми ягодицами, торчащими из-под пояса с резинками для чулок,

— Чулки! — простонал он. — Откуда ты знала, что я тащусь от чулок с подвязками?

— Я этого не зна-а-а-а-ла! — задыхаясь, ответила Глория. — О! А! О! — Она почувствовала,

что стопка коробок под ней зашаталась и стала разваливаться, по мере того как Феликс ускорял движения. — Осторожнее! — крикнула она.

— Что? — спросил Феликс, закрыв глаза и готовясь к последнему рывку.

— Я падаю!

— А я кончаю!

— Ох!

— Ах!

Они синхронно кончили и повалились на пол, на груду смятого картона и рассыпавшихся книг. В воздух взметнулось облако пыли. Феликс перевернулся на спину и испустил удовлетворенный вздох.

— Это было дьявольски здорово, Глория. Как говорят, земля качнулась у них под ногами.

Глория чихнула.

— Не земля, а картонные коробки. — Она потерла колено, — У меня на чулке спустилась петля! — пожаловалась она. — Как теперь людям показаться?

Ожидая ответа, она взглянула на Феликса, но он отвлекся на выпавшие из коробок книги. Стоя на четвереньках в спущенных штанах, он изумленно вглядывался в обложки — они были одинаковые, ярко-голубого цвета. Феликс рас-

крыл одну из книг и вытащил оттуда маленький листок бумаги.

— Боже мой, — сказал он. — Теперь понятно, почему бедняга Лоу не увидел ни одной рецензии на своего Хэзлитта.

За день до отъезда в Ванкувер Редьярд Паркинсон получил от Феликса Скиннера письмо и экземпляр книги «Хэзлитт и Просто читатель». «Уважаемый Редьярд, — говорилось в письме, — мы опубликовали эту книгу в прошлом году, но пресса оставила ее без внимания — на мой взгляд, незаслуженно. Поэтому на этой неделе мы заново решили разослать экземпляры для рецензий. Я был бы признателен Вам, если бы Вы нашли возможность поместить где-либо свой отзыв на эту книгу. Я знаю, что Вы очень заняты, но у меня есть предчувствие, что она может показаться Вам любопытной. Всегда к Вашим услугам. Феликс».

Прочитав письмо, Редьярд Паркинсон скривил рот и без особого интереса взглянул на книгу. Он никогда не слышал о Филиппе Лоу, и первая книга профессора провинциального Университета многого не обещала. Листая ее, он наткнулся на цитату из очерка Хэзлитта под названием «О критике»: «Сегодняшний критик считает своим долгом извлечь из всякой неосмысленной фразы

тысячи значений… Его настоящая цель — отнюдь не воздать должное автору, которого он третирует без всяких церемоний, но расхвалить самого себя и продемонстрировать, насколько хорошо он овладел всем арсеналом литературной критики». Хм-м-м, подумал Паркинсон, ведь отсюда можно кое-что позаимствовать для атаки на Мориса Цаппа. И он опустил книгу в портфель, где уже лежал его паспорт, а также авиабилет в красно-бело-синей обложке. Перелет из Англии в Ванкувер был утомителен. Приглашающая сторона оплачивала билет первого класса, но Редьярд Паринсон, поскаредничав, поменял класс на экономический.

И понял, что совершил ошибку. Все началось в Хитроу с препирательств с дерзкой девицей при регистрации, которая не позволила ему взять в кабину чемодан. Затем, взойдя на борт самолета, Редьярд Паркинсон обнаружил, что соседнее кресло занимает мать с младенцем, который всю дорогу верещал, вертелся у нее на коленях и к тому же заплевал его детским питанием. Он уже горько корил себя за тщеславие, которое потащило его за пятнадцать тысяч километров ради совершенно бесполезной степени и сомнительного удовольствия, обрядившись в

странные одежды, выслушать посвященный ему полный ошибок панегирик, а затем обменяться пустыми фразами с канадской шушерой на отвратительном банкете, на котором все подряд будут хлестать ржаное виски.

Между тем за обедом после торжественной церемонии подали отличное белое французское вино к рыбе и красное к бифштексу из вырезки. Разговор, как и следовало ожидать, был банален, однако на приеме перед обедом Редьярд Паркинсон обменялся парой слов с другим получателем почетной степени, швейцарским антропологом и чиновником из ЮНЕСКО Жаком Текстелем, который поднял в его честь бокал сухого мартини.

— Мои поздравления, — приветливо сказал он. — Я знаю, что меня пригласили, потому что университет надеется выжать деньжат из ЮНЕСКО, а вас оценили за ваши труды.

Другой бы на месте Редьярда Паркинсона ответствовал: «Да что вы, я не сомневаюсь, что вы заслуживаете самой высокой награды», однако он, будучи Редьярдом Паркинсоном, лишь самодовольно ухмыльнулся и распушил бакенбарды.

— Вы не представляете, сколько почетных званий я получил, с тех пор как стал референтом генерального директора, — сказал Текстель.

— И вы находите эту работу интересной?

— Как антрополог — да. Штаб-квартира в Париже — это своего рода клан. Со своими ритуалами, табу, порядком соблюдения старшинства… Удивительно. Но от административной работы голова идет кругом. — Текстель одной рукой ловко поставил на поднос проходящего официанта пустой бокал, а другой — взял с него полный. — Вот, например, эта должность профессора-литературоведа…

— Что это за должность?

— Вы ничего не знаете? Странно. А Зигфрид фон Турпиц уже прослышал о ней — позвонил мне в полвосьмого утра. Я как раз с трудом заснул после возвращения из Токио…

— Так что это за должность? — настойчиво повторил Редьярд Паркинсон.

Текстель ввел его в курс.

— Заинтересовались? — спросил он в заключение. — Отнюдь нет, — сказал Редьярд Паркинсон, с улыбкой покачав головой. — Я вполне доволен тем, что имею.

— Приятно слышать, — сказал Жак Текстель. — Однако, как показывает мой опыт, высокопоставленные ученые — самые недовольные люди в мире. Им всегда кажется, что на чужом поле

трава зеленее.

— Не думаю, что где-то трава зеленее, чем в профессорском садике Колледжа Всех Святых, — самодовольно заявил Редьярд Паркинсон.

— Готов в это поверить, — сказал Жак Текстель. — Однако тому, кто получит эту должность при ЮНЕСКО, не обязательно двигаться с места. — В самом деле?

— Поскольку должность чисто номинальная. Чего нельзя сказать о зарплате, которая составит около ста тысяч долларов. В эту минуту распорядитель пригласил всех к столу. Редьярда Паркинсона посадили поодаль от Жака Текстеля, который сразу по завершении обеда заспешил на самолет, чтобы успеть на конференцию по историческим памятникам инков в Перу. Столь быстрая разлука обеспокоила Редьярда Паркинсона, который теперь не отказался бы от возможности изменить оставленное им впечатление, будто его совершенно не интересует профессорская должность при ЮНЕСКО, на противоположное. Чем больше он думал о ней — а думал он на протяжении всего полета в Лондон, — тем заманчивей она ему казалась. Он настолько привык получать приглашения на щедро оплачиваемые профессорские должности

в Америке, что отказ от них стал для него делом чисто механическим. Его пытались соблазнить, обещая предоставить команды научных сотрудников, в которых он совершенно не нуждался (не будут же они писать за него рецензии!), а также неограниченные гранты для поездок в Европу («Но я и так в Европе» — замечал он в ответном письме, если вообще удосуживался дать ответ). Эта же должность совсем другое дело.

Возможно, он слишком быстро от нее отказался, хотя такую организацию, как ЮНЕСКО, в профессорских кругах Оксфорда всерьез не принимают. Однако сто тысяч долларов в год, да еще без налога, которые можно получать, даже не перемещая со своих мест книги, — это уже серьезно. Теперь проблема в том как аккуратно сообщить Текстелю об изменившихся намерениях без откровенного заискивания перед ним. Вакансия, несомненно, будет в свой черед объявлена, но Редьярду Паркинсону по опыту было хорошо известно, что люди, назначаемые на высокооплачиваемые посты, не подают на них заявления, если им не намекнут заранее. Именно так и поступил Текстель — сейчас это было ясно как день, а он этот шанс проворонил. Редьярд Паркинсон в досаде сжал ручки кресла.

Что ж, наверное, дипломатически сдержанное письмецо Текстелю могло бы поправить дело. Но требовалось что-то еще: некая кампания, демонстрация позиции, только без шума и не в лоб. Что бы такое предпринять?

Открыв портфель, чтобы достать блокнот и набросать письмо Текстелю, Редьярд Паркинсон наткнулся на книгу Филиппа Лоу. Он вынул ее, начал перелистывать. И вскоре погрузился в чтение. В его голове стал зреть план. Большой разворот в литературном приложении к «Таймс». «Английская литературоведческая школа. Какую испытываешь радость, встретив в унылой пустыне современной критики здравомыслящего продолжателя благородных академических традиций, получающего непосредственное удовольствие от чтения великих книг… Актуальный и содержательный труд профессора Лоу…»

В противовес заумным и псевдонаучным писаниям Морриса Цаппа, в которых надуманные парадоксы, предлагаемые модными европейскими мудрецами, трактуются еще более претенциозно и бесплодно… Для тех, кто видит в литературе хранилище вечных человеческих ценностей, пришло наконец время встать и возвысить свой голос… Со страниц книги профессора Лоу прозву-

чал страстный призыв к действию. Кто на него ответит?

Что-то в этом роде, наверное, подействует, — бормочет в раздумье Редьярд Паркинсон, глядя в иллюминатор на солнце, которое то ли всходит, то ли заходит, переваливая через гряду облаков. Ванкувер, где он, впрочем, почти ничего не видел за исключением мокрых от дождя улиц по дороге из аэропорта в университет и обратно, уже вычеркнут из памяти.

Филипп Лоу отправился в турецкий лекционный вояж в более нервном, чем обычно, состоянии. Он до последней минуты трудился над лекцией о литературе и ее связях с историей, социологией, психологией и философией и пренебрег более земными приготовлениями вроде упаковки дорожных сумок. Поздно вечером он бросился разыскивать чистое белье и носки, но Хилари была в дурном настроении и ничем не помогла.

— Надо было заранее об этом позаботиться, — сказала она. — Ты ведь знал, что завтра у меня большая стирка.

— Но и ты знала, что завтра я уезжаю, — с обидой сказал он, — и могла бы догадаться, что мне потребуется чистая одежда.

— С чего это я должна думать о твоих потребностях? Ты о моих думаешь?

— А какие у тебя потребности? — спросил Филипп.

— Похоже, ты даже и допустить не можешь, что у меня могут быть какие-то потребности, — огрызнулась Хилари.

— Давай не будем сейчас выяснять отношений, — устало сказал Филипп. — Мне всего-то и нужно что несколько пар чистых носков, трусов и маек. Многого я у тебя не прошу.

Перебраниваясь с Хилари, Филипп стоял на пороге гостиной с охапкой грязного исподнего, которое он извлек из бельевой корзины. Хилари захлопнула книжку, выхватила у него белье и направилась в кухню, оставляя по пути дорожку разрозненных носков.

— Потом все это надо будет переложить в сушилку, — бросила она через плечо.

Филипп отправился к себе в кабинет, чтобы собрать нужные книги и бумаги. Как всегда, масса времени у него ушла на то, чтобы решить, какие книги взять с собой в дорогу. Он вечно боялся, что вдруг в иностранной гостинице или на вокзале ему нечего будет читать, и в результате таскал с собой слишком много книг, иные из которых при-

возил обратно, даже не успев открыть. Не решив, какой из двух романов Троллопа предпочесть, он упаковал оба, рядом положив поэтический сборник Симуса Хини, новую биографию Китса и английский перевод «Божественной Комедии», который в последние тридцать лет он всякий раз брал с собой в поездку, но далеко в чтении не продвинулся. К тому времени, когда он справился со своей задачей, Хилари легла спать. Филипп лег рядом, время от времени погружаясь в тревожный сон и слыша, как в кухне, будто двигатель теплохода, шумит барабан сушильной машины. Перед глазами у него стоял список вещей, которые никак нельзя забыть: паспорт, деньги, дорожные чеки, конспекты лекций, солнечные очки, турецкий разговорник. Все это уже лежало в его портфеле, но ему казалось, что чего-то не хватает. Летит он тем же самым ранним рейсом, что и Моррис Цапп, так что утром на сборы времени уже не будет.

Филипп всегда плохо спал перед заграничными поездками, но в эту ночь сон и вовсе покинул его. Обычно в таких случаях он с молчаливого согласия Хилари занимался с ней любовью, стремясь уладить в прощальном объятье возникшие накануне размолвки, что даже при отсутствии

искренности имело успокаивающий эффект и обеспечивало несколько часов сна. Филипп и в этот раз попробовал погладить Хилари по крутому боку, но она, недовольно пробормотав что-то во сне, отбросила его руку. Так он и крутился в постели без сна, обижаясь на Хилари и жалея себя. Допустив, что по дороге в Турцию он погибнет в авиакатастрофе, он с мрачным удовлетворением вообразил себе, как Хилари, узнав об этом, будет терзаться виной. Единственным недостатком этого сценария было его собственное исчезновение с лица земли — пожалуй, слишком высокая плата за не выстиранные вовремя носки. Затем Филипп попытался вообразить себе любовное приключение в Турции, но далеко дело не пошло, поскольку было совершенно неясно, чего ждать и от Турции, и от турецких женщин. Наконец, он остановился на варианте случайной встречи с Анжеликой Пабст, которая — никто так и не понял, откуда она приехала и куда уехала, — могла повстречаться ему где угодно, хоть в Турции. Его сильно разочаровала неудачная попытка подружиться с привлекательной молодой женщиной в первый вечер конференции. Поэтому, дав волю фантазии, он выхватил Анжелику из лап террористов в турецком поезде и был вознагражден

ночью любви, полной благодарности и восторгов (девушка в момент спасения очень кстати была лишь в прозрачной ночной рубашке), и наконец задремал, хотя в течение ночи еще не раз просыпался, а когда в половине шестого раздался звонок будильника, он почувствовал себя скорее уставшим, чем отдохнувшим.

Половина шестого утра не такой уж ранний час, учитывая, что такси заказано на шесть, — это сразу становится понятно Филиппу, пока он моется, одевается и неловко бреется, а потом роется в шкафу и в ящиках комода в поисках дорожной одежды и возится с замками на сумках. Хилари даже не пошевелилась, чтобы встать и помочь ему или хоть приготовить чашку кофе. Филипп в принципе не может поставить это ей в укор. И все-таки он ею недоволен. Без трех минут шесть он в некотором роде уже готов: плохо выбрит, непричесан, в нечищеных ботинках, но все-таки готов. И тут он вспоминает, чего не хватало в его вчерашнем мысленном списке — туалетной бумаги. Он пытается найти непочатый рулон в кладовой возле кухни и в панике выбрасывает из нее коробки стирального порошка, бутылки с моющими средствами, щетки, мочалки, но поиски его безуспешны. Он стремительно взлетает по

лестнице, врывается в спальню, включает свет и грозно спрашивает в спину Хилари:

— Где туалетная бумага?

Хилари приподнимает голову и спросонья ничего не может понять. — Что?

— Туалетная бумага. Мне нужно взять с собой.

— У нас она кончилась.

— Что?!

— Я сегодня собиралась купить ее.

Филипп разводит руками:

— Замечательно! Просто замечательно!

— Возьми да купи.

— В шесть утра?

— Ну, в аэропорту, может быть... — А может и не быть! Или у меня не будет времени. — Если хочешь, можешь взять ту, что осталась в нижнем туалете.

— Большое спасибо, — с сарказмом говорит Филипп прыгая через две ступеньки, сбегает вниз по лестнице. В туалете на первом этаже осталась половина рулона, который закреплен пружиной в висящем на стене керамическом держателе. Филипп лихорадочно дергает рулон во все стороны, пытаясь высвободить его из держателя. В это время раздается пронзительный дверной звонок. Филипп вздрагивает, рулон выскакивает из дер-

жателя, падает на пол и с невероятной скоростью разматывается во всю длину туалетной комнаты. Чертыхаясь, Филипп пытается смотать его, бросает это дело, бежит к себе в кабинет, засовывает в портфель пачку писчей бумаги формата А4, бегом возвращается в переднюю, сердито кричит: «Ну, пока!», затем снова взлетает по лестнице, хватает с вешалки плащ и выбегает из дома, с грохотом захлопнув дверь.

— Все в порядке, сэр? — спрашивает водитель, видя, как Филипп без сил падает на сиденье.

Филипп кивает. Водитель отпускает сцепление и включает заднюю скорость. Такси трогается с места и тут же останавливается, повинуясь раздавшемуся из дома крику. В поле зрения появляется Хилари: в наброшенном поверх ночной рубашки пальто она трусит по дорожке, прижимая к груди разваливающийся ком нижнего белья. Филипп открывает окно.

— Ты забыл это в сушилке, — переведя дух, выпаливает Хилари и бросает охапку маек, трусов и носков Филиппу на колени. Водитель такси с интересом наблюдает за ними.

— Спасибо, — недовольно бурчит Филипп, подхватывая свое исподнее.

Хилари усмехается:

— Ну что ж, до свиданья. Счастливого пути.

Она наклоняется и, закрыв глаза и поджав губы, подставляет лицо для поцелуя. Филипп, не в силах отказать ей, высовывает из машины голову, чтобы клюнуть Хилари в щечку.

И вдруг происходит странная вещь. Пальто на Хилари распахивается, ворот ночной рубашки раскрывается, и Филипп упирается взглядом в ее правую грудь. Этот объект ему хорошо знаком. Впервые он познакомился с ним двадцать пять лет назад, нерешительно дотронувшись до него сквозь толстый вязаный свитер и прочно сработанный девичий бюстгальтер, — одновременно целуя на прощанье его обладательницу у крыльца ее дома после просмотра фильма «Броненосец Потемкин». Во плоти он увидел этот объект в первую брачную ночь. С тех пор он видел и трогал его (а также его брата-близнеца), наверное, несколько тысяч раз: ласкал и мял его, облизывал и зарывался носом, смотрел, как его сосут дети, и сам иногда прикладывался к соску. Со временем объект этот потерял изначальную упругость и шелковистость, пополнел, потяжелел и стал не менее привычным, чем старая подушка привычная, но ничем не примечательная. Но истоки и мотивы вожделения непредсказуемы и пере-

менчивы, а природа его такова, что случайно брошенный взгляд на грудь в вырезе ночной рубашки, из потаенных глубин которойдо ноздрей Филиппа доходит приятный запах теплого тела и постели, чуть не до потери сознания вызывает в нем желание снова трогать, лизать, ласкать эту грудь и зарываться в нее носом. Филипп уже не хочет ехать в Турцию. Он вообще сейчас ничего не хочет кроме одного — лечь в постель с Хилари. Но, разумеется, это невозможно. А, может быть, его желание столь сильно оттого, что это невозможно? И все, что ему остается, это поцеловать Хилари в губы крепче, чем он собирался — или чем она ожидала, поскольку она бросает вслед удаляющемуся такси удивленный, ласковый и даже нежный взгляд. Филипп продолжает смотреть на нее в заднее стекло. Хилари наклоняется, поднимает с земли одинокий носок и грустно машет им, как подаренным на прощанье шелковым платком.

Через несколько часов после того как Филипп Лоу вылетел из Хитроу самолетом турецкой авиакомпании, выполняющим рейс на Анкару, Перс МакГарригл вылетел из Шеннона на «Боинге» компании «Эйр Лингус», выполняющем рейс на Лондон: подошел день вручения литературных

премий в Королевской академии.

«Аннабель Ли» оказалась старым прогулочным пароходом, который когда-то исправно бороздил воды Темзы, а теперь с неподвижными гребными колесами и незапятнанной трубой стоял на мертвом якоре у пристани «Чаринг Кросс». На его борту находились ресторан, бары и сдаваемые внаем помещения для приемов. Лондонский ученый люд, выгружаясь из такси, выходя из станции метро и шествуя по набережной, бурно выражал удовольствие по поводу столь необычного места проведения торжества. На город опустился чудный майский вечер, вода в реке стояла высоко, и свежий ветерок играл флажками и вымпелами на такелаже «Аннабель Ли». Впрочем, взойдя на борт, иные усомнились в правильности выбора места встречи: пол под ногами ощутимо подрагивал, а если поблизости случалось пройти крупному речному судну, то «Аннабель Ли» начинала раскачиваться на волнах, так что гости с трудом удерживали равновесие на красном плюшевом ковре в главном салоне парохода. Однако вскоре уже трудно было понять, отчего от пароходной качки или возлияния — едва стоят на ногах участники торжественной церемонии. Перс впервые оказался на таком литературном

сборище. Ему показалось, что главная задача приглашенных — заливать в себя спиртное и при этом громко разговаривать, поглядывая через плечо собеседника и обмениваясь улыбками и приветственными жестами со всеми остальными, которые тоже осушают бокал за бокалом, переговариваются, улыбаются и машут друг другу. Но Перс пил в одиночестве, поскольку ни единой души на пароходе не знал. Переминаясь с ноги на ногу, он стоял позади толпы, задыхаясь с непривычки в туго повязанном галстуке и выжидая, когда можно будет наведаться в бар за очередной порцией спиртного. По салону циркулировали официанты, предлагая гостям красное и белое вино, но Перс предпочел «Гиннес».

— Привет! Вы «Гиннес» пьете? — спросил кто-то у него за плечом. — Где вы его взяли?

Обернувшись, Перс увидел перед собой мужчину с широкой, мясистой, изрытой оспинами физиономией; он жадно заглядывал в его стакан сквозь очки в роговой оправе.

— В баре, — ответил Перс.

— Это не вино, а конская моча, — сказал очкарик, опрокидывая содержимое своего стакана в цветочный горшок. Он исчез в толпе и вскоре предстал перед Персом с целым ящиком «Гинне-

са» в руках. — Вообще-то я не люблю бутылочное пиво, — сказал он, — но в Англии «Гиннес» лучше пить из бутылок, чем из бочек. Вот в Дублине — это другой коленкор.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Перс, подставляя стакан для добавки. — Наверное, все дело в воде.

И, еще не представившись друг другу, они как знатоки обсудили технологию пивоварения, подкрепляя рассуждения дегустацией.

— Рональд Фробишер! — воскликнул Перс, узнав, наконец, имя собеседника. — Я читал ваши книги. Вам тоже сегодня вручают премию?

— Нет, это я ее вручаю. «Самый талантливый дебют в прозе». Когда я был начинающим писателем, литературных премий было раз-два и обчелся, и те не больше сотни фунтов каждая. Теперь же их развелось так много, что, напечатав хоть строчку, вы неизбежно получите одну из них. Прошу прощения, я вовсе не желал бросить тень на ваши…

— Ничего-ничего, — ответил Перс. — Я вас понимаю. Кстати, мои стихи даже не опубликованы.

— Ну, вот об этом я и говорю! — сказал Фробишер и сорвал крышку с очередного «Гиннеса», с

невероятной ловкостью используя для этого горлышко пустой бутылки. — То есть я хочу сказать, что мне ваши деньги не нужны и дай вам бог удачи, но ситуация становится просто абсурдной. На этом пароходе вы встретите людей, которые существуют *только* за счет премий, грантов и прочих денежных подачек. Не за горами день, когда начнут вручать премии за *каждую* опубликованную книгу. Например, премию за самый талантливый дебют в прозе получит роман о молодой жене с двумя детьми и кошкой, чей муж работает в рекламном агентстве и гуляет налево и направо. Или премия за лучшую книгу о путешествиях будет вручена юнцу, объехавшему земной шар в одной паре джинсов и с автобусным расписанием в кармане. А премию за лучший…

Разгорячившись, Фробишер стал развивать тему, но тут к нему подошла молодая женщина и сказала, что скоро его очередь представить самого талантливого дебютанта в прозе. Он поставил стакан и, удаляясь, бросил на ходу Персу: — Присмотрите за моим пивом.

Перс сделал еще один глоток и переступил с ноги на ногу. Вскоре он увидел человека, показавшегося ему знакомым, и помахал ему, подражая прочим участникам торжества. К нему подошел

Феликс Скиннер — за ним по пятам следовали пухленькая молодая женщина с копной рыжих кудрявых волос и супружеская пара.

— Приветствую тебя, юноша, какими судьбами?

— Мне здесь вручают премию за стихи.

— Да что ты говоришь! — Скиннер обнажил в улыбке желтые клыки. — Поздравляю! Да, кстати, извини, что огорчил тебя по поводу книги о Шекспире и Элиоте. Это моя секретарша Глория. — Он подтолкнул вперед пухленькую молодую женщину, которая вяло ответила на рукопожатие Перса. Лицо ее было бледно.

— Когда же мы отсюда уйдем, Феликс? — спросила она. — Меня укачало.

— Но мы пока не можем уйти, милочка, еще не все премии вручены, — сказал Феликс и повернулся, чтобы представить Персу супружескую пару. — Профессор Говард Рингбаум и миссис Рингбаум, из Иллинойса. Говард — один из наших авторов.

Говард мрачно кивнул Персу. Его жена улыбнулась и громко икнула.

— Тельма, прекрати! — прошипел он сквозь зубы. — Не могу! — сказала она, подмигнув Персу. — Пить надо меньше, — сказал Рингбаум.

В другом конце салона кто-то, постучав рукой по столу, начал произносить речь.

— Жуткий тип этот Рингбаум, — прошептал Скиннер Персу на ухо. — Года четыре назад мы издали его книгу. Впрочем, «издали» — громко сказано: нашлепали пятьсот экземпляров и почти все продали за бесценок, и с тех пор я не могу от него отвязаться. Сегодня вот он заставил меня устроить в его честь обед. Зануда каких свет не видывал! А жена его, похоже, нимфоманка — в ресторане пожимала мне под столом ногу, и это при Глории, я от стыда не знал куда деться.

Тут Перс почувствовал, что и ему кто-то пожимает ногу. Он обернулся и увидел, что почти вплотную к нему стоит Тельма Рингбаум.

— Вы и в самом деле поэт? — спросила она с придыханием, обдав Перса винными парами. — В самом деле, — ответил Перс.

— А мне напишете стихотворение? — спросила миссис Рингбаум. — Конечно, если сочтете, что дело того стоит.

— К сожалению, я не пишу стихи на заказ, — сказал, попятившись, Перс, но Тельма Рингбаум, как партнер в танцах, не отступала от него ни на шаг.

— Я не имею в виду деньги.

— Тельма, — капризно спросил Говард Рингбаум у нее за спиной, — у меня есть аллергия на анчоусы? — В руке он держал надкушенный бутерброд. Воспользовавшись заминкой, Перс обернулся к Феликсу Скиннеру.

— Что вы сказали о моей книге? — спросил он его.

— Разве ты не получал моего письма? Нет? Похоже, Глория последнее время не слишком себя утруждает. К сожалению, нам прислали отрицательный отзыв на твое предложение. Ага, кажется, Редьярд Паркинсон сейчас будет вручать премию за лучшую литературную биографию.

Плотный самодовольный мужчина с пушистыми усами, забравшись на сцену, обратился к присутствующим. Он до небес стал расхваливать чью-то книгу, но глумливая улыбка, то и дело трогавшая его губы, придавала его словам противоположный смысл, отчего публика в зале понимающе хихикала.

— Редьярд Паркинсон… Ты ведь читал его книги, Говард? — спросила Тельма Рингбаум.

— Читал. Бред сивой кобылы, — ответил Говард Рингбаум.

Перс открыл еще одну бутылку «Гиннеса», пе-

реняв ловкий прием Рональда Фробишера.

— Так значит, вы не будете издавать мою книгу? — спросил он Феликса Скиннера.

— Наверное, нет, голубчик.

— И что же сказал о ней рецензент?

— Сказал, что тема не подходит. Неактуальна. Не вполне на уровне. В общем, что-то такое. — Кто он?

— Я не могу назвать его имени. Это внутреннее рецензирование.

Раздался взрыв аплодисментов, замелькали вспышки фотоаппаратов, и автор литературной биографии поднялся на подиум, чтобы получить премию из рук Редьярда Паркинсона.

— А он, случайно, не здесь? — задумчиво спросил Перс. — Если он здесь, я набью ему морду.

Феликс Скиннер неуверенно рассмеялся.

— Нет-нет, он далеко за пределами Лондона. Но уверяю тебя, это весьма авторитетная личность. А, Редьярд! Рад вас видеть. Прекрасная речь!

Редьярд Паркинсон, который уступил трибуну Рональду Фробишеру, довольно ухмыльнулся и тыльной стороной ладони распушил бакенбарды.

— Привет, Скиннер. Да, мне кажется, ее неплохо приняли.

Феликс Скиннер представил присутствующих.

— Какая честь, профессор, — сказал Говард Рингбаум, склоняясь к руке Паркинсона и заискивающе глядя ему в глаза. — Я восхищаюсь вашими трудами.

— Благодарю вас, — пробормотал Паркинсон.

— Говард! Говард, взгляни, это Рональд Фробишер! — радостно воскликнула Тельма Рингбаум, указывая на сцену. — Помнишь, по дороге в Англию я читала в самолете его книгу.

— Вашу книгу о Фрэнсисе Томпсоне я неизменно рекомендую своим студентам, — сказал Говард Рингбаум Редьярду Паркинсону, не обращая на жену внимания, — У меня самого есть несколько статей на эту тему, и я с большим удовольствием…

— Бедный Рональд, — откликнулся Паркинсон, отдав предпочтение теме Фробишера. — Он учился в Оксфорде во времена, когда я был там доцентом. Мне кажется, он исписался. Уж сколько лет ни одной книги.

— Сейчас по телевизору идет фильм по его роману, — сказала Глория откуда-то сзади и снизу. Все обернулись и обратили на нее удивленные взгляды. Скинув туфли и закрыв глаза, она возлежала на стоящем у стены диванчике.

— Возможно, — сказал Паркинсон, поджав губы. — Очень может быть. Но у меня в доме нет телевизионного приемника.

Стоящая впереди женщина оглянулась на них с недовольным видом, и кто-то сзади прошипел: «Ш-ш-ш!» Рональд Фробишер, засунув руки в карманы вельветового пиджака и тускло поблескивая очками, произносил речь, не повышая голоса.

— Не знаю, что он такого может сказать, ради чего стоит напрягать слух, — пробормотал Паркинсон. — К тому же, на мой взгляд, он сильно под мухой.

— Между прочим, — обратился к нему Феликс Скиннер. — Вы нашли минутку, чтобы взглянуть на книгу э-э-э… Филиппа Лоу, которую я э-э-э…

— Взглянул, взглянул. Это совсем неплохо. Я договорился о том, чтобы отрецензировать ее вместе с другой книгой в литературном приложении к «Таймс». Должны напечатать в завтрашнем выпуске. Думаю, вам понравится.

— Отлично! Я вам премного благодарен.

— В книге есть далеко идущие выводы, — важно сказал Паркинсон. — О которых сам автор и не подозревает.

Раздался новый взрыв аплодисментов, и Ро-

нальд Фробишер вручил конверт улыбающейся молодой женщине в платье из холстинки.

На сцену поднялся ведущий торжественного вечера.

— А теперь — премии и стипендии молодым поэтам, — объявил он. — Это про вас, — шепнула Персу Тельма Рингбаум. — Вперед!

Перс стал протискиваться через толпу к сцене.

— Первая премия Фонда Мод Фитцсиммонз, поощряющего развитие молодой ирландской поэзии, — произнес ведущий, — присуждается… Здесь ли Перс МакГарригл?

— Здесь! — крикнул Перс. — Подождите, я сейчас! — Его появление на сцене было встречено дружным смехом, который Перс приписал тому, что он возник перед публикой с бутылкой «Гиннеса».

— Поздравляю, — сказал ведущий, вручая ему чек. — Я вижу, вы захватили с собой источник вдохновения.

— Мое вдохновение, — с чувством ответил Перс, — это девушка по имени Анжелика.

— И это прекрасно, — сказал ведущий, легонько подталкивая его к ступенькам. — Следующая премия…

Вернувшись на место, Перс обнаружил, что

Рональд Фробишер и Редьярд Паркинсон затеяли сердитое препирательство.

— Да что вы вообще понимаете в творчестве, Паркинсон? — вопрошал Фробишер. — Вы просто газетный альфонс.

Кто раз продался — продался на всю жизнь. Я помню, вы уже в Оксфорде начали приторговывать собой.

— Ну довольно, довольно, — указал Феликс Скиннер, пытаясь развести спорщиков.

— Сейчас будет драка? — в радостном возбуждении спросила Тельма Рингбаум.

— Послушайте, Фробишер, — сказал Паркинсон, — подобное поведение уместно в ваших романах, но не в жизни. — Он говорил с писателем надменным тоном, но при этом пятился от него. — Кроме того, я не единственный критик, которому не понравился ваш последний роман. Когда это было? Десять лет назад?

— Восемь. Но вы единственный, кто позволил себе гнусное замечание в адрес моего отца, Паркинсон. И я вам этого не простил. — Взяв за горлышко пустую бутылку из-под «Гиннес», Фробишер метнулся к Паркинсону. Кто-то взвизгнул. Феликс Скиннер поймал Фробишера за руку, а Говард Рингбаум взяв его за шиворот, рванул на

себя, чуть не придушив романиста. Видя вопиющую несправедливость, а также возмутительный перевес в силах, Перс попытался остановить Рингбаума. Тельма Рингбаум, бросившись в сечу, что было сил пнула мужа в лодыжку. Взвыв от боли, он отпустил Фробишера и в ярости обернулся к Персу. Несколько минут спустя Перс и Фробишер очутились вдвоем на набережной — после настоятельного требования со стороны администрации «Аннабель Ли» незамедлительно покинуть борт судна.

— Козлы недоделанные, — сказал Фробишер, поправляя галстук. — Они что, и вправду решили, что я приложу бутылкой этого альфонса? Я просто хотел припугнуть его.

— Это вам удалось, — сказал Перс.

— Мы еще посмотрим, — сказал Фробишер. — Я их так припугну — в штаны наложат. — И он исчез, спустившись по каменным ступенькам к Темзе.

На улице стемнело, так что Персу не было видно, что делает его сотоварищ. Облокотившись о парапет набережной, он воззрился на бетонные монолиты Королевского концертного зала и Национального театра на другом берегу реки. Внизу мимо него проплывали пустые бутылки, пакеты

из-под бутербродов, картонные коробки, сигаретные окурки и другие свидетельства летнего времяпрепровождения праздной публики. Огни «Аннабель Ли» золотыми отблесками играли на темной воде. На корме, перегнувшись через поручни, стояла женщина, ее тошнило. Рядом с Персом снова возник Рональд Фробишер — тяжело дыша, он вытирал руки какой-то тряпкой.

В салоне парохода шумно и весело обсуждали случившееся.

— Подобное, помнится, бывало в пятидесятые годы — кто-нибудь из писателей непременно начинал сводить счеты с критиком. Такие стычки можно было часто наблюдать в пабе, что поблизости от Дворца правосудия.

Однако Редьярд Паркинсон, похоже, решил придать делу серьезный оборот.

— Я позабочусь о том, чтобы Фробишера за его выходку исключили из членов Академии, — сказал он, дрожа мелкой дрожью. — Если же мне это не удастся, я сам выйду из ее рядов.

— Я с вами согласен, — сказал Феликс Скиннер. — Кто-нибудь видел, куда подевалась Глория?

— Этот ирландский сопляк чуть не сломал мне лодыжку, — сказал Говард Рингбаум. — Я на него

и в суд могу подать.

— Говард, — сказала Тельма. — Мне кажется, мы плывем.

— Заткнись, Тельма.

«Аннабель Ли» медленно начала отчаливать от пристани. Канат, удерживающий пароход у сходен, натянулся, затрещал и лопнул. Между бортом парохода и сходнями показалась вода.

— Зря вы это сделали, — сказал Перс.

— Когда я оканчивал Оксфорд, — неторопливо начал рассказ Фробишер, — мать с отцом приехали на выпускной вечер. Паркинсон был тогда доцентом в моем колледже. В одном семестре он даже был моим куратором — уже тогда он казался надутым ослом, хотя надо признать, начитан он был будь здоров. Короче, мы повстречались с ним во дворе колледжа, и я представил его родителям. Отец мой был литейщиком высшего разряда, и руки у него были золотые: начальники в ножки ему кланялись, если предстояла ответственная работа. Разумеется, Паркинсон ничего об этом не знал, да и вообще, ему на моих родителей было наплевать. Для него мой отец был неотесанный работяга, который в честь праздничка вырядился в свой лучший костюм и полотняную кепку, так что Паркинсон не упустил случая указать

отцу его место. Он начал разглагольствовать на ученые темы, а отец стал заметно нервничать и покашливать, чтобы скрыть смущение. Должен сказать, что незадолго до этого он удалил себе все зубы — в наших краях это практиковалось, как профилактическая мера, — а протезы были плохо подогнаны. Короче говоря, он кашлянул, и верхняя челюсть выскочила у него изо рта. Он ее поймал и сунул в карман. Все это было довольно забавно, но Паркинсон сделал вид, будто вот-вот хлопнется в обморок. А через несколько лет у меня вышел роман, в котором главный герой был списан с отца — его к тому времени уже не было в живых, — и Паркинсон отрецензировал книгу в воскресной газете. В рецензии были такие слова, я помню их наизусть: «Читателю трудно разделить сентиментальные чувства, кои испытывает автор по отношению к своему герою. Если у человека скверные зубные протезы, это еще не доказательство, что он соль земли». Хотя в романе о зубных протезах не было ни слова. Паркинсон добавил это от себя, исключительно по злобе. И я ему этого никогда не прощу.

Пароход уже удалился от берега на приличное расстояние. На палубе Глория, подняв голову от перил, вглядывалась в темноту, словно пытаясь

понять, знакома ли ей стоящая на пристани парочка. Фробишер помахал ей, и она, помедлив, нерешительно махнула в ответ.

— Все-таки я думаю, вам не стоило этого делать, — сказал Перс. — Они могут налететь на мост.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Фробишер. — Самый длинный канат я оставил, и он эту посудину удержит. Я кое-что понимаю в морском деле: когда-то, во время студенческих каникул, работал на Вустерском канале. Веселые были времена…

На пароходе послышались приглушенные крики и тревожные восклицания. Затем распахнулась дверь, и палубу залило светом из салона. Мужской голос что-то кричал, обращаясь к людям на пристани.

— Я думаю, нам пора двигать отсюда, — сказал Перс.

— Согласен, — кивнул Фробишер. — Пойдемте пропустим по маленькой. Времени еще — он взглянул на часы — без пяти девять. — И тут он хлопнул себя по лбу. — Черт, у меня же в девять интервью на радио! — Он вышел на проезжую часть и остановил такси. — «Би-би-си», — сказал он водителю и, садясь в машину, затащил туда

Перса. Водитель сделал крутой разворот, отчего Перс и Фробишер повалились друг на друга на заднем сиденье.

— Кто будет брать у вас интервью? — спросил Перс. — Кто-то в Австралии. — В Австралии?

— В наши дни с помощью спутников можно творить чудеса. Австралийское телевидение скоро будет показывать сериал «Дорога без начала и конца», и они хотят привязать к нему это интервью.

— Кажется, я не читал романа «Дорога без начала и конца», — сказал Перс.

— И неудивительно. Он существует только в виде телесериала. Что ожидает Арона Стоунхауза, когда он становится богатым и знаменитым и когда ему все до чертиков надоедает — как мне. — Фробишер снова взглянул на часы. — Австралийцы закупили на Би-би-си эфирное время и будут недовольны, если я опоздаю.

К счастью для Рональда Фробишера, связь с Австралией удалось установить не сразу, так что к его появлению в студии голос австралийского режиссера, на удивление громкий и ясный, только-только прорезался. Перс сидел в аппаратной вместе со звукорежиссером и как завороженный наблюдал за происходящим. Звукорежиссер

объяснил ему, как делается передача. Режиссер находится в Сиднее, интервьюирующий — в городе Куктаун, штат Квинсленд. Вопросы передаются по телефону в Сидней, из Сиднея — с помощью спутников над Европой и Индийским океаном — в Лондон, а ответы Рональда Фробишера идут в Австралию через спутники над Атлантическим и Тихим океаном. Вопрос и ответ на него успевают обернуться вокруг земного шара секунд за десять.

Через стеклянную панель Перс с восхищением следил за тем, как Рональд Фробишер, надев на голову наушники, непринужденно болтает с несколько тупоумным интервьюером по имени Родни Вейнрайт, как будто тот сидит на другом конце стола, а не на другом конце земли. Вейнрайт спросил, можно ли по-прежнему считать Арона Стоунхауза сердитым молодым человеком.

— Сердитым — да, но уже далеко не молодым, — уточнил Фробишер.

— Можно ли сказать, что жанр романа умирает?

— Как и все мы, он начинает умирать с той минуты, как появился на свет.

— Сколько времени автор уделяет творчеству?

— Десять минут после утренней чашки кофе.

Когда интервью закончилось, Перс вышел из аппаратной.

— Отличная работа, — сказал он Фробишеру.

— Ничего получилось? — Фробишер, похоже, и сам был доволен.

Тут звукорежиссер позвал их в аппаратную.

— Послушайте, — сказал он, — это забавно.

Из динамиков по-прежнему раздавались голоса Родни Вейнрайта и его режиссера из Сиднея по имени Грег. Было понятно, что они старые приятели.

— Когда ждать тебя в Сиднее, Родни?

— Не знаю, Грег. Я тут завяз. Никак не закончу доклада для конференции.

— По-моему, нам пора выпить пивка и проверить, хороши ли девушки на пляже Бонди.

— Если честно, Грег, то и в Квинсленде девушки не так уж плохи.

— Готов поспорить, что у вас они не ходят в одних трусиках. Последовала пауза.

— Ходят, но по предварительной договоренности. Грег фыркнул.

— Нет, надо видеть, что творится на пляже Бонди в погожий воскресный денек! Глаза на лоб лезут.

Звукорежиссер улыбнулся Персу и Фробишеру.

— В Сиднее забыли отключить эфир, — сказал он. — Им невдомек, что мы их слышим.

— А они нас слышат?

— Нет, я же выключил микрофон.

— Вы хотите сказать, что мы подслушиваем разговор, происходящий за двадцать тысяч километров? — спросил Перс. — Ничего себе.

— Ш-ш-ш! — прошипел Рональд Фробишер, поднимая палец. Разговор в Австралии перешел на другую тему — о нем самом.

— Мне его последний роман совсем не понравился, — сказал Родни Вейнрайт. — Когда он вышел? Кажется, лет восемь назад?

— Или того больше, — подтвердил Грег. — Как ты думаешь, он иссяк как писатель?

— Скорее всего, да, — ответил Родни Вейнрайт. — К тому же ему совершенно нечего сказать о постмодернизме. Он, похоже, и не понял моего вопроса на этот счет.

Рональд Фробишер потянулся и включил микрофон на звуковом пульте.

— Пошел ты на хер со своим постмодернизмом, Вейнрайт, — сказал он.

На другом полушарии повисла мертвая тишина. Затем дрожащий голос Родни Вейнрайта

произнес: — Кто это говорит? — Боже правый! — сказал Грег. — Боже правый?!

— Я говорю: боже правый, эти мудаки забыли отключить эфир, — сказал Грег.

В Турции, за три тысячи километров от Лондона, поздний вечер. Ряд коттеджей на окраине Анкары напоминает Акбилю Бораку, сворачивающему с шоссе по направлению к дому, светящийся иллюминаторами корабль, пришвартованный к краю черной бездны под названием Анатолийская равнина. Акбиль тормозит, выключает двигатель и неуклюже выбирается из машины. День, полный событий и хлопот, наконец подошел к концу.

В кухне Ойя оставила ему легкий ужин и чай в термосе. Акбиль, сытно поужинав за счет университета, к еде не притрагивается и выпивает лишь чай. Затем на цыпочках, стараясь не разбудить Ахмета, он поднимается по лестнице.

— Это ты, Акбиль? — доносится из спальни сонный голос Ойи.

Акбиль тихонько ей отвечает и проходит в комнату Ахмета. Умиленно глядя на спящего сына, он поправляет сползшее с него одеяло. Потом входит в супружескую спальню, ложится в постель и совокупляется с Ойей.

Как правило (то есть за исключением ночных бдений над собранием сочинений Уильяма Хэзлитта), Акбиль Борак занимается с женой сексом почти каждую ночь. (В эту зиму в Турции развлечений вообще было не густо.) Кроме того, он уверен, что регулярная половая жизнь полезна для здоровья. Сегодня же, по причине усталости, его соитие с Ойей непродолжительно и целенаправленно: немного погодя он скатывается с жены, удовлетворенно вздыхает и натягивает на себя одеяло.

— Ну что ты сразу спать, Акбиль, — с обидой в голосе говорит ему Ойя. — Расскажи, как прошел твой день. Профессор Лоу добрался до Турции благополучно?

— Да, самолет лишь немного задержался. Мы встречали его на машине вместе с мистером Кастером из Британского Совета.

— И как он выглядит?

— Высокий, худой, сутулый. С седой пижонской бородкой.

— Ну, а как человек он приятный?

— Пожалуй. Правда, несколько нервный. Или, лучше сказать, чудаковатый. Из кармана плаща у него свисала майка. — Майка?

— Да, белая майка. Возможно, ему в самолете

стало жарко, и он ее снял. А на выходе из аэровокзала он взял и упал.

— О, господи! Он что, в самолете напился?

— Нет, он попал ногой в яму на тротуаре. Ты же знаешь, во что превратились за зиму наши дороги. А яма была глубиной с полметра, прямо у дверей здания. Мне стало стыдно. Не умеют у нас в Турции класть асфальт.

— Профессор Лоу женат?

— Да, и у него трое детей. Но он говорил о них как-то без энтузиазма, — смежая очи, сказал Акбиль. Ойя ущипнула его.

— А что было потом? После того как он упал?

— Мы с мистером Кастером его подняли, отряхнули с него пыль и повезли в Анкару. Всю дорогу он тоже немного нервничал и прятался за спину водителя. Ты ведь знаешь, что шоссе из аэропорта местами не заасфальтировано, так что машины то и дело выезжают на встречную полосу. Наверное, он и беспокоился с непривычки.

— А что было дальше?

— Дальше мы поехали в Аниткабир возложить венок на могилу Ататюрка.

— Это еще зачем?

— Мистер Кастер решил, что это будет красивый жест. И там, можешь себе представить, тоже

случилась забавная вещь. — Акбиль вдруг сбросил с себя сон и, приподнявшись на локте, стал рассказывать. — Ну, ты знаешь, что когда впервые попадаешь в Аниткабир, то становится не по себе. Особенно когда идешь по длинной аллее с хеттскими львами и другими скульптурами, а по бокам стоят солдаты, тоже похожие на статуи, только вооруженные. Наверное, мне не следовало говорить профессору Лоу, что неуважение к памяти Ататюрка равносильно преступлению, караемому смертной казнью.

— Но ведь это и в самом деле так.

— Ну, а я сказал ему вроде как в шутку. Однако его это сильно встревожило. Он то и дело спрашивал меня: «Ничего, если я высморкаюсь?» или «А солдатам не покажется подозрительным, что я прихрамываю?»

— Он хромой?

— Ну, поскольку он упал в аэропорту, то слегка припадал на одну ногу. Короче говоря, мистер Кастер наконец сказал ему: «Вы понапрасну не беспокойтесь и делайте то же самое, что и я». И вот мы под пристальным взором солдат медленно идем по аллее, мистер Кастер с венком впереди, а мы, в ногу, следом. Потом на перекрестке мы лихо, на манер солдат, сворачиваем влево и

подходим к Залу почестей. И тут мистер Кастер спотыкается о торчащий из мостовой булыжник и, не удержав равновесия из-за тяжелого венка, падает на четвереньки. Я не успел и слова сказать, как профессор Лоу, словно мусульманин на молитве, тоже распростерся на земле.

Ойя охнула и рассмеялась.

— И что было потом?

— Мы опять его подняли и отряхнули с него пыль. Затем возложили венок и посетили мавзолей. А потом поехали в Британский Совет обсудить программу лекционного тура профессора Лоу. Это невероятно образованный человек.

— Почему ты так думаешь?

— Ну, я же говорил тебе, что он приехал читать лекции о Хэзлитте, потому что в прошлом году было двухсотлетие со дня его рождения. Темой другой лекции он выбрал Джейн Остен, но в наших университетах ее проходят только на последнем курсе. Поэтому мы попросили Британский Совет, чтобы он предложил более широкую тему, такую, как связь литературы с историей, или с социологией, или с психологией, или с философией… — потеряв нить, Акбиль Борак зевнул и закрыл глаза.

— И что? — спросила Ойя, нетерпеливо толкая

его. — Ну, похоже, при передаче по телексу текст исказился. И его попросили подготовить лекцию о литературе и ее связях с историей, социологией, психологией и философией вместе взятыми. Представь себе, он согласился. Подготовил лекцию о литературе и ее связях со всем на свете. Мы долго над этим смеялись.

— И профессор Лоу смеялся?

— Нет, смеялся в основном мистер Кастер, — сказал Акбиль. — Бедный профессор Лоу, — вздохнула Ойя. — Ну и денек у него выдался.

— Зато вечер удался, — сказал Акбиль. — Я повел его в шашлычную, мы отлично поужинали и выпили ракии. И говорили о Гулле.

— Он там бывал?

— Ты не поверишь: никогда, — сказал Акбиль. — Так что я все рассказал ему об этом городе.

Он повернулся на бок спиной к Ойе и натянул на себя одеяло. Примирившись с тем, что разговор на этом кончен, Ойя тоже собралась спать. Она протянула руку, чтобы выключить лампу на тумбочке, но за секунду до того, как ее пальцы коснулись выключателя, лампа погасла сама собой.

— Опять электричество отключили, — сказала

Ойя мужу. Но он, мирно посапывая, уже спал крепким сном.

— Вся беда в том, — сказал Рональд Фробишер, — что и этот дурошлеп Вейнрайт, и этот альфонс Паркинсон правы. Я исписался. Уже шесть лет не могу закончить романа. И за восемь лет ничего не опубликовал. — Фробишер уныло уставился в стакан с элем. Перс продолжал пить «Гиннес». Сидели они в баре неподалеку от Стран да. — А на жизнь я зарабатываю телесериалами. Экранизирую свои и чужие романы. Или готовлю радиопостановки.

— Странно, что пьесы вы пишете, а прозу — нет.

— Видишь ли, с диалогами у меня никогда проблем не было, — объяснил Фробишер. — Остальное делает кинокамера. А в прозе именно повествование придает сочинению индивидуальность. Описание природы, внешность человека и прочее. Как выдержанный в бочках эль: аромат дерева проникает в напиток. А телевизионная драма — это баночное пиво: ни вкуса, ни запаха, одна пена. Я говорю о стиле, об особой, неповторимой манере писателя пользоваться языком. Ну, ты поэт, знаешь, о чем я говорю.

— Знаю, — подтвердил Перс.

— Когда-то у меня был стиль, — тоскливо вздохнул Фробишер. — Но я его потерял. Или, лучше сказать, потерял в него веру. Что в общем одно и то же. Еще по маленькой?

— Теперь моя очередь, — вставая, сказал Перс. Но тут же вернулся от стойки с пустыми руками. — Мне ужасно неловко, — сказал он, но я вынужден попросить у вас взаймы. У меня с собой только ирландские деньги и чек на тысячу фунтов стерлингов. Бармен его не принял.

— Пустяки, я тебя еще раз угощу, — сказал Фробишер, протягивая десятку.

— Если позволите, я возьму ее в долг, — сказал Перс.

— На что ты собираешься потратить эту тысячу? — спросил Фробишер, когда Перс с новой порцией спиртного и пакетом хрустящего картофеля в зубах вернулся за стол.

— Буду разыскивать одну кралю, — с некоторым затруднением выговорил он.

— Разыскивать Грааль?

— Девушку. По имени Анжелика. Угощайтесь картошкой. — Спасибо, не хочу. Красивое имя. Где она живет? — В том-то и загвоздка. Я не знаю. — Симпатичная? — Красавица.

— Помнишь жену американского профессора

на пароходе? Пыталась меня кадрить.

— Меня тоже. — Фробишера, похоже, несколько разочаровало сообщение Перса. Он задумчиво принялся поглощать хрустящий картофель, и через считанные минуты от пакета ничего не осталось кроме крошек и крупинок соли.

— А как получилось, что вы потеряли веру в свой стиль? — поинтересовался Перс.,

— Могу рассказать. По времени я соотношу это с поездкой в Дарлингтон, которая состоялась ровно шесть лет назад. Там незадолго до этого открыли университет — в таком, знаешь, типовом здании из стекла и бетона на окраине города. И они захотели присвоить мне почетную степень. Университет, разумеется, не самый престижный в мире, но эту степень мне больше нигде не предлагали. Идея заключалась в том, что Дарлингтон — промышленный город, и в нем могут оценить по заслугам романиста, который описывает жизнь простого трудового народа. На это я и купился. Если честно, мне это даже польстило. И вот я поехал туда за своей почетной степенью. Там, как водится, меня облачили в мантию и треуголку, заставили раскланяться перед ректором и проделать прочие ритуальные па. Затем накормили отвратным обедом. Однако все это

было еще ничего. Но по окончании официальной части на меня насел сотрудник кафедры английского языка и литературы. По фамилии Демпси.

— Робин Демпси, — подсказал Перс.

— Ты его знаешь? Надеюсь, он тебе не друг?

— Определенно нет.

— Уже хорошо. Так вот, ты, наверное, знаешь, что этот фрукт Демпси помешан на компьютерах. Я это понял еще за обедом, поскольку он сидел рядом со мной. «Я хочу показать вам наш компьютерный центр, — сказал он мне. — Мы кое-что для вас приготовили, и надеюсь, это покажется вам интересным». От нетерпения ему не сиделось на месте, как ребенку, который ждет не дождется, когда начнут разворачивать рождественские подарки. Так что когда церемония вручения степени закончилась, я пошел с ним в компьютерный центр. Название громкое, а на самом деле это был просто бетонный сарай, у входа в который пощипывала травку пара овец. Там был еще один тип, кажется, за главного, звали его Джош. Однако все объяснения взял на себя Демпси. «Вы, наверное, слышали, — спросил он, — о нашем Центре вычислительной стилистики? — Нет, — ответил я. — Где он находится? — Где? Да вот здесь и находится, — сказал он. — Точнее,

центр — это я, так что где я, там и центр. Или, еще точнее, центр — там, где я занимаюсь вычислительной стилистикой, которая, впрочем, лишь одно из интересующих меня научных направлений. В общем, — продолжил он, — когда мы узнали, что университет собирается присуждать вам почетную степень, то решили занести весь корпус ваших текстов на магнитные носители нашего архива. — Что это значит? — спросил я. — Это значит, — ответил он, беря в руки плоскую металлическую коробку вроде тех, в которых хранят киноленты, — эго значит, что здесь собраны все до единого из опубликованных вами текстов. — При этом его глаза сверкнули безумным блеском, как у Франкенштейна или какого-нибудь колдуна, который запер меня в этой плоской металлической коробке. Что некоторым образом так и было. — А какая от этого польза? — спросил я. — Какая от этого польза?! — переспросил он, нервно рассмеявшись. — Какая польза. Давай-ка покажем ему, Джош. — И он передает коробку тому другому, который вынимает из нее катушку магнитной ленты и вставляет в один из компьютеров. — Идите-ка сюда, — говорит Демпси и усаживает меня перед какой-то штуковиной вроде пишущей машинки с приделанным к ней

телевизором. — С помощью этой магнитной ленты, — говорит Демпси, — мы можем запросить компьютер, чтобы он выдал нам любую информацию касательно вашего идиолекта. — Как вы сказали? — спросил я. — Вашей собственной, специфической, определенной и уникальной манеры употребления английского языка. Какое самое предпочитаемое вами слово? — Самое предпочитаемое слово? У меня такого нет. — Есть-есть! — сказал он. — Это слово, которое вы употребляете чаще других. — Ну, наверное, это „и“ или „а“ или „но“, — ответил я. Он нетерпеливо потряс головой. — Мы даем компьютеру установку, чтобы он игнорировал то, что мы называем служебными словами, то есть артикли, предлоги, союзы, местоимения, модальные глаголы, — все, что имеет высокую частотность в любом тексте. И тогда в сухом остатке мы получаем то, что у нас называется лексические, или знаменательные, слова, которые имеют определенное семантическое содержание. Такие, как „любовь“, или „темный“, или „сердце“, или „Бог“. Но давайте посмотрим». — Он стучит по клавиатуре, и на экране мгновенно появляется самое предпочитаемое мною слово. Как ты думаешь, какое?

— «Пиво» — рискнул предположить Перс.

Фробишер настороженно посмотрел на него через свои совиные очки и покачал головой. — Даю еще одну попытку.

— Понятия не имею, — признался Перс.

Фробишер сделал медленный глоток и затем торжественно взглянул на Перса. — «Мазать», — сказал он, выдержав паузу.

— Мазать? — озадаченно спросил Перс.

— «Мазать», «смазка», «вымазать». И все возможные слова этого корня, употребляемые как в прямом, так и в переносном смысле. Сначала я Демпси не поверил и просто рассмеялся ему в лицо. Но потом он нажал кнопку, и машина начала выдавать все словосочетания из моих романов, в которых это слово встречается в той или иной форме. И они стали мелькать на экране с такой скоростью, что я и прочесть их не успевал, и каждое имело ссылку на номер страницы и строки: «щедро намазал маслом кусок хлеба», «перемазались как свиньи», «вмазал ему по уху», «не подмажешь — не поедешь», «толстый, как замазка, слой косметики», «да его по стене за это размажут», «показала мне свою мазню», «на этот раз ему не удастся отмазаться» и, представь себе, «его член задвигался в ней, как хорошо смазанный поршень». Я был шокирован, поверишь

ли. Будто меня самого обмазали дерьмом! Я и не представлял себе, что не могу обойтись без этого слова. А Демпси, радостно хмыкая, снова нажал кнопку и показал другие предпочитаемые мною слова. Вверху списка стояли, если не ошибаюсь, «грубый» и «грязь» — очевидно, у меня склонность к употреблению мрачных слов, начинающихся с буквы «г». Дальше шли «губить» «дым», «чувство», «борьба», «бегать» и «тело». Затем Демпси прошелся по категориям. Из частей тела я чаще всего употребляю «рука» и «грудь», причем первая часто лежит на второй. Прямая речь персонажей мужского пола неизменно сопровождается простой фразой «сказал он», в то время как женская речь — более разнообразными и экспрессивно насыщенными сочетаниями: «тревожно прошептала она», «вздохнув, ответила она», «со страстью в голосе воскликнула она». У всех моих героев карие глаза — как у меня. Мое излюбленное бранное слово — «сволочь». Женщины, в которых влюбляются мои герои, носят библейские имена, начинающиеся на «р»: — Руфь, Рахиль, Ребекка и так далее. Главу я обычно заканчиваю сухой короткой фразой.

— И вы спустя шесть лет все это помните? — изумленно спросил Перс.

— Чтобы я не забыл, Демпси распечатал всю эту музыку, положил в папку и вручил мне. «На память об этом дне», — с подозрительно радостной улыбкой сказал он. Я принял подарок, прочел его в поезде, а на следующее утро, сев за стол поработать, понял, что не могу написать ни слова. Каждый раз, когда мне нужен был глагол, у меня в голове возникало «мазать». Каждый раз, употребив фразу «сказал он», я вымарывал ее и писал сверху «проговорил он» или «заявил он», но как-то все это было некстати, и я снова возвращался к «сказал он», и опять она выглядела слишком предсказуемой и механической. Этот Демпси со своим Джошем здорово уделали меня. С тех пор я не могу писать прозу.

Закончив, Фробишер одним глотком осушил свой стакан.

— Ничего более печального мне еще не приходилось слышать, — сказал Перс.

В баре замигали лампочки.

— Закрываем, дамы и господа! — выкрикнул бармен. — Идем, — сказал Фробишер, — я знаю место, где можно продолжить. В Сохо.

Компьютерный центр университета в Дарлингтоне допоздна светится огнями. Студенты — пользователи электронной техники уже давно

разошлись по общежитиям и наемным углам, кафе и дискотекам, оставив за собой отбросы в виде цветных перфокарт, рулонов распечатки и бумажных обрезков. В воздухе слегка пахнет горелым, будто электронная техника выжгла всю его природную свежесть. В здании осталось двое: один, сидя за стеклянной перегородкой, снимает обертку с бутерброда с сыром и задумчиво поглядывает на другого, который склонился над клавиатурой терминала в машинном зале.

— НИКТО МЕНЯ НЕ ЛЮБИТ, — печатает Робин Демпси.

— ПОЧЕМУ ВЫ ТАК ДУМАЕТЕ?

— ЗАВИДЕВ МЕНЯ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СТОЛОВОЙ,
КОЛЛЕГИ НИКОГДА НЕ ПОДСАЖИВАЮТСЯ КО МНЕ ЗА СТОЛ.

— КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ?

— НЕ ХОТЯТ СО МНОЙ РАЗГОВАРИВАТЬ.

— ПОЧЕМУ, ПО-ВАШЕМУ, ОНИ ЭТОГО НЕ ХОТЯТ?

— ПОТОМУ ЧТО БОЯТСЯ, ЧТО Я НАЧНУ ИМ РАССКАЗЫВАТЬ О СВОЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЕ, ЧЕГО ОНИ НЕ ПЕРЕНОСЯТ, ТАК КАК Я ЗАНИМАЮСЬ НАУКОЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ ВЗЯТЫЕ.

— РАССКАЖИТЕ О СВОЕЙ НАУЧНОЙ РАБОТЕ.

И Робин Демпси час без перерыва барабанит по клавиатуре.

Перс никогда прежде не бывал в Сохо. Его не только ошеломило, но и возбудило бесстыдство, с каким у посетителей злачного района распаляют похоть. Стриптиз, массажные салоны, порнофильмы, порновидео, порнокниги и порножурналы — на всех углах и во всех мыслимых формах. Пульсирующий ритм рока, бьющий из полуподвалов. Запах рыбы и чеснока, проникающий через вентиляционные решетки. Шлюхи и зазывалы, маячащие в дверных проемах. И всюду красующееся слово «секс»: на книжных обложках, в витринах магазинов, на майках — и крупно, и мелко, и печатными буквами, и неоновым светом, и красное, и желтое, и синее, и вдоль, и поперек, и по диагонали.

— Вконец загадили Сохо, — пожаловался Рональд Фробишер. — Одна большая порнуха, вот что это теперь такое. И куда подевались чудные итальянские бакалейные лавки и винные магазинчики? — Он в нерешительности остановился у перекрестка. — Все так поменялось, не мудрено и заблудиться. Если память мне не изменяет, здесь когда-то был магазин, где продавали кофе

в зернах. — Теперь магазин торговал порнографической литературой. Перс заглянул внутрь. Читатели мужского пола стояли шеренгой у книжных полок в молчании и задумчивости, как у писсуаров в туалете или в церкви на молитве.

— Я бы не сказал, что они кайф ловят, — заметил Перс, когда они с Фробишером двинулись дальше.

— И неудивительно. Я думаю, если кто из книгочеев начнет дрочить, его вышвырнут на улицу. — Фробишер свернул в узкий переулок и остановился у дверей, над которыми светилась неоновая вывеска «Клуб Экзотика».

— Вот сволочи, — сказал Фробишер. — Прикрыли старый добрый клуб «Погасшие огни».

— Кажется, теперь здесь стриптиз, — сказал Перс, разглядывая фотографии артисток, заключенные в стеклянную витрину: Лола, Шармен, Мэйди.

— Ну что, ребята, заходим? — спросил возникший в дверном проеме смуглый коренастый человек. — Наши девочки вставят грифель вам в карандаши.

— Меня больше устроит лента для пишущей машинки, — ответил Фробишер. — А где теперь ночной клуб «Погасшие огни», который раньше

был на этом месте?

— Не знаю, — сказал крепыш, пожав плечами. — Да вы заходите, посмотрите шоу — не пожалеете.

— Спасибо, в другой раз. Идем, Перс.

— Погодите. — Перс, едва не потеряв сознание, уперся обеими руками в стену. На одной из фотографий, вне всякого сомнения, была изображена Анжелика, обнаженная и опутанная цепями; руки ее были связаны за спиной, а по плечам струились распущенные волосы. Лицо было картинно искажено страданием. На лобке стояла красная печать «Просмотрено цензурой», а на красной ленте поперек груди написано ее имя: Лили. А. Л. Пабст. Анжелика Лили Пабст.

— Перс, что с тобой? — спросил Фробишер. — Тебе плохо?

— Мне срочно нужно туда зайти, — сказал Перс.

— Что?

— И правильно, — сказал привратник. — Молодой человек знает что делает.

— Опомнись, тебя в три счета обдерут как липку, — сказал Фробишер.

— Не слушайте его, — сказал привратник. — За вход всего три фунта, включая первую порцию

спиртного.

— Послушай, если хочешь увидеть настоящий стриптиз, позволь мне отвести тебя кое-куда повыше классом. Я знаю одно место на Брюер-стрит.

— Нет, — сказал Перс. — Мне надо сюда.

— Хотите знать мое мнение, молодой человек? — сказал привратник. — У вас отличный вкус. Не то что у этого старикана.

— Это я старикан? — возмутился Фробишер. И, недовольно ворча, вошел вслед за Персом в дверь. Перс заплатил за себя и за Фробишера сдачей от десятки, которую одолжил ему писатель. — У меня платить за эту пошлятину рука не поднимается, — сказал Фробишер, пока они с Персом ощупью пробирались к свободному столику. В «Экзотике» было так же темно, как и в киноклубе «для взрослых» города Раммиджа, — за исключением маленькой сцены, которая была озарена розовым светом и на которой под аккомпанемент музыки в стиле диско молодая женщина — не Анжелика — нагишом, но в сапогах со шпорами, энергично подпрыгивала на лошадке-качалке. Они сели и заказали виски.

— А мне если захочется взглянуть на голую бабу, достаточно написать об этом в сцена-

рии, — сказал Фробишер. — «Призывно улыбаясь, она медленно расстегивает блузку». «Ее платье скользнуло на пол. Под ним на ней ничего не было». Что-нибудь в этом роде. И потом через несколько недель, удобно устроившись перед телевизором в собственном доме, я наслаждаюсь пикантными сценами. А тут, как в старомодных фильмах, девицы будут тебя динамить и притворяться, что они вовсе не тем заняты.

Как оказалось, Рональд Фробишер был недалек от истины. Вслед за номером с деревянной лошадкой последовали другие, в которых обнаженная натура демонстрировалась в самых несообразных декорациях — на пожарной станции, в салоне самолета, в эскимосском иглу. Иногда к артисткам присоединялся мускулистый молодой человек, судя по всему, голубой: он дополнял ансамбль, разыгрывая какой-нибудь банальный трюк с применением кнута или других инструментов пытки. Анжелика на сцене не появлялась.

Столики в клубе «Экзотика» стояли полукруглыми рядами лицом к сцене. Когда кто-либо из первого ряда покидал свое место, посетители из задних рядов перемещались поближе к рампе.

— Хочешь, пересядем? — предложил Фробишер. Перс покачал головой.

— Насмотрелся? — с надеждой спросил Фробишер.

— Я хочу досидеть до конца представления.

— До конца? Тогда мы проторчим здесь всю ночь. У них номера идут по кругу до самого закрытия.

— Но мы еще не видели всех номеров.

В это время свет на сцене приглушили, и зрителям была предъявлена обнаженная девушка, которая билась как рыба в подвешенной над сценой сетке. В публике раздались жидкие хлопки. Затем занавес опустился, и до ушей Перса донеслось тихое звяканье цепей. Он напрягся и, затаив дыхание, подался вперед. Диско сменилось симфоническим роком, с надрывом заныли электрогитары. Поднялся занавес — на сцене, в такой же позе, что и «Лили» на фотографии в стеклянной витрине, обнаружилась прикованная цепями к картонной скале нагая девушка: она извивалась, пытаясь вырваться из оков, широко раскрывала в ужасе глаза и рот, ее длинные волосы развевались в потоке подаваемого из-за кулис воздуха. Но это была не Анжелика. Это была та девушка, что скакала на детской лошадке. Перс осел на стуле, не вполне понимая, что пережил — разочарование или облегчение.

— Идемте отсюда, — сказал он Фробишеру.

— Давай уж досмотрим номер до конца, — ответил тот. — Кстати, это первый, который хоть немного меня завел.

Наверное, впечатляет вид нежного тела, в которое впиваются железные цепи.

Перс признал, что зрелище и на него произвело более сильное впечатление, чем предыдущие номера. В нем и нагота была тематически оправдана, и цвет с музыкой более выразительны: по заднику сцены пробегали волны, а на звуки гитарных аккордов наслаивался шум прибоя. Похоже, постановщику номера был известен миф об Андромеде, хотя финал обратился дурной пародией. Мускулистый гомик, изображавший Персея или, возможно, святого Георгия, который должен спасти прекрасную деву, был изгнан со сцены еще одной обнаженной девицей в обличье дракона — впрочем, по отношению к пленнице у нее были скорее эротические, чем агрессивные намерения. Номер завершился сценой лесбийской любви.

— Недурно, недурно, — сказал Фробишер, карабкаясь вслед за Персом по лестнице, ведущей на улицу.

— Ну что, ребята, понравилось шоу? — спросил

привратник.

— Что случилось с Лили? — строго спросил Перс.

— С кем?

Перс указал на фотографию в витрине.

— А, Лили Попе

Фробишер осклабился:

— Неплохое имя для стриптизерки.

— Она себя так называет? — спросил Перс.

— Да, Лили Попе. Уволилась несколько недель назад. А фотографию еще не успели заменить.

— Так что с ней случилось? Где ее найти? — настойчиво повторил Перс.

Привратник пожал плечами.

— Откуда мне знать. Тут разве уследишь — одни девицы приходят, другие уходят. Хотя Лили была не такая как все, у нее в придачу к фигуре еще и мозги имелись. Видели номер с драконом? Здорово, да? Это ее идея.

— Ты ее знал? — спросил Фробишер, когда они с Персом покинули клуб «Экзотика».

— Это та самая девушка, о которой я вам говорил. Та, которую я ищу.

Фробишер удивленно поднял брови.

— Но ты не сказал мне, что она стриптизерка.

— Ну, это верно только отчасти. Хотя я не

знаю, зачем ей это нужно. Возможно, ради денег. Вообще она девушка образованная. Пишет диссертацию. Ей не пристало этим заниматься.

— Ага, — сказал Фробишер, — понятно. И теперь ты пытаешься разыскать эту красотку, чтобы вытащить ее из гнусной ямы, в которую ее низвергла нищета.

— Мне бы очень этого хотелось, — подтвердил Перс. — Ради нее самой.

— И совсем не ради себя?

Перс помедлил с ответом.

— Может быть, и так… Хотя, когда я увидел здесь ее фотографию… Для меня это был удар. Ничего такого я не подозревал. — У него не укладывалось в голове, что девушка, которую он помнил по конференции в Раммидже, та, что обсуждала структурализм, любовные романы, поэзию Китса, могла в то же время выступать в стриптиз-шоу в грязном подвальчике Сохо. Он гнал от себя эту мысль, надеясь, что для Анжелики еще не все потеряно. Несомненно, для нее, как и для Бернадетты, это просто работа, способ зарабатывать деньги — хотя почему она избрала именно этот способ, оставалось тайной. Наверное, придет день, когда он получит ответ. А пока он должен верить Анжелике, своим первым о

ней впечатлениям. — Да, — сказал Перс, замедляя шаг, — я хочу спасти ее ради себя.

Филипп Лоу внезапно просыпается в своем гостиничном номере в Анкаре с симптомами сильного кишечного расстройства. В номере темно хоть глаз коли. Он нашаривает выключатель лампы у себя над головой, щелкает им, но безуспешно. Что это: перегорела лампочка или отключили электричество? Дрожа и обливаясь потом, Филипп пытается припомнить географию комнаты. Его портфель стоит на комоде, обращенном к изножью кровати. Слева, метрах в трех, — дверь в ванную. Изо всех сил напрягая сфинктер, Филипп осторожно поднимается с постели, ощупью добирается до ее противоположного конца. Затем, вытянув на манер слепца руки, он движется по направлению к комоду, но сперва с размаху ударяется об него большим пальцем правой ноги. Взвыв от боли, Филипп роется в портфеле в поисках импровизированной туалетной бумаги, затем, цепляясь за стенку как альпинист, добирается до двери ванной. Так же безуспешно щелкает там выключателем. Значит, нет электричества. Раковина, кажется, налево, а сразу за ней — унитаз. Вот он, слава тебе, господи. Опускаясь на сиденье, Филипп опорожняет

кишечник. Кромешная тьма наполняется зловонием. Наверное, это шашлык или, скорее всего, салат, поданный на гарнир. Что ж, по крайней мере, он успел добраться до унитаза, несмотря на отсутствие света.

Филипп пускает в ход листки бумаги. Когда в ванной неожиданно вспыхивает свет, он обнаруживает, что в руках у него уже пятая страница лекции «Творческое наследие Уильяма Хэзлитта».

На следующий день Перс пробудился от беспокойного сна в номере гостиницы УМСА[50] с изжогой и головной болью. Некоторое время он лежал, глядя в потолок, где прямо над ним металлическим пупком торчал огнетушитель, и размышлял, что делать дальше. В конце концов он решил снова сходить в клуб «Экзотика» и все-таки разузнать о местонахождении «Лили».

В лучах утреннего солнца район Сохо выглядел не столь порочным. Кучки завсегдатаев уже собрались в порномагазинах и кинотеатрах, но их витрины и светящиеся вывески имели стыдливый и поблекший вид. По улицам и тротуарам

---

[50] Примечания: 50

УМСА (Young Meen's Christian Assotiation) — Христианский союз молодежи (международная организация).

сновал народ: курьеры на мотоциклах развозили посылки, мусорщики потрошили урны, продавцы везли на рынок стойки с женской одеждой, чиновники с портфелями спешили на службу. В воздухе целомудренно пахло кофе и свежевыпеченным хлебом. В газетном киоске Перс купил свежий номер газеты «Гардиан» и литературное приложение к «Таймс». «Лондонские литераторы плывут по течению» — сообщал аршинный заголовок на первой полосе газеты. «Редьярд Паркинсон об английской школе литературной критики» — анонсировало главный материал номера литературное приложение.

Пройдя маршрутом вчерашнего путешествия по Сохо в компании Рональда Фробишера, Перс добрался до клуба «Экзотика» — однако там его уже не было. Его название, составленное из стеклянных трубчатых букв, лежало на тротуаре в обрывках проводов. Над входом в клуб двое рабочих крепили новую вывеску, покрупнее, — «Кискин Дом».

— Что случилось с «Экзотикой»? — опросил их Перс. Один из них, посмотрев на него сверху вниз, пожал плечами. Другой, не оборачиваясь, сказал:

— Что, не видишь, — название поменяли.

— И начальство сменилось?

— Скорей всего. Старшой сейчас на месте.

Перс спустился по лестнице и вошел в распахнутую дверь. Внутри, под ярким светом свисающих с потолка электрических лампочек, взору Перса явились во всей красе потертые ковры и обшарпанная мебель. Где-то между столиков гудел пылесос. В середине зала мужчина в строгом деловом костюме придирчиво рассматривал молодую особу, на которой из одежды были только трусики. Держа в руках большой блокнот, он ходил вокруг девушки, как покупатель подержанной машины, пытающийся высмотреть следы ржавчины. Вдоль стены стояли другие, столь же скудно одетые девушки, очевидно, дожидаясь своей очереди.

— Ну что? — спросил мужчина, краем глаза увидев Перса. — Привез светильники?

— Нет, — ответил Перс, стыдливо отводя глаза от обнаженных женщин. — Я ищу девушку по имени Лили.

— Среди вас есть Лили? — спросил мужчина.

Спустя секунду-другую вперед вышла одна из девушек. «Я — Лили», — сказала она, подбоченившись и бросив на Перса томный взгляд из-под кудрявой золотистой челки.

— Извините, но я вас не знаю, — пробормотал Перс

— Да какая ты Лили! — хмыкнула ее соседка и втащила самозванку в строй. — Скажи: глаз на мальчика положила.

— Она когда-то здесь выступала, — сказал Перс. — В клубе «Экзотика».

— Ну а теперь здесь нет клуба «Экзотика». Теперь здесь клуб «Кискин Дом», и мне нужно к понедельнику отобрать двенадцать танцовщиц топлесс, так что… сам понимаешь. — Нахмурившись, мужчина уставился в блокнот.

— Кто владелец клуба «Экзотика»?

— Агентство «Девушки без границ», — сказал мужчина, не поднимая глаз.

— Это на Сохо-сквер, — подсказала блондинка с кудрявой челкой.

— Я знаю, — сказал Перс. — Спасибо. Через пять минут он был на Сохо-сквер. Агентство «Девушки без границ» занимало четвертый этаж здания в западной части площади. Доложив о своем деле, Перс был допущен в кабинет к даме по фамилии Газгойн. Пол в комнате был устлан красным ковром, а вдоль стен расположились белые картотечные шкафы и стальные стулья. На стене висела большая политическая карта мира. На

миссис Газгойн был элегантный черный костюм; в руке ее дымилась сигарета в мундштуке. — Чем могу служить, господин МакГарригл? — Я ищу девушку по имени Лили Попе. У меня есть сведения, что она работала в клубе «Экзотика». — Мы продали акции клуба «Экзотика». — Я так и понял. — Вы наш клиент? — Что вы имеете в виду? — Вы ранее нанимали наших девушек? — О господи, нет! Я просто друг Лили Попе.

Миссис Газгойн сердито выпустила из ноздрей клуб дыма.

— Вы хотите сказать, что она подрабатывала на стороне? Так сказать, прогулки под луной с клиентами агентства?

— Что-то в этом роде, — подтвердил Перс, вспомнив стеклянный переход в Раммидже, покрытый снегом берег озера и цитаты из Китса.

Миссис Газгойн потушила сигарету и выбила из мундштука окурок, он упал в пепельницу, как отработанная гильза.

— Знаете, господин МакГарригл, у нас серьезная организация, а не справочное бюро. Лили — одна из самых многоплановых наших артисток. Недавно она в срочном порядке была переведена на другую работу.

— Куда?

— Я вам не могу сказать об этом. Неразглашение адресов наших сотрудников предусмотрено контрактом. Мы не делаем исключения ни для друзей, ни для родственников, поскольку нередко девушки покидают дом по причине возникших там проблем.

— Но я даже не знаю, где ее дом! — возразил Перс.

— А я вас не знаю и знать не желаю, господин МакГарригл. Вдруг вы частный сыщик? Или вот что я вам скажу. Хотите — оставьте свой адрес, я передам его Лили, а она, если пожелает, свяжется с вами.

Перс помедлил, размышляя над тем, захочет ли Анжелика писать ему, когда узнает, что он раскрыл ее тайну.

— Спасибо, не стоит беспокоиться, — наконец сказал он.

Миссис Газгойн взглядом дала понять ему, что теперь лишь укрепилась в своих подозрениях.

Покинув агентство «Девушки без границ», Перс стал искать банк, чтобы получить деньги по чеку. Проходя мимо большого книжного магазина, он увидел, как продавец выставляет в витрине запылившиеся экземпляры книги «Хэзлитт и просто читатель» Филиппа Лоу и пристраивает рядом

увеличенную ксерокопию рецензии на книгу, принадлежащей перу Редьярда Паркинсона. В банке Перс перевел основную сумму премиальных денег в дорожные чеки. Затем зашел в туристическое агентство и заказал авиабилет в Амстердам. Единственное, что ему теперь оставалось, — это искать приемного отца Анжелики.

Спустя какие-нибудь три часа по приезде в Амстердам Перс повстречал Морриса Цаппа. Изучая туристическую карту, Перс стоял в старом центре города на одном из горбатых мостиков через канал. Американец подошел сзади и хлопнул его по спине.

— Персик! А я и не знал, что ты тоже участвуешь в конференции!

— В какой конференции?

Моррис Цапп ткнул пальцем в большую круглую эмблему на лацкане своего пиджака — на ней значилось его имя и по кругу шла надпись «Восьмая международная конференция по литературной семиотике». На другом лацкане красовался яркий эмалевый значок с лозунгом «Каждое декодирование — это тоже кодирование».

— Этот значок я сделал на заказ еще дома, — пояснил он. — И здесь он имеет безумный успех.

Закажи я партию, был бы сейчас с прибылью. Один японский профессор предложил за него десять долларов. Но если ты не участвуешь в конференции, то что делаешь в Амстердаме?

— Приехал отдохнуть, — ответил Перс. — Я получил премию за стихи. — Ему не захотелось посвящать Морриса в свои планы относительно Анжелики.

— Да что ты! Поздравляю!

Вдруг Перса осенило:

— Скажите, Анжелика не может быть на этой конференции?

— Я ее не видел, но это не значит, что ее здесь нет. Конференция открылась только вчера, и в ней участвуют сотни людей. Нас всех разместили в «Сонесте» — это огромный отель в центре города. А ты где остановился?

— В пансионе неподалеку.

— Что, премия за стихи не так уж велика?

— Просто я хочу ее растянуть, — сказал Перс. — Может быть, я загляну к вам на конференцию.

— Давай! Я, пожалуй, тоже схожу на вечернее заседание. А пока не пообедать ли нам? Здесь есть чудный индонезийский ресторанчик.

— Отличная идея! — сказал Перс. Он был рад отвлечься в компании Морриса Цаппа, поскольку

утро у него началось неудачно. В главной конторе компании «КЛМ» с ним обошлись вежливо, но сдержанно. Ему подтвердили, что Герман Пабст действительно был исполнительным директором компании в пятидесятые годы, но в 1961 году оставил пост и перебрался в Америку, где работает по настоящее время. Однако где именно работает мистер Пабст, ему сказать не смогли или не захотели. Перед Персом замаячила перспектива продолжить поиски в Америке. Интересно, надолго ли хватит полученной тысячи фунтов при столь стремительных расходах.

Моррис Цапп уже прекрасно освоился в лабиринте узких улочек и каналов Амстердама. Он уверенно повел Перса мимо цветочного рынка на набережной, через мосты, по узким переулкам и шумным торговым улицам.

— Знаешь, что я тебе скажу? — заговорил Моррис. Мне здесь нравится. Город плоский, и я хожу не задыхаясь, сигары — высшего качества и стоят гроши, а уж о ночных развлечениях и говорить нечего.

— Я на днях побывал в Сохо, — сказал Перс.

— Сохо-шмохо, — скривился Моррис Цапп. — Это детский сад по сравнению с улицей красных фонарей.

Они вышли из узкого переулка на залитую солнцем просторную площадь, заставленную столиками из расположенных по кругу ресторанов и кафе. Моррис предложил начать с аперитива.

— А времени у нас достаточно? На конференцию не опоздаем? — спросил Перс.

Моррис передернул плечами.

— Ну, пропустим один-два доклада. Меня вообще только один человек интересует — фон Турпиц. — Кто это?

Моррис Цапп поманил официанта.

— Как насчет джина? Он у них идет за vin du pays[51]. Перс кивнул.

— «Боле», — сказал Моррис официанту, растопырив у него перед носом два пальца. — Турпиц — это один ученый фриц, занимающийся рецептивной эстетикой. Лет сто назад он написал книгу под названием «Романтический читатель» — о том, почему люди кончали самоубийством, прочитав «Вертера», или совершали паломничества в места действия «Новой Элоизы»… Книга неплохая, но очень традиционная. А потом Изер и Яусс в Констанце наделали шуму со своей рецептивной эстетикой, и фон Турпиц быстро к

---

[51] Примечания: 51
Вино, производимое в данной местности (фр.).

ним переметнулся.

— Но тогда почему вы хотите его услышать?

— Чтобы кое в чем убедиться. Он в некотором смысле соперник.

— В чем? В любви?

— Я тебя умоляю. Претендует на ту же должность, что и я.

— Мне показалось, что вы своим местом довольны.

— Видишь ли, каждый человек имеет свою цену. Моя цена — это сто тысяч зеленых в год и никаких обязанностей. Ты что-нибудь слышал о новой должности профессора-литературоведа при ЮНЕСКО?

Пока Моррис вводил Перса в курс, официант принес два стаканчика охлажденного неразбавленного джина.

— Его надо пить залпом, — сказал Моррис, принюхиваясь к жидкости.

— За ваши успехи, — сказал Перс, поднимая стаканчик. — И за твои тоже, — сказал Моррис. — Пусть исполнятся все наши желания.

— Аминь, — сказал Перс.

Затем они сытно пообедали в индонезийском ресторанчике, где смуглые официанты в белоснежных тюрбанах непрерывно подносили им

ароматные яства из курицы, креветок, свинины и овощей. Моррис Цапп отобедал здесь накануне и потому неплохо ориентировался в меню.

— Это арахисовый соус, — пояснял он, жадно поглощая очередное блюдо. — А это мясо, тушенное в кокосовом молоке, а это жареный на вертеле молочный поросенок. Попробуй креветочных крекеров.

— После такого обеда полагается поспать, — сказал Перс, когда они, покинув ресторан, направились в отель «Сонеста». Небо тем временем затянуло тучами, и воздух, как перед грозой, наполнился гнетущей духотой.

— На первом докладе я точно вздремну, — сказал Моррис. — Пожалуйста, разбуди меня, когда на трибуне появится фон Турпиц. Ты его сразу узнаешь — у него на одной руке надета черная перчатка. Никто не знает почему и никто не отваживается спросить.

«Сонеста», огромный современный отель в районе Катен-гат, был построен впритык к круглой лютеранской церкви, приспособленной под зал для проведения конференций.

— Надеюсь, церковь не действующая, — заметил Перс, входя под высокие своды. Могучий орган из темного дерева с позолотой, а также

выступающая из стены резная кафедра — вот все, что напоминало о прежнем назначении здания.

— Я бы сказал, что церковь теперь освящена заново, — пояснил ему Моррис Цапп. — Ты разве не знаешь, что религия современного мира — это информация?

Перс наблюдал за тем, как быстро заполняются зрительские ряды, тайно надеясь увидеть Анжелику — спокойную, собранную, в серьезных очках и с занесенной над блокнотом стальной авторучкой. Какой-то мужчина, лицом похожий на ящерицу, проходя мимо них, едва заметно кивнул Моррису; его сопровождал молодой недовольного вида человек в черных узких джинсах.

— Это Мишель Тардьё, — тихо сказал Моррис. — Еще один претендент на должность в ЮНЕСКО. А отрок рядом с ним — как бы научный ассистент. Насколько ценны его исследования, можно судить по тому, как славно виляет он задом.

— Здравствуйте, молодой человек! — Перса легонько похлопали по плечу и, обернувшись, он увидел стоящую позади него мисс Сибил Мейден; на ней было платье в цветочек, а в руках она держала веер.

— Здравствуйте, мисс Мейден! — приветствовал он пожилую даму. — Я и не знал, что вы

интересуетесь семиотикой.

— Мне просто захотелось узнать, что это такое, — ответил она. — Не следует игнорировать то, что непонятно.

— Ну и как ваше впечатление?

Мисс Мейден с треском раскрыла веер.

— Все это вздор, — заявила она. — Хотя Амстердам — чудный город. Вы были в музее Ван Гога? Ах, эти пейзажи Арля! Как откровенно фалличны кипарисы, как тучны, как плодородны нивы!

— Я думаю, пора занимать места, — сказал Перс. — Кажется, начинают.

На каждом кресле лежали листочки, которые с первого взгляда из-за обилия квадратиков, стрелочек и всевозможных линий могли показаться схемой электростанции, с той только разницей, что в квадратики были вписаны слова «трагедия», «комедия», «пастораль», «лирика», «эпос», «драма». Первый доклад назывался «Семиотическая теория жанра»; его, запинаясь и потея от напряжения, читал по-английски какой-то славянин, хотя рабочим языком конференции был объявлен французский. В бывшей церкви было довольно жарко. У Перса за спиной шелестела веером мисс Мейден, время от времени то недоверчиво хмыкая, то презрительно фыркая.

Голова Перса сделалась тяжелой, как пушечное ядро. Он стал подремывать, клоня ее вперед и тут же просыпаясь от боли в шейных мышцах. В конце концов Перс уронил голову на грудь и погрузился в глубокий сон.

От сна, в котором Перс с амвона часовни, похожей на салон самолета, читал доклад о влиянии Т. С. Элиота на Шекспира, его пробудил удар грома. Небо за окнами потемнело, и в зале включили свет. По крыше барабанил дождь. Перс зевнул и протер глаза. На трибуне стоял мужчина с бледным лицом, обрамленным шлемом пепельных волос, и говорил в микрофон по-английски, но с сильным немецким акцентом, отделяя и выплевывая, как косточки, согласные. Время от времени он взмахивал рукой в черной лайковой перчатке. Перс покрутил головой, как пловец, которому попала в уши вода. И хотя глаза его проснулись, в ушах, как ему показалось, продолжал звучать его сон. Перс ущипнул себя и вздрогнул от боли. Затем он ущипнул Морриса Цаппа, дремавшего в соседнем кресле.

— Прекрати, Фульвия, — пробормотал Моррис Цапп. Затем, открыв глаза, он выпрямился в кресле. — Ага, это фон Турпиц. Он давно говорит?

— Не могу сказать, — ответил Перс. — Я тоже

заснул.

— Ну и как его доклад?

— По-моему, очень интересный, — сказал Перс. Моррис Цапп помрачнел. — Но с другой стороны, — продолжил Перс, — я не вполне объективен. Потому что это я его написал.

— Что-что? — раскрыв от удивления рот, спросил Моррис.

В этот миг за окном сверкнула молния, и в зале погас свет. Публика испуганно охнула и заволновалась, но шум был перекрыт ударом грома, от которого все подскочили как ужаленные. Свет вдруг снова зажегся. Фон Турпиц, ни на секунду не прервавшись, продолжал читать доклад ровным бесстрастным голосом и минут через десять завершил выступление. Сложив свои бумажки ровной стопкой, он чопорно поклонился ведущему и под вежливые хлопки вернулся на место. Ведущий предложил начать обсуждение. Перс тут же вскочил. Ведущий, улыбнувшись, ободряюще кивнул ему.

— Я хотел бы спросить оратора, — сказал Перс, — не приходилось ли ему некоторое время тому назад читать проспект книги о влиянии Т. С. Элиота на современное прочтение Шекспира, представленный мною в лондонское издатель-

ство «Леки, Уиндраш и Бернштейн».

Ведущий удивленно посмотрел на Перса. Фон Турпиц остолбенел.

— Будьте добры, повторите вопрос, — попросил ведущий. Перс вопрос повторил. По залу волной пробежал тихий ропот: участники заседания делились мнениями и строили догадки. Фон Турпиц, склонившись к ведущему, что-то прошептал ему на ухо. Тот, кивнув, обратился к Персу через микрофон; его круглый значок качнулся на лацкане, как медаль.

— Позвольте у вас узнать, сэр, являетесь ли вы официальным участником конференции?

— Вообще говоря, нет, — ответил Перс.

— Тогда, должен вам сказать, ваш вопрос был задан в нарушение регламента, — заявил ведущий. Фон Турпиц перелистывал свои бумажки, как будто этот процедурный казус не имел к нему ни малейшего отношения.

— Это несправедливо! — запротестовал Перс. — У меня есть основания обвинить профессора фон Турпица в плагиате, а именно, в заимствовании фрагмента из моей неопубликованной рукописи.

— Прошу прощения, — сказал ведущий, — но я не могу дать слово тому, кто не является участни-

ком конференции.

— Я являюсь участником конференции, — сказал Моррис Цапп, поднимаясь с места. — Так что позвольте *мне* задать этот вопрос: читал ли профессор фон Турпиц проспект книги МакГарригла, представленный в издательство «Леки, Уиндраш и Бернштейн»?_

В аудитории началось волнение. На фоне всеобщего гомона раздались крики «Позор!», «Просьба соблюдать регламент!», «Пусть он ответит!», «Дайте ему слово!» и эквивалентные призывы на других языках. Ведущий беспомощно оглянулся на фон Турпица: тот, схватив микрофон и угрожающе тыча черным кожаным пальцем в Перса и Морриса Цаппа, разразился сердитой речью на немецком языке, а затем торжественно удалился из зала.

— Что он сказал? — требовательным тоном спросил Моррис.

Перс пожал плечами:

— Я по-немецки не понимаю.

— Он заявил, что не желает оставаться в этом зале и подвергаться оскорблениям, — сказала сидящая позади них мисс Мейден. — Но, на мой взгляд, вид у него был несомненно виноватый. Вы поступили совершенно правильно, молодой

человек, встав на защиту своих интересов против этой Черной Руки.

— Да, теперь пойдут круги по воде, — сказал Моррис Цапп, радостно потирая руки. — Подпортил себе репутанию профессор фон Турпиц! Идем, Персик, я еще раз угощу тебя джином.

Однако ликование Морриса Цаппа длилось недолго. В баре он приметил торчащее из кармана Персова пиджака литературное приложение к «Таймс».

— Это последний номер? — полюбопытствовал он. — Позволь-ка взглянуть.

— На вашем месте я бы от этого воздержался — сказал Перс, успевший прочесть газету по дороге в Амстердам.

— Почему?

— Потому что там есть довольно злая рецензия на вашу книгу. Ее написал Редьярд Паркинсон.

— Этот старый пердун? Если я когда-нибудь дождусь от него положительной рецензии, я буду знать, что на мне можно ставить крест. Дай-ка сюда газету. — Моррис выхватил ее из рук Перса и дрожащими пальцами стал перелистывать, выискивая рецензию Паркинсона. — Но это все о книге Филиппа Лоу — нахмурившись, сказал он, пробегая глазами газетные колонки.

— О вас в самом конце — сказал Перс — Боюсь, вам это не понравится.

Моррису Цаппу и в самом деле не понравилось. Закончив читать рецензию, он несколько минут с побледневшим лицом сидел, не говоря ни слова и шумно вдыхая воздух.

— Так. Англичашки плетут интриги, — наконец сказал он. — Паркинсон прокладывает себе дорогу в ЮНЕСКО под прикрытием дифирамбов жалкой книжонке Филиппа Лоу об Уильяме Хэзлитте.

— Вы действительно так думаете? — спросил Перс.

— Какие тут могут быть сомнения — взгляни на название статьи: «Английская школа литературной критики». Надо было назвать ее «Английская школа рафинированной галиматьи». Можно мне позаимствовать у тебя этот номер? — спросил он, вставая и засовывая газету в карман пиджака. — Пожалуйста. А куда вы теперь?

— Хочу просмотреть свой доклад перед завтрашним выступлением. Может быть, впишу пару реплик в адрес Редьярда Паркинсона.

— Я и не знал, что вы будете читать доклад.

— А как бы иначе я получил грант на конференцию? Это тот же самый доклад, что я читал в

Раммидже, только слегка подправленный. Вообще, доклад мой на удивление универсален. Этим летом я собираюсь читать его по всей Европе. Ты не хочешь вечерком прогуляться по городу?

— Хочу, — ответил Перс. И они договорились о встрече. Как только Моррис Цапп исчез из виду, на освободившееся место в укромном уголке бара рядом с Персом присел смуглый худощавый мужчина. Это был Мишель Тардьё.

— Какое драматическое вмешательство в ход конференции! — сказал он, назвав свое имя. — А вы, насколько я понял, специалист по Т. С. Элиоту?

— Именно так, — сказал Перс. — Я писал по нему магистерскую диссертацию.

— Тогда вас, возможно, заинтересует конференция, которую организуют этим летом мои швейцарские друзья.

— Я еще не знаю, куда поеду этим летом, — сказал Перс.

— Я лично собираюсь принять участие в этой конференции, — начал Мишель Тардьё, кладя под столом руку Персу на колено.

— Дело в том, что я разыскиваю одну девушку, — прервал его Перс.

— А-а-а, — пожав плечами, сказал Мишель Тар-

дьё, убирая руку. — Cest la vie, c'est la narration[52]. Все мы — субъекты, проводящие время в поисках своих объектов. Вы случайно не видели здесь молодого человека в черных джинсах?

— Нет, не видел, — ответил Перс. — Прошу прощения мне надо идти.

Выйдя из отеля «Сонеста», Перс увидел, что небо прояснилось и предзакатное солнце осветило умытый, посвежевший город. Перс решил проехаться на туристическом катере, коих множество сновало по узким каналам. Они с опасной скоростью пролетали под мостами, чуть не задевая боками идущие навстречу катера, и со всех бортов раздавались разноязыкие, усиленные мегафоном веселые шутки. Краем глаза Перс увидел идущую по мосту девушку, похожую на Анжелику, но ему было понятно, что это лишь видение, плод его фантазии. Когда катер поравнялся с мостом, девушка исчезла.

Поздним вечером, когда каналы Амстердама стали похожи на обрамленные деревьями узкие черные, зеркала, Моррис Цапп вывел Перса на прогулку в район красных фонарей, в сплетенье переулков неподалеку от Нового рынка. Как Мор-

---

[52] Примечания: 52
Такова жизнь, таковы ее сюжеты (*фр.*).

рис и обещал, это зрелище значительно сильнее впечатлило и шокировало Перса по сравнению с тем, что он увидел в Сохо, да и вообще оказалось трудно поддающимся пониманию непорочного юноши из ирландского графства Мейо. В ярко освещенных окнах, похожих на витрины магазинов, сидели проститутки — кто в неглиже, кто в платье в обтяжку — и откровенно высматривали среди прохожих потенциальных клиентов. То были истинные улицы греха, на которых объекты мужского вожделения выставлялись напоказ и на продажу. Достаточно войти внутрь, договориться о цене, и женщина задернет штору и удовлетворит желание клиента. И лишь по двум причинам торговля женским телом выглядела не слишком отвратительно. Во-первых, безупречная чистота и мещанский уют комнат с мягкой мебелью под кружевными салфеточками, с геранями в горшках и белоснежным постельным бельем, и, во-вторых, сами женщины — молодые, красивые и к тому же в ожидании клиентов коротающие время за таким умиротворяющим домашним делом, как вязание на спицах.

— Зачем они этим занимаются? — вслух недоумевал Перс, обращаясь к Моррису Цаппу. — Такие милые девушки. Вместо того чтобы торговать

собой, лучше бы выходили замуж и растили детей. — Он избегал их взглядов не столько потому, что боялся подпасть под прельстительные чары, сколько потому, что стеснялся лицезреть неприкрытую наготу, даже надежно защищенный собственной добродетелью.

Моррис пожал плечами.

— Как знать, возможно, они решили сначала подкопить деньжат, а потом уж заводить семью.

— Но кто женится на… девушке, которая зарабатывала себе на жизнь таким способом?

Моррис, шагая впереди Перса по узкому мощеному тротуару, бросил через плечо:

— Совсем не обязательно рассказывать об этом будущему мужу.

Улицы заполонила толпа гуляк, среди которых преобладали праздные туристы, а не серьезные клиенты. Перс приметил немало молодых парочек, которые прогуливались рука об руку, подталкивая друг друга локтем, обмениваясь улыбками и явно радуясь возможности задарма подогреть себе кровь. Почему-то на Перса это подействовало самым мрачным образом, и он проникся еще большим состраданием к сидящим в витринах девушкам.

И тут, в доме под номером тринадцать с крас-

ной дверью, он вдруг увидел ее. Анжелика. Вне всякого сомнения, это была она. Анжелика сидела не у окна, а в глубине комнаты, в кресле под торшером с розовым абажуром. Она красила лаком ногти и настолько была поглощена этим занятием, что и не взглянула на Перса, в изумлении застывшего перед окном. Одета она была в черное блестящее платье с низким декольте. Ее длинные черные волосы струились по плечам. Лак для ногтей был ярко-красного цвета. Она вытянула руку полюбоваться своей работой: в свете лампы кончики ее пальцев выглядели так, будто она обмакнула их в кровь.

В великом смятении Перс отошел прочь. Хватая ртом воздух, он чувствовал, что его будто тянет ко дну. Ничего не видя перед собой, он рассек толпу прохожих, споткнулся о бордюрный камень, услышал визг тормозов и обнаружил, что лежит поперек капота автомобиля, водитель которого, высунувшись из окна, что-то сердито кричит ему то ли по-немецки, то ли по-голландски.

— Как жаль, что она шлюха[53], — сказал Перс водителю.

— Господи, Персик, что случилось? — вскричал

---

[53] Примечания: 53
Название пьесы английского драматурга Джона Форда.

Моррис Цапп, материализовавшись в толпе, которая с любопытством взирала на происходящее. — Я тебя потерял! — Взяв Перса за руку, он вытащил его на тротуар. — Ты не ушибся? Хочешь еще что-нибудь посмотреть?

— Мне сейчас хочется побыть одному, если вы не против, — сказал Перс.

— Ага! Держу пари: тебя очаровала какая-то прелестница в окне! Что ж, Персик, дело молодое… Об одном прошу: если девушка предложит тебе презерватив, забудь на минуту о Папе Римском и надень его — хотя бы ради меня, ладно? Меньше всего мне хотелось бы, чтобы ты подцепил здесь триппер. А я, пожалуй, пойду в гостиницу. Чао!

Моррис Цапп ущипнул Перса за руку и вразвалочку удалился прочь. Перс быстро и решительно направился в обратный путь. Американец невольно подсказал ему способ, как избавиться от омерзения и горечи в душе. Он ворвется в уютную, освещенную розовым светом комнату и спросит: «Почем?» Почем продаются услуги неуловимой девы, за которой он бегал по коридорам и заснеженным тропкам кампуса в Раммидже и от которой не мог добиться и поцелуя? За какую сумму она раздвинет ноги перед ним как перед клиентом? Не сделает ли скидку

старому другу, или поэту, или, быть может, члену университетского профсоюза? Повторяя про себя саркастические вопросы, Перс представил, как Анжелика побелеет, вожмется в кресло и схватится за сердце. Пробираясь в толпе вуайеристов, он убыстрял свой ход, пока, наконец, не оказался перед домом с красной дверью. Шторы на его окне были спущены.

Персу стало дурно. Он прислонился к стене, впившись ногтями в шершавый камень. Мимо него прошли строем, распевая песню, четверо молодых англичан. Один из них швырнул к ногам Перса пустую жестянку из-под пива, другой слегка задел его плечом, но Перс не отреагировал. Он стоял оцепеневший, опустошенный и уже не способный на благородный гнев.

Английские юнцы завернули за угол, песня стихла, и улица на мгновенье опустела. Спустя минуту-другую красная дверь отворилась и сразу закрылась: на пороге, поправляя узкие черные джинсы, стоял молодой человек — Перс узнал в нем научного ассистента Мишеля Тардьё. Воровато оглянувшись по сторонам, он неторопливо удалился. Шторы в окне раздернулись, и на тротуар упала полоска света. Выйдя из тени, Перс заглянул внутрь. Его встретила завлекательной

улыбкой хорошенькая узкоглазая метиска в белой комбинации. Взглянув на нее в изумлении, Перс еще раз обследовал дверь: красная, номер тринадцать. Ошибки быть не может. Он вернулся к окну. Девушка снова ему улыбнулась и глазами пригласила войти. Он так и сделал, и внутри она приветливо обратилась к нему на голландском.

— Извините, — сказал он.

— Ты американец? — спросила девушка. — Хочешь быть со мной? Сорок долларов.

— Только что в этом окне была другая девушка, — сказал Перс

— Ушла. Она сидит с ребенком. Не волнуйтесь. Все хорошо, получите удовольствие.

— Сидит с ребенком? — Перс испытал возрождение надежды, облегчение и угрызения совести разом.

— Да. У меня ребенок здесь наверху. Все хорошо, он спит, ничего не слышит.

— Анжелика сидит с вашим ребенком?

— Ты хочешь сказать Лили? Лили друг, она мне помогает. Я сказала закрыть окно, но она не закрыла.

— Где она теперь? Где я могу ее найти? Девушка недовольно пожала плечами. — Я не знаю. Ты хочешь быть со мной или нет? Тридцать долларов.

Перс вынул из бумажника банкноту в сто гульденов и положил на стол.

— Где я могу найти Лили?

С ловкостью и быстротой фокусника девушка схватила со стола банкноту, двумя пальцами одной руки свернула ее и сунула в декольте.

— Она работает в кабаре, «Голубые небеса», улица Ахтебург.

— Где это?

— Конец улицы, потом направо, потом через мост. Ты увидишь вывеску.

— Спасибо, — сказал Перс и помчался по улице, лавируя, как футболист, среди пешеходов и автомобилей и мысленно подбрасывая на бегу клубок нахлынувших на него эмоций. На какое-то мгновенье ему подумалось, что вновь обретенная Анжелика посвятила себя совершенно невинному и самоотверженному делу, став сестрой милосердия для проституток Амстердама. Однако он сам понимал, что принимает желаемое за действительное. И даже если Анжелика и не нянька для шлюх Амстердама, то она и не шлюха, — как вообще такая мысль могла прийти ему в голову? Он устыдился собственных подозрений, невзирая на явные свидетельства в их пользу, и теперь с готовностью примирился с фактом ее участия в

стриптиз-шоу. Он, разумеется, это осуждает, но непременно постарается отговорить девушку от этого занятия, которое, впрочем, не в состоянии изменить его чувства к ней.

Перс стремительно завернул за угол и одним скачком пересек мост. Увидев дрожащее на воде отражение неоновых огней, он, прыгая через три ступеньки, спустился на набережную канала. Стоящая перед кабаре очередь с удивлением наблюдала, как он галопом подлетел к входу и резко остановился, переводя дыхание. Над освещенным фасадом бегущей строкой рекламировалась программа выступления: «Секс перед публикой! Настоящий трах-тарарах!» На столбах, поддерживающих навес у входа в кабаре, были развешаны фотографии, демонстрирующие сцены из спектакля. На одной из них стояла на четвереньках обнаженная Анжелика, которую покрыл, довольно ухмыляясь, волосатый парень. Анжелика выглядела совершенно так же, как в дурном видении в кинотеатре Раммиджа. Круто развернувшись, Перс медленно пошел прочь.

И что же было потом? Потом Перс, само собой разумеется, принес жертву Бахусу, как и все лишившиеся иллюзий влюбленные. Он купил пол-литровую бутылку голландского джина

«Боле», вернулся в пансион, лег на кровать и надрался до бесчувствия. На следующее утро он проснулся под слепящим светом лампы, не понимая, где находится: в голове у него трещало, а во рту была пустыня, хотя все это было ничто по сравнению с ноющей болью в сердце. В кармане у него лежал обратный билет в Лондон с открытой датой. Не побеспокоившись о том, чтобы узнать о наличии свободных мест на ближайший рейс, Перс расплатился за пансион и выехал автобусом в аэропорт Схипол, рассеянно глядя из окна на пригородные пейзажи Амстердама: фабрики, станции техобслуживания и теплицы были разбросаны тут и там по плоской невыразительной местности и походили на мусор, вынесенный на морской берег прибоем, который ушел, чтобы никогда не возвращаться.

Зарегистрировавшись на ближайший рейс до Лондона, Перс целый час просидел в зале ожидания у выхода на посадку. Ничего не читая, ни о чем не думая, он просто сидел и ждал; пустынный и безликий зал с рядами штампованных пластиковых кресел напротив огромного дымчатого окна, обрамляющего безоблачное небо, как нельзя лучше соответствовал пустоте в его душе и мыслях. Когда объявили посадку, Перс

шаркающей походкой прошел мимо дежурно кивающего и улыбающегося экипажа в самолет, и когда тот, как лифт, вознесся в небо, он уставился в иллюминатор на облачный пейзаж, такой же плоский и невыразительный, как и земной. Перед ним поставили упакованный в пластик поднос с обедом, и он безучастно сжевал его, не ощущая ни запаха, ни вкуса. Затем самолет опустил его на землю, и он зашагал по бесконечным коридорам Хитроу, столь длинным, что казалось, на горизонте они сходятся.

На следующий рейс до Шеннона свободные места были лишь в бизнес-классе, однако Перс, обналичив еще один дорожный чек, без колебаний доплатил разницу. Зачем ему экономить деньги? Теперь, когда цель его жизни была утрачена, сама жизнь потеряла смысл. Наступающее лето виделось бесплодной пустыней. До отправления самолета оставалось часа два, и Перс побрел в часовню Святого Георгия. Его бумажное послание к Богу, слегка завернувшись по краям, все еще висело на зеленом сукне: «Милосердный Боже, позволь мне найти Анжелику». Он сорвал бумажку с доски и скомкал ее в кулаке. Затем зашел в часовню и просидел целый час в заднем ряду, безразлично глядя на алтарь. На выходе он

повесил на доску новую петицию: «Милосердный Боже, дай мне силы забыть Анжелику и спаси ее от неправедной жизни».

Следующие полчаса он просидел еще в одной безликой и пустынной зоне, потом шаркающей походкой прошел мимо дежурно улыбающегося экипажа в самолет и занял свое место. Самолет, как лифт, вознесся в небо, и он опять уставился в иллюминатор на однообразный облачный пейзаж. Перед ним поставили еще один поднос с обедом без вкуса и запаха, но на этот раз он сопровождался стаканом красного вина, как положено в бизнес-классе, и это было единственное отклонение от унылой рутины авиаперелетов. Сидя в передней секции, Перс наблюдал, как за шторой, отделяющей салон от служебного помещения, суетятся стюардессы. И лишь постепенно, сквозь туман безразличия и отчужденности, до него начало доходить, что стюардессы чем-то обеспокоены.

И в самом деле, вскоре на связь с пассажирами вышел капитан, объявив, что при взлете у самолета лопнула покрышка у носового колеса шасси и посадка в Шенноне будет проходить в аварийном режиме; пожарные и спасательные службы приведены в состояние полной готовно-

сти. По салонам прокатился тревожный ропот. Словно услышав его, капитан постарался успокоить пассажиров и добавил: он не сомневается, что посадка пройдет успешно, но экстренные меры необходимы, дабы предотвратить разрыв еще одной покрышки (пожалуй, эта подробность была уже лишней). При подлете к аэропорту пассажиров попросят снять обувь и принять положение, рекомендованное при экстренной посадке. Экипаж корабля продемонстрирует пассажирам указанную позу, а также будет давать советы и оказывать необходимую помощь.

Однако члены экипажа, похоже, сами нуждались в советах и помощи. Таких испуганных девушек Персу видеть еще не приходилось, и вскоре их страх передался пассажирам. К ужасу последних, самолет при снижении вошел в зону сильной атмосферной неустойчивости. Хотя это не имело ни малейшего отношения к лопнувшей покрышке, некоторые пассажиры, лишенные технических знаний, сделали прямо противоположные выводы и, когда самолет нырял в воздушную яму, в испуге вскрикивали и взывали к Богу. Одни погрузились в изучение пластиковых карточек с инструкциями, которые обычно лежат в заднем кармане кресла и на которых

изображены цветные схемы салонов и запасных выходов, а также малоубедительные картинки, где пассажиры, весело, как дети на игровой площадке, съезжают по надувным трапам. Другие же, вытащив из-под сидений спасательные жилеты, пытались их надеть. Стюардессы как безумные бегали по проходам, умоляя одних пассажиров не надувать спасательных жилетов и отмахиваясь от других, которые срочно требовали крепких алкогольных напитков.

Потеряв интерес к жизни, Перс с отрешенным любопытством наблюдал за поведением пассажиров. С его места хорошо просматривалось служебное помещение. Он увидел, что старшая стюардесса сняла с крючка микрофон и прокашлялась, готовясь сделать объявление. Вид у нее был торжественный. «Дамы и господа! — сказала она с ирландским акцентом, — Выполняя пожелание одного из пассажиров, мы предлагаем прочесть всем самолетом покаянную молитву. Есть ли на борту священнослужитель, готовый нам помочь?» Она сделала тревожную паузу, оглядывая в поисках добровольца салоны самолета (шторы, отделяющие бизнес-класс от экономического, были раздернуты). К ней подошла стюардесса из экономического класса и

покачала головой:

— Увы, Мойра, — сказала она, — как нарочно: когда нужен священник, его не найдешь. И ни одной монашки на борту.

— Что же делать? — в отчаянии спросила Мойра, прикрыв рукой микрофон.

— Придется тебе самой читать покаянную молитву.

Мойра запаниковала.

— Я ее не помню, — жалобно сказала она. — С тех пор как я села на противозачаточные пилюли, я ни разу не ходила к причастию.

— Ты не говорила мне, что принимаешь пилюли! — Давай, Бриджид, ты сумеешь! — Я не могу!

— Сможешь. Ты сама говорила мне, что ни одной службы в церкви не пропускаешь. — И старшая стюардесса произнесла в микрофон: — Поскольку на борту самолета не оказалось священника, покаянную молитву вместе с вами прочтет стюардесса Бриджид О'Тул. — Она сунула микрофон в руки испуганной Бриджид, и та шарахнулась от него, как от ядовитой змеи. Самолет вдруг резко качнулся. Потеряв равновесие, стюардессы вцепились друг в друга.

— Спаси меня, Господи Боже мой… — шепотом

подсказала Мойра начало молитвы.

— Спаси меня, Господи Боже мой… — хрипло произнесла в микрофон Бриджид. Затем, закрыв его ладонью, прошипела: — У меня память отшибло. Совсем не помню покаянной молитвы.

— Ну, тогда прочти что помнишь, — решительно сказала Мойра. — Все, что придет тебе в голову.

Бриджид закрыла глаза и поднесла микрофон к губам: «Господь дал — Господь взял, да благословенно имя Господне», — сказала она.

Спустя десять минут, после того как самолет благополучно приземлился в аэропорту Шеннона, Перс все еще не мог унять смеха. Покидая салон, он поймал на себе сконфуженный взгляд Бриджид. «Извините за доставленное беспокойство», — пробормотала она.

— Ну что вы, — ответил Перс. — Вы вернули мне вкус к жизни.

В аэропорту Перс направился к стойке туристического агентства и поинтересовался, нельзя ли снять коттедж в Коннемаре.

— Мне нужно тихое уединенное место, — сказал Перс Он уже знал, что делать с премиальными деньгами и остатком творческого отпуска. Он купит подержанную машину, нагрузит ее книгами,

писчей бумагой, «Гиннесом», кассетным магнитофоном с записями Боба Дилана и проведет лето скромным отшельником подобно Йейтсу в его башне[54]: будет писать стихи.

Пока сотрудники агентства наводили телефонные справки, Перс взял листовку, рекламирующую кредитную карточку «Американ экспресс», и от нечего делать заполнил анкету с заявлением.

Филипп Лоу, расплатившись за постой в гостинице, сидел в вестибюле с уложенным багажом в ожидании машины из Британского Совета — испытав на себе качество турецких дорог, его сотрудники предпочитали пользоваться в Анкаре машиной высокой проходимости марки «лендровер». До сих пор Филиппу не приходилось видеть в крупных городах столь отвратительных дорог, покрытых, будто лунная поверхность, рытвинами и ухабами. Если случался дождь, на проезжей части начинался потоп, так как дорожные строители имели обыкновение сбрасывать мусор в сточные канавы, которые по этой причине были постоянно забиты.

Управляющий гостиницы, проходя мимо Фи-

[54] Примечания: 54

В 1917 году У. Б. Йейтс купил в местечке Бэллили, в Ирландии, разрушенную башню, чтобы, уединившись в ней, писать стихи.

липпа, остановился и раскланялся перед ним с улыбкой.

— Возвращаетесь в Англию, профессор?

— Нет, еду в Стамбул. Ночным поездом.

— А! — управляющий изобразил на лице зависть и восхищение. — Стамбул очень красивый город.

— Да, мне говорили.

— Очень старый. Очень красивый. Совсем не похож на Анкару.

— Но мне и в Анкаре очень понравилось, — сказал Филипп. Подобное вранье стало второй натурой культурного миссионера. В Анкаре Филиппу совсем не понравилось, и он был готов с радостью отряхнуть ее прах со своих ног, а этого праха, то есть пыли, в сухую погоду в городе было предостаточно.

Впрочем, на второй день пребывания в Анкаре Филиппу стало полегче, в том смысле, что хуже уже просто быть не мото. Акбиль Борак был любезен и внимателен, хотя говорить с ним можно было только о Гулле и Хэзлитте. Он несомненно знал о Хэзлитте чертову уйму — больше, пожалуй, чем сам Филипп, но, к сожалению, свою осведомленность об эссеисте эпохи романтизма он демонстрировал, называя его попросту Билл.

Филипп ломал голову, как тактично отучить его от этой манеры.

Другие турки, с которыми ему довелось встречаться, были столь же любезны и гостеприимны. Почти каждый вечер они устраивали в его честь прием или вечеринку — либо в университете, либо у кого-нибудь в тесной, заставленной мебелью квартирке. На частных вечеринках еды и питья — по-видимому, добытых не без труда или заранее припасенных — было в достатке; о том, во что могло стать во времена тотального дефицита это хлебосольство, Филипп старался не думать. На официальные приемы Британский Совет предусмотрительно поставлял спиртное — такую щедрость турки оценили и стали воспринимать Филиппа как счастливый талисман. Давненько турецкие преподаватели английского не гуляли на столь многочисленных вечеринках за столь короткий срок! Одни и те же сияющие от удовольствия лица мелькали на всех без исключения сборищах. Филиппу всякий раз с энтузиазмом трясли руку, будто видели его впервые. Звучал веселый смех, играла музыка, иногда устраивались танцы. Филипп тоже выпивал, смеялся и весело болтал с гостями, а как-то раз даже выступил в неуклюжем па-де-де с дамой — профессором пре-

клонных лет, которая на удивление артистично исполнила танец живота. Номер был встречен бурными аплодисментами, а сотрудник Британского Совета, чуть не прослезившись, назвал его крупным шагом в укреплении англо-турецких культурных связей. Однако в глубине души, куда не распространялось действие посольской водки и турецкой ракии, Филиппу было тоскливо и одиноко. Симптомы этой болезни были ему известны: он страдал ею и раньше, хотя не столь серьезно. Это было чувство, которое определялось простым, но неотступным вопросом: «Что я здесь делаю?» Что он делает здесь, в Анкаре, в Турции, вместо того чтобы быть в Раммидже, в Англии? Вопрос этот с меньшей остротой возникал на вечеринках и с большей — в те минуты, когда Филипп, нервно перебирая страницы лекции о Хэзлитте, сидел в какой-нибудь замусоренной аудитории, глядя на смуглые лица юношей и девушек и слушая, как турецкий профессор обстоятельно перечисляет его академические заслуги, которые легко найти в справочниках (Филипп был уверен, что в один прекрасный день будут упомянуты и его школьные успехи, особенно блестяще сданный выпускной экзамен), или же когда в перерывах между лекциями, вечеринка-

ми и экскурсиями (в Анкаре и смотреть нечего кроме Аниткабира и Хеттского музея, но неутомимый Акбиль Борак протащил его повсюду) он лежал в гостиничном номере, выискивая, что бы почитать, в старом, привезенном из Англии номере «Гардиан» и слушая доносящиеся из-за стенки звуки незнакомой музыки и чужеземной речи, а из окон — нескончаемый шум транспорта. «Что я здесь делаю?» На то, чтобы доставить его в Турцию, были потрачены сотни, а то и тысячи фунтов из правительственных средств. Секретарши печатали письма, стучали телетайпы, звонили телефоны; в Анкаре, Стамбуле и Лондоне росли горы официальных бумаг. Чтобы перебросить его из аэропорта Хитроу в аэропорт Эсенбога, в небе сгорело дорогостоящее полезное ископаемое. Чтобы скрасить его досуг, домашние бюджеты и пищеварительные системы академического сообщества Анкары испытали сильное напряжение. И всё ради чего? Сообщить нечто новое о Хэзлитте или о литературе и ее связях с историей, социологией, психологией и философией турецкой буржуазной молодежи, которая изучает английский (об этом, в момент пьяного откровения за рюмкой ракии, ему поведал Акбиль Борак) для того, чтобы получить работу

чиновника или стюардессы и не связываться с погрязшими в междоусобицах факультетами общественных наук? Проезжая по улицам Анкары, кишащим безликим и обнищавшим рабочим людом, с муравьиным упорством снующим вврх-вниз по бетонным холмам под бдительным оком вооруженных до зубов военных, Филипп начинал проникаться скромным практицизмом турецкой молодежи. Но как им поможет Хэзлитт?

— Извините, сэр, — перед Филиппом снова возник управляющий гостиницы. — Вы будете заказывать ужин? Стамбульский поезд отходит поздно вечером.

— Нет, благодарю вас, — ответил Филипп. — Я иду в гости. — Управляющий раскланялся перед ним еще раз и исчез.

Кастер, представитель Британского Совета по делам культуры, пригласил Филиппа в себе домой на ужин «аля-фуршет».

— Не буду делать вид, что это в вашу честь, — объяснил он. — В Анкару прибыл струнный квартет из Лидса, и я должен для них что-нибудь устроить, так что буду рад видеть у себя и вас. Так сказать, в дружеской неофициальной обстановке. Я позвал еще кое-кого. А знаете, — добавил он с таким видом, будто его посетила гениальная

мысль, — приглашу-ка я и Борака.

— Мне кажется, за эти дни я ему порядком надоел, — робко попытался возразить Филипп.

— Ничего подобного! Если я его не приглашу, он может обидеться. Скажу, чтобы пришел с женой. Хашим заберет вас из гостиницы часов в семь. Возьмите с собой багаж, и около десяти часов я отвезу вас на станцию.

Узнав посольского шофера Хашима в высоком человеке с вислыми усами, пытавшемся пробиться в холл гостиницы сквозь вращающуюся дверь, Филипп поднялся, взял свои вещи и направился ему навстречу. Хашим, который не знал ни слова по-английски, взял у него сумки и повел к «лендроверу».

Возможно, — думал Филипп, трясясь рядом с Хашимом по разбитой дороге, — эта поездка вызвала бы у него иные чувства, если бы не удивившее его самого внезапное желание в минуту прощания с Хилари лечь с ней в постель. Мелькнувшая в вырезе ночной рубашки грудь, сулившая тепло и ласку, впечаталась в память и дразнила его, когда он без сна лежал на узкой гостиничной койке и мучился вопросом «Что я здесь делаю?» Секс с Хилари нельзя было назвать самым ярким эротическим переживанием, но он

имел свои плюсы. Временное снятие напряжения. Возможность ненадолго погрузиться в приятное забытье. В Турции же его надежды на амурные приключения не оправдались. Все встретившиеся на его пути женщины были несвободны и, как правило, при мужьях, которые, приветливо улыбаясь, неотступно маячили у них за спинами. Пухленьким волооким студенткам, судя по всему, был дан приказ держаться от Филиппа подальше, а если какая-нибудь и сокращала дистанцию, то непременно оказывалась профессорской дочкой, — Филипп чувствовал, что, позволь он себе по отношению к ней *что-нибудь такое*, и не миновать дипломатического скандала. Турция оказалась, по крайней мере внешне, страной старомодных моральных устоев.

Посольская машина медленно пробиралась сквозь транспортный затор. В центре Анкары — если это можно назвать центром — автомобильные пробки, похоже, никогда не рассасывались. Филипп так и не получил представления о географии города, поскольку все здесь казалось ему на одно лицо: грубая бетонная кладка, трещины на асфальте, ухабы на дорогах, всюду унылый серый цвет, и ни деревца, ни травинки, хотя весна была в разгаре. Начало темнеть, и при скудном осве-

щении улицы накрыла зловещая тень — кроме тех ярких пятен, где под керосиновыми лампами раскинулись импровизированные рынки, на которых закутанные в шали турчанки покупали кухонную утварь и овощи, или же где свет фонарей отражался от пластиковых столиков в прокуренных дешевых забегаловках. Филиппу стало казаться, что, если Хашим, остановив машину, вдруг вышвырнет его на улицу, то он исчезнет без следа — его утащат в темноту, разденут донага, оберут до нитки, свернут голову и сбросят труп в забитую мусором сточную канаву. На него вновь накатил приступ тоски по дому. Что он здесь делает? Не пора ли положить конец странствиям, забыть о сильных ощущениях, о которых он вдохновенно рассказывал Моррису Цаппу, забросить подальше конспекты лекций, обналичить дорожные чеки, вновь погрузиться в привычный домашний уют, спать, ничем не рискуя, с Хилари и медленно проворачивать жернова учебного года в университете Раммиджа, начиная с собрания первокурсников и кончая церемонией вручения дипломов, — пока не придет время уйти на пенсию, покончить с работой и с сексом. А когда настанет черед, то уйти и из жизни. Неужели час пробил?

«Лендровер» наконец остановился у современного жилого здания на одном из холмов, опоясывающих турецкую столицу. Хашим жестами пригласил Филиппа в лифт и нажал кнопку седьмого этажа. Разгоряченный Кастер в рубашке с короткими рукавами встретил его у дверей квартиры:

— Ага! Приехали! Милости прошу! Позвольте ваши вещи. Вы проходите в гостиную, а я вам чего-нибудь налью. Что будете? Джин с тоником? Борак уже здесь. Кстати, из Лидса приехал не струнный, а джазовый квартет. В Лондоне опять напутали.

Кастер провел Филиппа в прихожую и, открыв дверь, впустил его в гостиную, в которой небольшими кучками, с бокалами в руках стояли гости. Первой, на ком Филипп остановил взгляд, была Джой Симпсон.

Филипп Лоу не переставал изумлять Акбиля Борака своим поведением. В день приезда англичанин дважды спроецировался на земной поверхности и теперь, похоже, собрался сделать это в третий раз, в гостиной мистера и миссис Кастер: он споткнулся о порог и, лишь схватившись за спинку стула, удержался от падения. Присутствующие повернули в его сторону голо-

вы, и по комнате пробежал смущенный шепоток, но убедившись, что ничего серьезного не стряслось, гости продолжили светскую болтовню.

Акбиль, стоя рядом с Ойей, разговаривал с ударником из джазового квартета и миссис Симпсон, библиотекарем Британского Совета в Стамбуле — приятной, хотя и несколько замкнутой дамой с красивыми белокурыми волосами и крепкой круглой попкой. Акбиль рассказывал миссис Симпсон о магазинах города Гулля, одновременно размышляя над вопросом, такого же ли золотистого цвета у северянок волосы на лобке, как вдруг в гостиную, круша по дороге мебель, с шумом ввалился Филипп Лоу. Акбиль поспешил ему на помощь, но Филипп, поднявшись с колен и отряхнув руки, сделал несколько нерешительных шагов по направлению к миссис Симпсон. Лицо его было бледно.

— Это вы! — хрипло прошептал он, глядя на нее широко раскрытыми глазами.

Она тоже слегка побледнела, что было неудивительно в ситуации столь странного свидания.

— Здравствуйте, — сказала она, держа бокал в обеих руках. — Алекс Кастер говорил, что вы сегодня сюда заглянете. Как вам Турция?

— Так вы уже знакомы? — спросил Акбиль,

переводя глаза с Филиппа Лоу на миссис Симеон.

— Немного, — ответила миссис Симпсон. — Мы познакомились несколько лет назад в Генуе, не так ли, профессор Лоу?

— Я думал, вы погибли, — сказал Филипп Лоу, не сводя с нее глаз.

Ойя возбужденно схватила Акбиля за рукав: — Что он говорит?

Миссис Симпсон слегка нахмурилась.

— Ах да. Наверное, вы прочли сообщение в газетах, — сказала она Филиппу Лоу. — Индусы опубликовали его преждевременно, и это вызвало большой переполох.

— Так значит, в той катастрофе вы выжили?

— Меня в самолете не было. Хотя я должна была лететь — это было три года назад, — пояснила она Акбилю, Ойе и ударнику-джазисту. — Мой муж получил назначение в Индию. Мы собирались туда всей семьей, но в последний момент врач отсоветовал мне лететь: я была на девятом месяце беременности, и он решил, что это рискованно. Поэтому Джон поехал один, а я осталась с Джерардом, нашим сынишкой, но наших имен почему-то не исключили из списка пассажиров. Самолет садился во время грозы и разбился.

— И ваш муж?... — спросила Ойя дрожащим

голосом.

Из пассажиров того рейса мало кто остался в живых. Моего мужа среди них не было.

Ойя громко зарыдала.

— Как я вам сочувствую! — сказала она, уткнувшись в носовой платок.

— Я думал, вы погибли, — повторил Филипп Лоу. Он будто не слышал рассказа Джой, а если и слышал, то не поверил своим ушам.

— Но вы же видите, профессор Лоу, она не погибла! Она жива! — Ойя хлопнула в ладоши, поднялась на цыпочки и улыбнулась сквозь слезы. Акбилю показалось, что его жена разыграла всю гамму чувств, которые должны были бы пережить англичане. (Ударник еще во время рассказа Джой незаметно удалился.) — Какое счастье! — сказала Ойя, обращаясь к Филиппу. — Так бывает только в сказках.

— Конечно, я рад видеть, что миссис Симпсон жива и невредима, — сказал он. К нему вернулось самообладание, хотя лицо его по-прежнему было бледно.

— Тот, кто способен радоваться, способен и доставлять радость другим, как говорит Билл Хэзлитт. — Акбиль решил, что весьма удачно вмешался в разговор.

— Что вы делаете в Анкаре? — спросил Филипп миссис Симпсон.

— Приехала на совещание. Я заведую библиотекой Британского Совета в Стамбуле.

— Я сегодня уезжаю в Стамбул, — с легким волнением сказал Филипп Лоу.

— Правда? Как долго вы там пробудете?

— Дня три-четыре. В пятницу улетаю домой.

— А я, увы, до пятницы буду в Анкаре.

Вид у Филиппа был такой, будто ему по-прежнему трудно поверить в то, что он слышит. Он повернулся в Акбилю:

— Акбиль, вы знаете, Алекс Кастер, похоже, забыл о моем джине с тоником. Могу я вас попросить?..

— Конечно, — ответил Акбиль. — Сейчас я его принесу.

— Я помогу тебе, — сказала Ойя. — И миссис Симпсон тоже надо подлить. Она взяла у миссис Симпсон бокал и подтолкнула мужа к двери гостиной.

— Почему ты не осталась с ними? — пробормотал Акбиль по-турецки. — Они подумают, что мы невежливо себя ведем.

— Мне показалось, что им надо остаться наедине, — ответила Ойя. — Похоже, между ними

что-то происходит.

— Ты так думаешь? — удивленно спросил Акбиль и оглянулся на англичан. Филипп Лоу действительно что-то возбужденно говорил миссис Симпсон, она же впервые за все это время выглядела смущенной. — Уж и не знаешь, чего еще можно ожидать от этого человека, — тихо сказал Акбиль Борак.

Три часа спустя Филипп нервно прохаживался по платформе центрального железнодорожного вокзала Анкары, откуда отходил скорый стамбульский поезд. Вид у поезда был допотопный и вызывал в памяти боевики тридцатых годов — как, впрочем, и другие элементы декорации. К яркому свету высоких фонарей из темных углов поднимались струйки дыма и пара; на одной из вокзальных скамеек крестьянское семейство устраивалось на ночь в окружении тюков и корзин; мать, кормящая грудью младенца, отрешенно смотрела вслед женщинам в элегантных костюмах, которые шествовали впереди каравана носильщиков, несших их элегантные чемоданы по направлению к вагонам первого класса. Железнодорожники в униформе ходили с толстыми картонными папками взад и вперед, отдавая приказы подчиненным и прогоняя с до-

роги нищих. Вагоны второго и третьего классов были уже полны: из вентиляционных решеток тянуло чесноком, табачным дымом и человеческим потом; пассажиры, набившиеся в купе как сельди в бочки, приготовлялись стоически вынести долгий ночной перегон. Время от времени из этих вагонов выскакивала темная фигура и устремлялась к стоящим на платформе киоскам, которые торговали чаем, газировкой, кренделями и ядовитого цвета конфетами.

В вагоне первого класса, в котором разместился Филипп, комфорта было побольше. На столиках позвякивали бутылки и стаканы, среди пассажиров составлялись карточные партии, хотя из-за тусклого света масть разглядеть было трудно. В таком полумраке хотелось обмениваться сплетнями, плести интриги, назначать тайные свидания и вручать взятки. В конце коридора красным огоньком светилась угольная печка, в которой, обливаясь потом, шуровал проводник.

— Печка отапливает вагон и снабжает пассажиров горячей водой, — объяснил Кастер, который вместе с Бораком приехал проводить Филиппа на вокзал. — Устройство незамысловатое, но довольно эффективное. Ночи на равнинах здесь холодные, даже несмотря на весну.

Филиппу удалось уговорить Кастера и Акбиля Борака не дожидаться отправления поезда.

— В этом нет необходимости, — заверил он их. — Не утруждайте себя.

— Одна из самых сладостных вещей на свете — это путешествия, — сказал с улыбкой Акбиль Борак. — Я предпочитаю путешествовать в одиночку.

— Правда? — удивился Кастер. — А я люблю в компании.

— Нет-нет! — рассмеялся Борак. — Это я цитирую Билла Хэзлитта. Его очерк «О путешествиях».

— Пожалуйста, не ждите, — еще раз попросил Филипп.

— Ну что ж, — сказал Кастер, — пожалуй, я вернусь домой к джазовому квартету.

— Я с вами: мне нужно заехать за женой, господин Кастер, — сказал Борак.

Они пожали Филиппу руку, обменялись дежурными прощальными фразами и отбыли. Филипп с облегчением посмотрел им вслед. Если Джой все-таки решит присоединиться к нему, она не захочет, чтобы ее увидели Кастер и Борак.

Но они ушли полчаса назад, а ее все еще не было.

— Я никак не могу уехать сегодня в Стамбул, — сказала она Филиппу, когда они ненадолго остались наедине на вечеринке у Кастеров. — Я только что приехала в Анкару. Чемодан еще стоит в прихожей нераспакованный.

— Это упрощает дело, — ответил Филипп. — Берите его и поехали со мной. — Он жадно шарил взглядом по ее лицу, которого, как ему казалось, он больше никогда не увидит: по светлым волнистым волосам, крупному рту и тяжеловатому подбородку.

— Я приехала сюда по делу.

— Найдите предлог, чтобы уехать.

— С какой стати?

— Потому что я люблю вас. Слова эти слетели с губ Филиппа неожиданно для него самого.

Джой покраснела и опустила глаза.

— О чем вы говорите…

— Я не забыл той ночи, — сказал Филипп.

— Ради бога, — пробормотала она. — Только не здесь. Не сейчас.

— Но когда? Я должен с вами поговорить.

— Вы, я вижу, уже познакомились! — воскликнула миссис Кастер, подходя к ним с тарелкой канапе.

— Мы встречались в Генуе, — сказала Джой.

— Вот как? Верно, когда работаешь в Британском Совете, то натыкаешься на старых знакомых в самых неожиданных местах. Как вы поживаете, Джой? Как дети — Джерард и…

— Миссис Симпсон как раз говорила мне о том, что Джерард приболел, — сказал Филипп. Джой перевела на него пристальный взгляд.

— Надо же! Надеюсь, ничего серьезного? — обращаясь к Джой, спросила миссис Кастер.

В ожидании ее ответа у Филиппа гулко застучало сердце.

— Когда я уезжала, у него была небольшая температура, — сказала наконец Джой. — Чуть позже мне надо будет позвонить няне и узнать, как там дела.

Филипп отвернулся, с трудом скрыв ликование.

— Да-да, конечно, — сказала миссис Кастер. — Звоните по телефону из нашей спальни, там вам никто не помешает. — Она обвела гостиную хозяйским взглядом. — О боже! Саксофонист рассматривает книжные полки, а это для вечеринки дурной знак, вы не находите? Джой, вы не могли бы занять его разговором? Вы нас извините, профессор Лоу?

— Разумеется, — ответил Филипп.

В остаток вечера он не смог, как ни старался, побыть наедине с Джой Симпсон. Он пристально следил за ее передвижениями, но не видел, чтобы она заходила в спальню Кастеров. Затем подошло время отправляться на вокзал. Вечеринка была далека от завершения, так что ему пришлось в присутствии гостей обменяться с Джой официальным рукопожатием.

— Ну что ж, до свиданья, — сказал он, ловя ее взгляд. — Надеюсь, ваш малыш чувствует себя получше. Вы звонили домой?

— Еще нет, — ответила Джой. — До свиданья, профессор Лоу.

И на этом все кончилось. Филипп бросил на нее последний умоляющий взгляд и покинул квартиру в сопровождении Кастера и Борака. Ему оставалось уповать лишь на то, что после его отъезда Джой позвонит в Стамбул, а затем сочинит какую-нибудь историю о том, что состояние ребенка требует ее немедленного возвращения домой.

В который раз пройдясь вдоль спального вагона, Филипп взглянул на станционные часы: до отхода поезда оставалось три минуты. Ожидание было мучительно, и в то же время в душе он чувствовал странное оживление. Хандра, снедавшая

его неделей раньше, бесследно исчезла. Он вновь оказался героем истории, и какой истории! Он до сих пор не мог поверить в то, что Джой не погибла, что она жива. Жива! Это теплое, дышащее тело, которое он держал в своих объятьях в залитой малиновым светом спальне в Генуе, по-прежнему излучало тепло и дышало. Волшебный поворот судьбы преобразил Филиппа, вознес, как на гребне могучей волны. Он снова услышал свой голос, произнесший в гостиной у Кастеров слова «Потому что я люблю вас» — просто, искренне, без колебаний и без смущения, как это делают герои в кинофильмах. Нет, его песенка еще не спета, и ему рано на покой! Он еще способен на большую любовь! Он вновь со всей остротой почувствовал радость жизни. К чему все это приведет, он не знал, да и не хотел знать. Конечно, впереди уже забрезжили неминуемые проблемы с Хилари, детьми и карьерой, но сейчас он отмахивался от них, сосредоточив всю свою мыслительную энергию на том, чтобы заставить Джой вновь оказаться рядом.

По всему поезду стали закрывать двери. Железнодорожники выстроились вдоль вагонов как часовые, посматривая друг на друга в ожидании свистка. Минутная стрелка на станционных

часах прыгнула еще на одно деление. Минута до отправления.

Филипп нехотя зашел в поезд, опустил стекло на вагонной двери и высунулся наружу, устремив отчаянный взгляд в начало платформы. Стоящий напротив железнодорожник посмотрел налево, потом направо и поднес к губам свисток.

— Стоп! — вдруг закричал Филипп, распахнул дверь и выскочил на платформу. У контрольного барьера он увидел женщину: под фонарем блеснули ее белокурые волосы. Железнодорожник со свистком, что-то сердито говоря по-турецки, попытался втолкнуть Филиппа внутрь, а не справившись с ним — закрыть вагонную дверь. Пока они вели борьбу, Джой, размахивая чемоданчиком, бежала по платформе. Филипп указал на нее железнодорожнику, тот прекратил баталию и, что-то возмущенно бормоча, стал одергивать униформу. Филипп сунул ему крупную банкноту — тот, расплывшись в улыбке, распахнул перед ними дверь. Филипп и Джой прыгнули в вагон, дверь за ними захлопнулась. Раздался резкий свисток, поезд дернулся и стал набирать ход. Подталкивая Джой к своему купе, Филипп в тусклом вагонном свете увидел, что изо всех дверей на них уставились любопытные глаза. Он завел

Джой в купе и задвинул дверь. — Вы пришли, — только и сказал он. Джой опустилась на постель и, захватывая ртом воздух, закрыла глаза.

— Билет у меня есть, — сказала она, переведя дыхание. — А спального места нет.

— Вы можете занять это, — сказал Филипп.

Стуча колесами и раскачиваясь на ходу, стамбульский поезд летел по ночной равнине. Филипп и Джой, неловко устроившись на узкой вагонной полке, упоенно занимались любовью, и скрежет рессор заглушал их восторженные вздохи и вскрики. Потом, прижавшись друг к другу, они разговаривали. Вернее, говорила Джой, сначала отрывисто и неуверенно, затем все свободнее. Филипп же, отвечая на ее слова нежными объятиями и ласковыми поглаживаниями, внимательно слушал.

— Боже, как хорошо… Это впервые, с тех пор как Джон… Нет, возможности у меня были, но я терзалась виной… Мне казалось, что смерть Джона — это наказание за то, что я ему изменила. С тобой, конечно, — или ты подумал, что я сплю со всеми подряд? Поверишь ли, это было в первый и последний раз. Почему я позволила тебе… я и сама до сих пор не могу понять. Ни до того, ни после со мной не случалось подобного

безумия — разве что вот сейчас, но теперь всё иначе, потому что я тебя как бы знаю, а Джона теперь нет, и я его не предаю. Но тогда — кто я была? — женщина, которая счастлива в браке или достаточно счастлива, как большинство замужних женщин, и вдруг отдалась совершенно незнакомому мужчине, который, как ангел или бог, возник из ниоткуда среди ночи, и мне ничего не оставалось, как покориться ему… Когда я проснулась на следующее утро, мне почудилось, что это был сон, но когда я увидела, что Джона нет, а твои сумки стоят в гостиной, я поняла, что все это было наяву, и чуть не сошла с ума. Наверное, тебе я показалась спокойной, но поверь мне, я была на грани истерики и бегала в ванную колоть себя ножницами, чтобы боль отвлекла меня от мыслей о том, что я натворила.

Скажи, знакомо ли тебе чувство, когда ты несешься в потоке машин по автостраде, что жизнь твоя висит на волоске, хотя никто вокруг вроде не придает этому значения? Сидящие в автомашинах и грузовиках водители томятся от скуки или заняты своими мыслями и просто намерены попасть из пункта А в пункт Б, а между тем какие-то секунды или сантиметры отделяют их от внезапной гибели. Достаточно кому-нибудь

чуть-чуть повернуть не туда рулевое колесо, и начнется смертельная сшибка. Или же когда ты ведешь машину по извилистой горной дороге над морем, понимая, что, на мгновенье отняв от руля руки, ты сорвешься и, кувыркаясь в воздухе, полетишь вниз. Это жуткое чувство, потому что ты знаешь, как легко это может произойти, как быстро, как просто и как необратимо. Вот мне и показалось, что со мной произошло нечто подобное, — только, сорвавшись в пропасть, я не погибла, а возродилась к жизни.

Конечно, мне грех было жаловаться. Джон был хорошим мужем: добрым и — насколько я знаю — верным мне, души не чаял в Джерарде, любил свою работу. По всем понятиям, у нас был благополучный брак. И в постели тоже все было хорошо, насколько я могу судить. То есть я хочу сказать, мне не с чем было сравнивать, да и Джону тоже. Мы познакомились в университете и, перед тем как пожениться, несколько лет прожили вместе; родители наши были в ужасе, когда узнали об этом, но это лишь говорит о нашей неискушенности в вопросах секса: ни у меня, ни у Джона прежде никого не было. У меня даже возникало подозрение, что Джон решил — возможно, сам того не сознавая — сразу по

поступлении в университет найти себе девушку и завести с ней постоянные отношения, чтобы секс не отвлекал его от учебы. То есть для меня это было очень похоже на брак, и, когда мы и в самом деле поженились, это было чистой формальностью. Денег на свадьбу было потрачено немало, но никакой разницы в нашей жизни ни до, ни после я не ощутила. А медовый месяц стал для нас просто заграничным путешествием. И в первую брачную ночь я загрустила, потому что в ней не было никакой новизны, мы не стеснялись друг друга и не нервничали. Меня даже посетила крамольная мысль разыскать еще одну пару — молодоженов в гостинице было достаточно — и поменяться партнерами или вчетвером забраться в одну постель. Конечно, ни о чем таком всерьез я не помышляла, но это было симптоматично. Джону я ничего не сказала — он не понял бы меня, да, пожалуй, и обиделся бы. А любовник он был добросовестный: читал книги по технике секса и очень старался мне угодить. Меня же никогда не тянуло заниматься с ним любовью, то есть настолько, чтобы взять инициативу на себя; я предоставляла это ему, но если он хотел меня, то и я получала удовольствие.

Но чего-то во всем этом не хватало. Мне все-

гда так казалось. Наверное, не было настоящей страсти. Я никогда не чувствовала, что Джон страстно меня желает, да и сама не испытывала ничего подобного. А в романах я читала о том, с каким исступлением люди любят друг друга, как забывают обо всем на свете. Потом я стала читать серьезные книги о сексе и супружестве и переписку с читателями в женских журналах и решила, что в романах — все вранье, что писатели выдумывают и что мне вообще повезло, так как мой муж хоть на что-то способен в постели, а страсть, исступление — это дело десятое. А потом вдруг однажды ночью появился ты, и впервые в жизни я почувствовала, что в ком-то я вызываю страстное желание.

Далее в монологе Джой наступила пауза, поскольку Филипп представил ей пылкое подтверждение того, насколько обоснованны ее чувства. Через некоторое время Джой продолжила свой рассказ.

— Когда я сидела напротив тебя на диване, а Джон разглагольствовал по поводу фонетики, экзаменационной системы и лингафонных кабинетов, я ощущала, как от тебя, словно радиоактивность, исходит желание и прожигает мой халат. Меня удивляло, что Джон ничего не

замечает — настолько, что собирается уехать и оставить нас наедине. Ты словно заворожил и наэлектризовал меня. Но в тот момент у меня и в мыслях не было подпустить тебя к себе, да я и не верила, что ты рискнешь ко мне приблизиться. Я так была в себе уверена, что без всяких опасений позволила Джону уехать в Милан. Но когда, проводив его, я вернулась в гостиную и увидела, что тебя трясет, меня тоже охватила дрожь — ты это заметил? А потом, когда мы перешли в спальню и тебя затрясло еще сильнее, я будто попала в активную зону ядерного реактора, достигшего — как там говорят — критического состояния, и поняла, что если я чего-нибудь не предприму, то тебя разнесет на части, или ты прожжешь в полу дырку, или твоя страсть испепелит тебя.

— Я только что вернулся с того света, — вздохнул, припоминая, Филипп. — А ты была сама жизнь, ты была так прекрасна. Я снова почувствовал себя живым. *Ты* воскресила меня.

— Я отняла руки от руля, — сказала Джой. — И полетела с тобой в пропасть, потому что никто никогда не желал меня, так сильно.

Рано поутру они сидели друг против друга в вагоне-ресторане и, сцепив под столом руки, а свободными — держа чашки, потягивали горячий

чай. Поезд катился вдоль азиатского побережья Мраморного моря, проезжая через прелестные городки и деревушки. Среди домов проглядывала растительность — деревья, кусты и виноградники. Пейзаж был свежим и зеленым, не в пример голым и безрадостным холмам Анкары. В иных садах те, кому не спится, поливали цветы или просто покуривали в теплых косых лучах восходящего солнца, махая рукой проходящему поезду.

— А ты исчез без следа и не написал мне ни строчки, — сказала Джой.

— Я не знал, как это сделать, чтобы не скомпрометировать тебя, — ответил Филипп. — Я думал, что ты не захочешь этого. В тот день, когда я уезжал из Генуи, ты была холодна со мной, и мне показалось, что ты хочешь поскорее обо всем забыть.

— Да, я хотела этого, — сказала Джой. — Но поняла, что это невозможно.

— А вскоре после этого я прочел в газетах, что тебя нет в живых.

— Я об этом как-то не подумала. Но газеты потом напечатали опровержение.

— Наверное, я его пропустил, — сказал Филипп. — Но ведь и ты могла написать мне, особен-

но когда твой муж… Ну то есть когда ты стала…

— Свободна? Я не хотела вмешиваться в твою жизнь. Я все о тебе узнала. Женат, трое детей — Аманда, Роберт и Мэтью. Жена Хилари, урожденная Брум, дочь подполковника А. Брума и миссис Дж. Брум. Я не хотела разбивать твой брак.

— От брака мало что осталось, — сказал Филипп. — Дети уже взрослые, а Хилари во мне разочаровалась. Десять лет назад мы чуть не расстались. Наверное, так и надо было сделать. — Грудь Хилари, мелькнувшая в вырезе ночной рубашки, стерлась из его памяти, вытесненная более свежими и яркими впечатлениями: короткие цилиндрические соски Джой, так чудно твердеющие под его рукой. — Для Хилари я теперь только помеха, — откровенно сказал Филипп. — Без меня ей было бы лучше.

— В этом месте Азия встречается с Европой, — сказала Джой, когда они с Филиппом ехали в потрепанном такси по длинному подвесному мосту. Под ним огромные танкеры и множество судов поменьше бороздили воды Босфорского пролива. Справа зеленели холмы, усеянные белыми точками домов, а слева купола и минареты рисовали силуэт огромного города, позади ко-

торого пролив сменялся морской ширью. — Это Мраморное море, — пояснила Джой. — А Черное море — на другом конце Босфора.

— Какое великолепие, — сказал Филипп. — Это сочетание воды, неба и холмов напоминает мне штат Эйфорию, тот вид из окна, который всякий раз восхищал меня, когда по утрам, проснувшись, я раздвигал шторы. Босфор — это колыбель античного мира.

— Давай мы вот что сделаем, — сказала Джой. — Доедем на такси до Галатского моста, а затем на катере доплывем по Босфору до Богазичи, района, в котором я живу. Лучший вид на Стамбул открывается с моря.

Филипп сжал ей колено.

— Ты — моя Эйфория, ты — моя Новая земля!

Через полчаса они стояли рука об руку на палубе белого пароходика, который удалялся по водам Босфорского пролива от шумной пристани. Джой показывала ему достопримечательности.

— Это Айя-София, а там Голубая мечеть. Мы потом сходим туда. За мостом бухта Золотой Рог. А дальше Мраморное море, на дне которого лежат обломки кораблекрушений.

— Они здесь часто случаются?

— При таком количестве судов на воде — да,

и чаще всего сталкиваются большие танкеры. Иногда они врезаются в дома на краю пролива. Поэтому я сняла квартиру повыше.

— Так я остановлюсь у тебя? — спросил Филипп.

Джой нахмурилась.

— Не думаю, что это будет удобно. С нами живет турецкая няня, да и дети будут задавать вопросы. Так что уединения не гарантирую. Но неподалёку от нас есть неплохая гостиница, где я смогу тебя навещать. Но обедать ты, конечно, будешь у нас.

— Значит, проводить ночи мы будем врозь? — жалобно спросил Филипп. — А мне так хочется проснуться утром и увидеть тебя рядом.

— Всего, что хочешь, сразу получить невозможно, — улыбнулась Джой.

Пароходик, лавируя среди морского транспорта, поднимался вверх по Босфору, то и дело подходя к маленьким деревянным пристаням, напоминающим автобусные остановки. Свернув с курса и взбивая пену гребными винтами, он причаливал к берегу, пассажиры, груженные сумками и чемоданами, быстро сходили на берег, другие также торопливо всходили на борт, звенел колокольчик, и пароходик отчаливал. Старинные постройки на берегу постепенно сменялись

современной архитектурой, а пейзаж становился все более зеленым. У одного из причалов, навевавшего мысли о морских курортах, Джой свела Филиппа на берег, и на такси они поехали к ней домой. Дом, где она жила, стоял на дороге, круто уходившей в гору и обрамленной каменными стенами, заросшими виноградными плетями. Когда они подъезжали, из окон квартиры Джой послышались детские крики и визги. Филипп дал водителю заранее оговоренную Джой сумму («Если сразу же не скостить половину того, что они просят, тебя обдерут как липку», — предупредила она Филиппа).

— Дети удивятся моему быстрому возвращению, — заметила она.

— А что ты им скажешь?

— Ну, скажу, что собрание отменили или еще что-нибудь в этом роде.

Дети уже мчались вниз по лестнице навстречу матери, а вслед за ними спешила пухленькая улыбающаяся девушка с темнеющими, как изюм в булке, глазами на круглом загорелом личике.

— Осторожно! — кричала она. — Джерард! Миранда! Не так быстро!

Филипп узнал Джерарда. — он встретил Филиппа тем же настороженным взглядом, каким

повсюду следил за ним в Генуе. Миранда, которой на вид было года три, здороваясь с ним, ласково улыбнулась.

— Мама, ты привезла нам подарки? — спросил Джерард.

У Джой вытянулось лицо.

— Ох, у меня совсем не было времени. Я вернулась так неожиданно.

— А у меня кое-что есть, — сказал Филипп. — Вы любите восточные сладости? — Он открыл чемодан и вынул коробку рахат-лукума с ароматом розы и миндаля. — Это из Анкары. Мне сказали, что это самый лучший.

— Но ты, наверное, вез его кому-то другому? — спросила Джой.

— Нет-нет, — ответил Филипп, который и в самом деле купил его для Хилари. — В любом случае я могу купить его и здесь.

— Ну, тогда каждому по кусочку, — сказала Джой. — Отдайте коробку Селине и скажите спасибо профессору Лоу.

— Называйте меня Филипп, — попросил он.

— Спасибо, — нехотя отозвался Джерард с набитым ртом.

— Спасибо, Флип, — сказала Миранда.

— Отведи Филиппа в дом, Миранда, — сказала

Джой.

Девчушка, схватив Филиппа липкой ручкой, повела его вверх по крутым ступенькам, которые вели в квартиру. Филипп неожиданно для себя проникся симпатией к этой крохе, к ее доверчивому взгляду и улыбчивому личику. Позже, когда они с Джой сидели на балконе, он со второго этажа наблюдал, как Миранда играет в саду с куклами. Они пили кофе (это было редкое для Турция удовольствие, способное довести людей до обморочного состояния), и Джой вкратце пересказывала ему историю своей вдовьей жизни.

— Конечно, я могла бы остаться в Англии и жить на пенсию Джона, но эта мысль показалась мне столь удручающей, что я убедила членов Британского Совета помочь мне выучиться на библиотекаря и подыскать соответствующую работу. Большого энтузиазма они не проявили, и мне пришлось оказать на них моральное давление. Но библиотекарь из меня получился неплохой.

— Я в этом не сомневаюсь, — рассеянно сказал Филипп, глядя в сад. Миранда, рассадив кукол полукругом, что-то серьезно им втолковывала. — Интересно, о чем это Миранда рассказывает куклам?

— Наверное, о тебе, — сказала Джой. — Ее поразила твоя бородка.

— Правда? — Филипп рассмеялся и смущенно потеребил себя за бороду. Но почему-то остался доволен этой новостью. — Какая прелестная девочка. Она на кого-то очень похожа, но я не могу понять, на кого.

— Не можешь? — Джой бросила на него несколько странный взгляд.

— Вроде не на тебя… — Нет, не на меня.

— Наверное, на твоего мужа, хотя я плохо его помню. — Нет, она похожа не на Джона. — А на кого тогда?

— На тебя, — сказала Джой. — Она похожа на тебя.

Спустя четыре дня, сидя в турецком «Боинге-727» и глядя из окна на заснеженные альпийские хребты, Филипп вспоминал, какой головокружительный эффект произвела на него произнесенная Джой фраза — «Она похожа на тебя», — и в который раз обливался холодным потом. Эта игравшая в саду крошечная девочка, этот нежный комочек, состоящий из светлых волос и загорелого тельца в белом комбинезоне и по размеру едва ли превосходящий своих кукол, — дитя его чресл?! И целых три года его кровинка, как неот-

крытая звезда, вращалась по орбите его жизни, а он об этом не знал не ведал?!

— Что? — выдохнул он в ответ, услышав новость, — ты хочешь сказать, что Миранда — моя… наша… Ты уверена?

— Не вполне, но ты не можешь не признать, что сходство с тобой поразительное.

— Но ведь… — хватая ртом воздух и с трудом подыскивая слова, он спросил: Но ты же сказала мне в ту ночь, что у тебя… что ты… что все в порядке…

— Я сказала неправду. В то время я прекратила принимать противозачаточные таблетки, поскольку мы с Джоном пытались зачать ребенка. Я боялась, что, скажи я тебе, и все волшебство пропадет, ты ничего не сможешь. Это было подло?

— Это было чудно, это было великолепно, но почему, почему же ты мне не сообщила?!

— Сначала я не могла понять, от кого беременна, от тебя или от Джона. Известие о катастрофе вызвало преждевременные роды. Когда же я заглянула Миранде в глаза, то поняла, что это твой ребенок. Но какой был смысл говорить тебе об этом?

— Я бы развелся с Хилари и женился на тебе.

— Вот именно. Я уже говорила тебе: как раз

этого я совсем не желала.

— Но именно это я и собираюсь сделать теперь, — сказал Филипп.

Джой помолчала. И потом сказала, не глядя на него и рисуя пальцем круги в кофейной лужице на пластиковом столе:

— Когда я узнала, что ты едешь в Турцию, то решила, что не должна видеться с тобой, — опасалась, что тогда все кончится. Накануне твоего приезда в Стамбул я устроила себе поездку в Анкару — Алекс Кастер уже давно звал меня пообщаться с людьми из Британского Совета. Я следила за твоими передвижениями и наметила свой приезд в Анкару как раз на день твоего отъезда. Но просчиталась всего на час-другой. Когда я пришла к Кастерам, они сказали, что вечером ты будешь у них.

— Это судьба, — сказал Филипп.

— Да, я тоже так подумала, — сказала Джой. — И потому приехала на вокзал.

— В последнюю минуту, — заметил Филипп. — Хотела, чтобы у судьбы был шанс передумать.

Юг Англии был затянут плотными облаками. Когда самолет, спускаясь, пробил их толстую вату, солнце исчезло, будто его выключили; под облаками шел дождь. Пока самолет рулил по

посадочной полосе Хитроу, его иллюминаторы затянуло водяными струями. Дожидаясь своих вещей в душном аэровокзале, Филипп чувствовал, как по мере отдаления ярких воспоминаний недавних дней на него находит уныние и желание замкнуться в своей скорлупе. Он сел в кресло, прикрыл глаза и мысленно прокрутил от начала до конца свой любительский фильм о Стамбуле и его достопримечательностях, запахах и звуках; увидел мечети и минареты, воду Босфора и небо; влажноватый ковер Голубой мечети у них под ногами и ее грандиозный купол; сверкающие, как драгоценные камни, витражи в Дворцовом гареме; узкие, как тюремные, лестницы Стамбульского университета с солдатом на каждой площадке; лабиринты огромного крытого рынка; прибрежный ресторан, в окно которого проходящий теплоход плеснул волной, окатив с головы до ног большую компанию обедающих; гостиница, в которой они с Джой занимались любовью, — мимо ее окон проходили русские танкеры, перекрывая огромными бортами льющийся сквозь жалюзи предвечерний свет. Когда солнце заглянуло к ним в комнату, Филипп опустил жалюзи, так что его лучи расчертили тело Джой и зажгли огнем светлые волосы у нее на

лобке. Он назвал их золотым руном, памятуя о близости Геллеспонта. Проводя седой бородой по ее животу, он с грустной улыбкой говорил о том, что подмешивает свое тусклое серебро в ее драгоценное золото, намекая на контраст между ее прекрасной, все еще юной фигурой и своим жилистым немолодым телом. Она ласково гладила его по голове: «С тобой я чувствую себя желанной, а это самое главное». Он зарывался в нее носом, вдыхая ароматы морского берега: кожа ее бедер была нежна, как шляпка гриба, а на вкус она была свежа и чуть солона, как морской моллюск.

— Ах, — тихонько выдохнула она, — как это восхитительно!

Открыв глаза, Филипп обнаружил, что его сумки одиноко крутятся на багажной карусели. Он подхватил их, испытывая некоторое неудобство от возбуждения, вызванного сладкими грезами, и помчался по направлению к первому аэровокзалу, едва успевая на стыковочный рейс на Раммидж.

И снова Филипп ненадолго оказался между небом и землей под ярким солнцем — в трескучем легкокрылом самолетике, который, снова пропоров серый облачный тюфяк и покружившись над вымокшими домами и блестящими от до-

ждя автострадами, пошел на посадку в аэропорт Раммиджа. Увидев встречающую его Хилари, Филипп не только удивился, но и смутился. Обычно он добирался домой на такси — надеясь и в этот раз на завершающей стадии путешествия в одиночестве продумать свой разговор с женой. Но она не поленилась приехать в аэропорт и, стоя на балконе аэровокзала в старом бежевом плаще, энергично махала Филиппу, глядя, как выгрузившись из самолета, он с другими пассажирами, перепрыгивая через масляные лужицы, шагает по бетонной полосе.

В зале прибытия Хилари бросилась к Филиппу и крепко его расцеловала:

— Милый, с приездом! Я так рада, что ты жив и здоров! У нас столько новостей. Ты читал рецензию?

— Нет, — сказал он. — Какую рецензию?

— В литературном приложении к «Таймс». Редьярд Паркинсон, не скупясь на похвалы, отрецензировал твою книгу о Хэзлитте — статья заняла почти две страницы.

— Кто бы мог подумать! — удивился Филипп, чувствуя, что краснеет от радости. — Это, наверное, Моррис посодействовал. Нужно будет поблагодарить его письмом.

— Боюсь, что это не так, — сказала Хилари, — потому что в той же самой рецензии Паркинсон последними словами ругает книгу Морриса. Он отрецензировал ее вместе с твоей.

— О боже мой, — сказал Филипп, испытав при этом подленькое злорадство.

— «Санди таймс» и «Обсервер» уже попросили твои фотографии, и Феликс Скиннер — он на седьмом небе от радости — сказал, что они тоже напечатают рецензию. Из фотографий я смогла найти только любительский снимок, где ты на пляже и в шортах, но, скорее всего, им нужна только голова.

— Ну надо же! — сказал Филипп.

— И еще у меня есть для тебя новость. Она касается меня. — Какая новость?

— Сейчас я схожу за машиной, а ты постой здесь с сумками.

— Я тоже хотел тебе кое-что сказать.

— Подожди, пока я подгоню машину.

Подъехав к крыльцу аэровокзала, Хилари предложила Филиппу сесть за руль, но он предпочел ехать пассажиром. Машину Хилари повела лихо — шумно газуя при переключении скоростей и резко тормозя на красном свете. Миновав знакомые глазу пригороды, она выложила свою

радостную новость:

— Я нашла себе работу, милый. Ну, пока это не вполне работа, но это то, чем мне действительно хочется заниматься и что действительно меня интересует. Я ходила на собеседование и почти уверена, что меня возьмут на курсы подготовки.

— Что это за работа? — спросил Филипп. Повернувшись к нему, Хилари расплылась в счастливой улыбке.

— Консультант по вопросам семьи и брака, — сказала она. — Не понимаю, почему я раньше об этом не подумала. — Она снова переключила внимание на дорогу.

— Понятно, — сказал Филипп. — Это должно быть интересно.

— Потрясающе интересно! С нетерпением жду начала учебы. — Она снова взглянула на Филиппа. — А ты, я смотрю, реагируешь без энтузиазма.

— Надо сказать, эта новость довольно неожиданна, — ответил Филипп. — Я к ней не был готов. Но уверен, что у тебя получится.

— Да, — сказала Хилари. — Мне кажется, я в этом кое-что понимаю. То есть я хочу сказать, мы с тобой много чего пережили, но несмотря на это мы до сих пор вместе.

— Да, — ответил Филипп. — Мы до сих пор вместе. — Он стал смотреть в окно на знакомые вывески магазинов, в витринах которых теснились холодильники, музыкальные центры, телевизоры и кухонная мебель.

— Ты тоже что-то хотел сказать мне? — спросила Хилари.

— Да нет, ничего, — ответил Филипп. — Ничего особенного.

Часть IV

1

м-и-м-и-м-м-м-м-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И!

Для иных людей нет более сладостного звука, чем истошный вой трех или четырех реактивных двигателей в те минуты, когда самолет на краю взлетной полосы отпускает тормоза, готовясь к старту, причем опасность и упоительность момента при этом неразделимы. И обратной дороги нет: привязав себя ремнями к креслу, вы вручили свою жизнь современной технике. Теперь остается только расслабиться и получить удовольствие. И-И-И-И-И-И-И-И-И-И! Поехали! Вы поясницей чуете резкий рывок самолета, в иллюминаторе трава на взлетном поле большой зеленой кляксой летит в обратном направлении, потом исчезает из виду, и вот вы уже в воздухе. Самолет ложится на крыло, чтобы вы могли бросить прощальный взгляд на родную землю, сверху на удивление плоскую и однообразную, а затем, пробив облака, вырывается на солнечный простор. Табличка «Не курить» гаснет, а тихое звяканье бутылок в бортовой кухне возвещает о том, что скоро будут разносить напитки. И-И-И-И-И-И-И-И-И-И!

Европа, а вот и мы! Или Азия, или Америка, или другая часть земного шара. На дворе июнь, месяц, когда открывается сезон международных конференций. Правда, в Оксфорде или в том же Раммидже студенты, как арестанты в колодках, всё еще сидят в экзаменационных аудиториях, зато их преподаватели, пока не получили работы на проверку, на несколько дней вполне могут исчезнуть. А в Северной Америке учебный год уже закончен, экзамены сданы, дипломы вручены, и профессорско-преподавательский состав с полным правом получает дорожные гранты и направляется на восток, или на запад, или куда ему заблагорассудится.

Академический мир приходит в движение. В трансатлантических лайнерах больше половины мест занимают университетские преподаватели. Багаж их по весу превышает норму — он отягощен книгами и бумагами — и довольно громоздок, поскольку в нем не только официальный гардероб для посещения заседаний, но и одежда для отдыха: походов на пляж, или в музей, или в собор, или на концерт. Этим и привлекательны конференции: они позволяют совмещать полезное с приятным, то есть профессиональные занятия с туризмом, за деньги из чужого кармана. Написал

статью — увидел мир. Я — Джейн Остен, пустите меня в полет! Или Шекспир, или Т. С. Элиот, или Хэзлитт — все это билеты на реактивные аэробусы. И-И-И-И-И-И-И-И-И-И!

Воздух гудит голосами странствующих ученых мужей: они задают вопросы, жалуются, дают советы, обмениваются забавными историями. Какой авиакомпанией вы летели? Сколько звездочек имеет ваша гостиница? Почему в конференц-зале нет кондиционеров? Салата не ешьте, овощи здесь удобряют человеческими фекалиями. В компании «Лейкер» билеты дешевые, зато их аэровокзал в Лос-Анджелесе — дыра дырой. В «Суисэйр» вас накормят по первому разряду. «Катей-Пасифик» в экономическом классе предлагает бесплатную выпивку. «Пан-Американ» вечно опаздывает, хотя в этом смысле «Югославские авиалинии» вообще хуже некуда. «Квантас» среди международных авиакомпаний имеет лучшие показатели по безопасности полетов, а «Коломбия» — худшие: каждый третий рейс не долетает до конечного пункта (согласен, я слегка преувеличиваю). На борту самолетов компании «Эль-Аль» сидят переодетые полицейские с автоматами в кейсах — при малейшем подозрении они стреляют в упор, поэтому, если не хотите,

чтобы вас приняли за угонщика, ручку из кармана вынимайте не спеша и с улыбкой на лице. Слышали об ирландце, который пытался угнать самолет в Дублин? А он и так туда летел! И-И-И-И-И-И-И-И-И-И!

Но угон самолета — не единственная опасность современных авиапутешествий. Каждое лето на международных авиалиниях случаются неприятности: то забастовка французских авиадиспетчеров, то саботаж английских грузчиков, то война на Ближнем Востоке. В этом году после крушения в чикагском аэропорту О'Хейр был снят с эксплуатации авиалайнер «ДС-10»: потеряв при взлете один из двигателей, он упал на землю, и все пассажиры погибли. Черный ящик зафиксировал последнее слово капитана: «Проклятие!» Не менее крепкие выражения слетают с уст пассажиров, атакующих стойки туристических агентств в попытке обменять билеты на «Боинги» или «Трехзвездные Локхиды» других авиакомпаний или, в крайнем случае, довольствоваться местом на допотопном тихоходе «ДС-8» (без телеэкранов и с вечно засоренными туалетами) и добираться до Европы через Ньюфаундленд и Рейкьявик. Этим летом многие участники конференций прибывают в пункт назначения в более

раздраженном и измотанном состоянии, и звук затихающих самолетных двигателей кажется им божественной музыкой. Однако потребность в информации у них ничуть не уменьшилась, и гул их голосов по-прежнему несмолкаем.

Сколько давать на чай? Как добраться из аэропорта в центр города? Вы хоть что-нибудь понимаете в местных ресторанных меню? В Бангладеше таксистам на чай дают десять процентов, в Италии — пять, в Мехико вообще не дают, а в Японии чаевыми вы даже оскорбите таксиста. От аэропорта Нарита до центра Токио — сорок километров. Туда идет быстрая электричка, но в центре города остановка у нее считанные секунды, так что лучше ехать автобусом. По-гречески автобусная остановка будет «стасис». Жареные яйца по-польски называются «яешнице»; слово как будто звукоподражательное — если вам вообще удастся его выговорить. В Израиле на завтрак вам подадут яйца всмятку, но холодные — гадость. В Корее на завтрак едят суп; его же едят на обед и на ужин. В Норвегии обедают в четыре часа пополудни, в Испании — в десять вечера. В Токио ночные клубы закрываются в половине двенадцатого ночи, а в Берлине они в это время только открываются.

О, это удивительное многообразие языков, блюд и обычаев разных стран и народов! Но не менее удивительно то, как быстро ученый люд, связанный общими интересами, преодолевает различие культур. По всему свету — в гостиницах, университетских общежитиях, в научных центрах, в шато, на виллах, в загородных резиденциях, в столичных городах, курортных местечках, на берегах озер, среди горных вершин, на побережьях южных и северных морей — странствующие ученые всех цветов кожи собираются, чтобы обсудить романы Томаса Гарди, или приписываемые Шекспиру пьесы, или постмодернистский рассказ, или поэтику имажизма. Но конечно, не все из проводимых в это лето конференций посвящены английской литературе, отнюдь нет. В это же время собираются конференции на темы французского средневекового шансона, или испанской поэтической драмы шестнадцатого века, или течения в немецкой литературе под названием «Буря и натиск», или сербских народных песен; на иных конференциях обсуждают династии античного Крита, или историю северо-западной Шотландии, или политику Бисмарка, или социологию спорта, или экономические противоречия монетаристской

доктрины; проводятся конференции, посвященные физике низких температур, микробиологии, патологии полости рта, квазарам и теории катастроф. Иногда две конференции размещаются под одной крышей, из чего возникают забавные недоразумения. Известен случай, когда один медик лишь на двадцатой минуте доклада «К типологии климакса» сообразил, что попал не на ту конференцию.

В целом, тематические сборища ученых — это клубы для избранных. Каждый имеет свой жаргон, сложившийся порядок подчинения, информационный бюллетень и профессиональную ассоциацию. Его члены собираются вместе раз в году, на очередной конференции. И пошло-поехало: «привет — как-поживаете — чем-занимаетесь»? За бокалом спиртного, на обеде, в перерыве между докладами. Нам с вами надо пропустить по стаканчику; давайте вместе пообедаем или позавтракаем. Смысл проведения конференции заключается именно в неформальном общении, а не в ее научной программе с докладами и семинарами, которые якобы собрали вместе ее участников и которые наводят на них же невыносимую скуку.

Любая научная проблема и посвященная ей

конференция — это особые планеты, которые, однако, объединяются в созвездия, так что опытный путешественник по интеллектуальной вселенной (например, такой как Моррис Цапп) может переместиться из одного созвездия в другое и появиться в Амстердаме как семиотик, в Цюрихе — как специалист по Джеймсу Джойсу, а в Вене — как нарратолог. Родной для него английский — большой плюс, поскольку он стал международным языком теории литературы, а многие конференции объединяет именно теория. Этим летом на всех конференциях, куда только ни заносило Морриса, у всех на устах один и тот же вопрос: кто получит должность профессора-литературоведа при ЮНЕСКО? Какое предпочтут теоретическое направление — формализм, структурализм, марксизм или деконструктивизм? Или же место достанется неразборчивому в теориях либералу-гуманисту, а то и противнику всяких теорий вроде Филиппа Лоу?

— Филипп Лоу? — недоверчиво переспрашивает Морриса Цаппа Сай Готблатт. На календаре — 15 июня, канун «Дня Блума», международный симпозиум по Джеймсу Джойсу в Цюрихе перевалил за экватор, и его участники толпятся в пабе «Джеймс Джойс» на Пеликанштрассе. Паб

— с его панелями красного дерева, плюшевыми диванчиками и медными украшениями — настоящий, дублинский, едва не погибший от руки ирландского строительного подрядчика и по частям перевезенный в Швейцарию, а затем любовно восстановленный в городе, где создатель «Улисса» пережидал Первую мировую войну и умер во время Второй. В баре витает подлинный ирландский дух — только вот чистота в нем, особенно в туалете, на кафельном полу которого можно при желании пообедать, не идет ни в какое сравнение со зловонным свинюшником, каковой обнаружится в любом из подобных заведений города Дублина.

— *Филипп Лоу?* — повторяет Сай Готблатт. — Ты шутишь.

Сай — старый приятель Морриса еще по штату Эйфория, из которого он пять лет назад уехал в Пенсильванию, переключив свои научные интересы с Хукера[55]на более перспективную область литературоведения. Сай — смуглый привлекательный мужчина, немного франт, хотя не вышел росточком: высматривая в толпе знакомых, то и дело поднимается на цыпочки.

---

[55] Примечания: 55

Хукер Томас (1586–1647) — английский пуританский писатель и священник, один из основателей поселения Коннектикут в Америке.

— Я бы и рад пошутить, — говорит Моррис, — но кто-то на днях прислал мне вырезку из лондонской газеты, в которой сказано, что Лоу называют сторонним кандидатом на эту должность.

— И каковы его шансы? Один к девяти миллионам? — спрашивает Сай Готблатт. Он запомнил Лоу исключительно по салонной игре «Уничижение», которой англичанин испортил им с Беллой вечеринку в далекие уже годы. — У него ведь нет ни одной приличной публикации.

— Нет, как раз сейчас все только и говорят о его совершенно пустопорожней книге о Хэзлитте, — возражает Моррис. — В литературном приложении к «Таймс» Редьярд Паркинсон напечатал о ней восторженную рецензию. Англичане помешались на отрицании всех и всяческих теорий и просто тащатся от книги Филиппа Лоу.

— Я слышал, что консультантом конкурсной комиссии будет Артур Кингфишер, — говорит Сай Готблатт. — Как он может порекомендовать на эту должность человека, который не признает никаких теорий?

— Именно в этом я и стараюсь себя убедить, — отвечает Моррис. — Но того и гляди старикан отколет какой-нибудь номер. Кингфишер не допускает мысли, что между нами найдется такой

же талант, каким он сам был в свои лучшие годы, поэтому в доказательство он может поддержать такого болвана, как Лоу.

Сай Готблатт залпом допивает свой «Гиннес» и морщится.

— Ну и пойло, — говорит он. — Может, заглянем в другое место? На той стороне реки я обнаружил бар, где можно выпить «Будвайзер».

Прикарманив в качестве сувениров подставки под пивные кружки, приятели начинают пробиваться к выходу, — эта процедура занимает некоторое время, поскольку на каждом шагу то один, то другой натыкается на старых знакомых. Моррис! Сай! Рад тебя видеть! Как Белла? Как Дезире? О, извини, не знал. Над чем ты сейчас работаешь? Давай как-нибудь выпьем пивка, давай пообедаем, давай позавтракаем. И вот они наконец на улице; вечер тих и приятен. Улицы почти пустынны, все вокруг дышит спокойствием и порядком. Ярко светятся магазинные витрины, соблазняя богатых обывателей Цюриха предметами роскоши. Витрина швейцарской компании «Суисэйр» увешана моделями самолетов — они сделаны из белых цветочных бутонов и болтаются на длинных нитях на манер мобиля, Моррису они напоминают цветочные венки,

— Подходящее было бы название для самолета «ДС-10», — замечает он. — «Летающий похоронный венок».

Черный юмор — следствие его мрачного настроения. Последнее время Моррису не везет. Сначала против его книги ополчился Редьярд Паркинсон в литературном приложении к «Таймс». Потом его доклад скверно приняли в Амстердаме. Группа оголтелых феминисток — он не удивится, если узнает, что они подкуплены его бывшей женой, — ошикала его, когда он проводил аналогию между интерпретацией текста и стриптизом. Заслышав слова «Заглянув во влагалище, мы обнаружим, что в созерцании прекрасного оказались по ту сторону удовольствия», они стали скандировать: «Пошел ты в пизду!» Юный МакГарригл, к которому в трудную минуту он мог бы обратиться за поддержкой или на худой конец за сочувствием, внезапно исчез, не сказав ни слова. И вот теперь эта новость, что Филиппа Лоу могут выдвинуть на должность в ЮНЕСКО. В сущности, полный бред, который в печатном виде стал подозрительно смахивать на правду.

— Кто прислал тебе эту вырезку? — спросил его Сай Готблатт.

Моррис не знает. Между тем это не кто иной, как

Говард Рингбаум, который обнаружил заметку в лондонской «Санди таймс» и анонимно послал ее Моррису, верно рассчитав, что она огорчит и встревожит американца. Но кого посетила мысль упомянуть имя Филиппа Лоу в этой газете? Мало кому известно, что это Жак Текстель. Получив от Редьярда Паркинсона экземпляр его рецензии «Английская школа критики», а вместе с ней заискивающее письмо и припомнив, с каким высокомерием и самодовольством тот вел себя в Ванкувере, Текстель ошибочно решил, что Паркинсон заинтересован в продвижении в ЮНЕСКО не себя, а Филиппа Лоу. Именно Текстель за обедом в шикарном ресторане «Плас Фонтеной» вскользь упомянул имя Филиппа своему английскому зятю, журналисту «Санди таймс»; зятю же, которому заказали статью о возрождении английских краснокирпичных университетов[56], недоставало фактов, и он посвятил целый абзац преподавателю из Раммиджа, чья книга наделала шуму и чье имя теперь фигурирует в связи с предполагаемой должностью профессора-ли-

[56] Примечания: 56

Разговорное название университетов, появившихся в XIX — начале XX в.; частично субсидируются местными органами власти и имеют курсы подготовки специалистов для местной промышленности. (Здания обычно построены из красного кирпича.)

тературоведа при ЮНЕСКО, — открыв газету «Санди таймс» со злополучной статьей за обедом в профессорской столовой Колледжа Всех Святых, Редьярд Паркинсон от злости подавился куском рыбы.

Моррис и Сай перешли по мосту через Лиммат. Бар, который днем обнаружил Сай, расположился в самой гуще злачного квартала. Официально зарегистрированные проститутки с присущим швейцарцам порядком строго по одной стояли на углах кварталов. Наряды их живописны — на все вкусы взыскательной публики. Вот, например, классическая шлюха в короткой красной юбке, черных чулках в сеточку и на шпильках; вот пышущая здоровьем тирольская пастушка в широкой юбке в сборку и жилетке с вышивкой, чуть подальше — эффектная манекенщица в кожаном парашютном костюме в обтяжку. Издалека видно, что они отмыты до хруста — как туалеты в пабе «Джеймс Джойс». Сай Готблатт, чья жена Белла гостит у матери в штате Мэн, с нескрываемым интересом разглядывает швейцарских продажных женщин.

— Интересно, какие у них цены? — тихонько спрашивает он Морриса.

— Ты с ума сошел? На конференциях трахаются

бесплатно.

Моррис знает что говорит. Впрочем, если подумать, что тут удивительного: мужчины и женщины, у которых много общих интересов — гораздо больше, чем они разделяют с супругами, — вдруг оказываются вместе в необычной обстановке и далеко от дома. На неделю-другую они сбрасывают с себя груз домашних забот и предаются непривычному для них сибаритству: бросают на пол полотенца в ванной, чтобы их убрала горничная, обедают в ресторанах, летними вечерами сидят с рюмочкой в кафе под открытым небом, вдыхая ароматы кофе, дорогих сигар, коньяка и бугенвиллей. Они едва держатся на ногах от усталости и от избытка впечатлений, они слегка навеселе, им не хочется расходиться и проводить ночь в одиночку. Истратив чуть не всю свою жизнь на умственный труд и ради него подавляя зов плоти или направляя его в полезное русло, они попадают в тот рай, который живописал поэт Уильям Йейтс:

Но в радость труд бывает только там,
Где тело и душа не знают о разладе.
Не из отчаянья родится красота,

Не тот умен, кто время на ученье тратит[57]

Душа услаждается в конференц-залах и аудиториях, а тело в ресторанах и ночных клубах. При этом душа с телом остаются в ладу. Вы можете говорить о науке — фонетике, деконструкции, пасторальных элегиях, ломаных метафорах — и одновременно обедать, выпивать, танцевать или плавать в бассейне. Сделав для себя столь неожиданное открытие, университетские преподаватели пускаются во все тяжкие и творят такое, что немало удивило бы их супругов или сотоварищей по работе: ночь напролет скачут на дискотеках, в винных погребках горланят до хрипоты песни, с цветами в зубах танцуют в кафе на столиках, в полночь нагишом купаются в море, разгуливают по ярмаркам, катаются на американских горках, визжа и вцепляясь друг в друга на особо крутых подъемах и спусках: И-И-И-И-И-И-И-И-И-И! Что же тут странного, если в конце концов они ложатся вместе в постель? Им хочется вернуть утраченную молодость, убедить себя, что они отнюдь не ученье сухари, а полные жизни, нормальные люди из плоти и

[57] Примечания: 57
Из стихотворения «Среди школьников».

крови, которую способно взволновать любовное прикосновение. Вернувшись домой и отвечая на расспросы друзей и домашних, они говорят, что конференция была интересной — не столько благодаря докладам (которые, вообще говоря, порядочная скучища), сколько неофициальным знакомствам, которые обычно заводят в подобных случаях.

Разумеется, в академических романах порой случаются неувязки. Например, вас может привлечь коллега, чьи научные труды вы ни в грош не ставите. На венской конференции по нарративу, через несколько недель после симпозиума по Джеймсу Джойсу в Цюрихе, как-то вечером в винном погребке на Михаэлерплац встретились Сай Готблатт и Фульвия Моргана. Несколько раз обменявшись с Фульвией взглядами, Сай, улучив момент, подсаживается к ней за деревянный обшарпанный стол и представляется. Из-за шума в баре он не расслышал ее фамилии, да это и неважно. Взаимные симпатии быстро крепнут. Фульвия живет в гостинице «Бристоль», а Сай в «Императрице Елизавете». «Бристоль» имеет больше звездочек, там они и проводят ночь. И только утром, не без труда удовлетворив эротические запросы Фульвии (он с тоской подумал о

проститутках Цюриха, в постели с которыми вы сами заказываете музыку), Сай наконец узнает фамилию Фульвии и понимает, что перед ним — тот самый ярый приверженец постструктурализма марксистского толка, чью статью о романах в духе потока сознания (Фульвия считает, что буржуазия подавляет рабочий класс, навязывая ему малопонятную литературу) он нещадно раскритиковал в готовящемся к выходу номере журнала «Роман». Все последующие дни конференции Сай послушно ходит по пятам за Фульвией, прячась в кафе при виде знакомых, и важно поддакивает итальянке всякий раз, когда она с набитым пирожными ртом начинает проповедовать необходимости революции.

На конференции по рецептивной эстетике в Гейдельберге Дезире Цапп и Рональд Фробишер просто вынуждены упасть друг другу в объятьях этому их подтолкнул сам ход развития событий. Они здесь единственные писатели и нередко оказываются в одиночестве, — отчасти по собственному желанию, отчасти потому, что их пугает научный жаргон хозяев конференции (сами-то писатели думают, что всякие теории — это вздор, хотя не вполне в этом уверены, поскольку не всё понимают, но сказать об этом открыто тем,

кто оплачивает их расходы, не могут, поэтому отводят душу наедине), и отчасти еще потому, что ученые, разочарованные малым вкладом писателей в конференцию, все чаще предоставляют их самим себе. Пригласивший их Зигфрид фон Турпиц, который мог бы позаботиться о досуге своих гостей, решил, что конференция не удалась, и через пару дней у него появились неотложные дела в другом городе. Дезире и Рональд проводят время вместе, гуляют и разговаривают — гуляют по «Тропе философов» над рекой Некаром или бродят по паркам и развалинам старинных замков, а разговаривают о том, что обычно занимает писателей: о гонорарах, издателях, литературных агентах, книжных продажах, авторских правах и творческом застое. Нельзя сказать, чтобы их связала сильная взаимная симпатия, но между ними нет и антипатии, к тому же никто не хочет показать, что страшится амурных приключений. Накануне конференции они познакомились с сочинениями друг друга, и обоих впечатлило живое и яркое описание любовных сцен, а также общее убеждение в том, что любая случайная встреча мужчины и женщины, которые не противны друг другу, рано или поздно кончится постелью. Одним словом, каждый приписал

другому известную, хотя и чрезмерно преувеличенную, долю сластолюбия и любовного опыта, и это взаимное заблуждение еще больше сблизило их; наконец, одним прекрасным вечером, когда, хмельные после сытного обеда в винном погребке «Замок Гейдельберг», они нетвердой походкой спускались по мощеной дороге к причудливым строениям старого города, Рональд Фробишер, остановившись в тени крепостной стены, вдруг заключил Дезире в объятья и расцеловал.

После этого им не оставалось ничего другого, как лечь в постель. Обоим известен исход художественного повествования, которое начинается подобным образом, — теперь отступление будет означать несостоятельность той или иной стороны. Лишь одно соображение охлаждает пыл Рональда Фробишера, который лежит в постели Дезире и ждет, пока та появится из ванной, — но это не верность Ирме (несколько лет назад, после удаления матки, она отказалась от секса и дала понять мужу, что ничего не имеет против его походов налево, при условии, что он не будет увлекаться всерьез и что об этом не узнают ни она, ни друзья). Рональду неведомо, что такие же мысли беспокоят и Дезире; сбросив одежду, она совершает омовение и прилаживает проти-

возачаточный колпачок (таблетки она отвергает по идейным и медицинским причинам). Потом она забирается в постель к Рональду, и оба, занятые своими мыслями, некоторое время лежат в полном молчании. Наконец Дезире решается завести разговор, а Рональд прокашливается, тоже собираясь поделиться своими сомнениями.

— Я тут подумала…

— Мне пришло в голову…

— Извини.

— Нет, это ты извини.

— Что ты хотел сказать? — Нет, ты скажи первая.

— Я хотела сказать, — начинает Дезире, глядя в темноту, — что, прежде чем мы пойдем дальше, наверное, нам надо кое о чем договориться.

— Да! — с готовностью отвечает Рональд и меняет интонацию на вопросительную: — Да?

— Я имела в виду… — Дезире замолкает. — Это трудно выразить: ты можешь подумать, что я тебе не доверяю.

— Ничего странного, — отвечает Рональд. — У меня точно такие же ощущения.

— Ты хочешь сказать, что и ты мне не доверяешь?

— То, что я собираюсь сказать, может прозву-

чать как недоверие к тебе.

— И что это такое?

— Это… трудно выразить.

— Дело в том, — говорит Дезире, — что с писателем мне раньше спать не приходилось. — И я о том же! — Поэтому я хочу сказать…

— Что ты не хочешь потом прочесть об этом в романе? Или увидеть по телевизору? — Как ты догадался? — Я тоже думал об этом. Дезире хлопает в ладоши.

— Значит, мы обещаем друг другу не использовать то, что произойдет между нами, в качестве литературного материала. Неважно, хорошо это будет или плохо.

— Именно так. Честное бойскаутское.

— Тогда давай трахаться, Рональд, — говорит Дезире, садясь на него верхом.

И-И-И-И-И-И-И-И-И-И! Звук центрифуги в стиральной машине, перед которой сидит Хилари Лоу, очень похож на гул реактивных двигателей, особенно когда она нажимает кнопку, чтобы остановить машину, и пронзительный вой барабана стихает, точно как двигатели аэробуса, когда командир выключает их по завершении долгого путешествия. Однако подобное сравнение не приходит на ум Хилари — открыв стеклянную

дверцу бытового электроприбора, она вынимает влажный и туго сплетенный ком разноцветного белья — поскольку звук этот знаком ей намного меньше, чем ее мужу, который, возможно, и обратил бы внимание на поразительное сходство, если бы не находился в эту минуту в Греции. Частые отлучки Филиппа вызывают у Хилари вполне обоснованное недовольство: развешивая в саду рубашки, трусы, носки и майки, она думает о том, что муж стал возвращаться домой только для того, чтобы, выкинув из чемодана грязную одежду, набить его чистым исподним и свежевыглаженными рубашками и тут же отправиться в новое путешествие.

— Ну что поделаешь, — сказал ей Филипп, перед тем как снова исчезнуть, — Дигби Сомс слезно просит меня поехать в Грецию. Наверное, кто-то в последний момент отказался от лекций.

— Но почему должен ехать именно ты? Ты только что вернулся из Турции.

— Да, я знаю. Но должен же я выручить людей из Британского Совета!

На самом деле все обстояло иначе. Вернувшись из Стамбула, Филипп сразу же позвонил Дигби Сомсу, умоляя чиновника при первой возможности отправить его с лекциями, или на

конференцию, или в летнюю школу, как угодно, но при условии, что это будет юго-восточная Европа. Он уже договорился с Джой встретиться в Израиле на конференции Морриса Цаппа, посвященной будущему литературной критики, но это будет лишь в августе, а ему не терпелось увидеться с ней как можно скорее.

— Хм-м, — сказал Дигби Сомс. — Для Европы время сейчас не самое подходящее, ведь учебный год почти на исходе. Австралия вас не заинтересует?

— Нет, ну зачем в такую даль. Вот Греция была бы в самый раз.

— Почему в самый раз? — настороженно спросил Сомс.

— Я сейчас занимаюсь исследованием классических источников английской поэзии, — не моргнув глазом соврал Филипп. — И мне нужно основание для поездки в Грецию.

— Что ж, постараюсь что-нибудь придумать, — пообещал Дигби Сомс.

И ему удалось организовать небольшой курс лекций в Саллониках и Афинах. «Это не вполне академический визит, — предупредил он Филиппа. — Дорогу мы вам оплатим, а командировочных дать не сможем. Но за лекции вы, вероятно,

получите гонорар».

Филипп полетел в Салоники через Мюнхен, отчитал свои лекции и потом встретился с Джой в Афинах. Пока Хилари в Раммидже развешивает в саду мужнино белье, Филипп и Джой наслаждаются поздним завтраком на залитом солнцем балконе гостиничного номера с видом на Акрополь.

— А жена даст тебе развод? — спрашивает Джой, намазывая маслом рогалик.

— Если я правильно его подгадаю, — отвечает Филипп. — Я вернулся из Турции в твердой решимости сказать ей о нас с тобой, но когда она объявила, что собирается работать консультантом по вопросам семьи и брака, я понял, что это будет жестоко. Это выбьет у нее почву из-под ног на самом старте. Возможно, ей в результате откажут от места. Нетрудно догадаться, какие здесь могут быть резоны: «врачу, исцелись сам» и так далее.

Джой откусывает рогалик и задумчиво жует его. — И что ты думаешь делать?

— Я думаю, — говорит Филипп, с прищуром глядя на Акрополь, который кишит туристами, словно мухами, слетевшимися на кусок сыра, — что нам надо взять напрокат машину и

проехаться в Дельфы.

— Я не говорю об этих выходных, глупый, я имею в виду планы на будущее. Что ждет нас впереди.

— А, — отвечает Филипп. — Ну, наверное, я ничего не буду говорить Хилари, пока она как следует не втянется в работу. Когда она твердо встанет на ноги, то охотно согласится на развод.

— И что потом?

— Потом мы, разумеется, поженимся.

— А где мы будем жить? Надеюсь, не в Рамминдже.

— Так далеко я пока не заглядываю, — говорит Филипп. — Наверное, мне придется искать другую работу. Может быть, в Америке. Ты ведь знаешь, что за последнее время мои акции стремительно выросли. В одной из воскресных газет меня даже упомянули в связи с должностью профессора-литературоведа при ЮНЕСКО.

— Тогда это будет Париж? — спрашивает Джой. — Я была бы не против пожить в Париже.

— Город может быть какой угодно, — отвечает Филипп. — Но все это фантазии, этого места никто не даст. Я и понятия не имею, как мое имя попало в газету.

— Как знать, как знать, — говорит Джой.

В далеком от Греции Дарлингтоне Робин Демпси тоже читает воскресные газеты.

— ПРИВЕТ! КАК САМОЧУВСТВИЕ? — спрашивает Элиза.

— УЖАСНОЕ, — печатает в ответ Робин Демпси.

— ЧТО ИМЕННО ВЫ ИМЕЕТЕ В ВИДУ ПОД СЛОВОМ «УЖАСНОЕ»?

— Я ЗОЛ. Я С ТРУДОМ ВЕРЮ В ПРОИСХОДЯЩЕЕ. МНЕ ЗАВИДНО.

— ЧТО ВЫЗВАЛО У ВАС ЭТИ ЧУВСТВА?

— ПРОЧИТАННАЯ В ГАЗЕТЕ ЗАМЕТКА О ФИЛИППЕ ЛОУ.

— РАССКАЖИТЕ О ФИЛИППЕ ЛОУ.

Робин Демпси двадцать пять минут без остановки стучит по клавиатуре; к нему, покинув стеклянный отсек, подходит Джош Коллинз, на ходу закусывая шоколадным батончиком.

Робин перестает печатать и прикрывает дисплей пластиковым чехлом.

— Хочешь шоколадку? — спрашивает Робина Джош. — Нет, спасибо, — отвечает Робин, не поднимая глаз. — Ну и как, интересно общаться с «Элизой»? — Очень.!

— А ты не слишком ею увлекся? — Что значит увлекся? — холодно спрашивает Робин. — Ну,

сидишь здесь целыми днями и беседуешь с этой штуковиной.

— Я тебе мешаю?

— Пока ты здесь, я никуда не могу отлучиться.

— Что-то я ни разу не видел, чтобы ты куда-нибудь отлучался. Ты здесь торчишь дни и ночи.

— Знаешь, иногда мне хочется побыть без посторонних, — говорит Джош, заметно багровея. — Поработать над программами в тишине и спокойствии. Вообще-то я должен сказать тебе, — продолжает он (и это чуть ли не самая длинная речь в его жизни), — когда я вижу, как ты сидишь и часами таращишься в экран, у меня душа не на месте. По-моему, у тебя развивается зависимость от этой «Элизы».

— Я просто занимаюсь научными исследованиями.

— Это называется трансфер. Я нашел это в книжке по психологии.

— Чушь собачья! — нервно восклицает Робин Демпси.

— А я думаю, тебе нужен настоящий психотерапевт, — дрожа от ярости говорит Джош. — Ты совсем съехал с катушек. Эта штука, — ткнул он пальцем в «Элизу», — не может разговаривать по-человечески. И думать не может. И отвечать

на вопросы. Нашел себе оракула!

— Мне прекрасно известно, как работает компьютер, — говорит Робин Демпси, поднимаясь со стула. — Я вернусь после обеда.

Робин выходит из компьютерного зала, забыв от волнения выключить монитор. Джош Коллинз приподнимает чехол, читает, нахмурившись написанное на экране и задумчиво почесывает нос.

В Дельфах, как и в Акрополе, туристов пруд пруди, однако памятник старины надежно защищен от массового нашествия — к такому выводу приходят Филипп и Джой, присев передохнуть в середине крутого подъема и глядя вниз на Священную долину, по которой сквозь обширные оливковые рощи по направлению к Коринфскому проливу змейкой вьется Плист.

— Потрясающе, — говорит Джой. — Спасибо, что ты привез меня сюда.

— Древние греки считали, что здесь находится центр земли, — сказал Филипп, раскрыв путеводитель. — Там, наверху, есть камень, который называется «омфалос», пуп земли. А вон та расщелина в горах — наверное, влагалище.

— У тебя только одно на уме, — говорит Джой.

— И это благодарность? — спрашивает Фи-

липп. — За то, что ночью я перецеловал тебе на ногах все пальчики?

— Вовсе не обязательно рассказывать об этом всем и каждому.

Джой заливается румянцем, который ей очень идет. — Поцелуй меня.

— Только не здесь. У греков не принято целоваться при народе.

— А греков здесь еще поискать надо, — замечает Филипп, и не без основания. На туристических автобусах, которые выстроились вдоль дороги у них под ногами, можно встретить номера каких угодно стран, но только не греческие. И тут Филипп удивляется и даже приходит в замешательство, услышав, что к нему в святилище Аполлона обращается престарелая дама в широкополой соломенной шляпе, подвязанной шифоновым шарфом, и с раскладным походным стульчиком в виде трости.

— Я — Сибил Мейден, — говорит она ему. — Я была на вашей конференции в Раммидже.

— Ах да, конечно, — отвечает Филипп. — Как вы поживаете?

— Прекрасно, благодарю вас. Конечно, такую жару я переношу с трудом, но, освежив чело в Кастальском ключе, почувствовала себя намного

лучше. И даже не знаю, что бы я делала без этой штуки. — Расчленив на две части свою трость и воткнув в зазор между древними плитами остроконечный упор, она усаживается в маленький кожаный гамачок, который обнаружился в набалдашнике хитроумной палки. — Сначала надо мной смеялись. А теперь все слушатели курса тоже хотят такую.

— А что это за курс?

— «Литература, жизнь и философия Древней Греции». Мы приехали сюда на день из Афин на автобусе, который я называю шарабаном — над чем немало потешаются мои спутники, в основном американцы. Они в полном составе пошли побегать на античном стадионе, что чуть выше в горах.

— Побегать? В такую жару? — восклицает Джой.

— Это у них называется бег трусцой. Он как эпидемия поразил американский континент. По-моему, они просто мазохисты, вроде средневековых флагеллантов. А вы, как я полагаю, миссис Лоу?

— Да, — отвечает Филипп.

— Нет, — одновременно с ним говорит Джой.

Мисс Мейден бросила на них испытующий

взгляд.

— Здесь на стенах храма когда-то была надпись «Познай самого себя». Странно, что древние греки не догадались добавить «и жену свою»…

— Мы с Джой собираемся пожениться, — смутившись, пояснил Филипп. — В моей жизни сейчас происходят кое-какие перемены. Вы меня очень обяжете, если не будете упоминать об этой встрече нашим общим знакомым в Англии.

— Уверяю вас, профессор Лоу, я не из тех, кто распускает язык. Но вам, я полагаю, надо бы позаботиться о своей репутации — теперь, когда ваше имя у всех на слуху. Недавно в одной из воскресных газет я прочла о вас весьма лестную заметку.

— А, вот вы о чем… Признаться, мне невдомек, почему журналист решил, будто я претендую на должность в ЮНЕСКО. Я и сам узнал об этом только из газеты.

— Как же, как же! Погибельное кресло![58] — театрально воздев в небеса руку, мисс Мейден заунывно, на манер пророчицы, декламирует:

О, брат,

У нас в огромном зале было кресло, Никто не

---

[58] Примечания: 58

Пустой стул за столом короля Артура, предназначенный для рыцаря, нашедшего Святой Грааль, и смертельно опасный для других.

смел занять его. А сделал Его пред тем, как навсегда исчез, Сам Мерлин. Он же вырезал на нем Узор из удивительных фигур. Меж них змеею извивалась надпись На незнакомом людям языке. «Погибельным» назвал то кресло Мерлин, Для добрых и для злых людей опасным. И молвил он: «Кто сядет в это кресло, Тот пропадет»[59].

Закончив и опустив бессильно руку, мисс Мейден вопросительно взглядывает на Филиппа. — Ну, профессор Лоу?

— Похоже на Теннисона, — отвечает он. — Наверное, это «Святой Грааль» из «Королевских идиллий».

— Браво! — восклицает мисс Мейден. — Уважаю людей, которые могут определить цитату. Это искусство, увы, умирает. — Промокнув лоб кружевным платочком, она продолжила: — В Амстердаме все только и говорили что об этой должности при ЮНЕСКО. А больше ничего интересного на конференции не было.

— Вы много путешествуете, мисс Мейден, — заметила Джой.

— Это позволяет мне забыть о возрасте, милочка. Я с интересом слежу за тем, что происходит в

---

[59] Примечания: 59
Пер. В. Лунина.

ученом мире. Кто сейчас в моде, кто нет.

— А кто, по-вашему, — вдруг спрашивает Джой, — получит должность при ЮНЕСКО?

Мисс Мейден, закрыв глаза, задумчиво покачивается на своем походном стульчике.

— Человек, от которого этого меньше всего ждут, — бормочет она. — Так всегда и бывает.

Опасаясь, что мисс Мейден вот-вот упадет в обморок, Филипп наклоняется, чтобы подхватить ее, но она, внезапно открыв глаза, резко вскакивает.

— Пожалуй, я вернусь в шарабан, — говорит она. — Там есть кондиционеры. Рада была вас повидать.

— Вы уверены, что сможете добраться сами? — спрашивает Филипп.

— Совершенно уверена, — отвечает мисс Мейден. — Счастливо оставаться!

Филипп и Джой следят за тем, как она осторожно спускается к дороге по извилистой лестнице.

— Занятная старушка, — говорит Филипп. — Бодрости ее духа можно позавидовать.

— Этим человеком вполне можешь стать ты, — говорит Джой.

В Дарлингтоне теплый летний вечер. В мягком свете сумерек похорошели даже непригляд-

ные постройки кампуса — за исключением компьютерного центра, который при любом освещении смахивает на бетонный сарай. В его открытые окна с кортов доносится резкий стук теннисных мячей, с волейбольной площадки — разгоряченные крики болельщиков, а с берега искусственного озера, где студенты устроили спевку, раздается гитарный звон и наигрыш губной гармошки. Однако двое мужчин, сидящих в компьютерном центре, этим звукам не внемлют. Первый не отрывая глаз наблюдает за вторым, который вперился в компьютерный монитор. Между человеком и машиной происходит следующий разговор:

Р. Д. МНЕ НИЧУТЬ НЕ ЛУЧШЕ. «Элиза». ПОЧЕМУ? Р. Д. ДА ВСЁ ИЗ-ЗА ФИЛИППА ЛОУ. «Элиза». РАССКАЖИТЕ О ФИЛИППЕ ЛОУ. Р.Д. Я УЖЕ РАССКАЗЫВАЛ.

«Элиза». МОЖЕТ БЫТЬ, ХОТИТЕ ЧТО-НИБУДЬ ДОБАВИТЬ?

Р.

Д. ЛОУ ДЛЯ МЕНЯ — СИМВОЛ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ЖИЗНИ. В РАММИДЖЕ ЕМУ ВМЕСТО МЕНЯ ДАЛИ СТАВКУ СТАРШЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ. ПОТОМ ЕГО, ПО СЛУЧАЙНОМУ СТЕЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СДЕЛАЛИ ЗАВКАФЕДРОЙ.

ТЕПЕРЬ ВСЕ ПОМЕШАЛИСЬ НА ЕГО КНИГЕ О ХЭЗЛИТТЕ.

«Элиза». РАССКАЖИТЕ О ХЭЗЛИТТЕ.

Р. Д. ХЭЗЛИТТ МЕНЯ НЕ ИНТЕРЕСУЕТ. И Я НЕ СОБИРАЮСЬ ЧИТАТЬ ЭТУ ДРЯННУЮ КНИЖКУ. В ГРОБУ Я ЕЕ ВИДЕЛ. Я ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ПРОВЕЛ ВМЕСТЕ С ЛОУ НА КАФЕДРАЛЬНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ, ЧТОБЫ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, О ЧЕМ ОН МОЖЕТ НАПИСАТЬ — СМЕРТНАЯ ТОСКА, И ТОЛЬКО. А ЭТА ИДЕЯ, ЧТО ОН МОЖЕТ ПРЕТЕНДОВАТЬ НА ДОЛЖНОСТЬ ПРИ ЮНЕСКО, — СУЩИЙ БРЕД.

«Элиза». Я БЫ ТАК НЕ СКАЗАЛА.

Именно на эту последнюю фразу Робин Демпси не мигая смотрит последние десять минут. Когда она появилась на экране, у него на голове зашевелились волосы: это было нечто новое, совсем не похожее на то, что «Элиза» выдавала до сих пор; это был не вопрос, не просьба и не высказывание, связанное с тем, что упоминалось в разговоре, — это было ее собственное мнение. Но откуда у «Элизы» может быть собственное мнение? Откуда она знает о должности при ЮНЕСКО больше, чем знает Робин, или больше, чем он ей сказал? Переборов страх, Робин медленно и неуверенно печатает:

— ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ЭТОЙ ДОЛЖНОСТИ?

«Элиза» моментально отвечает:

— БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ.

Робин бледнеет, затем краснеет до ушей и спрашивает машину:

— ХОРОШО. РАЗ ТЫ ТАКАЯ УМНАЯ, ТОГДА СКАЖИ, КТО ПОЛУЧИТ ЭТУ ДОЛЖНОСТЬ.

«Элиза» безмолвствует. Робин облегченно улыбается. Затем до него доходит, что он забыл закончить фразу знаком вопроса. Он нажимает на клавишу. Машина с невероятной скоростью выстреливает имя:

— ФИЛИПП ЛОУ.

Робин вскакивает со стула, с грохотом опрокидывает его и, пятясь от компьютера, в ужасе смотрит на экран. Лицо его мертвенно-серо. Джош Коллинз выходит из-за стеклянной перегородки.

— Что случилось?

Не говоря ни слова и ничего не видя перед собой, Демпси как лунатик выходит из компьютерного центра. Джош Коллинз смотрит ему вслед, затем подходит к компьютеру и читает диалог на экране. И если Джош Коллинз вообще способен улыбаться, то можно сказать, что его губы трогает смутная улыбка.

После конференции в Цюрихе, посвященной Джеймсу Джойсу, Моррис Цапп возвращается в райское гнездышко на берегу озера Комо. Дни на вилле Сербеллони проходят без печалей и забот. По утрам Моррис читает или пишет; после обеда у него полуденный отдых: пока не спадет жара, он отвечает на письма. Затем, пробежавшись трусцой по окрестным рощам, он принимает душ и перед ужином пропускает стаканчик. Отужинав, он переходит в гостиную и разыгрывает партию в покер или триктрак. Спать он ложится рано и, отходя ко сну, слушает по привезенному с собой транзистору какой-нибудь рок-концерт. Жизнь у Морриса тихая, комфортная и размеренная, и только корреспонденция напоминает ему о тревогах и конфликтах внешнего мира.

Вот, например, послание от адвоката Дезире — он просит ответить на предыдущее письмо по поводу денег для обучения близнецов, — а также письмо от самой Дезире: в котором она грозится приехать на виллу Сербеллони и закатить скандал, если он немедленно не переведет необходимую сумму. Похоже, она сейчас в Европе и даже в опасной близости: на конверте штемпель Гейдельберга. А вот еще одно письмо от адвоката с настоятельной просьбой произве-

сти оплату. Моррис скрепя сердце выписывает чек. Вот телеграмма с оплаченным ответом от Родни Вейнрайта: он умоляет Морриса перенести конечный срок представления своего доклада для конференции в Иерусалиме. Моррис отвечает: «Привозите доклад на конференцию» — исключать Родни Вейнрайта из программы уже поздно.

Вот письмо, написанное от руки на кафедральном бланке: Филипп Лоу подтверждает свое участие в иерусалимской конференции и спрашивает, можно ли он приедет «не один».

> *Ты ни за что не догадаешься, кто это. Помнишь, я рассказывал тебе о женщине по имени Джой, которую я встретил в Генуе, — и потом узнал, что она погибла? Представляешь, оказывается, она не погибла — ее не было в том потерпевшем катастрофу самолете, хотя в том самолете был ее муж. Мы случайно повстречались в Турции и безумно полюбили друг друга. Хилари еще не знает об этом. Когда придет время, я попрошу у нее развода. Ты ведь знаешь, что наш брак превратился в пустую формальность. А*

Иерусалим идеальное место для того, чтобы мы с Джой смогли побыть вместе. Разумеется, я оплачу ее проживание в гостинице. Пожалуйста, забронируй для меня в «Хилтоне» двухместный номер.

Это послание несколько портит Моррису настроение. Подумать только: «безумно полюбили друг друга»! И это говорит человек на шестом десятке?! Он что, до сих пор не понял, что вся эта «безумная любовь» не есть реальность, есть продукт индустрии культуры, мираж, возникший в результате взаимных отражений миллионов радужных зеркал: лирики, эстрадных песен, кинофильмов, рекламы шампуня, женских журналов и любовных романов? Наверное, не понял. Потому и пишет как втрескавшийся по уши подросток. Моррис не хочет признать, что в его суровом приговоре есть доля зависти. Свой справедливый гнев он объясняет тем, что поневоле вынужден стать соучастником измены Филиппа своей жене. Для человека, который во всеуслышание заявил, что чтение книг служит моральному совершенствованию, Филипп Лоу (как полагает Моррис) слишком безответственно отнесся к своему брачному обету.

А вот короткое письмецо от Артура Кингфишера, в котором тот любезно благодарит Морриса за послание и прилагает ксерокопию своей программной речи, прозвучавшей на конференции в Чикаго. Моррис тут же строчит ответ: не удостоит ли уважаемый мэтр своим посещением конференцию в Иерусалиме, посвященную будущему литературной критики? Моррис уверен, что, заполучи он Артура Кингфишера на неделю-другую, ему бы удалось улыбками, лаской и лестью убедить старикана в том, что профессор из штата Эйфория идеально подходит на место профессора-литературоведа при ЮНЕСКО. Над письмом Моррис трудится весь день: он пишет о том, что его конференция — исключительно для ученой элиты и что это скорее симпозиум, чем конференция; он расписывает прелести иерусалимского «Хилтона», тонко намекая на еврейское происхождение Артура Кингфишера; он обещает обширную и интересную культурную программу. Вспомнив, что Фульвия Моргана насплетничала ему о какой-то азиатской девушке, тенью ходившей за Кингфишером в Чикаго, Моррис дает понять, что приглашение в Иерусалим касается и сопровождающих лиц. И под конец он даже сулит покрыть расходы на трансатлантический пере-

лет — предварительно заручившись обещанием своего приятеля и организатора конференции с иерусалимской стороны Сэма Зингермана. Последний раздобыл деньги на конференцию у владельца сети английских супермаркетов, ярого сиониста, которого удалось убедить в том, что это научное сборище повысит престиж Израиля в глазах мировой культурной общественности. «Я думаю, с оплатой авиабилета Кингфишера проблем не будет, — заверил Морриса Сэм Зингерман, — денег нам дадут сколько попросим.

Единственное условие — чтобы в названии конференции был упомянут этот чертов супермаркет».

— Что ж, — говорит Моррис, — это мы как-нибудь переживем. Лишь бы не заставили на заседаниях раздавать премиальные купоны. — Надписав и запечатав конверт, Моррис выходит на балкон размять ноги. Дело к вечеру: на склонах холмов и над озером повисла золотистая дымка. Пора на пробежку.

Моррис надевает спортивные трусы из красного шелка, майку с эмблемой родного университета, кроссовки «адидас» и по дороге бросает письмо в стоящий в гостиной почтовый ящик. Загорающие на террасе обитатели виллы, глядя,

как резво Моррис бежит по тропинке, улыбаются и машут ему вслед. Завернув за угол, Моррис сбавляет темп. Уже сейчас он обливается потом и слышит лишь собственное шумное дыхание. Шаги его приглушает толстый ковер сосновых иголок. Бежит он одним и тем же маршрутом, полутора-километровой петлей через близлежащую рощу — от виллы в гору и обратно под гору, на что уходит минут тридцать пять. В один прекрасный день он пробежит весь путь разом, но в этот вечер, как обычно, он вынужден остановиться на вершине холма, чтобы перевести дух. Он прислоняется к дереву и, судорожно глотая воздух, всматривается сквозь ветки в блеклую небесную голубизну. И вдруг все меркнет.

В камышах, растущих по берегам озера Лох-Гилл, тихо шелестит ветер. Перс МакГарригл тревожно вглядывается в небо. У него над головой оно ярко-голубое, в цвет его глаз, а горизонт пугающе мрачен. Однако слушатели летней школы «Кельтские сумерки»[60], приехавшие из Лимерика на экскурсию по литературным местам, дальше своего носа не видят. Они в восторге от

[60] Примечания: 60

Название книги У. Б. Йейтса — серии очерков на темы ирландского фольклора.

солнечных бликов на воде, от шумящего на ветру камыша, от зеленых холмов вокруг озера и от краснеющего вдали Бен-Бульбена, силуэтом похожего на всплывшего кита. Группа в основном состоит из немолодых американцев — одним из них экскурсия пойдет в зачет вечернего университетского курса по литературе, а другие решили, посетив Европу, повысить свой культурный уровень. Вывалившись с радостными криками из автобуса, они расхаживают по берегу, щелкают фотоаппаратами и жужжат кинокамерами, ловя на себе снисходительные взгляды лодочников из Слайго, одетых в болотные сапоги и толстые поношенные свитера. У маленькой деревянной пристани покачиваются на волнах три довольно ветхие лодки, нанятые для доставки экскурсантов на остров Иннисфри, который Уильям Батлер Йейтс воспел в своей хрестоматийной поэме.

— «Встану я, и пойду по направлению к Иннисфри»[61], — зычно декламирует одетая в клетчатые бермуды и ядовито-розовую футболку пышнотелая матрона, бросая в сторону Перса выразительные взгляды. Последние два года Перс читал в летней школе курс поэзии Йейтса на

---

[61] Примечания: 61

У. Б. Йейтс. «Остров Иннисфри». (*Здесь и далее пер. А. Сергеева.)*

пару с профессором МакКриди и теперь, не зная, куда себя деть после злоключений в Амстердаме, снова согласился на эту подработку. — «И дом построю из веток, и стены обмажу глиной». А мы увидим этот дом, мистер МакГарригл?

— Вы знаете, миссис Финкельперл, Йейтс этого дома так и не построил, — сказал Перс. — Это было в мечтах, а не наяву. Ведь наши сокровенные желания далеко не всегда сбываются.

— О, не говорите так, мистер МакГарригл! Надо смотреть на жизнь с оптимизмом!

— Мы что, поплывем в этих утлых лодчонках?

Перс поворачивается к задавшему вопрос с удивлением, поскольку этот слушатель летней школы обращается к нему впервые.

— Здесь недалеко, мистер Максвелл.

— Но в лодках даже нет моторов!

— Зато у нас хорошие гребцы, — успокоил его Перс.

Но мистер Максвелл насупился и замолчал. Одет он более строго, чем другие экскурсанты: на нем спортивный пиджак в елочку и шерстяные брюки, а на носу очки-хамелеоны, меняющие цвет в зависимости от освещения. Сейчас, на слепящем солнце, они превратились в два черных матовых диска. Максвелл — человек загадочный;

в Америке он преподает в маленьком баптистском колледже где-то в глухой южной провинции, а здесь на занятиях не открывает рта, всячески давая понять, что обсуждаемые темы для него чересчур примитивны. Другие слушатели школы его побаиваются и недолюбливают.

— Что, мистер Максвелл, сдрейфили? Останетесь на берегу? — насмешливо спрашивает его миссис Финкельперл.

— Я не умею плавать, — кратко отвечает тот.

— Я тоже! — восклицает миссис Финкельперл; — Но мне смерть как хочется увидеть остров Иннисфри! «Бобы посажу на лужайке, грядку, две или три, и в улье рой поселю пчелиный». Захвачу-ка я из автобуса курточку — вроде как холодает.

Перс соглашается с ней, невзирая на то, что курточка миссис Финкельперл из красно-зеленого нейлона и отделана ярко-синим кантом. Потом он подошел к лодочникам:

— Кажется, мы заказывали четыре лодки, — говорит он.

— Ага, но лодка Пэдди Мэлона прохудилась, — объяснил один из мужичков. — Да не бойся, и трех хватит. Как-нибудь уместятся.

— А что с погодой? — спросил Перс, снова взгля-

дывая в небеса. — На западе затягивает, да?

— Погода продержится еще часа два, — заверили Перса лодочники. — Пока видать Бен-Бульбен, можно не беспокоиться.

Разумеется, лодочники блюли свой интерес, поскольку отмена экскурсии стоила бы им половины заработка не считая чаевых. Однако профессор МакКриди не разделял опасений Перса — уж очень ему не хотелось разочаровывать слушателей школы. «Давайте поторопимся — решительно сказал он, — собирайте их и рассаживайте по лодкам».

И вот, громко смеясь, переговариваясь и давая друг другу советы, американские толстухи в цветастых ветровках и пластиковых босоножках полезли в лодки, которые придерживали за борта стоящие в воде и ухмыляющиеся лодочники. В своей лодке Перс оказался нос к носу с мистером Максвеллом. Всего экскурсантов тридцать шесть человек, по двенадцать на лодку, не считая двух гребцов. Многовато. Лодки низко осели в воде — не вытягивая руки, Перс мог коснуться ее поверхности.

Поначалу все шло хорошо. Мужички гребли уверенно и размашисто; лодки затеяли игру в догонялки, а пассажиры весело подбадривали своих

гребцов. Бившая о борт легкая волна обдавала их мелкими освежающими брызгами. Но потом, по мере того как берег удалялся и терялся из виду, а впереди проступали очертания острова Иннисфри, воздух начал сгущаться, а ветер заметно крепнуть. Перс озабоченно поглядывал на горизонт, который опасно приблизился. Бен-Бульбен уже не просматривался. Солнце скрылось за черной тучей, и вода из голубой стала свинцовой. Лодки закачались на возросшей волне, плеща холодной водой в седоков, которые жались друг к другу и испуганно взвизгивали. Перс, сидящий на носу лодки, в два счета промок до нитки.

— Надо поворачивать назад! — крикнул он гребцам.

Один из них, покачав головой, прокричал в ответ:

— При таком ветре не повернуть. И мы уже полпути одолели.

Однако остров все еще был мучительно далек. Он был окутан пеленой дождя, который теперь накрыл и пассажиров, хлестнув их по лицам колючей ледяной водой. Промокшие насквозь, они уже не жаловались, когда волна заливала лодку. Вне себя от страха, они сидели по колено в воде, вцепившись в борта и с отчаянной надеж-

дой вглядываясь в лица лодочников, которые из последних сил гребли навстречу ветру. Под тяжестью воды лодки осели еще ниже, и кое-кто из пассажиров пытался вычерпать ее туфлями и пляжными шляпами.

Оттого ли, что в их судне было больше щелей, или груз тяжелее, или маломощнее гребцы, но лодка Перса стала заметно отставать. Миссис Финкельперл с закрытыми глазами нараспев, как молитву или мантру, повторяла строчки из «Острова Иннисфри»:

И там я найду покой, ибо медленно, как туман, Сходит покой к сверчкам утренней росной пылью…

Вдруг мощный вал захлестнул лодку, и цитата захлебнулась. В бессолнечном свете очки мистера Максвелла стали прозрачными, и в глазах его читался панический ужас. Ухватив Перса «цепкою рукою» старого морехода[62], он хрипло прокричал:

— Мы идем ко дну?

— Да что вы, — возразил Перс, — мы в полной безопасности.

Однако тон его был неубедителен. Лодка на-

---

[62] Примечания: 62

Аллюзия к поэме С. Колриджа «Сказание о старом мореходе».

столько осела в воде, что теперь больше походила на ванну. На лбу у гребцов выступили вены; пытаясь удержать на плаву отяжелевшее судно, они чуть не в дугу гнули свои весла до острова оставалось не меньше ста метров. Многозначительно переглянувшись, лодочники перестали грести. Один из них крикнул Персу:

— Мы набрали слишком много воды, сэр!

— Говорил я вам: мы тонем! — завопил Максвелл, еще крепче вцепившись в Перса. — Спасите!

— Ради бога, возьмите себя в руки! — сердито сказал Перс, пытаясь высвободиться из его цепкой хватки.

— Но я же не умею плавать! Я утону! Где другие лодки? Спасите! Помогите!

— Как вам не стыдно думать о собственной шкуре, когда в лодке женщины! — вознегодовал Перс.

— А как я могу утонуть, когда на моей совести тяжкий грех?! — лицо Максвелла перекосило от страха, — Этот шторм Господь посылает мне в наказание!

— Но тогда он несправедлив по отношению к нам, — резко ответил Перс, всматриваясь сквозь дождь в берег острова, до которого благополучно

добрались две другие лодки.

— Дамы и господа? Давайте дружно крикнем: Помогите! — призвал пассажиров Перс. — Три, четыре!

— По-мо-ги-те! — закричала лодка нестройным хором. Молчал лишь Максвелл, по-видимому, потерявший надежду. — Да, это Божья кара, — простонал он. — Господь хочет утопить меня в озере Слайго, в том самом месте, где я обманул несчастную девушку. Я и знать не знал, что мы попадем сюда, когда записался в школу.

— О какой девушке вы говорите? — спросил Перс.

— Она была горничной, — хныкал Максвелл, размазывая по лицу не то слезы, не то капли дождя, не то озерную воду. — В гостинице, где я останавливался несколько лет назад, когда посещал летние курсы по Йейтсу. Я писал диссертацию о влиянии кельтской мифологии на его раннюю поэзию.

— Идите вы к черту со своей диссертацией! — закричал Перс. — Как звали ту девушку?

— Бернадетта. Фамилии не помню.

— МакГарригл, — сказал Перс. — Фамилия такая же, как и у меня.

Внезапно отпустив Перса, Максвелл тупо на

него уставился.

— Правильно. Бернадетта МакГарригл. А вы откуда знаете?

В тот самый миг их лодка медленно пошла ко дну под жалобные крики остальных пассажиров, которые, впрочем, тут же обнаружили, что барахтаются на глубине не больше полуметра вблизи от берега. Гребцы с других лодок заспешили на помощь и, посадив на закорки пожилых и немощных, перенесли их на сушу. Персу пришлось тащить на себе Максвелла, который вцепился ему в шею мертвой хваткой и ни за что не хотел отпускать рук.

— С каким удовольствием я утопил бы вас в этом озере, — прорычал Перс. — Но так вы слишком легко отделаетесь. Вы загубили жизнь моей двоюродной сестре. Сделали ей ребенка и бросили ее.

— Я за все заплачу! — взмолился Максвелл. — Если надо, я женюсь на ней!

— Как же! Очень ей нужен такой подонок! — сказал Перс.

— Я возмещу ущерб! Я отпишу свое имущество в пользу Бернадетты и ребенка!

— Вот это другое дело, — сказал Перс. — Завтра утром мы в Слайго зафиксируем все у нотариуса.

Подпишем, заверим и скрепим печатью. А я доставлю документ адресату.

Спустя два дня Перс летел в самолете из Дублина в Лондон — в кармане у него лежала заверенная нотариусом бумага, согласно которой профессор Сидни Максвелл из Колледжа Святого Завета, город Атланта, штат Джорджия, признавал отцовство Фергуса, сына Бернадетты МакГарригл, и гарантировал содержание, позволяющее ей оставить настоящее место работы. Профессор МакКриди отпустил Перса на сутки из летней школы, и теперь он намеревался снова обратиться к миссис Газгойн, чтобы узнать у нее адрес Бернадетты или попросить переслать ей письмо. Но, войдя в знакомое здание на Сохо-сквер, он обнаружил, что кабинет, в котором он общался с миссис Газгойн, теперь занимает туристическое агентство. «„Девушки без границ“? — спросила его секретарша. — Я о таком агентстве не слышала, правда, я здесь работаю всего вторую неделю. Дорин, тут джентльмен ищет агентство „Девушки без границ“ — ты что-нибудь знаешь о нем? Нет, она тоже не знает. Спросите в видеопрокате на первом этаже». Перс спросил в видеопрокате на первом этаже: там его приняли за полицейского и сначала предложили взятку, но потом, выяснив

что к чему, послали подальше. Никто в здании и слыхом не слыхивал об агентстве «Девушки без границ», не говоря уже о его настоящем местонахождении. Так что Перс решил вернуться в Ирландию и начать поиски через рекламу в газетах и журналах шоу-бизнеса.

В Хитроу Перс ехал на метро. Настроение у него было неважное не только потому, что не удалось напасть на след Бернадетты, но и потому, что поездка напомнила ему об Анжелике. Хотя все лето он думал о ней каждые пять минут. Его просьба к Богу, повешенная на доске в часовне Святого Георгия, осталась без ответа — даже та ее часть, которую он обратил к самому себе: «Милосердный Боже, дай мне силы забыть Анжелику». Но как можно забыть это прекрасное лицо, эту точеную фигуру? Ее темные волосы, которые так сияли и струились по плечам на приеме с хересом или развевались за спиной на беговой дорожке кампуса; ее агатовые глаза, строгие и внимательные в конференц-зале или завороженные его стихотвореньем на снегу… Или те же глаза, пустые и стеклянные на фотографии в кабаре «Голубые небеса». Выходя из вагона, Перс раздраженно помотал головой, пытаясь прогнать от себя последнее видение — он даже рассердил-

ся, что позволил себе воскресить его в памяти.

До рейса на Дублин оставалось два часа. Персу снова попалась на глаза табличка «К часовне Святого Георгия» и, не зная, чем себя занять, он пошел в указанном направлении. На этот раз дорога привела его не к аэропортовской прачечной, а прямо к бункеру из красного кирпича с деревянным распятием наверху. Толкнув вращающуюся дверь, он спустился по лестнице в подземную часовню.

Его петиция, приколотая к зеленому сукну, по-прежнему висела на доске: «Милосердный Боже, дай мне силы забыть Анжелику и спаси ее от неправедной жизни». Однако теперь на ней появилось примечание, написанное знакомым ему мелким почерком — столь хорошо знакомым, что у него замерло сердце, перехватило дух, затуманились глаза и он чуть не свалился в обморок: *«Внешность обманчива. См. „К. ф.“ II. хп. 66».*

Перс пришел в себя, сорвал с доски бумажку и помчался к ближайшему аэровокзалу. Там, растолкав пассажиров, он пробился к книжному ларьку. Есть ли у них «Королева фей» Эдмунда Спенсера? Нет? Даже в издании «Пингвин»? К сожалению, этой книги нет ни в каком издании. А известно ли им, что «Королева фей» относится

к шедеврам английской поэзии? Вы знаете, в Хитроу спроса на поэзию почти нет. Если мистеру угодно, он может поискать в книжных ларьках других аэровокзалов, только вряд ли там ему повезет больше. Перс стал бегать по аэровокзалам, громко требуя «Королеву фей». Один продавец предложил ему детскую книжку, другой — последний номер журнала для голубых. Перс в отчаянии запустил пятерню в курчавую шевелюру. Оставалось только вернуться в центр Лондона, где, может быть, еще открыты большие книжные магазины.

Спеша с этим намерением к выходу из первого аэровокзала, он вдруг услышал, что его окликает знакомый голос. — Привет!

Перс узнал Шерил Саммерби — она сидела за стойкой справочного бюро компании «Бритиш эйруэйз». Он остановился и подошел к девушке.

— Привет! Как дела?

— Да вот скучаю. Вообще я больше люблю работать на регистрации, особенно в третьем аэровокзале, откуда летают длинные рейсы. Там поле деятельности пошире. А почему вы не в шапке?

— В какой шапке? А, вы об ушанке профессора Цаппа! Но сейчас слишком жарко. — Вы в Лондон

надолго?

— Нет, всего на день. Сегодня же вечером вылетаю в Ирландию. Завтра в Голуэе меня ждут слушатели летней школы. Шерил завистливо вздохнула:

— Я давно мечтаю побывать на западе Ирландии. Там и вправду очень красиво?

— Да. Особенно в Коннемаре. В начале лета я снимал там коттедж… Знаете, Шерил, я бы с удовольствием с вами поболтал, но я ужасно тороплюсь. Мне надо успеть в Лондон до закрытия книжных магазинов.

— А какую книгу вы ищете?

— Я ищу поэму под названием «Королева фей». Мне срочно понадобилась пара строк из нее.

— Какие проблемы, — сказала Шерил и к изумлению Перса вынула из-под прилавка толстый библиотечный экземпляр «Королевы фей».

— Пресвятая Богородица! — воскликнул Перс. — Вот это я понимаю сервис! Я напишу вашему начальству, и вас продвинут по службе.

— Лучше не надо, — сказала Шерил. — Это моя личная книга, которую я читаю в рабочее время, когда у меня затишье. Вообще это не разрешается.

Шаря по карманам в поисках записки с ука-

занными строчками, Перс удивленно взглянул на Шерил:

— Это *ваша* книга? А мне показалось, что вы увлекаетесь любовными романами из серии «Женские тайны».

Кажется, он потерял драгоценный клочок бумаги. Дьявол!

— Да, увлекалась, — подтвердила Шерил. — Но эту литературу я переросла. Это все мура. Достаточно прочесть одну книжку, чтобы узнать, о чем остальные.

— В самом деле? — рассеянно пробормотал Перс. Он силился припомнить ссылку, написанную мелким аккуратным почерком. Строфа шестьдесят с чем-то, кажется, книга вторая, но какая песнь? Пока он бегло просматривал подряд все песни во второй книге, Шерил продолжала щебетать:

— Собственно, это не настоящий любовный роман, верно? Настоящий любовный роман — это рыцарский роман. А «Женские тайны» — это просто упрощенные версии сентиментального романа об ухаживании и замужестве, который начался с «Памелы» Ричардсона. Что в них есть? Реальное место действия, обыкновенная героиня, с которой легко отождествит себя читательница,

простой сюжет, направленный на поиски мужа, вечное беспокойство по поводу того, что можно и чего нельзя позволить мужчине перед свадьбой. Легкое щекотание нервов и немного морали.

— Угу, угу, — не слушая девушку, бормотал Перс, перелистывая страницы влажными от волнения пальцами.

— Настоящий же любовный роман имеет источником дороманную форму повествования. Он полон приключений и неожиданных совпадений, сюрпризов и чудес; он населен персонажами, которые околдованы друг другом, которые ищут друг друга, или Святой Грааль, или что-нибудь в этом роде. Конечно, при этом они часто любят друг друга…

— Ага! — воскликнул Перс, наткнувшись на эпизод у Беседки Наслаждений; он вспомнил, что Анжелика говорила о нем Моррису Цаппу: сэр Гюйон подсматривает за купающимися в фонтане девушками. Перс выхватил глазами строфу 66, и со страницы на него прыгнуло искомое слово:

Две девы дивные стояли в тишине,
Их странника сразил заморский вид.
Потом одна сокрылась в глубине,
Боясь, что вдруг он плоть ее узрит.

Другая приподняться норовит:
Увидеть грудь нежней лилей поспеши же!? —
Ее, нагую, незнакомец не страшит —
Она манит его.
Однако все что ниже,
Ты, вожделея, не увидишь ближе...[63]

— Лилея! Лили! — радостно закричал Перс. — Вот в чем дело: две девушки, а не одна! Лили и Анжелика! Наверное, сестры-близнецы. Одна скромница, другая бесстыдница. — Перегнувшись через стойку, он притянул к себе Шерил и заглушил ее нескончаемый монолог звучным поцелуем.

— Дай вам Бог здоровья, Шерил! — пылко сказал Перс. — Спасибо вам, что вы оказались в нужном месте в нужное время и с нужной книгой. Как мне повезло, вы и представить себе не можете!

Шерил залилась густым румянцем и прерывисто задышала; Зрачки ее раскосых глаз чуть не съехались к носу но, несмотря на очевидные признаки душевного волнения, ей удалось закончить фразу, которую прервал Перс:

---

[63] Примечания: 63
Пер. И. Харитончик.

— …с точки зрения психоанализа любовный роман есть стремление либидо или вожделеющего эго найти удовлетворение, которое позволит полнее почувствовать жизнь, невзирая на все испытания и невзгоды. Вы с этим согласны?

Перс наконец сообразил, что тут что-то не так. Он заглянул девушке в глаза, сиявшие совершенно невероятной голубизной.

— Шерил, с тех пор как мы виделись с вами в последний разг вы, наверное, окончили какие-нибудь вечерние курсы? Шерил покраснела еще гуще и опустила взгляд. — Нет, — коротко ответила она.

— Но вы ведь не будете утверждать, что все эти идеи о сентиментальных и любовных романах, а также о вожделеющем эго — ваши собственные?

— Вожделеющее эго — это Нортроп Фрай, — подтвердила девушка.

— Вы читали Нортропа Фрая?! — чуть не вскрикнул изумленный Перс.

— Ну, не то чтобы читала… Мне о нем рассказали.

— Рассказали? Кто же? — У Перса внутри все затрепетало в предчувствии еще одного невероятного совпадения. Кто же еще может завести непринужденный разговор о типологических

признаках любовных романов со служащим авиакомпании?

— Пассажирка. Ее рейс задерживался, и мы разговорились. Она заметила, что я тайком читаю роман из серии «Женские тайны», и спросила, зачем мне нужна эта дребедень — ну, может, не так резко сказала — и стала мне рассказывать о старых любовных романах, какие они интересные и увлекательные, а потом по моей просьбе дала список книг для чтения. Среди них была и «Королева фей», хотя, если честно, она у меня как-то плохо идет. Мне больше понравился «Неистовый Роланд» — он поживее. Вообще она жутко начитанная. Похоже, занимается тем же, что и вы.

Перс слушал рассказ Шерил, затаив дыхание.

— Так вы говорите, это была молодая женщина? — вкрадчиво спросил он.

— Да, смуглая, красивая, темноволосая. Фамилия иностранная, хотя говорит без акцента. — Ее фамилия — Пабст? Теперь пришел черед удивляться Шерил. — Да…

— Когда вы с ней разговаривали?

— На днях. В понедельник.

— А вы не помните, куда она летела?

— В Женеву. Потом ей нужно было попасть в Лозанну. Так вы ее знаете?

— Знаю ли я ее? Я люблю ее! — воскликнул Перс. — Когда ближайший рейс на Женеву?

— Не знаю, — побледнев, ответила Шерил.

— Голубушка, узнайте, умоляю вас! Она, часом, не сказала, где собирается остановиться в Лозанне? Гостиницы не называла?

Шерил покачала головой. Поиски рейса на Женеву заметно затянулись.

— Ну, давайте, Шерил! «Королеву фей» вы нашли мне куда быстрее! — мягко упрекнул девушку Перс. К его удивлению, у нее на глаза набежали слезы, и одна из них капнула на страницу расписания. — Господи! Что с вами?

Высморкавшись в бумажный носовой платок, Шерил выпрямила плечи и профессионально улыбнулась ему.

— Все в порядке, — сказала она. — Ближайший рейс на Женеву в девятнадцать тридцать. Однако в пятнадцать сорок пять туда летит самолет компании «Суисэйр». Если поспешите, то успеете.

Не чуя под собой ног, Перс бросился в зал вылета.

Отдышался Перс уже в воздухе, на борту швейцарского «Боинга-727». Слава богу, что, повинуясь порыву, он завел карточку «Американ экспресс» — теперь воздушные путешествия для него так

же доступны, как и поездки в автобусе. Ему вспомнились тщательные приготовления к первому, сравнительно недавнему перелету из Дублина в Лондон, для чего пришлось снять со счета в сберкассе увесистую пачку банкнот и за несколько недель до вылета отнести ее в агентство «Эйр Лингус». Теперь же было достаточно взмахнуть маленьким бело-зеленым пластиковым прямоугольничком, чтобы через пять минут оказаться в летящем в Швейцарию самолете.

В Женеве Перс обменял все наличные деньги на швейцарские франки и, добравшись на автобусе до центра, сразу выехал электричкой в Лозанну. Вечер был теплый и тихий. Поезд шел по-над озером: в лучах закатного солнца его водная гладь отсвечивала розовым атласом, а на другом берегу румянились снежные альпийские вершины. Утомленный долгой дорогой и всяческими треволнениями, под убаюкивающий стук вагонных колес Перс погрузился в сон.

Проснувшись, он обнаружил, что поезд стоит на подъезде к большому городу. Было уже темно; в водах озера Леман неподалеку от железнодорожных путей отражалась луна. Персу было неведомо, куда он заехал, а в купе кроме него пассажиров не было. Минут через пять поезд

медленно двинулся и подошел к станции. Из динамиков прошелестело: «Лозанна, Лозанна». Сойдя в одиночестве с поезда, Перс направился к зданию вокзала и, помедлив среди колонн у входа, огляделся. На привокзальной площади стояли такси; увидев его, один из водителей вопросительно поднял бровь. Перс помотал головой. Он решил, что скорее найдет Анжелику — или она обнаружит его, — если будет передвигаться по городу пешком.

На улицах Лозанны в тот вечер царило необычайное оживление, которое немало удивило Перса, всегда считавшего, что швейцарцы народ степенный и дисциплинированный. По тротуарам сновал народ, нарядно облаченный в старомодные одежды. Похоже, что летний сезон в Лозанне проходил под знаком двадцатых годов: на женщинах были длинные юбки и строгие приталенные жакеты, а на мужчинах — пиджаки с маленькими лацканами, узкие брюки и жилетки. Гирлянды лампочек, развешенных вдоль уличных кафе, высвечивали улыбающиеся лица; мелькали поднятые в приветственном салюте руки. В воздухе плыл многоязыкий гомон, и Персу, напрягавшему слух в надежде, что его окликнет Анжелика, стало казаться, будто он крутит ручку

настройки мощного многоволнового радиоприемника.

«Bin gar keine Russin, stamm' aus Litauen, echt deutsch… Et o ces voix d'enfants, chantant dans la coupole!.. Poi s'ascose nel foco che gli affina…»[64]. Перс был не силен в языках — он знал лишь английский и ирландский, — но эти обрывки фраз казались ему поразительно знакомыми, равно как и доносившаяся из растворенного окна песня в исполнении оперного тенора:

Frisch weht der Wind
Der Heimat zu
Mein Irisch Kind,
Wo weilest du?[65]

Перс остановился под окном дослушать песню. На соседней улице куранты пробили девять, глухо замерев на последнем ударе, — между тем по наручным часам Перса было уже двадцать

---

[64] Примечания: 64

«Я вовсе не русская, родом из Литвы, чистокровная немка…» *(нем.)*; «И о эти голоса детей, под куполом поющих!» *(фр.)* — последняя строка сонета П. Верлена «Персифаль», написанного под впечатлением одноименной оперы Вагнера; «И скрылся там, где скверну жжет пучина» *(ит.)* — Данте, Божественная Комедия, «Чистилище», XXVI, 148. Приведенные здесь и далее цитаты — строки из поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

[65] Примечания: 65

«Свежий ветер летит к родине, где ты сейчас, моя ирландская дева?» *(нем.)* — из оперы Вагнера «Тристан и Изольда».

пять минут десятого. Мимо него рука об руку прошли мужчина в шелковой шляпе и накидке и женщина в длиннополой юбке — Перс услышал обращенные к спутнику слова: «А когда мы в детстве ездили в гости к эрцгерцогу — он мой кузен, — он меня усадил на санки и я испугалась». Перс резко обернулся и посмотрел им вслед, уже не понимая, снится ему все это или он тронулся умом. Какой-то молодой человек сунул ему в руку визитную карточку: «Мадам Созотрис, ясновидящая. Гороскоп и карты таро. Мудрейшая в Европе женщина».

— Стетсон, стой!

Оторвав от карточки изумленный взгляд, Перс увидел мужчину в офицерской форме времен Первой мировой войны — в портупее, обмотках и со стеком в руке. «Ты был на моем корабле при Милах! Мертвый, зарытый в твоем саду год назад, — пророс ли он?» — обратился к Персу военный. Перс в испуге шарахнулся. Одетые по-современному люди в пивном ресторанчике напротив рассмеялись и зааплодировали. Безумец в военной форме отскочил от Перса и затерялся в толпе, откуда снова послышался его грозный оклик: «Стетсон!» Часы снова пробили девять. На улице показалась шеренга мужчин в

одинаковых деловых костюмах в полоску и котелках. Они шагали в ногу, держа наперевес зонтики и не отрывая взгляда от мощеного тротуара. Вслед за ними с гиканьем валила толпа гуляк в джинсах и летних платьях — она увлекла за собой совершенно сбитого с толку Перса, и вскоре он вновь оказался у железнодорожного вокзала. Увидев неоновую вывеску «Английский паб», он устремился было туда, но войти внутрь не смог — народу там было невпроворот. На дверях висело объявление: «Сегодня с 8 до 10 вечера пиво отпускается по ценам 1922 года». Каждые две минуты кто-то в пабе хрипло выкрикивал: «Прошу заканчивать: пора!» — на что ожидающие выпивки отвечали громкими стонами и мольбами. Перс почувствовал на своем плече чью-то руку и, обернувшись, увидел полуприкрытые глаза и скривившиеся в змеиной улыбке губы.

— Профессор Тардьё! — воскликнул Перс, обрадовавшись знакомому, хотя и не самому приятному лицу.

Тот, продолжая улыбаться, покачал головой:

«Je m'appelle Eugenides, — сказал он. — Negotiant de Smyrne. Goûtez la marchandise, je vous prie»[66].

---

[66] Примечания: 66

«Меня зовут Евгенидис, я купец из Смирны. Пожалуйста, попробуйте моего товара» *(фр.)*.

Раскрыв ладонь, он предложил Персу горсть сухих ягод коринки.

— Ради всего святого, — умоляющим голосом сказал Перс, — объясните, что здесь происходит.

— Кажется, это называется уличный театр, — сказал Тардьё на безупречном английском. — Но ведь об этом написано в программе конференции.

— Какой конференции? — спросил Перс. — Видите ли, я только что приехал в Лозанну.

Француз с минуту смотрел на него, а потом закатился громким смехом.

Тардьё предложил Персу спуститься на фуникулере к озеру и отужинать в портовой таверне: там подавали местного улова рыбу и сухое белое вино. В соседней пивной кто-то тренькал на мандолине — уличная мистерия добралась до самых отдаленных концов Лозанны.

— Каждые три года вестник «Наследие Т. С. Элиота» проводит международную конференцию в местах, связанных с жизнью и творчеством поэта, — объяснил Персу Тардьё. — В Сент-Луисе, Кембридже, штат Массачусетс, Лондоне; про-

шлый раз она была в Ист-Кокере[67] — нас еще долго будут помнить в этой маленькой очаровательной деревеньке. В нынешнем году подошел черед Лозанны. Как вы, наверное, знаете, Элиот написал здесь первую редакцию «Бесплодной земли» — в этом городе, зимой с двадцать первого на двадцать второй год, он лечился от нервного расстройства.

— «У вод леманских сидел я и плакал…» — процитировал Перс.

— Точно. На мой взгляд, причиной его душевного кризиса стало неприятие собственной гомосексуальности… В принципе я против биографического истолкования истоков художественного текста, но моим друзьям удалось уговорить меня принять участие в этой конференции, куда я, по дороге домой, приехал из Вены. Должен сказать, что идея разыграть сцены из «Бесплодной земли» на улицах Лозанны оказалась весьма плодотворной. И не менее забавной.

— А кто актеры? — спросил Перс.

— В основном студенты местного университета,

---

[67] Примечания: 67

Т. С. Элиот родился в Сент-Луисе; в Кембридже находится Гарвардский университет, где он учился; в Лондоне он жил и работал; в Ист-Кокере (деревня в Сомерсетшире, откуда его предок Э. Элиот в середине XVII в. отправился в Америку) он похоронен.

а также добровольцы из участников конференции вроде меня и — кстати, вот она — Фульвии Морганы. — Мишель Тардьё кивнул в сторону рыжеволосой женщины с римским профилем, одетой в черное обтягивающее платье с блестками: она сидела за столом в компании невысокого мужчины еврейской наружности. — «Белладонна, Владычица обстоятельств». А рядом с ней профессор Готблатт из Пенсильванского университета. Вам не кажется, что у него несколько затравленный вид?

Услышав имя «Фульвия», Перс, сам не зная почему, вдруг вспомнил о Моррисе Цаппе.

— А Моррис Цапп тоже участвует в конференции? — Нет. Его на прошлой неделе ждали и на конференции по нарративу в Вене, но он не приехал. И стал, так сказать, субъектом задержки действия[68], кстати, до сих пор не проясненной — сказал Тардьё. — А вы, молодой человек, что вы здесь делаете, если ничего не знаете о конференции? — Я ищу одну девушку — ответил Перс. — Ах да, помню, помню, — вздохнул разочарованно Тардьё. — Вот и мой ассистент, Альбер, вечно искал девушку. Ему, правда, было все равно, ка-

---

[68] Примечания: 68
Термин В. Шкловского.

кую. Неблагодарный мальчишка — пришлось его уволить. Но иногда мне его не хватает.

— Девушка, которую я ищу, должна быть на этой конференции, — сказал Перс. — Где проходят заседания? В котором часу вы начинаете завтра?

— Увы, конференция уже завершилась — воскликнул Тардьё. — Всё кончено. Уличный театр — это заключительное мероприятие. Завтра мы разъезжаемся.

— Что?! — Перс вскочил в смятении. — Тогда я должен срочно ее разыскать! Где мне найти список местных гостиниц?

— Но гостиниц здесь сотни, друг мой. Так вы девушку не отыщете. Как ее зовут?

— Скорее всего вы ее не знаете — она лишь недавно окончила университет. Зовут ее Анжелика Пабст. — Я прекрасно ее знаю.

— Не может быть! — Перс снова сел за столик.

— Почему не может? В прошлом году она посещала в Сорбонне мои лекции.

— Так она участвует в этой конференции?

— Участвует. Сегодня она была гиацинтовой невестой. Помните?

Ты преподнес мне гиацинты год назад, Меня прозвали гиацинтовой невестой.

— Помню, помню, — нетерпеливо закивал

Перс. — Я хорошо знаю поэму. Где мне найти Анжелику?

— Она прохаживалась по улицам в длинном белом платье, держа в руках охапку гиацинтов. Очень недурна, если вам нравится подобный тип чуть перезрелой женской красоты.

— Мне нравится, — сказал Перс. — Вы не знаете, в какой гостинице она остановилась?

— Наши швейцарские хозяева с присущей им любовью к порядку выдали всем список гостиниц, в которых проживают участники конференции, — сказал Тардьё, вынимая из нагрудного кармана сложенный листок бумаги. Проведя пальцем по списку, он сказал: — Вот, пожалуйста. Пабст А., мадмуазель. Пансион «Бельгард», улица Гран-Сен-Жан.

— Где это?

— Я вас провожу, — сказал Тардьё, жестом попросив у официанта счет. — Довольно скромное жилье для того, кто имеет такого богатого папочку.

— Вы об отце Анжелики?

— Насколько мне известно, он является исполнительным управляющим одной из американских авиакомпаний.

— А вы хорошо знаете Анжелику? — спросил

Перс французского профессора, когда они поднимались на фуникулере в город.

— Не очень. Она пробыла в Сорбонне год как аспирант-соискатель. На лекциях обычно сидела в первом ряду, пристально глядя на меня сквозь очки в массивной оправе. При ней всегда были блокнот и авторучка, но я ни разу не видел, чтобы она хоть что-нибудь записывала. Сказать по правде, меня это несколько задевало. Как-то раз, выходя из аудитории, я остановился перед ней и спросил с улыбкой: «Простите, мадмуазель, вы посещаете уже седьмую из моих лекций, но блокнот ваш остается чистым. Неужели я не произнес ни слова, достойного быть записанным на бумаге?» И знаете, что она ответила? «Профессор Тардьё, самое сильное впечатление на меня производит не то, о чем вы говорите, но то, о чем вы храните молчание — идеи, моральные принципы, любовь, смерть… В этом блокноте — она пошелестела его чистыми листами — запечатлена ваша глубокомысленная недосказанность, vos silences profondes». Кстати, по-французски она говорит великолепно. Я отошел от нее, сияя от гордости. Правда, позже мне пришло в голову, что она просто надо мною смеялась. А вы как думаете?

— Я затрудняюсь что-либо предположить, —

сказал Перс, вспомнив замечание, сделанное Анжеликой в Раммидже: «С профессорами надо обращаться бережно. Немного лести тоже не помешает». Он спросил Тардьё, не знает ли он ее сестру.

— Сестру? Нет, не знаю, а что, есть сестра?

— Я уверен, что есть.

— А вот и нужная вам улица.

Они завернули за угол, и Перс запаниковал, поняв, что не знает, о чем будет говорить с Анжеликой. Сказать ей, что любит ее? Но это ей известно. Что принимал ее за другую? И об этом она уже знает, хотя Перс надеется, что ей невдомек, сколько мучений он перенес. Самозабвенно преследуя Анжелику, или ее двойника по всей Европе, Перс не заготовил подобающей свиданию речи, и теперь втайне надеялся, что девушка все еще ходит по улицам с гиацинтами в руках и у него есть время продумать свои слова.

Тардьё остановился перед домом с небольшой вывеской над парадной дверью.

— Пансион «Бельгард». Вам сюда, — сказал он. — Здесь я прощаюсь с вами и желаю успеха.

— А вы не хотите зайти? — Перс до нелепого разволновался от мысли, что встретится с девушкой один на один.

— Нет-нет, мое присутствие будет лишним, — сказал Тардьё. — На сегодня моя нарративная функция выполнена.

— Вы мне очень помогли, — сказал Перс.

Тардьё, улыбнувшись, пожал плечами.

— Если вы не Субъект и не Объект поисков, то вы либо Помощник, либо Соперник. Для вас я Помощник. А для профессора Цаппа — Соперник[69].

— В чем вы с ним соперничаете?

— Вы, наверное, слышали о должности профессора-литературоведа при ЮНЕСКО? — Вот оно что. — Оно самое. До свиданья.

Они пожали друг другу руки, и Перс почувствовал, что к его ладони прилип какой-то катышек. Когда Тардьё удалился, при свете уличного фонаря он разглядел, что это коринка. Пожевав ягоду, Перс набрал в легкие воздуха и позвонил в дверь пансиона.

Ему открыла пожилая опрятно одетая женщина. — Вам кого, месье?

— Я ищу одну девушку, — пробормотал Перс. —

---

[69] Примечания: 69

Идущее от В. Проппа и развитое французским структуралистом Альгирдасом Греймасом выделение в «грамматике рассказа» следующих ролей: субъект и объект, посылатель и получатель, помощник и соперник.

Мисс Попе, то есть мисс Пабст. Кажется, она живет в этом пансионе.

— А! Мадмуазель Пабст! — Женщина улыбнулась и тут же озабоченно нахмурилась. — Увы, она уехала.

— Не может быть! — простонал Перс. — Совсем уехала?

— Как вы сказали?

— Она съехала из пансиона — уехала из Лозанны?

— Да, месье.

— Когда она уехала?

— Полчаса назад.

— Она сказала куда едет?

— Она спрашивала о поездах на Женеву.

— Спасибо. — Перс развернулся и помчался по улице.

До вокзала он летел стрелой по проезжей части дороги, поскольку тротуары все еще были запружены народом. Зеваки подбадривали его, приняв за персонажа театрального действа, хотя он не мог припомнить, чтобы кто-нибудь бегал в «Бесплодной земле», — поэма была исключительно пешеходная. Перс отвлекал себя этими мыслями от колотья в боку и от расстройства, что разминулся с Анжеликой на считанные минуты.

Ворвавшись в здание вокзала, он набросился на первого встречного с вопросом: «Женева?» Его направили по лестнице, и он понесся вверх, прыгая через три ступеньки. Но — указавший дорогу ошибся: поезд стоял у противоположной платформы, которую отделяли железнодорожные пути. Перс услышал, что двери поезда закрылись и раздался резкий свисток. Возвращаться было некогда — он мог успеть на поезд, только перескочив через пути, покрутил головой, чтобы убедиться в отсутствии помехи, но как только он подался вперед, сзади его ухватил человек в форменной одежде и втащил на перрон.

— Нет-нет, месье! Переходить пути запрещено!

Перс попытался вырваться, но, увидев, что поезд плавно отходит, прекратил сопротивление. В одном из вагонов промелькнула темноволосая девичья головка — возможно, Анжелика.

— Анжелика! — отчаянно и безнадежно крикнул он вслед поезду.

Дежурный вокзала, выпустив Перса, неодобрительно смерил его взглядом.

— Когда отправляется следующий поезд на Женеву? — спросил Перс.

— Завтра, — ответил дежурный не без злорадства. — В половине седьмого.

На выходе из вокзала Перс помедлил среди колонн, и один из водителей такси вопросительно поднял бровь. На этот раз он предложение принял. «Пансион „Бельгард“», — сказал он и без сил рухнул на сиденье.

Фонарь над дверью пансиона был потушен и хозяйка не сразу ответила на звонок. Увидев его, она удивилась.

— Можно ли снять у вас на ночь комнату?

Она покачала головой.

— Извините, месье, мест у нас нет.

— Не может быть! — возразил Перс. — Ведь мисс Пабст только что съехала! Почему я не могу занять ее комнату? Женщина показала на часы:

— Уже поздно, месье. Комнату нужно убрать, постелить чистое белье. Сегодня это сделать невозможно.

— Мадам, — с жаром сказал Перс, — позвольте мне занять комнату как она есть, и я заплачу вам двойную цену.

Хозяйке был подозрителен взъерошенный иностранец с безумным блеском в глазах и без багажа, но когда он объяснил, что занимавшая комнату девушка — предмет его сердечной привязанности, она понимающе улыбнулась и позволила ему занять комнату за полцены.

Комната Анжелики была под самой крышей. Из окна мансарды краем виднелось озеро Леман. В комнате стоял густой запах гиацинтов, которые увядали в мусорной корзине. Повсюду были заметны следы спешных сборов в дорогу. Перс поднял валяющееся у раковины влажное полотенце и прижался к нему щекой. Затем, будто на святом причастии, допил из стакана воду. Развернув лежащий на столе кусок салфетки, он обнаружил отпечаток накрашенных помадой губ и поцеловал его. Спал он нагой между двух простыней, на которых прекрасное тело Анжелики оставило вмятины и складки, и вдыхал доносившийся с подушки тонкий аромат ее шампуня. Уснул он как в бреду, испытав и сладость надежды, и горечь разочарования и попросту выбившись из сил.

Проснувшись на следующее утро, Перс обнаружил в корзине с увядшими гиацинтами два драгоценных трофея: колготки с дырой на коленке (которые он спрятал в нагрудный карман поближе к сердцу) и листок бумаги с номером телефона и записью «ТАА 426 отпр. 22.50 приб. 6.20», сделанной аккуратным знакомым почерком. Перс сразу же спустился к телефону-автомату в гостиничном холле и набрал номер. Ему ответил

женский голос.

— «Трансамериканские авиалинии». Добрый день.

— Будьте добры, подскажите, каков пункт назначения рейса 426, который вылетел из Женевы вчера вечером без десяти одиннадцать.

— Рейс 426 направление в Нью-Йорк, потом Лос-Анджелес. Однако по техническим причинам вчерашний рейс был отложен до утра. Нам пришлось заменить самолет.

— Когда же он вылетел?

— Он вылетает через час, в половине десятого, сэр.

— В самолете есть свободные места?

— Сколько угодно, сэр, но вам нужно поторопиться.

Перс щедрой рукой расплатился с хозяйкой пансиона, немало озадачив ее, и помчался к стоянке такси у железнодорожного вокзала.

— Женева, аэропорт, — задыхаясь, сказал он и плюхнулся на заднее сиденье. — Как можно быстрее.

В аэропорт вела автострада, и, набрав скорость, такси оставило позади весь ехавший по ней транспорт. К залу вылета они подъехали ровно в девять часов. Перс отдал оставшиеся франки

водителю, чем, похоже, здорово угодил ему. Покинув машину, Перс стремглав проскочил сквозь распахнувшиеся перед ним автоматические двери — еще чуть-чуть, и он влетел бы в стекло. У стойки авиакомпании «ТАА» никого не было кроме двух закончивших регистрацию сотрудников. Увидев, что Перс несется в их сторону, они прекратили веселую болтовню.

— Скажите, есть ли на борту рейса 426 пассажирка по фамилии Пабст? — спросил Перс. — Мисс Анжелика Пабст?

Молодой человек, постучав по клавиатуре компьютера, подтвердил, что мисс Пабст действительно прошла регистрацию и летит до Лос-Анджелеса.

— Пожалуйста, один билет до Лос-Анджелеса, и место как можно ближе к мисс Пабст.

Хотя регистрация на рейс закончилась и все пассажиры были уже на борту, молодой человек получил разрешение продать Персу билет — помогло то, что у него нет багажа. Сотрудники авиакомпании «ТАА» энергично взялись выполнять свои обязанности: пока молодой человек выписывал билет и оформлял оплату, девушка подыскивала Персу место в самолете. «Есть свободное место как раз рядом с мисс Пабст».

— Грандиозно! — сказал Перс. Он представил себе, как, войдя последним в самолет, он прошествует по проходу, тихо опустится в кресло рядом с Анжеликой — та будет сидеть, отвернувшись к окну, — и негромко скажет… что скажет? «Привет. Давно не виделись. Вы куда летите? Случайно (вынимая порванные колготки) вы не забыли вот это?» А лучше вообще ничего не говорить и подождать, пока она не узнает его обшарпанных ботинок, его лежащей на подлокотнике руки или же не почувствует, как трепещет от волнения и предвкушения встречи его сердце, и не повернется в его сторону.

— Вот ваша карточка, сэр, — сказал молодой человек. — Позвольте ваш паспорт.

— Пожалуйста, — ответил Перс и взглянул на часы. Пятнадцать минут десятого.

Молодой человек раскрыл паспорт, нахмурился, тщательно перелистал его.

— Я не нахожу вашей визы, сэр, — наконец сказал он.

Если Перс раньше не знал, как холодеет под ложечкой, то теперь познакомился с этим чувством.

— Боже святый! Мне нужна виза?!

— Вы не можете лететь в США без визы, сэр.

— Извините, я этого не знал.

Молодой человек вздохнул и стал медленно рвать на мелкие кусочки Персов билет и квитанцию оплаты.

ы-н-м-ы-ы-и-и-и-и-и-И-И-И-И-И! — раздается вой реактивных двигателей на аэродромах по всему земному шару. Ежесекундно то тут, то там один самолет садится, выпустив из-под колес облачко голубого, пахнущего жженой резиной дыма, а другой взлетает, оставив позади себя черный, стелющийся шлейфом выхлоп. Из космоса Земля, наверное, похожа на гигантскую карусель, только вместо лошадок по кругу летают самолеты — вверх-вниз, вверх-вниз! и-и-и-и-и-И-И-И-И-И!

На календаре — вторая половина июля; в колледжах и университетах начались летние каникулы. Разъезжающие по конференциям ученые соперничают за место в самолете с туристами и отпускниками. В залах ожидания — битком народу, в кафе на всех не хватает льда, пепельницы переполнены окурками, а полы усеяны бумажными стаканчиками. Лето манит в дорогу. В Европе северяне устремляются на юг — полежать на выжженных солнцем пляжах и окунуться в нечистую средиземноморскую волну, южане летят к студеным фьордам и окутанным тучами горным

вершинам Шотландии и Скандинавии. Жители Азии держат путь на запад, американцы летят на восток. Наша цивилизация — это цивилизация легкого багажа и вечных встреч и расставаний. Один приезжает — другой уезжает. Иерусалим, Афины, Александрия, Вена, Лондон. Или Аяччо, Пальма, Тенерифе, Фаро, Майями.

В аэропорту Гатвик бледнолицые пассажиры в отглаженных летних платьях и костюмах сафари, прижимая к груди паспорта и авиабилеты, спешат от железнодорожной станции к аэровокзалу — навстречу им движется толпа загорелых собратьев в помятых одеждах; на головах у них соломенные сомбреро, в руках плетеные корзины, куклы в национальных нарядах и сумки с убийственным количеством беспошлинного спиртного и сигарет..

Перса МакГарригла несет в потоке отъезжающих. Со времени фиаско в аэропорту Женевы прошла неделя, за которую он успел слетать домой в Ирландию, найти себе замену в «Кельтских сумерках» и выправить визу в США. Сейчас он направляется в поисках Анжелики в Лос-Анджелес — одним из самых дешевых рейсов под названием «Небесный поезд», билет на который можно купить в день отправления и который

рекламируется по всему Лондону призывными плакатами. Однако стойка регистрации на рейс подозрительно безлюдна. Он перепутал время вылета? Нет. К сожалению, объясняют ему, все рейсы «Небесного поезда» отложены ввиду снятия с эксплуатации самолета «ДС-10». Сотрудники аэровокзала смотрят на Перса с сочувствием и не без удивления. Неужели есть в мире человек, не слыхавший о крушении авиалайнера «ДС-10»? В последнее время я почти не читал газет, оправдывается Перс, я жил отшельником в Коннемаре и писал стихи. Как же мне побыстрее добраться до Лос-Анджелеса? Ну, говорят ему, вы можете перелететь на вертолете в Хитроу — хотя это недешево вам станет — и попытаться попасть на рейс какой-нибудь американской авиакомпании. Или же лететь отсюда в Даллас, а там сесть на стыковочный рейс до Лос-Анджелеса, Персу достается последний билет на ярко-оранжевый «Боинг-747», который приземляется в аэропорту столь необъятном, что его границы не видны с высоты в полкилометра. Аэровокзал гигантским пряником печется под солнцем при сорокаградусной жаре; внутри же здания, охлажденного кондиционерами до температуры кока-колы со льдом, Перс в ожидании пересадки сам чуть не

превратился в ледышку. Наконец, «Боинг-707» компании «Вестерн эйрлайнс» переносит его в Калифорнию.

Садится самолет в вечерних сумерках: сверху Лос-Анджелес похож на бескрайнее море золотых мерцающих огней, однако Перс который уже сутки безостановочно куда-то движется, не способен, восхититься живописным зрелищем. В дороге ему не давали спать, то и дело предлагая завтраки, обеды и ужины. В этом смысле самолет дальнего следования, решает Перс, все равно что больница, поэтому если между приемами пищи стюардесса вдруг сунет ему градусник, он, пожалуй, воспримет это как должное. Получив последний ужин, он уже не в силах разорвать пакет со столовыми приборами.

Пошатываясь, Перс выходит из аэровокзала в теплую калифорнийскую ночь и ошалело смотрит с тротуара на текущую мимо вереницу машин. Кто-то рядом машет рукой микроавтобусу, на борту которого красуется надпись «Отель Беверли Хилз», — мгновенно затормозив, водитель услужливо распахивает дверь. Пассажир садится в автобус, и Перс прыгает следом. Проезд в автобусе бесплатный, а холл в отеле умопомрачительно роскошен и явно превосходит по

классу привычные для Перса обиталища, однако он настолько изнемог, что не в состоянии ни идти на попятный, ни даже помыслить о поиске более дешевого жилья. Носильщик чуть не силой отбирает у Перса небольшую спортивную сумку — весь его багаж — и ведет его по устланным коврами коридорам с филенкой, разрисованной огромными и зловещими на вид зелеными листьями. В великолепном номере, кровать в котором по размеру соперничает с футбольным полем, Перс раздевается и, повалившись на постель, моментально засыпает, однако через три часа — в Калифорнии глубокая ночь, а по его биологическим часам уже десять утра — пробуждается и, чтобы нагнать сон, просматривает списки абонентов по фамилии Пабст в местном телефонном справочнике. Таковых он насчитал двадцать семь, однако никто из них не носит имя Герман.

Но где же Моррис Цапп? Его отсутствие на конференции в Вене мало кого удивило — такое нередко бывает среди участников, подавших предварительные заявки. Однако на вилле Сербеллони все в большой тревоге. Моррис Цапп не вернулся с вечерней пробежки в сосновой роще. О нем известно лишь, что, выйдя из дому, он

отправил письмо Артуру Кингфишеру. Послание изымается полицией из стоящего в гостиной почтового ящика как возможный источник сведений об исчезновении Морриса; оно вскрывается, тщательно изучается, подшивается к делу, и все о нем забывают. Поскольку письмо не отправлено, Артур Кингфишер остается в неведении о том, что приглашен на иерусалимскую конференцию. Рощи прочесываются поисковыми группами и уже ведутся разговоры о необходимости обшарить дно озера.

Несколько дней спустя в номере отдыхающей в Ницце Дезире звонит телефон. Ее беспокоит парижский корреспондент «Геральд трибьюн»:

— Это миссис Дезире Цапп?

— Я больше не миссис Цапп.

— Прошу прощения?

— Я была когда-то миссис Дезире Цапп. Теперь я Дезире Бирд.

— Но вы — жена профессора Цаппа? — Бывшая.

— Вы — автор книги «Критические дни»? — Вот это верно.

— Нам только что звонили, госпожа Цапп… — Госпожа Бирд.

— Извините, госпожа Бирд. Мы только что по-

лучили анонимный телефонный звонок о том, что вашего мужа похитили. — Похитили??

— Именно так, госпожа Бирд. Мы навели справки в итальянской полиции, и, похоже, это правда. Три дня назад профессор Цапп, отдыхавший на вилле Сербеллони, вышел на вечернюю пробежку и не вернулся.

— Но кому, скажите бога ради, пришло в голову похитить Морриса?

— Вы знаете, похитители требуют выкуп в полмиллиона долларов.

— Что? И кто же, по их мнению, может заплатить такие деньги?

— Судя по всему, вы.

— Пошли они к чертовой матери! — говорит Дезире и бросает трубку.

Корреспондент вскоре перезванивает.

— Но ведь это правда, миссис Цапп — госпожа Бирд, — что полмиллиона долларов вы получили только за уступку прав на экранизацию «Критических дней»?

— Правда, но если хотите знать, эти деньги я заработала не для того, чтобы выкупать мужа, с которым я давным-давно распрощалась!

Дезире бросает трубку. Телефон почти сразу начинает звонить вновь.

— Мне нечего больше сказать вам, — резко говорит Дезире.

На другом конце секунду помолчали, а потом голос с сильным итальянским акцентом спросил:,

— Это есть синьора Цапп?;

Утром Перс спустился к завтраку на первый этаж отеля. Ресторан был полон посетителей, своим видом напоминающих кинозвезд, — лишь постепенно до Перса дошло, что это и в самом деле кинозвезды. Завтрак в «Беверли Хиллз» стоил столько же, сколько обед из трех блюд в лучшем ресторане Лимерика. Оплатив счет карточкой «Американ экспресс», Перс с беспокойством подумал о сумме своих расходов, набегающих в компьютере банка. Несколько дней в этом отеле и от премиальных денег не останется и следа, однако съезжать до полудня не имеет смысла. Перс возвращается в свои роскошные покои и обзванивает двадцать семь абонентов по фамилии Пабст — никто из них не признается, что у него есть дочь по имени Анжелика. Затем, обругав себя за недогадливость, он проходится по списку авиакомпаний, спрашивая господина Пабста. Наконец, телефонистка «Трансамериканских авиалиний» говорит ему:

— Минуту, сейчас я соединю вас с секретарем господина Пабста.

— Приемная господина Пабста, — слышит Перс вкрадчивый женский голос.

— Могу я поговорить с господином Пабстом?

— Извините, у него заседание. Что ему передать?

— Я звоню по личному делу. Вообще-то, мне хотелось бы его видеть. Срочно.

— К сожалению, сегодня это невозможно. В первой половине дня у него заседания, а после обеда он летит в Вашингтон.

— Ах ты, господи, какая досада! Вы знаете, чтобы повидать господина Пабста, я специально прилетел из Ирландии.

— Он вам назначил встречу, господин?…

— МакГарригл. Перс МакГарригл. Нет, встречи он мне не назначал. Но мне непременно нужно его видеть. — Помедлив, Перс отважился добавить: Речь идет о его дочери.

— О которой?

«О которой!» На радостях Перс взмахивает кулаком и пробивает невидимую стену.

— Об Анжелике, — говорит он. — И в некотором смысле о Лили.

На другом конце провода несколько секунд

длится задумчивое молчание.

— Могу я вам перезвонить, господин МакГаррригл?

— Конечно. Я живу в отеле «Беверли Хиллз», — отвечает Перс.

— Поняла. — Ответ Перса, похоже, впечатлил секретаршу. Вскоре она перезванивает. — Господин Пабст уделит вам несколько минута аэропорту, перед тем как вылететь в Вашингтон, — говорит секретарша. — Он будет ждать вас в тринадцать пятнадцать в клубе «Красная дорожка» — это в здании аэровокзала компании «Трансамериканские авиалинии».

— Большое вам спасибо, — говорит Перс.

Моррис Цапп слышит, как в соседней комнате звонит телефон. Где он находится, ему неведомо: при похищении его усыпили уколом, а когда он очнулся, на глазах у него была черная повязка. За окном поют птицы и не слышно транспорта — значит, он за городом; по тому, как зябко его голым ногам — а на нем по-прежнему красные шелковые трусы, — он делает вывод, что его привезли в горы. Он было выразил недовольство по поводу повязки — похитители объяснили ему, что если он случайно увидит кого-нибудь из них, то им придется его убить. Поэтому теперь Моррис

тщательно следит за тем, чтобы повязка ненароком не упала с глаз. Он попросил похитителей, чтобы они, прежде чем войти, стучали в дверь. Они приносят ему еду — при этом ему развязывают руки, — а также выводят его в туалет. На улицу Морриса не выпускают, так что для разминки он ходит взад-вперед по своей маленькой узкой комнатенке. Но большую часть времени он лежит на кушетке, попеременно испытывая приступы ярости, страха и жалости к себе. С течением дней его тревоги и заботы свелись к самому существенному. Если поначалу он беспокоился главным образом о том, как бы не сорвалась иерусалимская конференция, то теперь он думает лишь о том, как бы остаться в живых. Каждый раз, когда в соседней комнате звонит телефон, его охватывает робкая надежда. Это начальник полиции, или военные, или американская морская пехота. «Вы окружены. Освободите заложника и выходите по одному. Руки держать за головой!» Однако о чем ведутся телефонные разговоры, он не имеет представления, поскольку преступники говорят вполголоса и по-итальянски.

Один из охранников Морриса, которого зовут Карло, говорит по-английски, и от него Моррис узнаёт, что похитители не мафиози и не

прихвостни его соперника в борьбе за место в ЮНЕСКО (например, фон Турпица), но члены левой экстремистской группировки, чья цель не только пополнение своего бюджета, но и демонстрация антиамериканских настроений. В барской жизни обитателей бывшей виллы Рокфеллера они усматривают бесстыдную пропаганду американской культуры (несмотря на уверения Морриса в том, что на вилле живут ученые разных национальностей), поэтому похищение важной фигуры позволит им и выразить свой протест, и субсидировать будущие террористические акции. Каким-то образом — это тайна для Морриса, а Карло не говорит — они установили связь между американским профессором, который в половине шестого вечера вышел на пробежку в сосновой роще близ виллы Сербеллони, и Дезире Бирд, преуспевающей американской писательницей, которая, по данным журнала «Ньюсуик», заработала два миллиона долларов на своей книге «Критические дни». Единственная неувязка в том, что они не знали о разводе Морриса и Дезире. Моррис клятвенно заверяет похитителей, что они с Дезире уже давно не муж и жена, чем сильно обескураживает их.

— Но ведь денег у нее полно, а? — озабоченно

спрашивает Карло. — Она ведь не хочет, чтобы ты помер?

— Я бы на это не рассчитывал, — говорит Моррис. Шел второй день его заключения, когда он был еще способен на шутки. Теперь наступил день пятый, так что Моррису уже не до смеха. Похитители пытаются напасть на след Дезире, которая, как выясняется, уехала из Гейдельберга.

Телефонный разговор в соседней комнате заканчивается; Моррис слышит шаги по направлению к своей комнате и стук в дверь.

— Войдите! — хрипло приглашает он, поправляя черную глазную повязку.

— Ну вот, — говорит Карло, — мы наконец нашли твою жену.

— Мою бывшую жену, — поправляет Моррис. — Та еще стерва!

— Я вас предупреждал, — говорит Моррис упавшим голосом. — И что?

— Мы потребовали с нее выкуп, — говорит Карло. — И она отказалась платить?

— Она спросила: «Сколько мне заплатить, чтобы вы оставили его у себя?»

Моррис тихо плачет, отчего повязка на его глазах сразу становится мокрой.

— Я говорил вам, что просить выкупа у Дези-

ре бесполезно. Она ненавидит меня до потери пульса!

— Мы сделаем так, что она тебя пожалеет.

— И что же вы сделаете? — тревожно спрашивает Моррис.

— Пошлем ей маленький сувенир, например твое ухо. Или мизинец…

— Умоляю вас! — скулит Моррис.

Карло смеется.

— Шутка. Ты сам должен отправить ей послание. Воззвать к ее чувствам.

— Нет у нее никаких чувств!

— Это будет испытание твоего красноречия. Высшее испытание.

— Да, две грудные девочки, близнецы, были найдены на борту самолета, принадлежащего компании «КЛМ», — говорит Герман Пабст. — Никто не мог понять, как они туда попали. По прибытии в Амстердам были опрошены пассажирки рейса и, разумеется, стюардессы. Об этом писали все газеты, но вы, наверное, были ребенком и ничего не помните. — Я сам был грудничком.

— А, — говорит Герман Пабст. — У меня дома есть газетные вырезки, могу прислать вам копии. — Он делает пометку в блокноте. Герман

Пабст — крупный коренастый мужчина со светлыми седеющими волосами и лицом скорее красным, чем бронзовым от калифорнийского солнца. Сидят они с Персом в баре клуба «Красная дорожка»; Перс пьет пиво, а Пабст минеральную воду. — В то время я работал в «КЛМ», и в день, когда в Амстердаме приземлился самолет с двумя безбилетниками, было мое дежурство. Девочек — они были такие хорошенькие — принесли в мой кабинет. У нас с Гертрудой (это моя жена) своих детей не было, не потому что мы не хотели, просто у Гертруды были проблемы по женской части. Теперь это лечат операцией, но в те времена… короче, я позвонил ей и говорю: «Гертруда, поздравляю тебя с близнецами». Удочерить девочек я решил, как только увидел их. Мне показалось, что это…

— Провидение? — подсказывает Перс.

— Именно. Как будто они были посланы свыше. В общем так оно и было. С высоты шесть тысяч метров. — Пабст делает глоток и смотрит на часы.

— В котором часу летит ваш самолет? — спрашивает Перс.

— Когда скажу, тогда он и полетит, — отвечает Герман Пабст. — Это мой личный лайнер. Но мне

надо следить за временем. Сегодня вечером я приглашен на прием в Белом Доме.

Перс изображает на лице подобающее случаю почтение.

— Вы очень любезны, сэр, что уделили мне время. Вы, несомненно, человек очень занятой.

— Да, с тех пор как я перебрался в Штаты, дела у меня пошли хорошо. Сейчас у меня есть и самолет, и яхта, и ранчо по соседству с Палм-Спрингс. Но вот любовь, молодой человек, за деньги не купишь. В этом я ошибался, когда растил дочерей. Я баловал их, заваливал подарками, у них было все что душе угодно — игрушки, одежда, лошади, билеты в любой конец света. Став подростками, они каждая на свой манер взбунтовались. Лили пустилась во все тяжкие — мальчики, наркотики. Уже в школе водилась с дурной компанией. Я, наверное, был с ней слишком строг. В шестнадцать лет она сбежала из дома. Конечно, в Калифорнии это дело обычное. Гертруда была убита горем. Да и у меня сердце не выдержало. Теперь страдаю гипертонией, врачи запретили пить и курить. — Пабст указал на стакан минеральной воды. — Года через два мы обнаружили Лили в Сан-Франциско. Она жила среди какого-то сброда, путалась с парнем, да и не с одним, а день-

ги зарабатывала — вы не поверите — снимаясь в порнофильмах. Мы привезли ее домой, пытались образумить, послали вместе с Анжеликой в самый лучший колледж — и все напрасно. Как-то в каникулы она поехала в Европу по учебной программе и не вернулась. Было это шесть лет тому назад. — А что Анжелика?

— Анжелика… — вздыхает Герман Пабст. — Она тоже восстала против родительской любви, но иначе, чем Лили. Стала интеллектуалкой. Все время проводила за книгами, с мальчиками не встречалась. На нас с матерью смотрела. свысока — мол, невежды. Что ж, я согласен, времени для чтения мне всегда не хватало, успевал просматривать лишь «Уолл-стрит джорнал» да профессиональные журналы по авиации. Пытался было образоваться, читая «Ридерс дайджест», но она выбрасывала журналы в мусорную корзину и давала мне книги, в которых я ничего не смыслил. В Колледже Вассара по всем предметам училась лучше всех и окончила его с отличием. Потом пожелала поехать в Кембридж, чтобы получить еще одного бакалавра, а затем объявила нам с матерью, что поступает в аспирантуру в Йель — будет заниматься корпоративным литературоведением, что ли…

— Компаративным литературоведением.

— Точно так. Говорит, что мечтает преподавать в университете. Какая чепуха! С ее красотой, умом, возможностями! Она составит блестящую партию тому, у кого есть и деньги, и власть, и цель в жизни. Ее хоть за президента США можно отдать.

— Вы правы, сэр, — говорит Перс. Он счел неблагоразумным обнаруживать свои марьяжные намерения по отношению к Анжелике. Господину Пабсту он представился как писатель, работающий над книгой о поведенческих моделях близнецов: повстречав Анжелику в Англии, захотел узнать подробности ее необычной биографии.

— Еще она ни за что не соглашается, чтобы я платил за ее учебу. Хочет сохранить независимость. Зарабатывает тем, что проверяет студенческие работы для своего профессора в Йеле, — как вам это нравится? Хотя я за неделю получаю больше, чем он за год. Единственное, что она приняла от меня, — это карточку, которая позволяет ей бесплатно летать по всему миру на самолетах нашей компании.

— И она сполна ею пользуется, — говорит Перс. — Ездит по конференциям.

— И не говорите! Она помешана на них. Я както на днях сказал ей: «Анжелика, если бы ты столько не моталась по конференциям, ты бы давно закончила свою диссертацию и выбросила ее из головы».

— На днях? Вы на днях видели Анжелику? — спрашивает Перс, стараясь сохранять спокойствие. — Так она сейчас в Лос-Анджелесе?

— Уже нет. Сейчас она в Гонолулу.

— В Гонолулу? — растерянно повторяет Перс. — Господи Боже мой!

— И догадайтесь с трех раз, почему она там?

— Еще одна конференция?

— Конечно. По какому-то Жану.

— Жану? Какому Жану?

Пабст пожимает плечами.

— Она не сказала. Просто предупредила, что едет в Гавайский университет на конференцию по Жану. — Может быть, конференция по жанру?

— Точно. По нему. — Пабст смотрит на часы. — Извините, МакГарригл, но мне пора. Если у вас остались вопросы, можете проводить меня до самолета. — Он берет изящный портфель бордового цвета, а Перс — свою потрепанную спортивную сумку, и они выходят из прохладного здания на солнцепек.

— А что, Анжелика общается с сестрой? — спрашивает Перс.

— Да, как раз об этом она мне говорила, когда мы с ней виделись, — отвечает Пабст. — Последние два года она учится на стипендию Вильсона в Европе. Живет в основном в Париже, но много путешествует и повсюду ищет сестру. В конце концов ей удалось разыскать ее в каком-то ночном клубе в Лондоне. Судя по всему, Лили работает там кем-то вроде танцовщицы. Кажется, во время танца она раздевается, но это все-таки лучше, чем порнофильмы. Анжелика говорит, что Лили жизнью довольна. Она работает на какое-то международное агентство, которое посылает ее в командировки по всему свету. Похоже, обе мои девочки хотят узнать жизнь из первых рук. Я их не понимаю. Впрочем, это не удивительно. Они ведь мне не родные. Ради них я старался как мог, но что-то упустил.

Они выходят на бетонированную площадку, где паркуется частная авиатехника всех сортов и калибров — от легкокрылых и хрупких, как комар, самолетиков с одним пропеллером, до солидных реактивных лайнеров для большого начальства. Увидев приближающегося Пабста, сидящие в тени бензовоза молодые люди вска-

кивают и начинают размахивать плакатиками с написанными от руки названиями городов: Денвер, Сиэтл, Сент-Луис.

— Извините, ребята, не могу, — говорит им Пабст, качая головой.

— Кто это? — спрашивает Перс. — Автостопщики.

Перс удивленно оглядывается через плечо. — Вы хотите сказать, что они пользуются попутными самолетами?

— Ага. Это современный способ путешествовать автостопом — искать попутки на частных авиационных парковках.

Личный самолет Германа Пабста — это оранжево-фиолетово-белый «Боинг-737», раскрашенный в фирменные цвета «Трансамериканских авиалиний». Его двигатели уже завывают, готовясь к взлету: И-И-И-И-И! У трапа Пабст и Перс обмениваются рукопожатьем.

— До свиданья, господин Пабст. Спасибо, что приняли меня.

— До свиданья, МакГарригл. Желаю успеха в исследованиях. Тема у вас интересная. Люди на удивление мало знают о поведении близнецов. Как-то Анжелика дала мне почитать книгу о близнецах, правда, они были разнополые. Но у

меня не хватило терпения дочитать ее.

— Вас можно понять, господин Пабст.

— Куда мне прислать газетные вырезки?

— В Университетский колледж, город Лимерик.

— Хорошо. Ну, пока!

Герман Пабст взбегает по трапу, машет Персу рукой и исчезает в самолете, от которого тут же откатывают трап. Двигатели воют еще громче и пронзительней, Перс закрывает ладонями уши, самолет выруливает на взлетную полосу. И-И-И-И-И-И-И-И-И-И! Затем он исчезает за ангаром и спустя несколько минут показывается уже в воздухе над морем, а потом поворачивает на восток. Перс, подняв с земли сумку, идет по направлению к сидящим у бензовоза молодым людям.

— Привет — говорят они ему.

— Привет, — отвечает Перс и присаживается рядом на корточки. Он вынимает из сумки большой блокнот и крупно пишет фломастером на его странице: «ГОНОЛУЛУ».

В гостиничном номере Дезире на Английском бульваре звонит телефон. Человек из «Интерпола» резко выпрямляется на стуле, надевает наушники, включает записывающее устройство и кивает Дезире. Она берет трубку.

— Это есть синьора Цапп?

— Слушаю вас.

— У меня для вас сообщение.

После паузы и щелчка Дезире слышит голос Морриса. — Здравствуй, Дезире, это Моррис.

— Моррис, — говорит она, — куда, черт возьми, тебя занесло? Я только что… — Однако Моррис продолжает говорить, не реагируя на ее слова, и Дезире становится ясно, что она слушает магнитофонную запись.

— …Я пока жив и здоров, за мной здесь присматривают, но эти парни шутить не любят, и они уже теряют терпение. Я объяснил им, что мы с тобой в разводе, и они согласились сделать по этому случаю скидку — сократить выкуп вполовину, теперь это четверть миллиона долларов. Я понимаю, что это огромная сумма, и — Господь свидетель — ты ничего мне не должна, но ты единственный человек, у которого на руках есть столько капусты. В «Ньюсвик» напечатали, что на «Критических днях» ты сделала два миллиона — у этих парней есть вырезка из журнала. Помоги мне отсюда выбраться, и я выплачу тебе эти четверть миллиона — даже если на это уйдет остаток моей жизни. Но по крайней мере жизнь у меня останется!

Я прошу тебя сделать следующее. Если ты согласна заплатить выкуп, помести в парижском выпуске «Геральд трибьюн» короткое объявление — можно передать его по телефону, заплатив кредиткой, — с текстом «Дама согласна». Хорошо? Поняла? «Дама согласна». Затем распорядись, чтобы банк выдал тебе двести пятьдесят тысяч долларов бывшими в употреблении и не помеченными купюрами, и жди дальнейших инструкций. Не стоит и говорить, что ты не должна вовлекать в это дело полицию. Малейшее вмешательство с ее стороны — и моя жизнь окажется под угрозой.

Пока Моррис говорит, звонок отслеживают на телефонной станции, и вот полицейские машины, завывая сиренами, уже несутся по улицам Ниццы, окружают телефонную будку в старом городском квартале — и обнаруживают снятую с рычажка трубку, перед которой пристроен дешевый японский кассетный магнитофон, все еще издающий жалобные заклинания Морриса.

На следующий день Дезире помещает в парижском выпуске «Геральд трибьюн» короткое объявление: «Дама согласна на десять тысяч долларов».

— По-моему, это очень щедро, — с клекотом,

будто от беспрерывного поглощения шоколада у нее слиплось горло, говорит из Манхеттена Элис Кауфман.

— Я тоже так думаю, — отвечает Дезире, — но уж десять-то штук Моррис будет в состоянии вернуть. Все же мне будет совестно, если с ним что-нибудь случится по моей вине.

— Ты права, милочка, ты права, — говорит Элис Кауфман, облизывая пальцы и прерывая свою речь тихим чмоканьем. — Подобные ситуации всех выводят из равновесия, даже женщин, которые проповедуют феминизм. Если Моррису придет конец, это скажется на продаже твоей книги. Может, предложить им двадцать тысяч?

— А эти деньги учтут при начислении подоходного налога? — спрашивает Дезире.

— Ну и баба! — возмущается Карло. — Нет, вы видели, чтобы кто-нибудь торговался с похитителями?

— Я же вам говорил, — отвечает Моррис Цапп.

— Подумать только, она предлагает десять тысяч долларов! Это прямо оскорбление!

— Если *вы* оскорблены, то каково мне?!

— Придется тебе записать для нее еще одно сообщение.

— Бесполезно — если, конечно, вы не согласи-

тесь спустить цену. Может, попросить у нее сто тысяч долларов?

Все еще с повязкой на глазах, Моррис слышит резкий свистящий вдох.

— Я поговорю с ребятами, — говорит Карло. Через десять минут он возвращается с кассетным магнитофоном. — Сто тысяч долларов — наше последнее слово, — говорит он. — Скажи ей об этом и втолкуй хорошенько. Чтоб поняла.

— Это не так просто, — говорит Моррис. — Каждое декодирование — это тоже кодирование.

— Чего?

— Ничего. Давайте сюда магнитофон.

— Дезире, взгляни на это по-другому, — сипит в телефоне Моррис, а по Английскому бульвару, прямо под балконом комнаты с видом на море, уже несутся с воем полицейские машины в поисках телефонной будки, откуда ведется разговор. — Сто тысяч долларов — это меньше двадцатой части твоих гонораров за «Критические дни» (кстати, я думаю, что это потрясающая книга, если не сказать шедевр, честно), меньше четырех процентов. И вот, хотя я не приписываю себе никаких заслуг, то есть я хочу сказать, что книга — плод твоего писательского таланта, все-таки в некотором смысле верно и то, что если бы

я не был таким паршивым мужем, ты не смогла бы ее написать. Ну, то есть, где бы еще ты почерпнула свой горький опыт? Я даже могу сказать, что сделал тебя феминисткой. Я открыл тебе глаза на унизительное положение американской женщины. Не думаешь ли ты, что, в свете сказанного, я заслуживаю некоторого сочувствия? Ведь даже своим агентам за гораздо меньший вклад ты платишь десять процентов.

— Какая наглость, — говорит Элис Кауфман, услышав отчет Дезире о последних событиях. — На твоем месте я бы послала его сама знаешь куда. А что собираешься делать ты?

— Думаю предложить двадцать пять тысяч зеленых, — отвечает Дезире. — Это становится интересным. Похоже на голландский аукцион. Хотелось бы только знать, надолго ли хватит Морриса?

Перс сидит на узкой полоске запруженного народом пляжа напротив гостиницы «Вайкики-Шератон» и подсчитывает потраченные деньги, перебирая голубые корешки чеков «Америкен экспресс», которые скопились у него в бумажнике. Выходит, что суммы на его счету в банке Лимерика достаточно, чтобы покрыть расходы, однако дорога домой уже будет в долг. Если бы не

повезло с попуткой — а на Гонолулу он прилетел бесплатно, увязавшись с командой телевизионщиков, — то его финансы были бы в более плачевном состоянии.

На пляже невыносимо жарко, несмотря на пассат, от которого раскачиваются и шелестят верхушки пальм, и Перс, только что окунувшийся у берега в теплом море, густом и непрозрачном, как молоко, не чувствует прохлады. Его манит далекая волна, но он побаивается оставить без присмотра вещи. Он с тоской вспоминает бодрящие, кристально-чистые воды Коннемара, и его скалистые пляжи, и плотный песок, и морских птиц, в компании которых он провел начало лета. Здесь же песок крупнозернистый и ползет под ногами, а вдоль парного, безмятежного моря движется бесконечная процессия представителей человеческой расы — в бикини, плавках, бермудах и майках, молодых и красивых, старых и безобразных, стройных, тощих и ожиревших, загорелых, в веснушках и облезших на солнце. Почти у всех в руках какая-нибудь снедь — гамбургеры, сосиски, мороженое, фруктовые соки и даже коктейли. Остров гудит от звуков: из динамиков на пляже льется гавайская поп-музыка, в транзисторах ревет рок, жужжат кондиционеры

и ухают копры, забивающие сваи в фундаменты новых отелей. Каждые две-три минуты с аэродрома по правую руку от Перса взлетает реактивный лайнер и, повисев над бухтой, высотными отелями, колышущимися пальмами, водными велосипедами, моторными лодками, торговыми центрами и автостоянками, берет курс на запад или на восток, а из его иллюминаторов покидающие Гавайи смотрят вниз, кто с завистью, кто с облегчением, на тех, кто только что прибыл на остров.

Едва приземлившись накануне, Перс взял такси и помчался в университет, но все административные здания были уже закрыты, и он стал бродить по кампусу, напоминавшему ботанический сад со скульптурами, тщетно расспрашивая встречных о конференции по жанру, — пока охранник не посоветовал ему убраться восвояси. Заночевав в дешевых меблирашках, с утра пораньше он вернулся на кампус — и узнал, что конференция кончилась днем раньше, ее участники разъехались включая организаторов, которые могли бы знать, в какие края теперь подалась Анжелика. В справочной университета ему предложили листок с программой конференции, которая только раздразнила его, так как там числился

прочитанный Анжеликой доклад — «Комический роман-эпопея от Ариосто до Байрона как утопическая мечта литературы», — итальянский профессор Эрнесто Моргана и японский профессор Мотокацу Умеда выступили с комментариями. Как бы ему хотелось услышать все это!

Зажав в руке бесполезный сувенир, Перс доехал на автобусе до Вайкики и, увидев между зданиями отелей голубую полоску, устремился к пляжу, чтобы утопить разочарование в морской волне и поразмыслить о том, что делать дальше. Иного пути кроме как домой у него, пожалуй, уже нет. Перс вздыхает и прячет бумажник в нагрудном кармане рубашки.

Но вдруг его внимание привлекает фигура, которая резко выделяется среди лоснящихся от загара полуобнаженных курортников, шлепающих по воде вдоль кромки пляжа. Это пожилая дама в голубом муслиновом платье, пышную юбку которого она изящно подобрала, целомудренно обнажив незагорелые ноги. В руке она держит подходящую по цвету парасольку. Перс вскакивает и бежит ей навстречу.

— Мисс Мейден! Кто бы мог подумать!

— Приветствую вас, молодой человек! Очень приятная неожиданность! Вы живете в отеле

«Шератон»?

— Что вы! Но здесь иначе чем через холл отеля на пляж и не попадешь.

— Я остановилась в «Гавайи-Роял». Мне сказали, что отель высшего класса; если это так, то что у них называют низшим? — говорит мисс Мейден. — А где вы расположились? Мне хотелось бы передохнуть и чего-нибудь выпить.

— Вы сюда приехали на конференцию по жанру? — спрашивает Перс, когда они уселись под навесом кафе перед двумя гигантскими бумажными стаканами с толченым льдом, сдобренным малиновым сиропом.

— Нет, здесь я просто отдыхаю. Приятно провожу время без всякой пользы. Я давно хотела попасть на Гавайи — сказалось влияние телепередач о туризме. Должна признаться, что действительность не оправдала ожиданий. На цветном телеэкране всё намного заманчивее. А вы, молодой человек, здесь тоже на каникулах?

— Как вам сказать... Я ищу одну девушку.

— Что ж, в ваши годы это неудивительно. Однако вы далеко заехали!

— Я разыскиваю вполне определенную девушку — Анжелику Пабст; вы, наверное, помните ее по конференции в Раммидже.

— Подумать только! Я видела ее два дня назад! — Вы видели Анжелику?

— Как раз на этом пляже. Я ее сразу узнала, хотя имя запамятовала. Похоже, с возрастом я начинаю терять память на имена. Вот и вашего сейчас не могу припомнить, мистер…

— МакГарригл. Перс МакГарригл.

— Ах да! Кстати, она вас упоминала.

— Кто? Анжелика? Что же она сказала?

— Что-то приятное для вас.

— Что именно?

— Увы, точно не помню.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить, — умоляет старушку Перс. — Для меня это очень важно.

Мисс Мейден, сосредоточенно нахмурившись, с шумом втягивает через соломинку ледяной напиток.

— Это было как-то связано с фамилиями. Когда она напомнила, что ее зовут Анжелика Пабст, я взяла на себя смелость заметить, что ей неплохо было бы сменить фамилию на более благозвучную. Она рассмеялась и спросила меня, подойдет ли ей фамилия МакГарригл.

— Неужели? — чуть не поперхнувшись от счастья, восклицает Перс. — Это значит, что она

любит меня!

— Вы сомневались в этом?

— С тех пор как мы познакомились, она то и дело сбегает от меня.

— Девушкам хочется, чтобы за ними сначала поухаживали.

— Но мне никак не удается догнать ее, чтобы поухаживать, — говорит Перс.

— Она подвергает вас испытаниям.

— Это уж точно. Я уже хотел оставить попытки и вернуться в Коннемар.

— Не делайте этого. Вы не должны сдаваться. — Как рыцари Святого Грааля?

— Ну да, хотя они были порядочные олухи. Единственное, что им требовалось для достижения цели, — это в нужный момент задать всего один вопрос. Но они вечно что-то путали.

— Анжелика случайно не говорила вам, куда она едет дальше? Возвращается в Лос-Анджелес?

— Кажется, она собиралась лететь в Токио.

— В Токио? — простонал Перс. — Господи Боже мой!

— Или в Гонконг? Короче, куда-то на восток. Там, похоже, какая-то конференция.

— Само собой, — вздыхает Перс. — Вопрос в том, где именно.

— Я бы на вашем месте поискала ее в Токио.

— Но в Токио столько людей, мисс Мейден!

— Да, но ведь они такие *маленькие*, верно? Мисс Пабст будет выделяться в толпе — она на голову выше всех японцев. А какая у этой девушки роскошная фигура!

— Да, и не говорите! — с чувством соглашается Перс.

— Боюсь, она не лучшего мнения о моих манерах, — пока она вытиралась, я просто не могла оторвать от нее глаз. Она вышла из моря после купанья: с волос ее стекала вода, а мокрое тело сверкало на солнце.

— Точно как Венера, — прошептал Перс, закрывая глаза, чтобы ярче вообразить себе эту картину.

— Вот именно, меня тоже поразило это сходство. У нее изумительно красивый загар, который так идет к темным глазам и волосам. А у вас, я вижу, такая же светлая кожа, как и у меня, — стоит недолго побыть на солнце, и она начинает краснеть и шелушиться. Ваш нос, мистер МакГаррригл, — простите, что говорю вам об этом, — уже заметно обгорел; я бы посоветовала вам обзавестись шляпой. А вот у мисс Пабст кожа гладкая, шоколадная, без единого изъяна, за исключени-

ем, пожалуй, родинки на левом бедре — вы ее видели? Похожа на перевернутую запятую.

— Я пока не имел удовольствия видеть Анжелику в купальном костюме, — покраснев, сказал Перс. — Боюсь, я этого не переживу — стану кидаться на всех, кто посмеет взглянуть на нее.

— Ну, в таком случае вам хватило бы работы — все просто пожирали ее глазами.

— Давайте не будем об этом, — умоляет старушку Перс. — Было время, когда я думал, что она стриптизерка, — у меня чуть сердце не разорвалось.

— Такая прелестная девушка — и стриптиз? Неужели это возможно?

— Это тот случай, который юристы называют ошибочным опознанием. Оказалось, что это ее сестра. — Правда? У нее есть сестра?

— Близнец, по имени Лили. — Сколько времени прошло с тех пор, как он гонялся за тенью Анжелики по непотребным домам Лондона и Амстердама! У Перса всплывает в памяти агентство «Девушки без границ», затем Бернадетта, и он спохватывается, что до сих пор носит с собой документ, подписанный профессором Максвеллом. Увлекшись погоней за Анжеликой, он совсем забыл о Бернадетте! Когда это произошло?

Наверное, в Хитроу, когда он встретил Шерил Саммерби, которая непонятно почему вдруг расплакалась, подыскивая ему рейс на Женеву. Какие странные и непредсказуемые существа эти женщины!

Вот и мисс Мейден неожиданно демонстрирует Персу женскую хрупкость — бледнеет и оседает на стуле, точно вот-вот упадет в обморок.

— Вам нехорошо, мисс Мейден? — озабоченно спрашивает он, поддерживая ее.

— Это жара, — бормочет она. — Кажется, я перегрелась. Не будете ли вы так любезны проводить меня до отеля — мне надо прилечь.

По случайному совпадению Фульвия и Эрнесто Моргана прибывают в миланский аэропорт в одно и то же время, она — из Женевы, а он — из Гонолулу. Встретившись в зале выдачи багажа, они жеманно обнимаются и целуют друг друга в щечку.

— О! — вскрикивает Фульвия. — Какой ты колючий, carissimo!

— *Scusi,* милая, но перелет был долгий, а я, как ты знаешь, из-за воздушных ям в самолете не бреюсь.

— Правильно, любовь моя, — ласково говорит Фульвия: Эрнесто по старинке пользуется

опасной бритвой. — Ну и как, интересная была конференция?

— Весьма и весьма, дорогая. Гонолулу — необыкновенный город, в нем есть где порезвиться цивилизованному человеку. Тебе тоже надо там побывать. А как ты?

— Конференция по нарративу была скучная, но Вена, как всегда, прелестна. В Лозанне все было наоборот. А, вот и мои сумки — хватай скорей!

Фульвия перед вылетом оставила свой бронзовый «мазерати» на стоянке аэропорта и теперь, сев за руль, везет мужа домой.

— Были ли интересные знакомства? — спрашивает она, выезжая на скоростную полосу и яростно мигая фарами неповоротливому «фиату».

— Ну, например, синьорина Пабст, чей доклад я комментировал, оказалась удивительно молодой и привлекательной особой и столь же удивительно суровым критиком Ариосто.

— Ты с ней переспал?

— К сожалению, она проявила ко мне исключительно профессиональный интерес. А был ли в Вене профессор Цапп?

— Его ждали, но почему-то он не появился. Я познакомилась с его старым приятелем Саем

Готблаттом.

— Ты с ним переспала?

Фульвия улыбается.

— Если ты не спал с мисс Пабст, то я не спала с мистером Готблаттом.

— Но я и в самом деле с ней не спал! — возмущенно говорит Эрнесто. — Это девушка не того сорта.

— Неужели где-то еще попадаются девушки не того сорта? Ну ладно, верю. Но тогда с кем же ты спал?

Эрнесто пожимает плечами.

— Так, с парой шлюх.

— Какая пошлость, Эрнесто!

— С двумя одновременно, — оправдывается он. — Ну, а как мистер Готблатт?

— Поначалу подавал надежды. Потом оказалось, что у него нет ни фантазии, ни выносливости. К сожалению, выяснилось, что из Вены мы оба едем в Лозанну, так что еще неделю пришлось с ним возиться. К нам в гости я его не пригласила.

Эрнесто кивает, как будто только это его и интересовало.

Приехав домой, приняв душ и переодевшись, они обмениваются подарками. Эрнесто привез

Фульвии серьги и брошь из натурального жемчуга, а Фульвия купила мужу отделанный серебром стек. Затем он готовит коктейли с сухим мартини, и, сев друг против друга в своей элегантной гостиной с матовыми стенами, они принимаются за разборку почты и просмотр газет и журналов.

— Когда уезжаешь, приятно на какое — о время забыть о том, что происходит в мире, — замечает Фульвия, — но по возвращении приходится столько наверстывать! — Взяв лежащую поверх стопки газету, она пробегает глазами заголовки на первой полосе, и у нее приоткрывается рот, а взгляд становится напряженным.

— Эрнесто! — произносит она тихим, но суровым голосом.

— Да, любовь моя, — рассеянно отвечает он, вскрывая ножом конверт.

— Ты случайно не рассказывал нашим друзьям-политикам о Моррисе Цаппе? О том, что он женат на писательнице Дезире Бирд?

Эрнесто, которого удивил голос Фульвии, поднимает взгляд. — Кажется, я упомянул об этом Карло. А в чем дело?

— Карло — безмозглый молокосос, — говорит Фульвия, вскакивая с кресла и кидая газету мужу на колени. — Если сейчас же не принять мер, мы

по его милости угодим в тюрьму! Они похитили Морриса Цаппа!

Посреди ночи похитители врываются к Моррису в комнату и будят его. Сорвав с него одеяло, они стаскивают его с постели и надевают на глаза черную повязку. Кто-то неумело напяливает ему на ноги кроссовки.

— Куда мы теперь? — дрожащим голосом спрашивает Моррис.

— Заткнись, — говорит Карло.

— Что, Дезире заплатила вам?

— Молчать.

Судя по голосу, Карло взбешен. Морриса начинает трясти. Он знает, это одно из двух — либо спасение, либо смерть. Кто-то закатывает ему рукав и касается плеча чем-то влажным.

— Не дергайся, а то будет больно.

Но ведь не будут же они вводить Моррису обезболивающее, прежде чем укокошить его? Тогда это спасение. Если, конечно, укол не смертельный. Он чувствует, как игла вонзается ему в руку.

— А вы… — говорит он, но тут же теряет сознание.

Первое, что он чувствует, когда приходит в себя, это острый камень, впившийся в правую

ягодицу, и овевающий колени прохладный ветерок. Потом он слышит птичье пение. Руки его свободны. Он стягивает с глаз повязку и щурится от яркого света, а привыкнув к нему, видит над собой расчерченное сосновыми ветками розовое утреннее небо. Он лежит на земле под высоким деревом. Моррис садится и, касаясь рукой головы, слышит, как у него стучит в висках. Его бледные ноги, торчащие из красных шелковых трусов, кажутся чужими и далекими, однако, повинуясь его желанию, они сгибаются в коленях. Опираясь на руки, Моррис поднимается с земли. Он делает глубокий вдох, наполняя легкие чистым смолистым воздухом.

Свободен! Жив! Дай Бог Дезире здоровья! Глаза начинают различать далекие предметы. Он в сосновой роще на склоне холма. За деревьями серой полосой тянется шоссе. Неловко переваливаясь и хватаясь за стволы деревьев, он спускается с холма, по дороге упав и расцарапав ногу.

У подножья холма шоссе довольно узкое и разбитое. Похоже, что транспорт здесь ходит нечасто. Прихрамывая, Моррис пересекает дорогу, влезает на заросшую травой обочину и видит перед собой глубокую расщелину в горах. Шоссе, петляя, уходит на многие километры вперед. Ни-

где поблизости не видно человеческого жилья.

Припадая на одну ногу, Моррис пускается вдоль по дороге, но через несколько минут останавливается. Сквозь птичье пение, откуда-то снизу и издалека, раздается ласкающий ухо звук автомобильного двигателя. Снова взобравшись на обочину, он видит стремительно приближающуюся темную точку: она тормозит на крутых поворотах и газует на прямых отрезках дороги, исчезает за деревьями и снова становится видной, и к шуму мотора теперь подмешивается шелест шин. Машина, судя по всему, мощная, и ведет ее умелая и сильная рука. Машина закладывает петлю чуть ниже Морриса, и он видит, что это бронзовый «мазерати».

Когда машина выезжает на последнюю прямую, он выходит на дорогу и машет ей рукой. Сделав рывок и разбрасывая из-под колес гравий, «мазерати» тормозит рядом с Моррисом. Тонированное стекло со стороны водителя резко опускается, и в проеме показывается повязанная шелковым шарфом голова Фульвии Морганы. Вид у нее удивленный.

— Моррис, это ты?! — восклицает она. — Что ты здесь делаешь? Тебя повсюду ищут!

Японский язык обходится без артиклей. Как без

определенных, так и без неопределенных. Японская гостиница, в которой Перс снимает номер (поскольку он дешевле, чем в отеле европейского типа), тоже без многого обходится. Например, без стульев и кроватей. В комнате есть лишь циновка, подушка и низкий столик. Стены и двери из оклеенного бумагой дерева. Раздвижная дверь не запирается. Горничная приносит обед в комнату и, став на колени, подает его сидящему на подушке Персу Со всех сторон через стены раздается чавканье. В Японии во время трапезы принято чавкать — так дают понять, что еда нравится. Еще здесь есть общественные купальни, где люди, сидя на низких табуреточках, сначала намыливаются и споласкиваются, а потом погружаются в общую ванну, и лениво колышутся в клубах пара, упираясь головой в обложенные кафелем борта. Унитазы похожи на биде — прикрыты с одного конца и приподняты с другого; по бокам возвышения для ног. Мочиться в них легко, с другими делами — сложнее.

Перс ходит по Токио сам не свой, не понимая, то ли у него культурный шок, то ли сказывается разница во времени. Из Гонолулу он летел в Японию ночью, пересек демаркационную линию времени и потерял день своей жизни. Только что

был вторник, пятнадцать минут двенадцатого, и через минуту уже среда, шестнадцать минут двенадцатого. В Токио он прилетел ночью, и она все никак не кончится. В городе жарко — жарче, чем в Гонолулу, и безветренно. Выйдя на улицу, Перс покрывается испариной и чувствует, как пот стекает из-под мышек и струится по всему его телу. Однако на японцев жара как будто не действует: они терпеливо ждут зеленого света на пешеходных переходах и так же спокойно и не жалуясь едут в битком набитых вагонах подземки.

В поисках Анжелики Перс исколесил Токио вдоль и поперек. Он наводил справки о конференциях в Британском Совете, в Информационном бюро США и в японском министерстве культуры. В это время конференции в Токио проводятся на самые разные темы — по кибернетике, рыбоводству, дзен-буддизму, экономическому прогнозированию, но ни одна из них не представляет интереса для Анжелики. Была надежда на съезд писателей-фантастов в Иокогаме, однако на поверку его состав оказался исключительно мужским и азиатским.

Чтобы заглушить разочарование, Перс решает побаловать себя бифштексом в одном из цен-

тральных ресторанов Токио — такая роскошь ему уже не по карману, но после нескольких бутылок пива совесть мучает его намного меньше. Потом он бродит по улицам Гинзы, пробираясь в толпе подгулявших японских бизнесменов, которые празднуют окончание рабочей недели. Ночь душная и влажная; неожиданно начинается дождь. Перс заскакивает в первый попавшийся бар, на вывеске которого написано «Паб», и, спустившись по лестнице, слышит эстрадную классику шестидесятых — Саймона и Гарфанкела. В его сторону поворачиваются дружелюбные скуластые лица. Он здесь единственный европеец. Официантка провожает его к столику, берет у него заказ и ставит перед ним блюдце с солеными орешками. В середине зала двое японцев в деловых костюмах поют по-английски в микрофон «Миссис Робинсон» — это удивляет и озадачивает Перса. Певцы заканчивают выступление, раскланиваются под аплодисменты публики и возвращаются за столики. И только тут до Перса доходит, что исполнители вполне сносно имитировали гитарный аккомпанемент, не имея в руках инструментов.

Официантка приносит Персу пиво в литровой бутылке, а также большой альбом со словами

песен на разных языках; все песни пронумерованы. Она жестами приглашает его выбрать песню: ткнув пальцем наугад, он попадает в номер 77, «Эй, Джуд!», возвращает альбом и, откинувшись на стуле, ждет, когда ее исполнят двое певцов кабаре. Однако официантка с улыбкой трясет головой и опять сует ему в руки альбом. Потом она что-то кричит бармену и жестами просит Перса встать, непрестанно щебеча по-японски.

— Извините, я не понимаю, — говорит Перс. — Они не могут спеть «Эй, Джуд»? Ничего — пусть споют «Вечер трудного дня», — он указывает на песню под номером 78.

Официантка снова что-то кричит бармену, Перс возвращает ей альбом, но она снова сует его Персу.

— Извините, я не понимаю, — смутившись, повторяет он.

Официантка жестами просит его сесть, расслабиться и не волноваться, а сама подходит к группе посетителей, сидящих в противоположном углу зала. Возвращается она с молодым мужчиной в модной спортивной рубашке и с маленьким стаканчиком чего-то крепкого. Улыбаясь во весь рот, он кланяется Персу.

— Вы американец? Англичанин? — спрашива-

ет он. — Ирландец.

— Ирландец? Это очень интересно. Можно я буду вашим переводчиком? Какую песню вы хотите спеть?

— Да не хочу я петь! — сопротивляется Перс. — Я просто пришел сюда выпить пивка.

Японец, с улыбкой до ушей, присаживается рядом.

— Но вы пришли в караоке-бар, — говорит он. — Здесь все поют.

Перс неуверенно повторяет незнакомое слово: — Караоке — что это значит?

— Буквально «караоке» означает «пустой оркестр». Оркестр у нас обеспечивает бармен, — он жестом указывает на стойку бара, и Перс видит над ней полку с магнитофонными кассетами. — А вы обеспечиваете голос, — он показывает на микрофон.

— Понятно! — смеется Перс, хлопая себя по ляжке. Японец тоже смеется, потом что-то говорит своим соседям по столику, и все смеются.

— Пожалуйста, какую песню вы будете петь? — снова обращается он к Персу.

— Прежде чем я осмелюсь взять в руки микрофон, мне нужно основательно заправиться пивом, — говорит он.

— Я вам подпою, — говорит японец, который явно пропустил уже не один стаканчик. — Мне тоже нравятся песни «Битлз». Пожалуйста, как вас зовут?

— Перс МакГарригл. А вас?

— Акира Саказаки. — Он вынимает из нагрудного кармана визитную карточку и вручает ее Персу. На одной ее стороне написано по-японски, а на другой по-английски. Под именем стоят два адреса, один из них — английской кафедры Токийского университета.

— Теперь понятно, почему вы так хорошо говорите по-английски, — говорит Перс. — Я тоже преподаю в университете.

— Да? — улыбается японец, показывая все свои зубы. — И где вы преподаете?

— В Лимерике. К сожалению, визитной карточки у меня нет.

— Пожалуйста, напишите здесь, — говорит Акира, вынимая ручку и кладя перед Персом бумажную салфетку. — Ваше имя для японца очень трудное.

Перс пишет свое имя, японец забирает у него салфетку, идет с ней к микрофону и объявляет:

— Дамы и господа, профессор Перс МакГарригл из Университетского колледжа в Лимерике сей-

час нам споет «Эй, Джуд!»

— Нет, не споет, — говорит Перс, подавая бармену знак принести еще пива.

Акира переводит слова Перса на японский, зал разражается аплодисментами, и все смотрят на Перса, подбадривая его улыбками. Он сдается.

— В этом альбоме есть песни Боба Дилана? — спрашивает он.

В альбоме оказываются три самые популярные песни: «Барабанщик», «На ветру» и «Леди». Альбом Персу не нужен: он знает песни наизусть и часто поет их под душем, однако под музыку его исполнение заметно выигрывает. Начинает он, слегка нервничая, с «Барабанщика», но потом входит во вкус, весьма похоже имитируя носовой выговор Боба Дилана. Его награждают восторженными аплодисментами. На бис он поет «На ветру» и «Леди»; затем, уступив настойчивым просьбам Акиры, исполняет с ним дуэтом «Эй, Джуд!». Закончив, они передают микрофон молодой японочке, которая поет песню Дайаны Росс «Маленькая любовь», сильно смущаясь, но точно соблюдая ритм.

Акира знакомит Перса со своими друзьями; все они переводчики и раз в месяц собираются в баре, чтобы «наложить за воротник» и «прославиться»

— щеголяет фразеологией улыбчивый японец. Переводчики, за исключением одного, который дремлет в углу, вручают Персу свои визитные карточки. Их ремесло — в основном технический и коммерческий перевод, однако узнав, что Перс преподает литературу, они переходят на соответствующие темы. Японец, сидящий слева от Перса, — он переводит руководства по ремонту и обслуживанию мотоциклов «Хонда» — затевает разговор о том, что недавно видел в театре пьесу Шекспира под названием «Плоть с сердцем не в ладу».

— К сожалению, я такой пьесы у Шекспира не знаю, — вежливо говорит Перс.

— На самом деле это «Венецианский купец», — поясняет Акира.

— Значит, так эта пьеса называется по-японски? — радостно спрашивает Перс.

— Ранние переводы Шекспира были чуточку вольные, — говорит Акира извиняющимся тоном.

— А что хорошего вы еще можете вспомнить?

— Хорошего? — Акира удивленно сморит на Перса.

— Ну, то есть, забавного.

— А! — Акира расплывается в улыбке: он толь-

ко сейчас понял, что название «Плоть с сердцем не в ладу» кому-то может показаться забавным. Он задумывается. — Ну, есть еще «Мечты и страсти преходящей жизни», — говорит он, — это на самом деле…

— Подождите, не подсказывайте, я попробую отгадать, — говорит Перс. — «Антоний и Клеопатра»?

— «Ромео и Джульетта», — говорит Акира. — Или вот: «Меч свободы»…

— «Юлий Цезарь»?

— Правильно.

— Вы знаете, на этом можно построить салонную игру, — говорит Перс. — Можно придумать и другие названия, например… «Тайна пропавшего носового платка» — это «Отелло», или «Грустная история о досрочной отставке» — это «Король Лир». — Он просит официантку повторить заказ.

— Когда я перевожу английские книги, — говорит Акира, — то стараюсь придумать название как можно ближе к оригиналу. Но иногда мне это не удается, особенно если оно похоже на идиому. Например, «Дорога без начала и конца» Рональда Фробишера…

— Вы переводили Рональда Фробишера? — Сейчас я работаю над его романом «Мало постара-

лись». Вы его знаете?

— Знаю! Я имею в виду — писателя.

— Да что вы! Вы знаете мистера Фробишера? Но это замечательно! Расскажите мне о нем! Что он за человек?

— Ну, — говорит Перс, — он очень милый. Хотя довольно вспыльчивый.

— Вспыльчивый? Я такого слова не знаю!

— Это значит, что его легко рассердить.

— Ну конечно! Ведь он когда-то был «сердитым молодым человеком»! — Акира восторженно кивает головой и сообщает друзьям, что его собеседник знаком со знаменитым английским писателем, чью книгу Акира переводит на японский. Перс рассказывает им, как Фробишер отправил в плаванье по Темзе компанию лондонских литераторов, — слушатели слегка разочарованы тем, что корабль не вышел в открытое море и не затонул.

— Вы, наверное, знаете многих английских писателей? — спрашивает Акира.

— Нет, только Фробишера, — отвечает Перс. — А вы, наверное, многих переводите?

— Нет, только Фробишера, — говорит Акира.

— Что ж, говорит Перс, — мир тесен. У вас в японском есть такое выражение?

— Мир узок, — говорит Акира, — мы говорим: мир узок.

В эту минуту пробуждается спавший в углу японец, и его представляют Персу: профессор Мотокацу Умеда, коллега Акиры.

— Он переводит Филипа Сидни, — говорит Акира, — спросите у него другие названия шекспировских пьес.

Профессор Умеда зевает, протирает глаза, выпивает стаканчик виски и по просьбе Перса приводит еще несколько примеров: «Зеркало честности» («Перикл»), «Весло, привыкшее к волне» («Конец — делу венец») и «Цветок в зеркале и Луна на воде» («Комедия ошибок»).

— Последнее название даст сто очков вперед всем прочим! — восклицает Перс. — Оно самое красивое.

— Это устойчивое выражение, — объясняет Акира. — Означает то, что можно видеть, но нельзя поймать.

— Да… — говорит Перс с горечью, вдруг вспомнив об Анжелике. То, что можно видеть, но нельзя поймать. Его веселость быстро исчезает.

— Пожалуйста, — говорит профессор Мотокацу Умеда, предлагая Персу свою визитную карточку, на одной стороне которой написано по-японски,

а на другой по-английски. Перс всматривается в его имя: оно ему смутно о чем-то напоминает.

— Вы случайно не были недавно на конференции в Гонолулу? — спрашивает он.

— Моррис позвонил мне сразу, как только вернулся на виллу, — говорит Дезире. — Сначала он прямо зашелся от благодарности — знаешь, как собачка, которая облизывает хозяина, когда он возвращается домой, — я буквально видела, как он на том конце провода машет хвостиком. Потом, когда он уразумел, что я не платила за него никаких денег, стал говорить гадости (это больше на него похоже), обвинил меня в скупости, черствости и в том, что из-за меня он чуть не лишился жизни.

— Ц-ц-ц, — говорит Элис Кауфман в телефонную трубку, то ли сочувствуя Дезире, то ли облизывая вымазанные шоколадом губы.

— Я ему сказала, что за его освобождение была согласна заплатить сорок тысяч долларов — я даже начала собирать банкноты и складировать их в гостиничном сейфе, и разве я виновата, что похитители вдруг решили освободить его задаром?

— А что, так оно и было?

— Судя по всему, да. То ли они испугались, что их накроет полиция, то ли еще что-то. Кстати,

полиция целиком на моей стороне; они даже считают, что, вступив в торг с похитителями, я подорвала их моральный дух. Местная пресса тоже меня поддержала. «Писательница с железными нервами» — так меня называют в журналах. Я сказала об этом Моррису, но он еще больше рассвирепел… Между прочим, эту историю я помещу в свою книгу. Дивный пример инверсии властных отношений между мужчиной и женщиной, когда мужчина попадает в зависимость от женского кошелька. Впрочем, конец истории я думаю изменить.

— Ага, пусть этот сукин сын умрет в ней собачьей смертью, — говорит Элис Кауфман. — А где он сейчас?

— В Иерусалиме. Там какая-то конференция, и он ее организатор. Еще ему не дает покоя то, что какой-то поганец по имени Говард Рингбаум, которого Моррис намеренно не пригласил на конференцию, воспользовался его отсутствием и добился приглашения от другого организатора. Можно подумать, ему больше не о чем беспокоиться, — а ведь еще совсем недавно он стоял одной ногой в могиле.

— Мужчины есть мужчины, милочка, — говорит Элис Кауфман. — Кстати о птичках, как

продвигается твоя книга?

— Надеюсь, что после этой истории она сдвинется с мертвой точки, — отвечает Дезире.

Как подтвердил Мотокацу Умеда, Анжелика, чей доклад он комментировал в Гонолулу, через Токио намеревалась лететь в Сеул на конференцию по литературной критике и сравнительно-историческому литературоведению — по слухам, туда выманили, пообещав оплатить авиабилеты, немало важных персон из Парижа. Перс, уже и не помышляющий о разумной трате денег, снова помахивает свой волшебной бело-зеленой карточкой и отправляется в Сеул самолетом японской авиакомпании. На борту он встречает еще одного Помощника — в соседнем кресле сидит красивая молодая кореянка; она хлещет водку и дымит «Пэл-Мэлом», словно ее жизнь зависит от того, сколько беспошлинного спиртного и табака успеет она потребить, пока летит в самолете. Водка развязала ей язык, и она объясняет Персу, что едет из Штатов проведать семью и что в последующие две недели ей не видать ни выпивки, ни сигарет.

— Корея только кажется современной страной, — говорит она, — но в сущности она довольно консервативна, особенно в смысле поведения

людей на публике. Представляете, когда я впервые попала в Штаты, то глазам своим не могла поверить: дети грубят родителям, молодежь целуется на людях — наблюдая это, я чуть не падала в обморок. То же касается сигарет и спиртного: у нас, если незамужняя девушка будет курить и выпивать в присутствии старших, они воспримут это как оскорбление. Если бы мои родители узнали, что я не только пью и курю при старших, но и живу с человеком, годящимся мне в отцы, они бы от меня отказались. Так что следующие две недели мне придется изображать благовоспитанную корейскую дочь: не курить, отказываться, если предлагают выпить, и говорить только тогда, когда ко мне обращаются. — Она нажимает кнопку вызова стюардессы и заказывает еще одну порцию водки. — Вообще, родители хотят, чтобы я вернулась домой и вышла замуж за парня, которого они мне подыскали: хотите верьте, хотите нет, но у нас в Корее существует заочное сватовство. Отец не может понять, чем мне не нравится его избранник. «Неужели ты не хочешь выйти замуж, — спрашивает он, — обзавестись хозяйством, рожать детей?» Что мне на это ответить?

— Сказать, что уже помолвлены, — предлагает Перс.

— Но я не помолвлена, — печально говорит девушка. Зовут ее Сонг Ми Ли, и судя по тому, какими именами она небрежно бросается в разговоре, Перс понимает, что в Соединенных Штатах она вращается в высоких академических кругах. Она говорит ему, что конференция по литературной критике и сравнительно — историческому литературоведению скорее всего будет проходить в Корейской академии наук — в специально построенном для этих целей здании за пределами Сеула. Из центра города туда можно добраться на такси, но сначала нужно оговорить с водителем оплату и не давать ему больше семисот вон. После приземления Перс провожает девушку до зала прилета: совершенно трезвая и с застенчивой улыбкой на губах, она машет встречающим ее с букетами родителям, одетым в сшитые на заказ европейские костюмы.

В Корее сезон муссонов, и в Сеуле влажно и душно. Центр города опоясан безликими бетонными пригородами, жители которых, по-видимому, настолько запуганы транспортом, что предпочитают обретаться в подземных лабиринтах — туда же перенесены и сверкающие витринами магазины. Перс добирается на такси до Корейской академии наук: это комплекс зданий

современной постройки в восточном стиле, расположенный у подножья невысоких лесистых холмов. Конференция по литературной критике и сравнительно — историческому литературоведению завершила свою работу — Перс этому уже не удивляется, — и ее участники разъехались; впрочем, кое-кто отправился на экскурсию в южную часть полуострова. Перс садится в поезд, который тащит его через затопленные рисовые поля, чередующиеся с окутанными туманом холмами, — пейзаж хоть и зеленый, но насквозь промокший и безрадостный. Конечный пункт — курортный город Конжу, изобилующий памятниками старины, часовнями и современными отелями, а также известный своим искусственным озером, по которому плавает прогулочный катер из стеклопластика в форме гигантской белой утки; сойдя с него, Перс встречает не Анжелику, но профессора Мишеля Тардьё в компании трех улыбающихся корейских профессоров — все трое при знакомстве называют себя Ким. От француза Перс узнаёт, что Анжелика была на конференции, но на экскурсию не поехала. Кажется, припоминает Тардьё, она отправилась на другую конференцию, в Гонконг.

На календаре середина августа: иерусалим-

ская конференция Морриса Цаппа, посвященная будущему литературной критики, в разгаре. Все ее участники единодушны в том, что такой прекрасной конференции еще не было. Моррис цветет и пахнет. Секрет его успеха очень прост: официальные мероприятия конференции сведены к минимуму. Ежедневно, с утра пораньше, зачитывается один-единственный доклад, другие же распространяются среди участников в ксерокопиях, и остаток дня посвящается «свободному обсуждению» затронутых тем или, другими словами, посещению бассейна в «Хилтоне», осмотру Старого Города, походу за покупками на базар, обедам в ресторанах, а также вылазкам в Иерихон, Иорданскую долину и Галилею.

Таким распорядком недовольны лишь израильские ученые: все они — честолюбивые профессионалы, которые дожидались момента скрестить мечи перед солидным международным сообществом; достопримечательности же Иерусалима и его пригородов их вовсе не интересуют. Однако прочие участники блаженствуют — за исключением Родни Вейнрайта, который до сих пор не дописал своего доклада. Единственный законченный труд в его чемодане — это курсовая работа Сандры Дикс, сданная ему накануне

вылета из Австралии. Ее тема — «Теория культуры в понимании Мэтью Арнольда»; начинается она так:

Как говорит Мэтью Арнольд, культура — это знакомство с людьми, которые лучше всех помогут вам в интересующих вас делах. Мэтью Арнольд был всем известный директор школы, он написал «Школьные годы Тома Брауна» и придумал регби, а также теорию культуры. Если вы не поставите мне за эту курсовую хорошей оценки, я расскажу вашей жене, что в этом семестре мы три раза у вас в кабинете занимались сексом, и во время учебной пожарной тревоги вы оставили меня в комнате, потому что не хотели, чтобы нас видели вместе.

При воспоминании об этой курсовой Родни Вейнрайта бросает то в жар, то в холод. Он без малейших колебаний поставил Сандре высший балл и захватил работу с собой в Израиль, опасаясь, что Беверли или коллеги в его отсутствие случайно наткнутся на нее, роясь в ящиках его стола. Но еще больший ужас охватывает его при мысли о докладе, который застрял на фразе «Вопрос, однако, состоит в том, каким образом литературная критика…» Ах, если бы он закончил доклад вовремя! Тогда бы его размножили

и раздали участникам конференции, и было бы неважно, насколько он убедителен или вообще вразумителен, — никто не читает этих бумажек, и они валяются в мусорных корзинах по всему «Хилтону». Но так как Родни Вейнрайт не закончил доклада и не сдал его Моррису Цаппу по прибытии, то его назначили докладчиком — да, ему оказана высокая честь лично зачитать свой доклад на предпоследнем заседании (об этой отсрочке Родни был вынужден убедительно просить организаторов конференции).

Поэтому неудивительного Родни Вейнрайт не может броситься в вихрь удовольствий, закрутивший участников конференции. В то время, когда они плещутся в бассейне, или выпивают в баре, или бродят по Старому Городу, или едут на экскурсию в автобусе с кондиционером, он сидит в своем номере с опущенными жалюзи и, обливаясь потом, корпит над докладом. А если позволяет себе отлучку, то мучается угрызениями совести. Праздность и беспечность коллег действуют на него угнетающе, и за неделю к докладу не прибавляется ни строчки. По мере того как приближается день публичного позора, Родни Вейнрайт сосредоточивает озлобление на одном — единственном человеке — Филиппе

Лоу. Именно он больше всех раздражает Родни своей щегольской бородкой, визгливой английской интонацией и на редкость сексапильной любовницей. И что она в нем нашла? Наверное, этот Лоу похотлив, как старый козел, и не слезает с нее с утра до ночи: Родни Вейнрайт живет в соседнем номере, и они нередко отвлекают его во время ночного бдения над докладом или в послеполуденный тихий час своими любовными вскриками и стонами, особенно громкими, если прижаться ухом к стенке; когда же он вечером выходит на балкон размять затекшие ноги, то там уже непременно торчит Лоу в обнимку со своей Джой, которая восторгается бликами заката на куполах Старого Города, в то время как он щупает под халатом ее титьки. Однажды утром Родни застал Джой врасплох — она загорала без лифчика на балконе, полагая, что он, как и все, на заседании, — и убедился, что такие титьки не грех и пощупать, хотя они и не столь впечатляющи, как у Сандры Дикс. Впрочем, Сандра Дикс, когда ее щупает Родни, удовольствия совсем не испытывает — тоже касается и прочих эротических номеров: во время секса она демонстративно чавкает жевательной резинкой, а если и нарушает молчание, то лишь для того, чтобы спросить, ско-

ро ли он кончит, И ради этой жалкой подачки он рисковал семьей в Куктаунс! Здесь в Иерусалиме, в преддверии громкого провала Родни Вейнрайт чувствует себя еще более паршиво под аккомпанемент сладострастных вздохов, раздающихся из соседнего номера.

И как этому Лоу все удается? На славу покувыркавшись со своей блондинкой в рассветные часы, он с утра бодрячком бежит окунуться в бассейне, никогда не пропускает докладов, на которых вечно вылезает с вопросами, и первым записывается на все культурные мероприятия. Как будто ему осталось десять дней жизни, и он хочет взять от нее всё, что можно и что нельзя. Не успеют участники конференции вернуться с экскурсии по святым местам — пройти Крестный путь, посетить Храм Гроба Господня или наведаться к Стене плача, — как Филипп уже зазывает народ отведать фаршированных куропаток в арабском ресторане, приютившемся в переулке Старого Города, а после обеда отправляется на такси вместе с Джой и другими любителями повеселиться в дискотеку, которая открыта несмотря на еврейскую субботу. И вот, в то время когда Иерусалим погружается в богобоязненное оцепенение, Филипп Лоу скачет под песни «Би Джиз» в сиянии

дискотечных огней: с его серебристой бородки во все стороны разлетаются капли пота, а глаза прикованы к бюсту Джой, который, в ритме танца, выразительно колышется под легкой блузкой. Родни Вейнрайт все это видит, потому что не удержался и в последний момент тоже прыгнул в такси — вместо того чтобы вернуться в отель и в одиночестве продолжить бдение над докладом; правда, он не резвится, а весь вечер сидит на краю танцевальной площадки и, прикладываясь к чертовски дорогому пиву, тоже не сводит глаз с бюста Джой.

На следующее утро Родни почему-то не слышит, как Филипп, насвистывая, направляется в бассейн, — по-видимому, всевозможные излишества в конце концов дали себя знать. После завтрака он видит Филиппа в холле; тот немного бледнее обычного, Но тем не менее готов к очередной экскурсии, день свободен от доклада, так что все отправляются в поездку на Мертвое море и в Масаду.

Родни Вейнрайт понимает, что должен пропустить экскурсию, потому что на следующее утро назначен его доклад, в котором со времени приезда он ни на йоту ни продвинулся. Ему надлежит закрыться на весь день в гостиничном

номере, поставить перед собой графин холодной воды и завершить начатый текст. Но он как никто другой знает, что и этот день пройдет у него впустую: он будет марать бумагу, рвать ее на куски и отвлекаться на размышления о том, что в это время поделывают другие, особенно Филипп Лоу. И вот Родни Вейнрайт вступает сам против себя в хитроумный заговор: отложить работу на самый последний момент, то есть на сегодняшний вечер, и таким образом заставить себя дописать доклад под давлением неумолимо истекающего срока.

С голубого безоблачного неба полуденное солнце посылает палящие лучи на выжженную до черноты землю. Даже при работающих кондиционерах в автобусе жарко. Когда автобусы остановились у купальни на берегу Мертвого моря, в открытые двери пахнуло зноем, как из мартеновской печи. Переодевшись в купальники, народ заходит в море и пытается плавать, но погрузиться в воду невозможно, как невозможно назвать водой эту теплую и густую, как суп, жидкость, столь щедро приправленную химикалиями, что при попадании в рот она щиплет язык. После купанья израильский профессор Сэм Зингерман приглашает всех обмазаться черной

грязью, наделенной, как утверждается, целебными свойствами. Из всех участников конференции только Филипп Лоу и Джой, а за ними Моррис Цапп и Тельма Рингбаум осмеливаются на эту процедуру и начинают весело обляпывать друг друга черными липкими комьями; грязь быстро высыхает на солнце, делая их похожими на австралийских аборигенов. Затем они обмываются под душем, и Родни с ними за компанию отправляется в баню с горячими источниками — это такое блаженство, что весь автобус вынужден ждать, пока они напарятся, и за задержку больше всех достается (от мужа) Тельме Рингбаум.

В Масаде пекло еще сильнее, хотя, казалось бы, уже некуда. После обеда в столовой самообслуживания — эта форма общественного питания в Израиле пустила глубокие корни — путешественники на фуникулере поднимаются к развалинам крепости, где иудейская армия под водительством Елеазара в 73 году нашей эры, сдавшись римлянам, подписала себе смертный приговор. «Я тоже скорее подпишу себе смертный приговор, чем еще раз наведаюсь сюда», — непочтительно замечает какой-то турист, заходя в кабинку, которую покидает Родни Вейнрайт. Прохладней здесь быть не может: фуникулер поднимает всех еще

ближе к солнцу. От жары туристы еле волочат ноги и уже не в силах поднести к глазам фотоаппараты. Единственное, что всех интересует, — это какой-нибудь клочок тени среди раскаленных камней. Филипп Лоу, взяв Джой за руку, спускается с ней по выбитым в скале ступенькам, которые ведут к укрытой от солнца маленькой смотровой площадке. Стоя у парапета, они окидывают взглядом обширную панораму каменистых холмов и бесплодных долин, и Филипп обнимает Джой за талию. Господи, даже в такую жарищу он не может не думать о сексе, говорит про себя Родни, вытирая со лба пот закатанным рукавом рубашки. Филипп Лоу вдруг оборачивается в его сторону и мрачно сдвигает брови.

— Что, нравится? — говорит он с вызовом.

— А? Что? — испуганно спрашивает Родни Вейнрайт. За все время конференции он не обмолвился с англичанином ни словом.

— Подсматриваешь? Дрочишь? — Филипп! — с укоризной говорит Джой. Родни чувствует, как его по самые уши заливает стыдливым румянцем.

— Не понимаю, о чем вы, — сердито говорит он.

— Мне осточертело, что ты повсюду за нами

таскаешься! — резко говорит Филипп Лоу.

Джой хочет уйти, но Филипп останавливает ее, еще крепче хватая за талию.

— Нет, я хочу объясниться с мистером Вейнрайтом! — говорит он. — Ты сама мне рассказывала, что он подглядывал за тобой в гостинице.

— Верно, — говорит Джой, — но меньше всего мне хотелось бы устраивать здесь сцены.

— Это жара, — говорит Родни, обращаясь к Джой, и стучит себя по лбу — он сам не знает что несет.

— Нет, я прекрасно знаю, что говорю! — отвечает Филипп Лоу. — И я хочу сказать, что ты — извращенец. Вуайерист.

— О! Привет, папик!

Все поворачиваются и видят бронзового от загара молодого человека в джинсах, майке и с серьгой в одном ухе: он попал на площадку с дальней лестницы. Теперь и для Филиппа Лоу настал черед удивляться. Он отскакивает от Джой как ошпаренный.

— Мэтью! — восклицает он. — А ты что здесь делаешь?!

— Работаю в кибуце, — отвечает он. — Приехал сюда автостопом сразу после экзаменов — ты что, забыл?

— Ах да, — говорит Филипп, — конечно.

— Да, отец, похоже у тебя с головой не все в порядке… — говорит Мэтью, с любопытством разглядывая Джой.

— Может, познакомишь нас, Филипп? — спрашивает она.

— Что? Да, разумеется! — откликается Филипп в сильном смущении. — Это мой сын Мэтью. А это э-э-э… миссис Симпсон, она, как и я, принимает участие в конференции.

— Понятно, — говорит Мэтью.

Джой протягивает руку:

— Здравствуй, Мэтью!

— Миссис Симпсон, вам, наверное, лучше вернуться к фуникулеру с мистером Вейнрайтом, — быстро говорит Филипп. — А я пока пообщаюсь с сыном.

У Джой Симпсон такой вид, как будто она неожиданно получила пощечину. Растерянно глядя на Филиппа, она пытается что-то сказать, но потой молча уходит. За нею следом с идиотской улыбкой на лице оправляется Родни Вейнрайт. Нагнав ее у лестницы, он спрашивает:

— Вы хотите сразу спуститься или, может быть, осмотрим музей? — спрашивает он.

— Благодарю вас, я уж как-нибудь сама решу,

что делать, — холодно отвечает она Родни Вейнрайту и пропускает его вперед.

Эпизод на смотровой площадке явно выбил Филиппа Лоу из колеи. Вернувшись в автобус, он во всеуслышание жалуется на озноб и всю дорогу домой сидит с закрытыми глазами и страдальческим выражением лица. Джой без всякого сочувствия молча сидит рядом, спрятав глаза за черными очками. Вечером все участники конференции, переодевшись после душа, собираются в холле, чтобы отправиться на шашлыки к Сэму Зингерману, Филиппа среди них нет. Родни слышит, как Джой Симпсон говорит Моррису, что у Филиппа температура.

— Солнечный удар, что же тут удивительного, — говорит он. — В этой крепости жара как в преисподней. Жаль, что его не будет с нами. А вы-то сами хотите пойти?

— Почему бы и нет, — отвечает Джой. Краем глаза Моррис замечает Родни Вейнрайта, который маячит неподалеку.

— А вы идете, Вейнрайт?

Тоскливо улыбнувшись, Родни отвечает:

— Нет, мне надо просмотреть доклад перед завтрашним выступлением.

И просматривать-то нечего — две с половиной

страницы, горестно думает Родни по дороге к лифту. Он уже не способен радоваться злосчастью Филиппа перед лицом собственной неминуемой казни. Сегодня или никогда. Пан или пропал. Или я прикончу доклад, или он меня. Войдя в номер, он включает настольную лампу, кладет перед собой три замусоленных машинописных страницы и в девяносто четвертый раз перечитывает текст. Что ж, в принципе неплохо. Во вводной части он убедительно и элегантно выходит на главную проблему: «Вопрос, однако, состоит в том, каким образом литературная критика…» А дальше пустота: чистое пространство листа, белое зияние — или черная дыра, поглотившая способность Родни Вейнрайта конструктивно мыслить.

Беда еще вот в чем: воображение Родни Вейнрайта так ярко рисует ему, как завтра с тремя страничками текста он поднимается на кафедру читать пятидесятиминутный доклад, и так ясно дает почувствовать переживаемый при этом ужас, что, он, будто под гипнозом, теряет последнюю способность шевелить мозгами. Он живо представляет себе, как, дойдя до середины третьей страницы, делает паузу, отпивает из стакана воды и оглядывает публику, которая смотрит на него сначала терпеливо, выжидающе и с любо-

пытством, а потом нетерпеливо, раздраженно и с сожалением…

В отчаянии Родни опустошает миниатюрную бутылочку виски из стоящего в номере холодильника и, оживившись, начинает что-то-лишь бы что — писать на фирменной бумаге отеля «Хилтон». Затем, подряд опрокинув в себя бутылочки джина, водки и коньяка, он вдохновляется, и вот уже его ручка птицей летает по бумажному листу. К Родни возвращается оптимизм. Посмеиваясь и не прекращая писать, он скручивает пробки с пузырьков «Бенедиктина», «Куантро» и «Драмбуйе». Он слышит, как с вечеринки возвращается Джой Симпсон и, войдя в номер, закрывает за собой дверь. Родни на минуту прерывает творчество, чтобы приложиться ухом к стенке. В соседнем номере тишина.

— Что, дружище, сегодня не до траха? — радостно кричит он в стену, неверной походкой возвращается к столу и кладет перед собой чистый лист бумаги.

Пробудившись утром, Родни Вейнрайт обнаруживает, что провел ночь сидя за столом. Он с трудом приподнимает голову, которая гудит как пивной котел, и видит вокруг себя полчища пузырьков из-под спиртного и груды бумаги,

покрытой невразумительной тарабарщиной. Одним движением руки он отправляет бутылки и бумагу в мусорную корзину. Затем принимает душ, бреется и тщательно одевается, не забыв нацепить галстук. Потом становится на колени перед кроватью и истово молится. Это единственное, что ему остается делать. Его спасет только чудо: божественное вдохновение, которое позволит ему на ходу измыслить сорокапятиминутное продолжение доклада о будущем литературной критики. Родни Вейнрайт, никогда искренне не веривший в Бога, стоит коленопреклоненный в святом городе Иерусалиме и поочередно возносит молитвы Иегове, Аллаху и Иисусу Христу, умоляя их спасти его от позора.

Доклад назначен на девять тридцать. В девять двадцать пять Родни появляется в конференц-зале. Внешне он кажется спокойным. Единственное, что выдает его волнение, — это приклеенная на лице улыбка. Участники конференции вслух отмечают, какой у него бодрый и веселый вид. Родни раскланивается во все стороны и непрерывно лыбится. От улыбки у него уже сводит скулы, но мышцы лица ему не подчиняются. Моррис Цапп, который председательствует на сегодняшнем заседании, о чем-то тревожно пере-

говаривается с Джой Симпсон. Филиппу Лоу, судя по всему, стало хуже: температура не снижается, заболели суставы и появились приступы удушья. Джой вызвала в номер врача. Моррис Цапп сочувственно трясет головой и озабоченно хмурится. Родни, прислушиваясь к их разговору, одаряет их лучезарной улыбкой. Они в недоумении смотрят на него.

— Я схожу в гостиницу посмотреть, не пришел ли врач, — говорит Джой.

— Так, пора начинать шоу, — говорит Моррис Цапп Родни Вейнрайту.

Моррис представляет Родни, который, сияя улыбкой, сидит среди публики. Потом, все еще скаля зубы, он поднимается на кафедру, вынимает три машинописных листочка, кладет их перед собой и тщательно разглаживает. С трудом скрывая веселость, он приступает к чтению доклада. Публика, отреагировав на его мимику и решив, что доклад будет остроумным, весело хихикает. Родни доходит до третьей страницы, видит разверстую перед ним белую пропасть и расплывается до ушей.

В этот момент в дальнем конце зала начинается какое-то волнение. Родни Вейнрайт поднимает глаза от бумаги: это вернулась Джой Симпсон

и шепотом совещается в заднем ряду с Сэмом Зингерманом. В соседних рядах головы поворачиваются в их сторону; раздаются взволнованные приглушенные голоса. Родни Вейнрайт сбивается и возвращается к началу фразы — своей последней фразы: «Вопрос, однако, состоит в том, каким образом литературная критика…» Гул голосов в аудитории нарастает. Несколько человек покидают зал. Родни замолкает и вопросительно смотрит на Морриса Цаппа, который сердито барабанит ручкой по столу.

— Просьба соблюдать тишину и не мешать доктору Вейнрайту читать доклад.

В заднем ряду поднимается с места Сэм Зингерман.

— Прошу прощения, Моррис, но мы получили тревожное известие: у Филиппа Лоу подозревают «болезнь легионеров».

Где-то в средних рядах одна из участниц конференции вскрикивает и падает в обморок. Все вскакивают — кто с побелевшим от страха, кто с искаженным от злости лицом — и громко требуют внимания. «Болезнь легионеров»! Жуткая и таинственная, еще не познанная медициной чума двадцатого века, которая тремя годами раньше поразила съезд Американского легиона

в гостинице «Бельвю-Стратфорд» в Филадельфии и выкосила шестую часть его участников. Это то, чего опасаются участники любой конференции, это дурная болезнь, возмездие за грех, расплата за увеселительные поездки, проживание в шикарных отелях, вечеринки, потакание собственным слабостям и прочие удовольствия. «Болезнь легионеров»!

— Не знаю как остальные, — говорит сидящий в первом ряду Говард Рингбаум, — а я немедленно съезжаю из отеля. Идем, Тельма.

Тельма Рингбаум не двигается с места, но все уже на ногах, и на выходе из зала образовалась давка. Моррис поворачивается к Родни и разводит руками:

— Кажется, нам придется прервать доклад. Примите мои извинения.

— Что поделаешь? — отзывается Родни Вейнрайт, которому наконец удалось совладать с улыбкой.

— Какое для вас разочарование: столько готовиться — и пожалуйста!

— Что ж… — философски вздыхает Родни Вейнрайт, пожимая плечами.

— Мы могли бы назначить другое время, — говорит Моррис Цапп, вынимая изо рта потухшую

сигару и зажигая ее. — Но сдается мне, что конференция на этом завершилась.

— Мне тоже так кажется, — говорит Родни Вейнрайт, засовывая в папку три машинописных листочка.

К председательскому столу подходит Тельма Рингбаум.

— Моррис, ты тоже думаешь, что у Филиппа «болезнь легионеров»?

— Нет, я думаю, что это солнечный удар, а врач переусердствовал с диагнозом, потому что его визит оплачивает «Шератон».

Тельма Рингбаум непонимающе смотрит на него, затем начинает хихикать.

— Ах, Моррис, — говорит она, — тебе всё шутки. Неужели тебя это совсем не волнует?

— Человеку, который испытал то, что недавно выпало на мою долю, уже нечего бояться, — отвечает Моррис, взмахнув сигарой.

Однако прочие участники конференции так не думают. В течение часа они собираются с багажом в вестибюле отеля в ожидании автобуса, который доставит их в аэропорт. Родни Вейнрайт, циркулируя в толпе, принимает соболезнования по поводу прерванного доклада.

— Что ж, — философски вздыхает он, пожимая

плечами. — А Филипп? — слышит он вопрос Морриса Цаппа, обращенный к Джой Симпсон, которая тоже собралась ехать. — Кто же с ним останется?

— Я не могу пойти на риск, — отвечает она. — У меня дети.

— Значит, вы его бросаете? — удивленно подняв брови, спрашивает Моррис Цапп.

— Нет, я позвонила его жене, — отвечает Джой Симпсон. — Она вылетает первым же рейсом.

Моррис поднимает брови еще выше.

— Вы позвонили Хилари? А хорошо ли это?

— Это Филипп так решил, — говорит Джой Симпсон, — И попросил меня позвонить ей. Что я и сделала.

Моррис Цапп внимательно обследует кончик своей сигары. — Понятно, — говорит он, выдержав паузу.

И тут публика снова оживляется (на часах лишь одиннадцать утра, но для Родни Вейнрайта этот день уже через край переполнен событиями). В вестибюле отеля под неодобрительным взглядом швейцара появляется высокий стройный молодой человек с копной рыжих курчавых волос и обгоревшим от солнца носом на круглом веснушчатом лице. На нем заношенные голубые

джинсы, а в руках — спортивная брезентовая сумка. Он громко приветствует Морриса Цаппа.

— Персик! — восклицает Моррис, обнимая незнакомца и тряся его за плечи. — Как жизнь? Что ты делаешь в Иерусалиме? На конференцию ты опоздал: Филипп Лоу подцепил Черную Смерть, и мы все отсюда сматываемся.

Молодой человек оглядывает вестибюль.

— Анжелика здесь?

— Ал Пабст? Нет, ее здесь нет. А что?

Молодой человек в отчаянье опустил плечи:

— Господи Боже мой! Я был уверен, что уж здесь-то я ее застану!

— Насколько я знаю, она не подавала заявки на участие.

— Тогда это единственная конференция, которую она пропустила, — с горечью говорит молодой человек. — Я преследовал эту девушку по всему свету, я искал ее в Европе, в Америке и в Азии. Я истратил все деньги, и у меня за долги изъяли карточку «Американ экспресс». Чтобы попасть из Гонконга в Аден, мне пришлось устроиться на теплоход матросом. Я на попутках добирался сюда через пустыню и чуть не погиб от жажды. И за все это время, с тех пор как она ускользнула от меня в Раммидже, я ни разу не

видел ее и не слышал ее голоса.

Моррис Цапп задумчиво затягивается сигарой.

— Я и не знал, что тебя так заинтересовала эта девушка говорит он, — но почему ты не мог ей написать?

— Потому что никто не знает, где она живет! Она все время перемещается с одной конференции на другую.

Поразмыслив, Моррис Цапп говорит:

— Не отчаивайся, Персик. Я знаю, что тебе надо сделать: приезжай на следующую конференцию Ассоциации по изучению современного языка. Там собираются все.

— Когда она будет?

— В декабре, в Нью-Йорке.

— Господи Боже мой! — со стоном говорит Перс. — Ждать еще полгода!

Родни Вейнрайт, подавшись вперед, трогает его за руку. — Могу я вас попросить, молодой человек, не упоминать имени Божьего всуе?

Университет Дарлингтона погрузился в летние каникулы. Кампус опустел. В аудиториях тихо, лишь в окна с жужжанием бьются мухи. В профессорских и коридорах безлюдно и пугающе чисто. Комнаты преподавателей заперты, а на кафедрах сидят праздные секретарши: вяжут,

сплетничают и расклеивают по стенам открытки из Корнуолла или с острова Корфу от своих более везучих друзей. Лишь в компьютерном центре ничего не изменилось со времени окончания семестра: там, не меняя поз, сидят двое мужчин — как кошка с мышкой или паук с мухой: один сгорбился за компьютером, другой наблюдает за ним из стеклянного отсека, методично таская из пакета и засовывая в рот хрустящий картофель.

Время, проведенное перед монитором, состарило Робина Демпси: Перс МакГарригл теперь не узнал бы того плотного, широкоплечего и энергичного мужчину, который заговорил с ним на приеме с хересом. Плечи его ссутулились, синий костюм болтается как на вешалке, челюсть не выступает, а отвисает, а маленькие глазки стали еще меньше и ближе к переносице. Атмосфера в помещении словно заряжена электричеством и предвещает грозу. Тишину нарушают лишь щелканье клавиш и хруст картофеля. Не сводя глаз с Робина Демпси, Джош Коллинз комкает пустой пакет и кидает его в мусорную корзину. Теперь в комнате раздается лишь стук по клавиатуре. Джош Коллинз тихо, тайком выходит из-за стеклянной перегородки и на цыпочках крадется к сидящему за монитором и лихорадочно бара-

банящему по клавишам Робину Демпси. Когда Робин перестает печатать, Джош замирает на ходу, но вот он приблизился к монитору настолько, что может прочесть:

Я БОЛЬШЕ ТАК НЕ МОГУ Я ЗАЦИКЛИЛСЯ НА ФИЛИППЕ ЛОУ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В СУТКИ Я ДУМАЮ О ТОМ ЧТО ЕМУ ДОСТАНЕТСЯ ДОЛЖНОСТЬ В ЮНЕСКО МЫСЛЬ ЭТА МНЕ ОТВРАТИТЕЛЬНА НО ОНА ПРЕСЛЕДУЕТ МЕНЯ А ТЕПЕРЬ ВСЕ КАК СГОВОРИЛИСЬ СТОИТ МНЕ НА МИНУТУ ЗАБЫТЬ О НЕМ КАК ТУТ ЖЕ В КАКОМ-НИБУДЬ ЖУРНАЛЕ РАСХВАЛЯТ ЕГО КРЕТИНСКУЮ КНИГУ ИЛИ РАЗРЕКЛАМИРУЮТ ЕЕ С ЦИТАТАМИ И ЕЩЕ СКАЖУТ ЧТО ЭТО НОВОЕ СЛОВО В НАУКЕ А СЕГОДНЯ УТРОМ Я ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО ОТ СЫНА ОН СЕЙЧАС В ИЗРАИЛЕ РАБОТАЕТ В КИБУЦЕ И ОН СКАЗАЛ ЧТО МЭТЬЮ ЭТО СЫН ЛОУ ВСТРЕТИЛ СВОЕГО ПАПАШУ В ОБНИМКУ С ХОРОШЕНЬКОЙ БЛОНДИНКОЙ ОН ТАМ НА КОНФЕРЕНЦИИ В ИЕРУСАЛИМЕ ВОТ ЧТО Я ХОЧУ СКАЗАТЬ У ЛОУ ЕСТЬ ВСЕ И СЛАВА И ЛЮБОВНИЦА И ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО Я ЭТОГО НЕ ВЫНЕСУ Я СХОЖУ С УМА И НЕ ЗНАЮ КАК БЫТЬ

Робин Демпси перестает печатать и, помедлив мгновенье, нажимает клавишу с вопроситель-

ным знаком: «Элиза» моментально отвечает: ЗАСТРЕЛИТЬСЯ.

Робин Демпси, раскрыв рот, немигающими глазами смотрит на экран. Потом его начинает трясти и, заскулив, он прячет лицо в ладонях. Сзади раздается сдавленный смешок: крутанувшись на кресле, Робин видит ухмыляющуюся физиономию Джоша Коллинза. Он переводит взгляд с Джоша на экран и обратно.

— Ты… — задохнувшись, говорит он.

— Шутка, — отвечает Джош, поднимая руки в примиряющем жесте.

— Ты вмешался в работу «Элизы», — говорит Робин Демпси, медленно поднимаясь с кресла.

— Ну ладно, ладно, — пятясь, говорит Джош Коллинз. — Успокойся.

— Это ты заставил «Элизу» сказать, что место в ЮНЕСКО получит Лоу!

— А ты сам меня спровоцировал, — отвечает Джош Коллинз. — Сам и виноват.

С яростным криком Робин Демпси бросается на Джоша Коллинза. Сцепившись, они кружат по комнате, налетая на мебель, потом, сбив друг друга с ног, начинают кататься по полу, громко вопя и изрыгая проклятия. Один из компьютеров, задетый чьим-то коленом, вдруг оживает и на-

чинает извергать рулон распечатки, в который заматываются дерущиеся. Распечатанный текст состоит из одного-единственного, многажды повторенного слова:

ERROR ERROR ERROR

Часть V

1

Американская Ассоциация по изучению современного языка — название не вполне правильное. Эта организация в равной степени имеет отношение и к литературе, а наряду с английским — к другим европейским языкам, которые обычно определяются как «современные». Однако основной костяк ее членов составляют преподаватели английского языка и литературы американских колледжей и университетов. Ассоциация по изучению современного языка (в обиходе — АСЯ) — профессиональный союз, способный влиять на условия занятости, учебный процесс и прочие сферы высшего образования в США. Раз в квартал Ассоциация выпускает свои научные труды — толстый журнал, известный как ТАСЯ, а раз в год — авторитетный библиографический сборник, охватывающий широчайший круг тем, которые входят в ее компетенцию. Однако многие члены АСЯ знают ее (а также любят и ненавидят) прежде всего по ежегодной конференции. И в самом деле, для американского ученого аббревиатура АСЯ в первую очередь означает не Ассоциацию как таковую, не журнал

и библиографический сборник, но именно большое ежегодное сборище ее членов, выпадающее на неделю между Рождеством и Новым годом и проводимое в Нью-Йорке или в другом крупном городе Соединенных Штатов. Его участники — в основном американцы, хотя и не только они: АСЯ располагает средствами, чтобы пригласить на съезд именитых заграничных ученых, а также известных писателей; менее именитым иногда удается выпросить денег на поездку в своем университете, а другие в это время находятся в Америке по программе академического обмена. В последние годы среднее число участников конференции достигает десяти тысяч человек.

АСЯ — мать всех конференций, суперконференция, большое цирковое представление с участием высокоумных филологов. В этом году АСЯ проходит в Нью-Йорке, в двух соседних гигантских отелях — «Хилтоне» и «Американе», которые, впрочем, не могут вместить всех участников, так что им приходится искать пристанища в близлежащих гостиницах или проситься на постой к друзьям и коллегам. Да, это впечатляющее зрелище: десять тысяч честолюбивых, языкастых и непримиримых в конкурентной борьбе ученых жен и мужей сходятся 27 декабря в центре

Манхэттена для встреч и докладов, дискуссий и сплетен, вечеринок, интриг и амуров, а также для того, чтобы наняться на работу или нанять подходящего работника. Ибо АСЯ не только цирковая арена, но и рынок вакансий, где вчерашние выпускники высшей школы подыскивают себе первое в жизни место, а многоопытные труженики науки вынюхивают работенку повыгодней. Во время конференции номер «Хилтона» или «Американы» служит местом не только отдыха и любовных свиданий, но и жестких торгов и суровых собеседований: заведующие кафедрами всех без исключения штатов — от Техаса до Мэна, от Северной и Южной Каролин до Калифорнии — пользуясь моментом, стараются завербовать к себе на службу наиболее яркие таланты. При нынешнем дефиците вакансий предложение значительно превышает спрос, и у иных завкафедрой такие длинные списки приглашенных на собеседование, что они вообще не вылезают из гостиничных номеров. Для них, а также для кандидатов, томящихся под дверью в ожидании вызова на допрос с пристрастием, АСЯ отнюдь не развлечение. Однако для всех прочих это время большого разгула. Особенно если вы получаете удовольствие, слушая доклады или участвуя в

круглых столах на мыслимые и немыслимые темы: «Характерность и достоверность английского, французского и немецкого эпистолярного романа»; «Проблемы смерти, воскресения и искупления греха в романах Пиранделло»; «Древнеанглийские загадки»; «Конкордансы к Уильяму Фолкнеру»; «Немецкий рационализм и иррационализм XVIII века»; «Новый испано-американский роман»; «Лесбийские и феминистские учения»; «Проблемы культурных несоответствий при переводе бранных слов в романах Кортасара, Сендера, Бодлера и Флобера».

В программе конференции (сама брошюра по толщине напоминает телефонный справочник) значится более шестисот различных секций; ежедневно с 8:30 до 10:15 проводится тридцать заседаний — иные из них интересны лишь горстке узких специалистов, а иные, где выступают светила науки, собирают огромные залы. Впрочем, участники конференции — народ непоседливый: они ходят по аудиториям, слушают, пока интересно, задают вопросы и могут встать и уйти посреди доклада, поскольку хотят повсюду успеть, и порою смех или аплодисменты в каком-нибудь зале могут переманить туда публику из соседнего. А если вы утомились от докладов и дискуссий, то

вам предложат другие мероприятия: коктейль, организуемый фракцией лингвистов с нетрадиционной сексуальной ориентацией, или прием, устраиваемый Ассоциацией преподавателей идиша, или платный буфет по поводу заседания, посвященного методологическим проблемам одно — и двуязычной лексикографии, а также ежегодный обед Американского общества Джона Мильтона или Исполнительного совета ассоциации исследователей творчества Боккаччо, встречи литературоведов-марксистов или женщин-германисток, заседания Общества Байрона, или Общества Г. К. Честертона, или Общества Натаниела Готорна, или Общества Уильяма Хэзлитта, или Общества Д. Г. Лоренса, или Общества Джона Апдайка, и многие, многие другие. Или же вы можете просто прийти в вестибюль «Хилтона» и рано или поздно повстречать всех своих коллег по академическому поприщу.

На третий день работы конференции в вестибюле «Хилтона» появляется продрогший на ледяном ветру нью-йоркских улиц Перс МакГарригл — и сразу попадается на глаза Моррису Цаппу.

— Здорово, Персик! Как тебе АСЯ?

— Это… даже не могу подобрать слова!

Моррис Цапп расплывается в довольной улыб-

ке. На нем спортивный пиджак в крупную яркую клетку, а в зубах толстенная сигара. АСЯ для него родная стихия. Ежесекундно к нему подходят, хлопают по плечу, пожимают руку или чмокают в щечку. «Моррис, как жизнь? Над чем сейчас работаешь? Где ты остановился? Давай как-нибудь выпьем пивка, давай пообедаем, давай позавтракаем!» Моррис что-то кричит в ответ, кому-то машет рукой, кого-то целует, кому-то подает знак бровями, делает пометки в ежедневнике и при этом ухитряется давать советы Персу по поводу заседаний — какие нельзя и какие стоит пропустить, — а также интересуется у него, не видел ли он Анжелику Пабст.

— Нет, — удрученно отвечает Перс. — Ее нет в списке участников.

— Это ничего не значит: масса народу присылает заявки после того как программа отправлена в печать.

— Но в справочной мне сказали, что ее нет даже в дополнительном списке, — говорит Перс. — Наверное, она не приехала.

— Не отчаивайся, Персик! Некоторые ловчат и не регистрируются, чтобы не платить взносов.

— Именно так я и сделал, — признается Перс. Он до сих пор не выплатил долгов после кру-

госветного путешествия и с большим трудом достал деньги на поездку в Америку, а как будет добираться домой, пока и не думал.

— Тебе надо походить по тем заседаниям, темы которых были бы для нее интересны. — Я так и делаю.

— А кроме того, обязательно загляни на диспут «О предназначении литературной критики», сегодня в два пятнадцать в большом зале.

— Вы там выступаете?

— Как ты догадался? Это большой сбор, Персик. Вести его будет Артур Кингфишер. Ходят слухи, что на нем он решит, какого кандидата на должность в ЮНЕСКО он поддержит. Там будет и Жак Текстель, чтобы сразу передать в Париж важную новость. Так что у нас состоится нечто похожее на телевизионные дебаты кандидатов в президенты США.

— А кто еще будет выступать?

— Мишель Тардьё, фон Турпиц, Фульвия Моргана и Филипп Лоу.

Перс удивленно спрашивает:

— Что, профессор Лоу уже в вашей лиге? — Нет, сначала пригласили Редьярда Паркинсона, но он опоздал на самолет — только что звонил нам из Лондона. Он, видишь ли, не снизошел до того,

чтобы приехать на конференцию хотя бы днем раньше. Ну, так ему и надо. А Филипп Лоу был здесь на собрании Общества Хэзлитта, вот они и заменили им Паркинсона. Вообще говоря, этот Лоу — везунчик: судьба то и дело подносит ему подарки.

— Так значит, болезнь легионеров у него не подтвердили? — Не-а. Как я и думал, это был солнечный удар. А накануне он читал об этой болезни в журнале «Таймс» и до того испугался, что спровоцировал у себя похожие симптомы. Так что зря Хилари полетела в Израиль, чтобы его выхаживать. Хотя в результате они снова вместе. Филипп решил, что достиг возраста, когда ему больше нужна мать, чем любовница. А может быть, это Джой так решила. Но ты, кажется, Джой не знаешь. — Не знаю, — говорит Перс. — Кто это?

— О, долго рассказывать, а мне нужно перед диспутом собраться с мыслями. Послушай, сегодня организаторы конференции устраивают прием в пентхаусе «Хилтона». Если хочешь туда попасть, зайди ко мне в номер часов в десять, ладно? Комната 956. Чао!

Послушать диспут «О предназначении литературной критики» в Большом зале «Хилтона»

собралась несметная толпа. Более тысячи человек разместилось на плюшевых с позолотой креслах, и сотни зрителей стоят в задних рядах и вдоль стен огромного увешенного канделябрами помещения. Их привлекли сюда не только громкие имена выступающих, но и слухи, что будет назван кандидат на новую должность профессора-литературоведа при ЮНЕСКО. Перс, сидящий в первых рядах и озирающийся в поисках Анжелики, видит позади себя море людских глаз, устремленных в президиум, где сидят пятеро ораторов и ведущий диспута: перед каждым стоит микрофон и стакан с водой. Шум возбужденных голосов отражается эхом от белого с золотом потолка. Наконец, Артур Кингфишер, поджарый, темноглазый, с орлиным носом и седой шевелюрой, постучав карандашом по микрофону, успокаивает публику. Он представляет выступающих: Филипп Лоу, который, к удивлению Перса, сбрил бороду и, похоже, жалеет об этом, поскольку нервно теребит подбородок, словно инвалид, нащупывающий утраченную конечность; Мишель Тардьё, весь в морщинах и с мешками под глазами, на нем поношенная коричневая кожаная куртка, будто выделанная из его собственной кожи; фон Турпиц, с ухмылкой на лице, обрамленном шлемом пепельных волос,

он в черном деловом костюме и белой накрахмаленной рубашке; Фульвия Моргана в эффектном черном бархатном комбинезоне поверх серебристой блузы, ее рыжие волосы удерживает над гордым лбом усыпанная жемчугом бархатная лента; Моррис Цапп в клетчатом спортивном пиджаке и водолазке, во рту у него незажженная толстая сигара.

Первым выступил Филипп Лоу. Он сказал, что предназначение литературной критики — помогать литературе выполнять свое собственное назначение, которое, согласно Сэмуэлю Джонсону, состоит в том, чтобы научить читателя или наслаждаться жизнью, или стоически терпеть ее. Все великие писатели — это люди исключительного ума и проницательности, обладающие глубоким пониманием жизни и человеческой натуры. Их романы, пьесы и стихи — неисчерпаемый источник идей, понятий и образов, которые, при верном их восприятии, позволяют человеку жить более полной, насыщенной и прекрасной жизнью. Однако с течением времени, по мере развития языка и смены литературной моды, эти сокровища уходят под спуд в библиотечные хранилища, покрываются пылью и забываются. И не кто иной, как критик, должен открыть сун-

дуки, сдуть пыль и вынести клад на свет божий. Конечно, ему следует знать свое ремесло, то есть знать историю, филологию, законы жанра и текстологию. Но прежде всего он должен беззаветно любить книгу. Именно эта верная, деятельная любовь критика к книге наводит мосты между великим писателем и читающей публикой,

Мишель Тардьё сказал, что предназначение критики отнюдь, не в бесконечной переоценке великих произведений литературы и не в добавлении новых слов к тому, что уже было сказано и напечатано о «Гамлете», или «Мизантропе», или «Госпоже Бовари», или «Грозовом перевале», но в раскрытии глубинных законов, в соответствии с которыми подобные произведения создаются писателем и воспринимаются читателем. Если литературная критика — это некое знание, то его нельзя основывать на интерпретации, поскольку последняя субъективна, не поддается проверке и в принципе бесконечна. Когда же нам удается абстрагироваться от уводящего нас в сторону текста, открываются неизменные, достоверные, доступные для изучения глубинные структурные принципы и бинарные оппозиции, лежащие в основе всех текстов, как написанных, так и ненаписанных, а именно: парадигма и синтагма,

метафора и метонимия, мимесис и диегесис, ударность и безударность, субъект и объект, культура и натура.

Зигфрид фон Турпиц сказал, что, хотя он приветствует научность подхода своего французского коллеги в определении предназначения литературной критики как в онтологическом, так и в телеологическом аспектах, он вместе с тем хочет подчеркнуть, что попытки вывести подобное определение из формальных признаков художественного объекта как такового обречены на неудачу, поскольку художественные объекты существуют как бы виртуально — до тех пор, пока не реализуются в сознании читателя (при слове «читатель» он стукнул по столу кулаком, затянутым в черную перчатку).

Фульвия Моргана сказала, что предназначение литературной критики — вести непримиримую борьбу с самим понятием «литература», которая есть не что иное, как орудие господствующей буржуазии, фетишистское овеществление так называемых художественных ценностей, которые создаются и развиваются в элитарной образовательной системе исключительно для того, чтобы скрыть отвратительные факты классового угнетения в капиталистическом индустриальном

обществе.

Моррис Цапп повторил более или менее то, о чем доложил на конференции в Раммидже.

Пока все они говорили, Артур Кингфишер хмурился и мрачнел, все ниже и ниже оседал на стуле и под конец выступления Морриса задремал. Очнувшись от забытья, он спросил, есть ли у публики вопросы и замечания. В зале вдоль рядов были расставлены микрофоны, и несколько человек, которые не смогли вписаться ни в одну из секций конференции, воспользовались возможностью произнести заранее подготовленные речи, обличающие литературную критику. Кингфишер зевнул и посмотрел на часы.

— У нас осталось время только на один вопрос, — сказал он.

Перс поднялся и, с таким чувством, будто все это происходит не с ним, вышел в проход и оказался у микрофона прямо напротив президиума.

— Мой вопрос обращен ко всем выступившим, — сказал он. Фон Турпиц, бросив на Перса злобный взгляд, повернулся к Кингфишеру. — Имеет ли право говорить этот человек? — грозно спросил он. — У него нет значка участника конференции! — Артур Кингфишер жестом отмел его возражение.

— О чем вы хотели спросить, юноша? — обратился он к Персу.

— Мне бы хотелось задать этот вопрос каждому из ораторов, — сказал Перс. — Что будет, если с вами все согласятся? — Сказав это, он вернулся на место.

Артур Кингфишер окинул взглядом ораторов, приглашая к выступлению, но те отводили глаза и переглядывались, жестами и мимикой демонстрируя замешательство. «Будет революция», — пробормотала Фульвия Моргана; Филипп Лоу сказал: «Это, скорее, вопрос на публику», — а фон Турпиц добавил: «Дурацкий вопрос». Зал встревоженно загудел, и Артур Кингфишер снова призвал его к порядку, громко постучав карандашом по микрофону. Затем, подавшись вперед, он устремил на Перса пристальный взгляд:

— Участники диспута, судя по всему, не поняли вашего вопроса, сэр. Будьте любезны, сформулируйте его иначе.

Перс снова поднялся и в глубокой, выжидающей тишине прошествовал к микрофону.

— Я хотел бы знать, — сказал он, — что вы будете делать, если с вами все согласятся?

— А! — Узкое костистое лицо Артура Кингфишера озарилось улыбкой, будто сквозь тучи

проглянуло солнце. Он внимательно и с уважением посмотрел на Перса. — Очень хороший вопрос! И очень ин-те-рес-ный! Я не помню, чтобы кто-нибудь когда-либо задавал подобный вопрос. — Он утвердительно кивнул головой самому себе. — Вы, как я понимаю, хотите сказать, что в литературной критике важна не истина, но наличие разных точек зрения. Если вы убедите в своей правоте абсолютно всех, то им придется делать то же самое, что делаете вы, но это никому не принесет удовлетворения. Выигрывая, мы одновременно проигрываем. Вы это хотели сказать?

— Звучит убедительно, — сказал с места Перс. — Но ответа у меня нет, только вопрос.

— И вопрос, должен сказать, замечательный, — усмехнулся Артур Кингфишер. — Благодарю вас, дамы и господа, наше время истекло.

Зал ответил бурными аплодисментами и возбужденным гулом. Люди поднялись с мест и завели оживленные споры, а сидящие в задних рядах залезли на стулья, чтобы разглядеть молодого человека, который смутил претендентов на должность в ЮНЕСКО и пробудил от спячки самого Артура Кингфишера. «Кто это был?» — звучал у всех на устах один и тот же вопрос. Перс, крас-

ный от смущения и пораженный собственной дерзостью, пробирался к выходу, низко опустив голову. В дверях толпа почтительно расступилась, пропуская Перса, и некоторые благоговейно касались его плеча, когда он проходил мимо, — не столько желая поздравить его, сколько надеясь исцелиться или обрести удачу.

Во второй половине дня погода в Нью-Йорке резко изменилась — подобное произошло впервые за всю историю метеорологических наблюдений. Ледяной ветер, залетевший в высотные джунгли Манхэттена прямо из Арктики и кусавший за щеки и пальцы пешеходов и уличных торговцев, вдруг стих и сменился теплым и ласковым бризом. Тучи рассеялись, и выглянуло солнце. Температура круто пошла вверх. Сугробы вдоль тротуаров стали таять и ручейками потекли в сточные канавы. В Центральном парке по деревьям весело запрыгали белки, а влюбленные взяли друг друга за руки без всяких помех вроде толстых перчаток и варежек. В магазинах повысился спрос на солнцезащитные очки. Таксисты уступали на перекрестках дорогу частникам, на автобусных остановках пассажиры обменивались улыбками. Участники конференции АСЯ, которым предстоял переход из «Хилтона» в «Аме-

рикану» и которые в ожидании стужи застегнули на все пуговицы пальто и куртки, с удивлением подставили лица нежному, влажному ветру, распахнули пальто, размотали шарфы и засунули в карманы теплые шерстяные шапки. Пятьдесят девять человек, сознательно исказив цитату из «Ист-Кокера», продекламировали: «Зачем концу декабря нужны приметы и потрясения весны?»[70] чем привели в изумление швейцара из «Американы».

В номере «Хилтона», где Артур Кингфишер и Сонг Ми Ли расположились отдохнуть после диспута, на всю катушку жарит центральное отопление.

— Ну и духота! Открою-ка я окно, — говорит Артур. Сонг Ми Ли сомневается:

— Замерзнем! — говорит она.

— Нет, посмотри какой чудный денек! Люди на улице идут раздетые. — Он пытается совладать с оконными задвижками, которые от редкого употребления плохо поддаются. Наконец окно открывается, и теплый ветер залетает в комнату, раздувая кружевные шторы. — Видишь, как замечательно! От такого воздуха можно опьянеть. Иди

---

[70] Примечания: 70

Поэма Т. С. Элиота. *Пер. А. Сергеева.* В оригинале — «ноября».

сюда, подыши! — Сонг Ми Ли подходит к окну, и Артур Кингфишер обнимает ее за плечи. — Знаешь, что это напоминает? Дни алкиона[71].

— Что это, Артур?

— Оттепель в середине зимы. Наши предки называли ее «дни алкиона» и думали, что в это время зимородок высиживает птенцов. Вспомни Мильтона: «И птицы затишья вьют гнезда на глади морской». Эти птицы-зимородки. А «алкион», Сонг Ми Ли, по-гречески значит «зимородок». Дни алкиона — это дни зимородка. Мои дни[72]. Наши дни. — Сонг Ми Ли склоняет голову ему на плечо и что-то тихонько говорит. Артура Кингфишера вдруг охватывает невыразимая нежность. Он заключает Сонг Ми Ли в объятья и, прижимая к себе ее хрупкое тело, осыпает его поцелуями.

— Скажи, — шепчет он ей, на мгновенье оторвав от нее губы, — тебе понятны мои чувства?

Сонг Ми Ли, улыбаясь сквозь слезы, кивает.

Тем временем в других помещениях, при закры-

---

[71] Примечания: 71

Выражение восходит к «Георгикам» Вергилия, где излагается легенда о превращении в зимородка Алкионы, дочери Эола, вдовы царя Кеика, погибшего в кораблекрушении.

[72] Примечания: 72

Kingfisher — «зимородок». Если поменять местами составные части фамилии Kingfisher, то получится Fisher King, т. е. Король-Рыбак (см. прмеч. на с. 58). Бесплодие Короля-Рыбака излечивается, когда рыцарь Святого Грааля задает «правильный вопрос».

тых окнах и с включенными кондиционерами, конференция АСЯ неумолимо продолжает свой ход. В поисках Анжелики Перс мечется взад и вперед по коридорам, ездит вверх и вниз на лифте. Он побывал на лекциях «Категория времени в современной американской поэзии», «Уильям Блейк: победа над собой» и «Золотой век испанской драмы»; он заглянул на семинары «Переосмысление демона у романтиков», «К теории речевых актов» и «Неоплатоническая иконография». В глубоком разочаровании покинув диспут «Проблемы постмодернизма», он проходит мимо двери, на которой кнопкой пришпилен линованный лист бумаги с написанным от руки названием: «Любовный роман: Дополнительный семинар». Толкнув дверь, он входит в аудиторию.

И видит Анжелику. Она сидит в дальнем конце комнаты и читает с листа доклад. В аудитории примерно двадцать пять слушателей, сидящих по двое-трое в ряду, и три молодых человека за столом рядом с девушкой. Перс тихонько усаживается около двери. Господи, до чего же она прекрасна, несмотря на ученый вид, который запомнился ему еще по конференции в Раммидже. На ней очки в темной тяжелой оправе, строгий пиджак и белая блузка; волосы затянуты в тугой

узел. Подняв глаза от бумаги, она взглянула прямо в лицо Персу, и тот, слыша, как забилось его сердце, робко улыбнулся в ответ. Но она, никоим образом не отреагировав, невозмутимо продолжает читать. Ну конечно, вспомнил он, в этих очках она плохо видит вдаль.

Лишь спустя какое-то время до него дошло, о чем говорит Анжелика.

«Для обозначения сложного взаимоотношения между „внешним“ и „внутренним“ в дискурсивных практиках Жак Деррида ввел понятие „инвагинация“. То, что мы считаем значением текста, или его „внутренним содержанием“, на самом деле есть не что иное, как его внешняя сторона, сложенная на манер кармана. Будучи скрытым от нас, „внутреннее“ становится объектом желания, и в то же время оно пустое — что делает обладание им невозможным. Я хочу позаимствовать этот термин и применить его, несколько переосмыслив, к жанру любовного романа. Если роман-эпопея относится к фаллическому жанру — и с этим трудно не согласиться, — а трагедия как жанр символизирует кастрацию (я полагаю, мы не позволим ввести себя в заблуждение тем фактом, что Эдип ослепил себя, поскольку знаем истинную причину

увечья, нанесенного им самому себе, и не можем не видеть параллели между глазными яблоками и мужскими яичками), то тогда, несомненно, любовный роман следует отнести к жанру, в высшей степени подвергшемуся инвагинации. Ролан Барт доказал наличие близкого сходства между сексом и повествовательным процессом, между плотским наслаждением и тем удовольствием, которое доставляет нам чтение текста. Однако несмотря на собственную сексуальную амбивалентность, Барт развивает эту аналогию исключительно в мужском ключе. Удовольствие, получаемое от чтения классического текста, он уподобляет предваряющему соитие эротическому стимулированию. Последнее заключается в постоянном возбуждении читателя и отсрочивании наивысшего наслаждения, которое он получит, удовлетворив свое любопытство, или разгадав тайну, или убедившись, что добродетель вознаграждена, а порок наказан. Парадоксальность удовольствия, которое дает нам чтение текста, состоит в том, что, согласно Барту, желание „всё узнать“ подталкивает нас вперед, а исполнение этого желания лишает нас наслаждения — так в реальной психосексуальной ситуации обладание объектом желания убивает

желание. Роман-эпопея, как и трагедия, неуклонно ведут нас к тому, что мы неслучайно называем кульминацией, которая равносильна оргазму, и, если продолжить сексуальную метафору, то это, без сомнения, мужской оргазм, то есть однократное, взрывоподобное снятие накопившегося напряжения. Любовный роман, как я хочу показать, структурирован иначе. Его повествование многократно достигает кульминации, и читатель снова, и снова, и снова испытывает удовольствие от текста. Едва герою удастся избежать несчастья, как его уже подстерегает новое; как только он раскроет тайну, тут же возникает другая; вернувшись из странствий, он снова отправляется в путь. Сюжет любовного романа непрестанно сжимается и разжимается, как мышцы влагалища в процессе полового акта, и этот процесс в принципе бесконечен. Величайшие из любовных романов чаще всего не имеют конца — авторы завершают их, попросту исчерпав свои силы; точно так же способность женщины переживать оргазм зависит только от ее физической выносливости. Любовный роман, таким образом, это многократный оргазм».

Перс слушал эту похабщину, льющуюся из прекрасных уст Анжелики, все шире раскрывая глаза

и все гуще заливаясь краской, однако публика в аудитории явно не находила в ее докладе чего-то необычного или возмутительного. Сидящий с нею рядом молодой человек глубокомысленно кивал, перебирал бумажки и делал пометки в блокноте. Еще один, в твидовом пиджаке, тепло поблагодарил Анжелику и спросил, желают ли слушатели задать вопросы.

— Чрезвычайно интересный доклад, не правда ли? — прошептал Персу в ухо женский голос. Оглянувшись, он увидел знакомую седовласую голову.

— Мисс Мейден! И вы тоже здесь!

— Вы же знаете, молодой человек, у меня к конференциям слабость. Но согласитесь, какое замечательное выступление! Если бы его могла слышать Джесси Уэстон!

— Мне в принципе понятно, почему доклад вам понравился, — сказал Перс. — Однако, на мой взгляд, он переходит границы пристойного.

Кто-то из публики в это время спросил Анжелику, не согласится ли она с тем, что роман как жанр появился на свет, после того как эпос совокупился с любовной поэмой.

Анжелика обстоятельно прокомментировала это замечание.

— Вы же знаете, кто она, правда? — прошептал Перс.

— Конечно, знаю, это мисс Пабст, ваша возлюбленная, — ответила мисс Мейден.

— Но я хочу сказать, что вы ее знали еще ребенком.

— Ребенком? — мисс Мейден странно посмотрела на Перса, и на лице ее смешались выжидание и испуг. Один из сидящих рядом с Анжеликой молодых людей спросил:

— Если эпопея — это половой член, трагедия — семенники, а любовный роман — влагалище, то как тогда определить жанр комедии? — Разумеется, как задний проход, — мгновенно ответила Анжелика, сверкнув улыбкой. — Особенно если вспомнить Рабле…

— Помните полуторамесячных девочек-близнецов, которых в 1954 году нашли в самолете? — свистящим шепотом спросил Перс.

— Почему я должна их помнить?

— Потому что это вы нашли их, мисс Мейден. — Он вынул из бумажника сложенную ксерокопию газетной вырезки, присланную ему Германом Пабстом. — Вот: «Близнецы-найденыши на борту голландского самолета», а вот и о вас: «обнаруженные в туалете мисс Сибил Мейден,

преподавателем Гертон-колледжа, Кембридж». Когда я прочел это, меня точно громом поразило.

Такой же эффект вырезка произвела и на мисс Мейден, поскольку, лишившись чувств, она начала валиться со стула. Перс поймал ее у самого пола.

— Помогите! — закричал он.

Все заспешили ему на помощь. К тому времени, когда мисс Мейден пришла в себя, Анжелика исчезла.

Перс в смятении бегал по вестибюлям «Хилтона», наугад садился то в быстрые, то в медленные лифты, обследовал этажи, гоняя по устланным коврами коридорам, прочесывал бары, рестораны и магазины. И примерно через час он нашел ее. Переодетая в свободное платье из красного шелка, с распущенными блестящими волосами, Анжелика стояла на семнадцатом этаже у лифта — того самого, из которого он только что вышел.

На этот раз он действовал без промедления. На этот раз он не был намерен упустить ее. Не говоря ни слова, он сжал ее в объятьях и впился ей в губы долгим и страстным поцелуем. После секундного сопротивления она вдруг обмякла и прижалась к нему, податливо выгибая свое нежное стройное тело. Так они и стояли, будто сросшиеся дерева.

Время остановило свой бег. Где-то рядом открывались и закрывались двери лифта, мимо них проходили люди. Улучив момент, когда вокруг никого не было, Перс отстранил от нее лицо.

— Наконец-то я нашел тебя! — задыхаясь от счастья, сказал он.

— Похоже, да! — выдохнула она. — Я люблю тебя! — крикнул он. — Я хочу тебя! — О'кей! — сказала она, рассмеявшись. — Очень хорошо! Чья комната — твоя или моя?

— У меня нет комнаты, — сказал он.

Повесив снаружи табличку «Просьба не беспокоить», Анжелика заперла дверь изнутри и набросила на нее цепочку. Дело шло к вечеру, и в комнате было темно. Она включила настольную лампу под плотным абажуром и задернула шторы. Шелковое платье с шелестом упало к ее ногам. Выступив из него, он завела руки за спину, чтобы расстегнуть бюстгальтер, и ее груди вылились из него, как мед. Снимая колготки, она нагнулась, и груди ее затрепетали в тусклом золотом свете, и красота их растрогала его до слез. Черный треугольник в развилке ее ног поразил и воспалил его. Он стыдливо отвернулся, чтобы сбросить одежду, но она подошла сзади и провела прохладными нежными пальцами по его торсу,

слегка задев его дерзко вспрянувший член. «Ради бога, не надо, — простонал он, — или я за себя не отвечаю!» Она усмехнулась и за руку повела его к постели. И легла в нее первая, слегка согнув ноги в коленях, и улыбнулась ему агатовыми глазами. Он раскрыл ее бедра, как книгу, и заглянул в расселину, в темную щель, в бездонную глубь, чтобы увидеть заветную цель своих странствий и поисков.

Как и у всех молодых людей, первый любовный опыт Перса МакГарригла был столь же сладостен, сколь и короток. Как только он был подвергнут инвагинации, то сразу и кончил, быстро и бурно. Однако потом, с помощью и при участии Анжелики, он еще дважды достиг кульминации, и всякий раз это было по-новому, а позже, когда у него кончилось семя и осталась лишь упорная сухая эрекция, Анжелика, оседлав его амазонкой, испытала оргазм снова, и снова, и снова, и упала с него без сил. Они раскинулись на постели, тяжело дыша и обливаясь потом.

Перс почувствовал себя постаревшим лет на десять и набравшимся мудрости. И был он воскормлен медом и млеком Рая напоен[73]. Теперь

---

[73] Примечания: 73

Цитата из поэмы С. Т. Колриджа «Кублахан» . *Пер. К. Бальмонта.*

в его жизни все будет иначе. Неужели возможно снова одеться и, выйдя из комнаты, вести себя так, будто ничего между ними и не было? И тогда он подумал, что, наверное, всех влюбленных связывает тайное знание о том, что произошло между ними ночью.

— Теперь ты выйдешь за меня замуж, Анжелика, — сказал он.

— Я не Анжелика, я — Лили, — пробормотала лежащая рядом девушка. Перс, вскочив на четвереньки, навис над ней и уставился ей в лицо.

— Ты шутишь! Не шути так со мной, Анжелика!

Она покачала головой.

— Я серьезно.

— Ты — Анжелика.

— Я — Лили.

Он смотрел и смотрел на нее до рези в глазах. Но весь ужас был в том, что он и в самом деле не знал, то ли это Анжелика, которая лжет ему, то ли это Лили, которая говорит правду.

— Есть только один способ различить нас, — сказала она. — У нас обеих на бедре есть родинка, похожая на запятую. У Анжелики она на левом бедре, а у меня — на правом. — Она повернулась и указала на небольшое пятно на правом бедре,

выделявшееся на фоне загара. Когда мы стоим рядом в купальниках, то похожи на заключенную в кавычки цитату. Ты видел эту родинку у Анжелики?

— Нет, — с горечью сказал он. — Но я слышал о ней. — Он вдруг устыдился своей наготы, скатился с постели и спешно натянул трусы и джинсы. — Но зачем? — спросил он. — Зачем тебе надо было обманывать меня?

— Никогда не могу отказать тому, кто очень сильно этого хочет, — сказала Лили.

— Иными словами, если первый встречный подойдет и поцелует тебя, то ты все бросишь и прыгнешь к нему в постель?

— Возможно. Но я догадалась, кто ты. Анжелика рассказывала мне о тебе. А почему ты так расстроился? По-моему, у нас здорово получилось.

— Я думал, что ты — девушка, которую я люблю, — сказал Перс. — Иначе я не пошел бы на это.

— Что, приберегал себя для Анжелики?

— Может, и так. А ты взяла то, что тебе не принадлежит.

— Знаешь, Перс, ты напрасно тратил время. Анжелика — неисправимая динамо-машина.

— Как ты можешь говорить такое о своей сест-

ре!

— Она этого не отрицает. Как я не отрицаю того, что я по натуре шлюха.

— Я тоже не стал бы этого отрицать, — сказал он с сарказмом. — Правда?

— Да, правда. Достаточно вспомнить, что ты вытворяла в постели.

— По-моему, тебе понравилось.

— Я не сразу сообразил, что к чему. Ни одной порядочной девушке этого и в голову бы не пришло.

— Перс! Не говори так! — с отчаяньем вдруг крикнула она. — А что? — Перс покраснел и тут же побледнел. — Я и в самом деле пошутила. Я — Анжелика! Он бросился к ней в постель.

— Милая, прости меня! Ты восхитительна! — Он осекся. — Почему ты улыбаешься?

— Ты забыл о родинке! — Она игриво пошевелила правым бедром.

— Так ты, значит, все-таки Лили?

— А тебе как кажется, Перс?

Он сел на стул и спрятал лицо в ладонях.

— Мне кажется, что я схожу с ума.

Девушка завернулась в покрывало, села рядом с ним и обняла его за плечи.

— Перс, а мне кажется, что ты вовсе не любишь

Анжелику. Если ты не можешь понять, кого ты сейчас трахнул, Анжелику или меня, то как ты можешь любить ее? Ты влюблен не в Анжелику, а в свою мечту о ней.

— Зачем ты мне это говоришь? — пробормотал он.

— Потому что Анжелика любит другого человека.

Перс отвел руки от лица.

— Кого?

— Одного парня, его зовут Питер. Весной они собираются пожениться. Он доцент в Гарварде. Анжелика говорит, что он очень талантливый. Они познакомились на конференции на Гавайях. Она сейчас ищет работу в Бостоне, и Питер устроил ей выступление на конференции, чтобы она показала товар лицом. Анжелика знает, что ты ее повсюду ищешь, и ей совестно, что она подшутила над тобой в Англии. Она попросила меня деликатно дать тебе понять, что она помолвлена. Я старалась как могла, Перс. Извини, если мне не хватило деликатности.

Перс подошел к окну, раздернул шторы и уставился вниз, на ярко освещенную улицу, на тормозившие у перекрестка машины и автобусы. Прижавшись лбом к холодному стеклу, он

несколько минут молчал. Потом сказал:

— Я хочу есть.

— Вот это другое дело, — сказала Лили. — Я закажу еду в номер. Чего тебе хочется? Перс взглянул на часы.

— Вообще-то я иду на прием. Там и перекушу.

— На прием в пентхаус? Ну, тогда до встречи, — сказала Лили. — Меня берут с собой Питер и Анжелика. Между прочим, это их комната. Я захожу сюда только переодеться.

Перс снял с двери цепочку.

— А Питер знает, чем ты зарабатываешь на жизнь? — спросил он. — Я как-то видел твои фотографии в Амстердаме. И в Лондоне.

— Я с этим покончила, — сказала Лили. — Решила возобновить учебу. Я поступила в Колумбийский университет и теперь живу в Нью-Йорке.

— Скажи, когда ты работала в агентстве «Девушки без границ», — спросил Перс, — тебе не встречалась девушка по имени Бернадетта? Ее сценический псевдоним — Марлен.

С минуту подумав, Лили покачала головой.

— Нет. Это очень большая организация.

— Если она тебе случайно попадется, попроси ее, чтобы она связалась со мной.

Съехав на лифте на девятый этаж, Перс разыс-

кал номер 956. В комнате на кровати сидел Моррис Цапп, грыз орешки, отхлебывал виски и смотрел телевизор.

— Привет, Персик, заходи! — сказал он. — Готов?

— Я бы принял душ, — сказал Перс. — Можно мне воспользоваться вашей ванной?

— Конечно, но сейчас там занято. Посиди пока, выпей чего-нибудь. Да, мудреный вопрос ты нам сегодня задал!

— У меня и в мыслях не было ставить вас в трудное положение, — сказал Перс извиняющимся тоном и налил себе виски. — Сказать по правде, я и сам не знаю, что на меня нашло.

— Ну, ты не переживай. Похоже, Артура Кингфишера совсем не интересовало, о чем я говорю.

— Вас это огорчило? — Перс сел на стул, откуда ему краем глаза был виден телевизионный экран: на нем двое молодых обнаженных людей — точь-в-точь он и Лили — катаясь по постели, исступленно занимались любовью.

— Не-а. Я, знаешь ли, расстался с некоторыми амбициями. С тех пор как я побывал в заложниках, мне стала дорога жизнь как она есть. — Изображение на экране неожиданно сменилось надписью: «Чтобы продолжить просмотр фильма,

наберите цифру 3». За любовной сценой последовал эпизод из ковбойского боевика. — Они бесплатно показывают пятиминутный ролик, чтобы заинтересовать зрителя пояснил Моррис. — А если хочешь увидеть фильм целиком, то нужно позвонить, и они за деньги подключат канал к твоему телевизору.

— Все отпускается в розлив, — покачав головой, сказал Перс. — О, прекрасный новый мир![74]

— Да, в этом городе все можно получить по телефону — китайскую еду, массаж, урок йоги, сеанс акупунктуры. Можно даже послушать непристойности — тариф поминутный, оплата кредитной карточкой. Однако если ты увлекаешься деконструктивизмом, то можешь смотреть подряд бесплатные рекламные ролики как авангардистский фильм. Что касается меня, — заметил он, — то я больше не верю в деконструкцию. Что и постарался показать в своем докладе.

— Значит, каждое декодирование — уже не есть новое кодирование?

— Да нет, это по-прежнему верно. Но отсрочивание в раскрытии смысла не может быть бесконечным, если речь идет о конкретном че-

---

[74] Примечания: 74
Название романа Олдоса Хаксли.

ловеке.

— А мне казалось, что деконструктивисты не принимают в расчет конкретного человека.

— Это так. Однако смерть — это единственное понятие, которое невозможно подвергнуть деконструкции. Исходя из этого, мы придем к старой доброй идее индивидуального человеческого я. Я могу умереть, следовательно, я существую. Я это очень хорошо понял, когда меня пытались подвергнуть деконструкции радикалы-макаронники.

Дверь ванной комнаты распахнулась, и оттуда в облаке душистого пара вышла завернутая в полотенце дама.

— Ой! — воскликнула она, увидев Перса.

— Добрый вечер, миссис Рингбаум, — сказал он, вставая со стула.

— Мы с вами знакомы?

— Мы были вместе на пароходе «Аннабель Ли», где вручали литературные премии.

— Я мало что запомнила из того вечера, — сказала миссис Рингбаум. — Помню только, что Говард подрался с Рональдом Фробишером, а потом пароход поплыл по Темзе.

— Кстати, это Рональд Фробишер отправил его в плавание, — сказал Перс

— Правда? Я сегодня расспрошу его об этом!

— Рональд Фробишер тоже здесь? — удивленно воскликнул Перс

— Все, все здесь! — сказал Моррис Цапп. — Все кого ты знаешь. — Он теперь смотрел по телевизору боксерский матч.

— Все кроме Говарда, — сказала Тельма, скрывшись по пояс в шкафу. — Говард сидит в Иллинойсе: ему пожизненно запретили пользоваться авиационным транспортом, потому что во время полета он пытался склонить стюардессу к занятию сексом.

— Печально, — сказал Перс

— А мне все равно, — хихикнула Тельма. — Я ушла от этого козла и теперь понимаю, что совершила лучший в своей жизни поступок. — Она вынула из шкафа короткое черное платье и приложила к себе, став перед зеркалом. — Милый, мне это идет?

— Очень, — сказал Моррис, не отрывая глаз от экрана телевизора. — Ты в нем просто неотразима.

— Мне в ванной переодеться или молодой человек догадается подождать в коридоре?

— Персик, иди принимай душ, пока Тельма одевается, — сказал Моррис. — Если хочешь по-

бриться, возьми мою электробритву. Кстати, если твою католическую совесть смущает происходящее в этой комнате, то хочу тебе сказать, что мы с Тельмой думаем пожениться.

— Поздравляю, — сказал Перс.

— Наш роман начался в Иерусалиме, — объяснила Тельма, ласково улыбнувшись Моррису. — А Говард был слишком занят, чтобы это заметить: разрабатывал план, как совокупиться со мной в вагончике фуникулера.

Перс помылся, побрился, и на скоростном лифте они втроем поднялись на верхний этаж отеля: там швейцар с ключом проводил их в маленький частный лифт, на котором они добрались до пентхауса. Номер был великолепный, двухуровневый и с огромными окнами, из которых открывались ошеломляющие виды ночного Манхэттена. В комнате было уже полно народа, звенел смех и царило веселье. Всеобщая раскованность подкреплялась шампанским, коего Артур Кингфишер пожаловал двенадцать ящиков: вино лилось рекой и кружило ученые головы.

— Наверное, будем отмечать что-то важное, — заметил Рональд Фробишер, поставив рядом с собой один из ящиков. Он налил Персу шампанского и представил его худенькой остроглазой

женщине, одетой в зеленый брючный костюм. — Это Дезире Бирд, секция 409, «Новые направления женской прозы», — сказал он. — А я — секция 351, «Традиции и новаторство в послевоенной британской литературе». Строго говоря, я представляю лишь традиции. Мы вот тут говорили о том, как неожиданно сегодня переменилась погода.

— К сожалению, я этого не заметил, — сказал Перс. — Во второй половине дня я не выходил на улицу.

— Это было удивительно! — сказала Дезире Бирд. — Я сидела у своего агента, где мы обсуждали мою новую книгу. Я ее кончаю, но совершенно разуверилась в том, что пишу, и потому настроение у меня было хуже некуда. Так что я сказала Элиа послушай, какая я к черту писательница. «Критические дни» — не книга, а надувательство, а эта — вообще чушь несусветная. — А она говорит мне: ну, зачем ты так, а я говорю: нет, ты послушай, что я тебе сейчас прочту, и ты сама во всем убедишься. А она говорит: хорошо, только я сначала открою окно, а то что-то жарко. И она распахивает окно — представьте себе: в середине зимы, на Манхэттене, безумие какое-то, и вдруг в комнату врывается теплый ласковый ветер,

и я начинаю читать отрывки из книги. И через пару страниц я говорю: это не так уж плохо. А Элис говорит: это просто замечательно! Тогда я говорю: это не характерный пример, ты дальше послушай. И я продолжаю читать. А когда я закончила, она сказала: это потрясающе, и я сказала: может, и вправду ничего. Короче, нетрудно догадаться, чем это кончилось: я пыталась найти страницу похуже, а Элис нравилось все больше и больше, так что мне самой стало казаться, что «Мужчины» не такая уж дрянная книга.

— Замечательно, — сказал Рональд Фробишер. — И со мной случилось нечто подобное. В это же самое время я сидел на Вашингтон-сквер, грелся на солнышке и размышлял о Генри Джеймсе. И вдруг мне в голову пришла первая фраза романа.

— Какого романа? — спросила Дезире.

— Моего будущего романа, — сказал Рональд Фробишер. — Я собираюсь писать роман.

— О чем?

— Пока не знаю, но я почувствовал, что ко мне вернулся мой стиль. Я сразу это понял по ритму фразы.

— Кстати, — сказал Перс, — этим летом я познакомился с вашим японским переводчиком.

— С Акирой Саказаки? Он только что прислал

мне экземпляр «Мало постарались» в своем переводе. Книжка похожа на молитвенник для невесты: переплет белый, а внутри розовая шелковая закладка. — Он подлил Персу шампанского.

— Мне надо сначала чего-нибудь съесть, а потом уж пить, — сказал Перс. — Прошу прощения.

Перс подошел к длинному столу, чтобы угоститься деликатесами. Вдруг через его плечо длинная рука в сером, не слишком чистом рукаве, выхватила у него из-под носа последний кусок копченой семги. Перс возмущенно оглянулся и увидел Феликса Скиннера. Осклабившись и показав желтые клыки, тот сказал:

— Извини, старик, ради семги я ни перед чем не остановлюсь. — Он положил рыбу на тарелку, доверху наполненную всевозможными закусками, и спросил: — Что ты делаешь на конференции?

— Я тоже могу задать вам тот же вопрос, — холодно сказал Перс.

— Что я делаю? Выискиваю таланты, изучаю рынок. Кстати, ты получил мое письмо? — Нет, — сказал Перс. Феликс Скиннер вздохнул.

— Опять эта Глория, придется ее уволить… Так вот, мы еще раз обдумали твое предложение и все-таки решили заказать тебе книгу.

— Отлично! — воскликнул Перс. — Мне полагается аванс?

— Да, — ответил Феликс Скиннер. — Правда, небольшой, — добавил он осторожно.

— Можно мне получить его прямо сейчас?

— Сейчас? Здесь? — опешил Феликс Скиннер. — Мы такого не практикуем. Сначала нужно подписать контракт.

— Мне нужно двести долларов, чтобы вернуться в Лондон, — сказал Перс.

— Столько, пожалуй, я могу тебе ссудить, — недовольно сказал Феликс Скиннер. — Утром я как раз побывал в банке. — Он вынул из бумажника две сотенные банкноты и вручил их Персу.

— Премного благодарен, — сказал Перс. — Ваше здоровье. — Он осушил бокал, и стоящий поблизости невысокий темноволосый мужчина с бутылкой в руке рассеянно подлил ему шампанского — он был занят разговором с высоким темноволосым мужчиной с трубкой во рту. — Если я возьму себе Восточную Европу, — сказал высокий, то ты можешь взять остальной мир. Но даже тогда, мне кажется, нас будут путать.

— Это тоже издатели? — шепотом спросил Перс

— Нет, писатели, — сказал Феликс Скиннер. —

А! Редьярд! — закричал он, приветствуя вновь прибывшего. — Добрались-таки наконец! Это — юный МакГарригл, вы, наверное, знакомы. Какая досада, что вас не было на диспуте! Почему вы опоздали?

— Возмутительный инцидент, — объяснил Паркинсон, распушив бакенбарды и от этого став похожим на рассерженного бабуина. — Я проходил паспортный контроль в Хитроу, и уже опаздывал, потому что на таможне какая-то нахальная девица долго ко мне придиралась, как вдруг меня схватили двое головорезов, грубо обыскали и подвергли унизительному допросу. В результате самолет улетел без меня.

— Боже мой, но почему они выбрали именно вас? — спросил Феликс Скиннер.

— Потом они мне сказали, что приняли меня за подозреваемого. Но я так этого не оставлю! Я что, похож на контрабандиста? Я буду жаловаться. И, скорее всего, подам на них в суд.

— Да, все это очень неприятно, — сказал Феликс Скиннер. — Но стоило ли приезжать, когда все уже кончилось?

Паркинсон пробормотал, что намерен кое с кем повидаться — с Кингфишером, Текстелем из ЮНЕСКО и еще с кем-то. Перс его уже не слушал.

При упоминании Хитроу перед его мысленным взором возникло лицо Шерил Саммерби, роняющей слезы на расписание авиарейсов. И тут его словно молнией ударило — Шерил любит его! А безрассудная страсть к Анжелике ослепила его, не позволила оценить ее чувства. От осознания этой мысли Шерил в воображении Перса стала бесконечно прекрасной и желанной. Он немедленно должен найти ее! Он обнимет ее, вытрет ей слезы и шепнет на ухо, что тоже любит ее. Расплескивая шампанское, он отошел от Паркинсона и Скиннера и тут же столкнулся лицом к лицу с Анжеликой и Лили — между ними стоял молодой человек в твидовом пиджаке, тот самый, что вел семинар по любовному роману. Лили Перс определил по красному шелковому платью. На Анжелике был все тот же строгий черный пиджак и белая блузка.

— Привет, Перс, — сказала она. — Я хочу представить вам своего жениха.

— Рад с вами познакомиться, — улыбнулся молодой человек, — Питер МакГарригл.

— Нет, я — Перс МакГарригл, — сказал Перс — А вы Питер — как вас…

— МакГарригл, — рассмеялся молодой человек. — Мы с вами однофамильцы. Не исключено,

что дальние родственники.

— Вы не из оксфордского Колледжа Святой Троицы? — спросил Перс.

— Именно оттуда.

— Вы знаете, так получилось, что меня по ошибке взяли вместо вас на работу, — сказал Перс. — Когда меня вызвали на собеседование в Лимерик, они думали, что это вы. С тех пор это камнем лежит на моей совести.

— Но тем самым вы оказали мне величайшую услугу! — сказал Питер. — В результате я приехал в Штаты и неплохо здесь преуспел. — Он с нежностью взглянул на Анжелику, и та в ответ сжала его локоть.

— Вы не в обиде на меня, Перс? — спросила она.

— Нет.

— Мне сказали, что вы слушали мой доклад. Что вы о нем думаете? — Она озабоченно взглянула на него, будто его мнение было для нее важно.

От ответа его спас стук по столу. Шум голосов затих. К публике обратился с речью мужчина в элегантном светло-сером костюме, стоящий на лестнице между двумя уровнями пентхауса.

— Кто это? — спросил Феликс Скиннер. — Жак Текстель, — прошептал ему на ухо Редьярд Пар-

кинсон.

— Как все вы, наверное, знаете, — сказал Жак Текстель, — в ЮНЕСКО вводится новая должность профессора-литературоведа, и для вас также не секрет, что мы попросили Артура Кингфишера, главнейшего авторитета в этой области, предложить кандидатуру на этот пост. И сегодня, уважаемые дамы и господа, мне приятно сообщить вам… — Текстель сделал паузу, и Перс обвел глазами комнату, замечая в толпе застывшие в напряженном ожидании лица Морриса Цаппа, Филиппа Лоу, Мишеля Тардьё, Фульвии Морганы и Зигфрида фон Турпица, — о том, что Артур Кингфишер изъявил желание прервать заслуженный отдых и лично занять эту должность.

Толпа дружно ахнула и разразилась аплодисментами, сквозь которые послышались и разочарованные возгласы, и злобные реплики в адрес Кингфишера.

— Разумеется, последнее слово останется за комиссией по назначению, председателем которой я являюсь. Но я буду весьма удивлен, если профессору Кингфишеру неожиданно найдется серьезный конкурент.

Публика снова захлопала. Артур Кингфишер, стоя на лестнице чуть ниже Текстеля, поднял в

приветствии руки.

— Благодарю вас, дорогие друзья, — сказал он. — Разумеется, кое-кто может удивиться тому, что консультант выдвигает на пост собственную кандидатуру. Должен признаться: я согласился стать консультантом, решив, что мой творческий путь окончен. Но сегодня я чувствую возрождение жизненных сил, которые я и хочу отдать на службу международного академического сообщества и сделать это под эгидой такой уважаемой организации, как ЮНЕСКО. Тем своим коллегам, которые считают, что не менее достойны этой должности, я хочу сказать, что через три года они снова смогут вступить в драку за это тепленькое местечко. — Публика приветствовала Кингфишера аплодисментами и смехом. — И наконец, я хочу поделиться с вами своей особой радостью. Сонг Ми? — Артур Кингфишер, протянув руку, помог ей подняться на ступеньки. — Сегодня, уважаемые дамы и господа, эта прекрасная молодая женщина, которая долгие годы была моей спутницей и секретаршей, согласилась выйти за меня замуж. — В толпе послышались одобрительные восклицания, крики, свист и аплодисменты. Артур Кингфишер расплывается в счастливой улыбке. Сонг Ми Ли застенчиво улыбается. Он

целует ее. Еще один взрыв аплодисментов.

Но кто эта хрупкая седовласая дама, которая смело выходит из толпы навстречу великому теоретику литературы?

— Прими мои поздравления, Артур! — говорит она.

Кингфишер пристально смотрит на нее, в глазах его мелькает узнавание, и он отскакивает назад.

— Сибил! — в изумлении восклицает он. — Как ты сюда попала? Где ты была все эти годы?! Я, наверное, лет тридцать тебя не…

— Двадцать семь лет, Артур, — говорит она. — Столько же, сколько лет нашим дочерям.

— Дочерям — каким дочерям? — спрашивает Артур Кингфишер, нервно пытаясь ослабить узел галстука.

— Вот этим прелестным близнецам! — Она простирает руку в направлении Анжелики и Лили, которые обмениваются удивленными взглядами. Публика приходит в смятение.

Перекрывая гул толпы, Сибил Мейден говорит: «Да! Вспомни, Артур, как ты сорвал мой запоздалый девичий цвет во время летней школы в Колорадо в пятьдесят третьем году. Я тогда думала, что уже не способна зачать ребенка, но вышло

иначе». Публика затихла и вся превратилась в слух, чтобы не упустить ни слова из этой поразительной истории. «Через несколько недель после того, как мы расстались, я поняла, что беременна, — я, добропорядочная старая дева, преподаватель кембриджского Гертон-колледжа, забеременела от женатого человека, ведь твоя жена была тогда жива, Артур. И мне ничего не оставалось, как скрыть свой позор. К счастью, в тот год я была в Америке в творческом отпуске. И вот, вместо того чтобы заниматься наукой в Массачусетсе, я уехала в глушь, в Нью-Мексико. Весной пятьдесят четвертого года я родила девочек-близнецов и в кожаном саквояже тайком пронесла их на борт голландского самолета; мне пришлось лететь первым классом, чтобы взять в кабину багаж — в те времена его не досматривали и не просвечивали, — и при первой же возможности я оставила малышек в туалете, а потом сразу же заявила о своей находке. Естественно, никому и в голову прийти не могло, что я, респектабельная сорокашестилетняя старая дева, могу быть их матерью. Все эти годы, мучаясь виной, я носила в себе эту тайну. И тщетно пыталась забыться в работе и путешествиях. Однако в конце концов странствия привели меня к встрече с мо-

ими взрослыми дочерьми. Девочки мои родные! Сможете ли вы простить свою мать за то, что она бросила вас?» Сибил Мейден жалобно смотрит в сторону Анжелики и Лили; девушки бросаются к ней и подводят ее к Артуру Кингфишеру. «Мама! Папа! Девочки мои! Мои доченьки!» Бедную Сонг Ми Ли в ажиотаже оттеснили, но Анжелика, протянув руку, возвращает ее в семейный круг. «Наша вторая мачеха!» — говорит она, обнимая кореянку.

И все в комнате обнимаются, плачут, смеются, что-то кричат. Дезире и Моррис Цапп целуют друг друга в щеку. Рональд Фробишер пожимает руку Редьярду Паркинсону. Лишь Зигфрид фон Турпиц недоволен и зол. Перс трогает его за руку.

— Я на вас не в обиде, — говорит он, — издательство «Леки, Уиндраш и Бернштейн» все-таки решило издать мою книгу.

Немец пытается силой вырвать у него руку, но Перс продолжает энергично трясти ее, и вот черная перчатка слетает с нее, обнажая совершенно нормальную и здоровую на вид кисть. Фон Турпиц бледнеет, бурчит что-то под нос, весь как-то съеживается и, спрятав руку в карман, выскальзывает из комнаты. И с тех пор больше не появляется на международных конференциях.

Лили подходит к Персу.

— Мы собираемся пойти потанцевать, — говорит она. — Пойдешь с нами?

— Нет, спасибо, — отвечает Перс.

— Если хочешь, мы можем вернуться в номер, — говорит она. — Ты и я.

— Спасибо, — говорит Перс. — Мне пора в путь.

И через несколько минут он покинул вечеринку одновременно с Филиппом Лоу. В глазах у англичанина блестела слеза.

— Я по себе знаю, каково обнаружить, что у тебя есть ребенок, о существовании которого ты не подозревал, — сказал он Персу, пока они ждали лифта. — Но своего ребенка я снова потерял. — Двери лифта открылись, и они вошли внутрь.

— Как это случилось?

— Это долгая история, — сказал Филипп Лоу. — Но суть в том, что в роли героя-любовника я провалился. Я не думал, что стар для нее. Но в решающий момент я дал слабину.

— Сочувствую, — сказал Перс.

— Я оказался недостоин той женщины.

— Джой?

— Да, ее, — вздохнув, ответил Филипп, даже не удивившись, что Персу знакомо ее имя. — Она прислала рождественскую открытку, где пишет,

что выходит замуж. Хилари спросила: «Джой? У нас есть знакомая по имени Джой?» Я сказал: «Кажется, мы познакомились в одну из моих поездок».

— Хилари — это ваша жена?

— Да. Работает консультантом по вопросам семьи и брака. У нее это здорово получается. Она помогла Демпси восстановить семью. Вы помните Робина Демпси? Он был на конференции в Раммидже.

— Я рад это слышать, — сказал Перс. — Тогда, в Раммидже, у него был не самый счастливый вид.

— Я слышал, что этим летом он пережил сильное нервное расстройство. И Дженет его пожалела. А вот и мой этаж. Всего доброго.

— До свиданья.

И пока не закрылись двери лифта, Перс смотрел, как Филипп, пошатываясь то ли от усталости, то ли от шампанского, медленно идет по коридору.

Перс вышел из вестибюля «Хилтона» в морозную ночь. Оттепели будто и не было: по улицам Манхэттена дул промозглый, пронизывающий до костей ветер. Перс зашагал по направлению к гостинице YMCA. К нему устремился, не касаясь земли, темнокожий юноша, но то, что Перс принял за котурны с крылышками, оказалось

роликовыми коньками, а шлем на голове — шерстяной шапкой с надетыми под ней наушниками. Наслышавшись об уличных нью-йоркских грабежах и вспомнив, что у него в кармане двести долларов, Перс остановился и приготовился к обороне. Однако у молодого человека намерения были самые дружеские. Он улыбался самому себе и закатывал глаза, движения его были грациозны и ритмичны, и его приближение к Персу несколько замедлилось из-за попутно исполняемых на тротуаре па и арабесок. Персу стало понятно, что юноша вытанцовывает под неслышную ему музыку в наушниках. В руках у него была пачка листовок, и, проезжая мимо Перса, он ловко сунул одну из них ему в руку. Остановившись у витрины магазина, Перс прочел напечатанный на ней текст.

Тебе одиноко? Надоел телевизор? Хочется развлечении: Мы поможем тебе! — провозглашала листовка. — *Агентство «Девушки без границ» предлагает широкий комплекс услуг гостям Нью-Йорка. Эскорт-услуги, массаж, партнерши по играм. Загляни в наш клуб «Райский остров»! Прими джакузи с тем, кто тебе по вкусу. Насладись расслабляющим массажем. Тряхни чем можешь на нудистской дискотеке. Неохота выходить из*

гостиницы? Наша массажистка придет к тебе в номер. Или хочешь послушать соблазнительные речи, чтобы хорошенько… заснуть? Позвони по телефону 74321 и поделись с нами самыми дерзкими своими мечтами…

Перс бегом вернулся в вестибюль «Хилтона» и бросил монету в ближайший телефон-автомат. Набрав номер, он услышал безучастный женский голос: «Привет, шалун, это Марлен. Ну, что скажешь?»

— Бернадетта, — сказал Перс, — у меня для тебя есть важные новости.

В последний день уходящего года, прилетев из Америки на британском реактивном лайнере, Перс МакГарригл приземлился в Лондоне в аэропорту Хитроу. Не имея при себе багажа кроме потрепанной брезентовой сумки, он первым прошел таможенный и паспортный контроль. И сразу направился в справочную службу компании «Бритиш эйруэйз». Вместо Шерил за стойкой сидела другая девушка.

— Добрый день, — сказала она могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Очень даже можете, — ответил Перс. — Я ищу девушку по имени Шерил. Шерил Саммерби. Она работает в компании «Бритиш Эйруэйз». Вы

не подскажете, где я могу ее найти?

— К сожалению, на такие вопросы мы не отвечаем, — сказала девушка.

— Ну, пожалуйста, — сказал Перс, вложив в свою просьбу весь жар любовного нетерпения. — Это крайне для меня важно. Девушка вздохнула.

— Хорошо, сейчас попробую, — сказала она и, набрав какой-то номер, замолчала в ожидании ответа. — Привет, Фрэнк, — сказала она, — не знаешь, Шерил Саммерби сегодня в утреннюю смену? А? *Что?* Нет, не слышала. Надо же… Не знаешь? Ну ладно. Да нет, ничего. Пока. — Положив трубку, она с любопытством и не без сожаления взглянула на Перса. — Вы знаете, ее вчера уволили, — сказала девушка.

— Что?! — воскликнул Перс? — За что ее уволили?

Девушка пожала плечами.

— Кажется, она пыталась свести счеты с каким-то строптивым пассажиром и пометила его посадочный талон, чтобы его обыскали как контрабандиста. Мальчики на таможне не очень ласково с ним обошлись, и он пожаловался руководству.

— Где она теперь? Как мне узнать ее адрес?

— Фрэнк сказал, что она уехала за границу.

— Заграницу?

— Она заявила, что работа ей надоела и она рада возможности попутешествовать. Она специально для этого копила деньги. Так сказал Фрэнк.

— Она не сказала, куда собирается ехать?

— Нет, — ответила девушка. — Не сказала. Могу ли я вам чем-нибудь помочь? — обратилась она к следующему клиенту.

Перс медленно отошел от стойки справочной службы и, сунув руки в карманы, встал перед огромным электронном табло, на котором были объявлены вылетающие рейсы. Нью-Йорк, Оттава, Иоганнесбург, Каир, Найроби, Москва, Бангкок, Веллингтон, Мехико, Буэнос-Айрес, Багдад, Калькутта, Сидней… Маршруты предновогоднего дня заняли четыре колонки. Каждые несколько минут табло оживало, и перед его глазами мелькали и щелкали, как фишки механической лотереи или географического игрового автомата, все новые и новые названия. На поверхность электронного табло, как на экран кинотеатра, Перс спроецировал запомнившийся ему образ Шерил — ее золотистые волосы, ее гарцующую походку, ее голубые раскосые глаза — и стал думать, в каком уголке огромного мира, который на самом деле так тесен, он должен

начать ее поиски.

Дэвид Лодж

Мир тесен

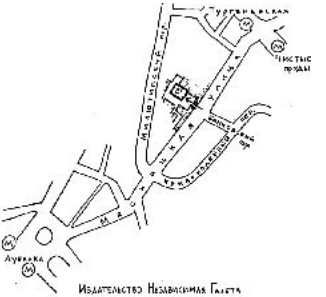
Академический роман

Маркетинг Татьяна Киселева
Менеджеры Ольга Орлова, Юлия Козлова
Ответственный за выпуск Виктор Обухов
Редактор Петр Ворсанов
Корректор Маргарита Григорян
Художественное оформление
Софья Шаховская, Алексей Касьян
Компьютерная верстка Алексей Касьян

ЛР № 071895 от 09.06.99.
Подписано в печать 08.07.04. Формат 84×108/32.
Бум. офсет № 1. Гарнитура Minion.
Печать высокая. Тираж 5000 экз.
Заказ № 0409260.

Издательство Независимая Газета.
101000, Москва, ул. Мясницкая, 13.
E-mail: ngbooks@ng.ru
Наши книги в Интернете:
www.petropol.com, www.esterum.com

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97



Издательство Независимая Газета